ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 2-3

ФЕВРАЛЬ — МАРТ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1930

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ—МАРТ № 2—3 1930

СОДЕРЖАНИЕ.

И. В. Сталин.

(К 50-летию со дня рождения).

Ст. Кривцов.

> Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего.
>
> Сталин. Реплика Преображенскому на VI с'езде.

I.

В статье «Ленин как организатор и вождь РКП», написанной к 50-летию со дня рождения В. И. Ленина, И. В. Сталин останавливается на двух группах марксистов. Одна «свою деятельность основывает не на опыте, не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей. Расхождение слова с делом — такова основная болезнь этой группы... Имя этой группы меньшевизм» (стр. 3—4). «Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь... Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности она опирается не на цитаты, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках, и уча других строительству новой жизни. Этим, собственно, и об'ясняется, что в деятельности этой группы слово не расходится с делом, и учение Маркса сохраняет полностью свою живую революционную силу. К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых

марксисты не могут останавливаться на том, чтобы об'яснить мир, иттти дальше, чтобы изменить его. Имя этой группы большевизм. Вождем и организатором этой группы является В. И. Ленин.

Как Ленин явился лучшим учеником и продолжателем дела гельса, развивая и продвигая дальше теорию научного коммун в нее новое, свойственное своей эпохе, так и Сталин является учеником и продолжателем дела Ленина. Останавливаясь в своей теоретической работе «Об основах ленинизма» на стиле в работе нина, Сталин указывает на создание целой плеяды непосредствен ков В. И. в работе и первым среди них является он сам.

Лучшая проверка пригодности того или иного человека иной работы — это проверка его на практике. Посмотрим же, ли сам Сталин те требования, которые он пред'являет к вожд пролетарской борьбы. «Основы ленинизма» имеют особую «Стратегия и тактика», из которой мы и извлечем эти требов всего, что такое стратегия и тактика? «Стратегия и тактика есть наука о руководстве революционной борьбой пролетариата» В частности, «стратегия есть определение направления главного летариата на основе данного этапа революции, выработка соотв плана расположения революционных сил (главных и второстеп вов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении борьбы» (Там же, стр. 137). «Стратегия имеет дело с основ революции и их резервами. Она меняется в связи с переходом одного этапа к другому, оставаясь в основном без изменений риод данного этапа» (стр. 138).

Какие же требования надо пред'являть к тому, кто хочет жет быть стратегом пролетарской борьбы? Ведь именно после этих требований и проверки их на практике мы и сможем сказ ный товарищ может, а значит и должен, быть вождем, стратегом ской борьбы.

«Основы ленинизма» дают ответ на это в следующих фор (стр. 141 и сл.): «Во-первых, сосредоточение главных сил рево шающий момент на наиболее уязвимом для противника пункте». можно только при наличии правильной перспективы, вытекающе направления главного удара. Нарушение этого приводит к поте тивы, к политике «дальнего прицела». Именно об этой основн ческой установке и говорит Сталин. «Вот почему я думаю, что о возможности победы социализма в нашей стране имеют чение, ибо в этих спорах куется и определяется решение вопр пективах нашей работы, о классовых целях этой работы, об осн новке этой работы на ближайший период. Вот почему я думаю, о социалистических перспективах нашего строительства имеет востепенное значение» (Доклад на XV партконференции — Об стр. 363). Второе требование правильного стратегического рук выбор момента решающего удара — нарушением этого явля называемая «потерей темпа» — примером может служить оппозицией во время германского кризиса 1923 г. или в волюции.

Третье требование стратегического руководства — неук ведение уже принятого курса через все и всякие затруднения и на пути к цели, необходимое для того, чтобы авангард не терял новной цели борьбы, а массы не сбивались с пути, идя к этой сплачиваться вокруг авангарда. Нарушение этого условия ведет к ошибке, хорошо известной морякам под именем «потери курса» ленинизма, стр. 143). Примером такой «потери курса» может

И. В. Сталин

(К 50-летию со дня рождения)

гальность во что бы то ни стало Брандлера в бытность его саксонским министром, когда он заявил, что из министерства его может изгнать только вооруженная сила, и этим и ограничился, вместо того, чтобы подготовить вооруженный отпор рейхсверу. Или толкование правыми нэпа, как какой-то почти что вечной истины и их знаменитые протесты против чрезвычайных мер и против политики наступления на кулака.

И, наконец, четвертое требование стратегического руководства — маневрирование резервами, рассчитанное на правильное отступление, когда враг силен, когда отступление неизбежно... Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление (Там же, стр. 143). Нарушение этого условия ведет к панике, к капитуляции перед противником или же к авантюризму, к вспышкопускательству. Примером является поведение «новой оппозиции» на XIV с'езде: предложение Сокольникова превратить наши госпредприятия в частно-капиталистические — это капитулянтство; примером авантюризма является поведение «левых коммунистов» в дни Бреста, когда они призывали к революционной войне, их попытка захвата власти и ареста Ленина, чтобы аннулировать похабный мир.

Стратегия касается таким образом выявления генеральной линии партии; но проведение ее в каждый данный момент, на каждом данном участке фронта пролетарской борьбы выявляет тактика. «Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая» (Там же, стр. 139). Основные тактические принципы ленинизма сформулированы Сталиным в 1927 г. в следующих словах: «а) принцип обязательного учета национально-особенного и национально-специфического в каждой отдельной стране..., б) принцип обязательного использования компартией каждой страны малейшей возможности обеспечить пролетариату массового союзника, хотя бы и временного, шаткого, непрочного, ненадежного, в) принцип обязательного учета той истины, что для политического воспитания миллионных масс недостаточно одной лишь пропаганды и агитации, что для этого необходим собственный политический опыт самих масс» (Заметки на современные темы. — Об оппозиции, стр. 615).

Посмотрим же, насколько сам Сталин удовлетворяет требованиям, которые он выставляет как обязательные для стратегического и тактического руководства борьбой пролетариата. Возьмем сначала момент участия Сталина как сотрудника Ленина по проведению и наметке ленинской генеральной линии партии, после июльских дней 1917 г., затем XII с'езд (1923 г.) первый с'езд партии без Ленина, XIV с'езд — постановка задачи реконструкции — и, наконец, наше время — политика ликвидации кулачества как класса.

Особенно важным решающим является наметка линии партии после 3—4 июля 1917 г., так как именно от этого зависел успех пролетарской революции в России. Именно в эти дни Сталин сделал и на Петербургской конференции, и на VI с'езде два основные доклада: политический отчет ЦК и доклад о текущем моменте на Петербургской конференции и доклад о политическом положении на VI с'езде.

Момент был переломный, надо было отступить, не потеряв армии — вот почему заслугой партийного руководства, в котором Сталину принадлежала значительная роль, является то, что партия вышла из кризиса не разгромленной. В этот момент деятельность Сталина отвечает указанному выше четвертому требованию стратегического руководства пролетарской борьбы — вывести авангард из-под удара и сохранить резервы и связь с ними.

Надо было не поддаться панике, не свернуть с намеченного курса на социалистический переворот в России, и мы видим, как в этих речах Сталина

усиленно подчеркивает социалистический характер наступившего этапа русской революции и необходимость не сворачивать с избранного пути, хотя на данный отрезок времени вместо прямого путь был обходным. Здесь он удовлетворяет указанному выше третьему требованию стратегического руководства пролетарской борьбы — неуклонное проведение уже взятого курса.

В вопросе о восстании Сталин шел рядом с Ильичем. Вслед за Лениным он же в июльские дни указал на то, что момент для восстания не подходящ; он в отчете ЦК VI с'езду указал, что в июле мы имели демонстрацию, а не попытку восстания, вот почему, даже возглавляя движение, мы знали, что на данный момент его надо урегулировать, что для захвата власти момент не наступил. Этим он удовлетворяет указанному выше второму требованию стратегического руководства пролетарской борьбой — о выборе момента решающего удара.

Сталин в эти решающие дни русской революции не потерял перспективы движения, а отсюда и грядущего удара, надо было подготовиться к нему, чтобы затем, перегруппировав силы, нанести его противнику. Но в данный момент, в июле — августе, речь шла о стратегической подготовке. Тем самым уже в августе силы революции были так сгруппированы, что именно нашими большевистскими силами было отражено выступление — контрреволюционный бунт Корнилова (а за его спиной по существу Керенского), этому же руководству партия обязана тем, что с конца августа завоевываются большевиками главнейшие советы и тем ставится на очередь вопрос о захвате власти новыми — уже большевистскими — советами. Тем самым оправдывается линия на завоевание советов, которая была выдвинута взамен устарелого лозунга «вся власть советам», под которым прошли июльские дни. Работа Сталина в этот период отвечает указанному выше первому основному требованию стратегического руководства борьбой пролетариата — о сосредоточении главных сил в решающий момент в наиболее уязвимом для противника месте, что возможно при наличии правильной перспективы, вытекающей из знания направления главного удара.

Таким образом мы видим, что Сталин усвоил все основные требования ленинского стратегического руководства.

Как же сам Сталин формулировал основные тактические задачи нашей партии в те дни: 1 — призыв к выдержке, 2 — укрепление организации, 3 — не игнорировать никаких легальных возможностей? (Доклад о текущем моменте на Петроградской конференции. — На путях к октябрю, стр. 93). И этим его тактическое руководство отвечает требованиям тактических принципов ленинизма.

На XII с'езде Сталин выступает с орготчетом ЦК. Это один из основных докладов с'езда, так как перед партией в связи с нэпом и в связи со статьями Ленина об РКИ и ЦКК встал вопрос о построении партии в этот переломный момент, так как от правильного решения этого вопроса зависело проведение в жизнь новой экономической политики, как определенного стратегического маневра — дается цельная перспектива по организационному вопросу.

На XIV с'езде Сталин ставит задачу превращения нашей страны из аграрной в индустриальную; после восстановительного периода вплотную ставится задача создания материальной базы социализма как в городе, так и в деревне. Проблема индустриализации — ведь это же опять поворотный момент — и Сталин находит для него соответственные стратегические установки — и дается цельная перспектива.

Наконец, в наши дни мы приступаем к выкорчевыванию возможностей капиталистического развития в нашей стране, допущенных нэпом, приступаем к уничтожению кулачества как класса — определенно и тут мы имеем

стратегический крутой перелом, и Сталин дает нам цельную перспективу исторического развития на ближайший этап революции.

Стоит внимательно проанализировать эти моменты подобно тому, как мы сделали это выше касательно стратегической установки после июльского поражения, чтобы увидеть, что во всех этих крутых переломных моментах Сталин выявил все те требования, которые мы все за ним пред'являем к стратегическому руководству борьбой пролетариата. Интересно проследить также на всех этих переломных моментах и появление ряда оппозиционных течений, на примере которых легко можно также выявить и те нарушения основ стратегии, которые приводят к указанным выше типическим ошибкам. Дело историка партии проделать этот детальный анализ, мы же здесь вынуждены поневоле только ограничиться указанием, наметкой этой интересной проблемы.

2.

Но чем об'яснить согласие стратегических планов Сталина с ленинскими при жизни В. И. Ленина и их успешное претворение в жизнь после кончины В. И.? Это можно об'яснить только тем, что Сталин в построении их исходит из правильной исторической перспективы. А это ему дает классовый анализ современности. Подобно В. И., и Сталин всегда начинает свой анализ текущего момента с классового анализа, и это дает ему возможность нащупать ведущую нить или звено. Ведь мы должны всегда помнить, что стратегом, вождем пролетариата может быть только тот, кто одновременно является и теоретиком, иначе будет размычка теории и практики, а для стратега пролетарской борьбы необходимо их диалектическое единство. Таковы были и Маркс, и Энгельс, и Ленин. Только троцкизм мог додуматься до лозунга: да здравствует марксизм в теории, ленинизм в практике. Практика и теория должны быть едины, иначе слабость вождей только практиков и вождей только теоретиков. На этой размычке Сталин останавливается в заключительных строках своей работы «Ленин как организатор и вождь РКП», когда он приводит пример пролетарских вождей, вождей бурного времени, вождей практиков самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Но движение в целом не может жить одними лишь воспоминаниями: ему нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика). Таковы, напр., Лассаль в Германии, Бланки во Франции. Есть и другие вожди — вожди мирного времени, сильные в теории, но слабые в делах организации и практической работы. Такие вожди, популярные лишь в верхнем слое пролетариата — и то лишь до известного времени — с наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям. Таковы, напр., Плеханов в России, Каутский в Германии. Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения. П. Аксельрод, когда он был марксистом, писал о Ленине, что он «счастливо соединяет в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором» (стр. 12—13).

Соединение практики с теорией мы имеем и в Сталине. В дальнейшем мы и хотим показать Сталина — теоретика, Сталина — пролетарского ученого.

Начнем с перспективы. Ведь это основное для стратега, но перспектива—это дело науки, теории. Посмотрим же, какую перспективу дает Сталин для русской революции. При чем мы сознательно берем его первые выступления, до октября 1917 г., потому, во-первых, что они мало известны, потому, во-вторых, что это были первые его публичные высказывания, и по-

тому, в-третьих, наконец, что они особливо интересны в свете последующих событий и споров внутри нашей партии о характере и движущих силах русской пролетарской революции.

Мы берем речи Сталина на Петербургской конференции и на VI с'езде (июль—август 1917 г.). Прежде всего надо было четко определить, какую революцию мы переживаем — буржуазно-демократическую или социалистическую — на это мы имеем исчерпывающий ответ: «Факт, что революция развивалась и шла вперед, этот факт толкал на путь необходимости перешагнуть через революцию буржуазную к революции социалистической» (VI с'езд — На путях к Октябрю, стр. 124). Наличие разрухи, свободы, организованности русского пролетариата, наличие советов и т. д.,— «все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом реальная основа постановки социалистической революции у нас в России» (Там же, стр. 124—125). Или еще: «Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации, контроля, обмена, постольку у нас ставится практически вопрос о социалистической революции» (стр. 125). Что собственно значит «перешагнуть» через буржуазную революцию, что «революция стала принимать характер социалистической рабочей революции» — это значит, что буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую.

Бухарин на VI с'езде против этого стратегического плана Сталина выставил собственный, сводящийся к следующему: прежде всего у нас революция «крестьянско-рабочая» (Протоколы, стр. 93), при чем эту революцию Бухарин мыслит «в двух сменяющихся фазисах: первый фазис с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис — после отпадения насыщенного крестьянства — фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы» (Протоколы, стр. 122). Но еще раньше на Петербургской конференции Сталин указывал, что «аграрная революция еще только развивается» (На путях к Октябрю, стр. 93). В докладе на VI с'езде, как бы предугадывая будущие возражения Бухарина, Сталин сейчас же непосредственно за указанием, что наша революция развивается в социалистическую, указал на необходимость увязки социалистической рабочей революции с крестьянской аграрной, так как от размычки их «мы будем страдать и революция провалится» (Там же, стр. 128). «Для этого нужно, чтобы крестьянство разочаровалось в идее соглашательства верхов с низами» (Там же, стр. 128). Что же должны делать рабочие для этой увязки? «Рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социальной революции на Западе» (стр. 129). Таким образом мы видим, что, по Сталину, возможно совпадение крестьянской революции с пролетарской, что, по Сталину, пролетариат России начнет мировую социалистическую революцию, в которой главным его помощником в России явится крестьянская беднота.

В заключительном слове Сталин подверг специально критике схему бухаринских фазисов, указывая на неверность бухаринских этапов революции и приходя в результате своего анализа к следующим выводам, которые тогда были для многих еще совершенно новы и необычны. Сталин говорил именно следующее: «Но ведь она (крестьянская революция. *С. К.*) не может не встретиться, не совпасть с рабочей революцией» (Там же, стр. 134). При чем социалистическая революция в России и не претендует на немедленное «осуществление социалистических преобразований», но фактически доказана необходимость и «неотложность ряда практических, назревших шагов к социализму» (стр. 136). И окончательный вывод о силах революции: «В нашей революционной борьбе мы должны опираться на три фактора: российский пролетариат, крестьянство и международный пролетариат, так как

судьбы нашей революции тесно связаны с западно-европейским движением» (Там же, стр. 137).

Сталин никогда и тогда и позже не мыслил нашу социалистическую революцию как изолированный процесс, оторванный от мировой социалистической революции, этот момент он и подчеркнул в конце вышеприведенной фразы. Но не так, как мы видели, думал Бухарин, не так думал и Преображенский, когда он, в полном согласии со взглядами Бухарина и ссылаясь на резолюцию по докладу Бухарина, внес следующую поправку к § 9 резолюции, предложенной Сталиным. § 9 гласил: «Задачей этих революционных классов (пролетариата и бедноты города и деревни. *С. К.*) явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и социалистическому переустройству общества». Такова была формулировка, предложенная Сталиным. Что же предлагал изменить Преображенский? Иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе (подчеркнуто нами. *С. К.*) к социализму» (Там же, стр. 138). Эта формулировка нам теперь до приторности намозолила глаза — ведь это перманентная революция Троцкого, ибо по Троцкому без наличия пролетарской революции на Западе наша революция не может быть социалистической и не смеет победить. Теперь мы это все хорошо знаем после наших боев с троцкизмом, но тогда это для многих являлось теоретическим откровением, за которое стояли такие теоретики, как Бухарин, как Преображенский. Что же ответил Сталин этим теоретикам?

«Я против такого окончания революции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой абсолютной свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» (стр. 138; разрядка наша. *С. К.*).

Мы привели полностью этот замечательный отрывок, так как он дает четкую научную теорию возможности социалистической революции у нас в России, указывает на специфическую особенность России, где пролетариат имеет основного союзника в лице беднейшего крестьянства. Бухарин, а за ним и Преображенский, как мы видели, полностью отрицали, что союзником российского пролетариата в социалистической революции является крестьянская беднота. В этой же цитате указывается на неорганизованность и слабость российской буржуазии и показана, наоборот, изоляция германского пролетариата, стоящего к тому же против могущественной буржуазии. Над меньшевистским представлением о том, что социалистическую революцию можно делать только по учебнику Каутского, зло издевался Ленин и противопоставлял этому творческую работу нашей революции. Но ведь эти положения имеются и в приведенном положении Сталина. Случайно это или нет? Нет, это не случайно, так как Сталин сам говорит о том, что он за творческий марксизм, против марксизма догматического, а марксизм творческий, не догматический, был в те дни марксизм Ленина, верным последователем которого был и есть Сталин.

Что Бухарин, что Преображенский являлись в те дни общепризнанными теоретиками — это бесспорная истина, но как же так выходит, что у «практика» Сталина иной марксизм (творческий), чем у этих признанных теоретиков, марксизм которых иной (догматический). Значит надо пересмотреть эту глупую посылку, пущенную к тому же «неудачливыми претендентами на звание теоретиков», что Сталин только практик. Нет, Сталин теоретик марксизма-ленинизма, и только это его качество в соединении с его практикой и дало ему возможность вслед за Лениным и вместе с ним (вспомним, когда это происходило) дать стратегический план российской пролетарской революции, российской социалистической революции, отметив ее особенность — наличие разервов в виде крестьянства и совпадение с ней аграрной крестьянской революции. Теперь после опыта ряда оппозиций мы все знаем слабость, немарксистскую установку основных методологических посылок Бухарина и Преображенского, но ведь именно Сталин еще в 1917 г. показал, что они не марксисты, так как догматический марксизм уже не является марксизмом, а начетничеством.

Мы не будем приводить дальнейших материалов, показывающих глубину и самостоятельность в понимании нашей революции Сталиным, приведем еще только два момента. В своей работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», написанной в декабре 1924 г. и являющейся ответом на «Уроки Октября» Троцкого, Сталин на стр. 4—5 перечисляет уже на основании опыта революции «ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей (революции) победу. Главным из них нужно считать следующие: 1 — поддержка революции большинством рабочего класса России, 2 — подобная же поддержка со стороны деревенской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли, 3 — во главе революции партия большевиков, богатая опытом и непосредственной постоянной связью с массами, 4 — сравнительная слабость русской буржуазии и полное банкротство соглашательских партий меньшевиков и с.-р., 5 — громадная территория — возможность для отступления и маневрирования и 6 — наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых рессурсов внутри страны». Сравните эти данные опыта, вошедшего в идейный арсенал нашей партии с тем, как рисовал Сталин внутренние силы нашей пролетарской социалистической революции после июльского поражения, и вы увидите, что в его речах июля—августа 1917 г., детально проанализированных нами, мы имеем уже все это в качестве посылок.

Что же, разве все это не является наилучшим показателем силы Сталина как теоретика? Провал планов многих «теоретиков» — Троцкого, Бухарина, Преображенского — не показывает ли, что дело именно в творческом, а не в догматическом марксизме?

Из приведенного выше отрывка Сталина запомним § 6, он нам пригодится, когда мы перейдем к проблеме построения социализма в нашей стране. В «Тезисах об оппозиционном блоке в ВКП(б)» к XV партконференции, вошедших в резолюцию, мы читаем следующее: «Троцкизм исходит из того, что наша революция с а м а п о с е б е (разрядка подлинника) не является п о с у щ е с т в у д е л а (разрядка подлинника) социалистической, что Октябрьская революция есть л и ш ь (разрядка подлинника) сигнал, толчок, исходный пункт социалистической революции на Западе... иначе пролетарская власть в России должна была пасть или переродиться (что одно и то же) под напором неизбежных столкновений между пролетариатом и крестьянством» (Об оппозиции, стр. 313). По этому поводу вспомним, что говорили на VI с'езде о грядущей русской революции Бухарин и Преображенский, мы видим, что их слова были перепевами троцкизма. Вспомним год, когда Троцкий заговорил о метафизичности сталинского марксизма — это был октябрь 1926 г. Как же отвечал на это Сталин? В заключительном слове он говорил

...дующее: «Партия рассматривает нашу революцию как революцию социа...тическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, ...особную итти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оп... ...сматривают нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, ...е не победившей пролетарской революции на Западе, как придаточное ...иложение к будущей революции на Западе, как нечто не имеющее никакой ...мостоятельной силы» (Об оппозиции, стр. 413).

Мы полагаем, вопреки Троцкому, что учение Сталина о «социалисти...сти революции самой по себе» полно глубокого методологического значе...я. Оно говорит, во-первых, о том, что она представляет «некую само...оятельную силу», во-вторых, что у нее достаточно внутренних рессурсов ...есь мы подчеркиваем значение отмеченного нами выше § 6 о сырьевой ...продовольственной базе нашей революции, об ее сырьевой автономности, ...поминающей такое же положение Северо-Американских Соединенных ...татов) для ее самостоятельного развития.

Но раз это так, то мы строим социализм, так как «мы имеем все дан...не для построения социалистического хозяйства в нашей стране, что мы ...ожем и должны строить полное социалистическое хозяйство» (Вопросы и ...веты, Вопросы ленинизма, стр. 316). Нам очевидно надо иметь конкретное ...едставление о социалистическом хозяйстве, а не только лишь представле...е о социалистическом хозяйстве вообще. Ведь не секрет, что даже в пору ...оей относительной революционности теоретики II Интернационала, в част...сти Каутский, работу которого о социальной революции высоко ста... ...И., и выпустил ее под своей редакцией, что даже тогдашний Каутский ...раничивался в своих работах общими рассуждениями. Никто из теорети...в II Интернационала не предвидел возможности тех форм, в каких выл...сь наша Октябрьская революция в своей политике по жилищному, прод...льственному и др. вопросам. Так вот интересно поискать, нет ли у Ста...на — теоретика и вождя — концепции социализма и в чем ее научная, те...тическая, методологическая ценность. В 1925 г. в «Вопросах и ответах» ...і находим такую формулировку: «Социалистическое общество есть произ...дственно-потребительское товарищество работников индустрии и сельск... хозяйства» (Вопросы ленинизма, стр. 313). Когда в 1927 г. к нам приехали ...остранные рабочие делегации, то одна из них, а именно первая америк...ая, задала следующий вопрос Сталину — 12. Можете ли вы вкратце дать ...м характеристику будущего общества, которое коммунизм пытается со...ть?», на что получила следующий ответ: «Общая характеристика коммун...ического общества дана в трудах Маркса, Энгельса, Ленина. Если дать ...ратце анатомию коммунистического общества, то это будет такое обще...во: а) где не будет частной собственности на орудия и средства произво...ва, а будет собственность общественная, коллективная; б) где не будет ...ассов и государственной власти, а будут труженики индустрии и сельского ...озяйства, экономически управляющиеся как свободная ассоциация труд...ихся; в) где народное хозяйство, организованное по плану, будет базиро...ться на высшей технике, как в области индустрии, так и в области сельского ...озяйства; г) не будет противоположности между городом и деревней, ме...у индустрией и сельским хозяйством; д) где продукты будут распределяться ...принципу старых французских коммунистов: «от каждого по способностям, ...ждому по потребностям»; е) где наука и искусство будут пользоваться ...ловиями, достаточно благоприятными для того, чтобы добиться полного ...цвета; ж) где личность, свободная от забот о куске хлеба и необходимости ...длаживаться к «сильным мира сего», станет действительно свободною и т. д. ...т. п.». (Вопросы ленинизма, стр. 393 — 394). Мы полагаем, что и здесь ...алин дает много ценного, теоретически обобщая и намечая дальнейший ...ть развития нашего социалистического общества.

Революция есть столкновение, борьба классов. Есть столкновение интересов, борьба интересов и между пролетариатом и крестьянством, нет ли тут проявления «единства противоположностей» этого основного закона диалектики по Ленину? Как к этому вопросу подходит Сталин? Вопрос чрезвычайно важный, жгучий, он нуждается в специальном исследовании, мы же здесь пока ограничимся несколькими методологическими замечаниями. В своей апрельской речи 1929 г. Сталин ставит вопрос, почему крестьянство является последним капиталистическим классом и отвечает: «Потому, что из двух основных классов, из которых состоит наше общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелко-товарном производстве. Потому, что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкое товарное производство, выделяет не может не выделять из своей среды капиталистов, постоянно и непрерывно. Это обстоятельство имеет для нас решающее значение в нашем марксистском отношении к проблеме союза рабочего класса и крестьянства. Это значит, что нам нужен не всякий союз, а лишь такой союз, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства» (О правом уклоне, стр. 14). Но вообще примиримы ли основные противоречия между пролетариатом и крестьянством? На это ответ мы найдем в «Вопросах и ответах» в следующих словах: «А противоречия между пролетариатом и крестьянством в целом -- разве это не классовая борьба, хотя она и имеет довольно необычную форму? Разве это неверно, что пролетариат и крестьянство составляют в настоящее время два основных класса нашего общества, что между этими классами существуют противоречия, правда, разрешимые, и в конце концов преодолимые, но все же противоречия, вызывающие борьбу между этими двумя классами» (Вопросы ленинизма, стр. 293). Таким образом мы видим, что и наше общество, общество переходного периода, является диалектическим единством противоположностей; весь вопрос в том, какими путями можно эти противоречия преодолеть. В тех же «Вопросах и ответах» Сталин сперва со всей ответственностью дает нам картину противоречий между пролетариатом и крестьянством, при чем насчитывает целых три фронта этой борьбы (Вопросы ленинизма, стр. 293 — 294), но на этом он, как истинный диалектик, не останавливается и дает иную сторону отношений между пролетариатом и крестьянством (основное правило диалектики, о котором писал еще Чернышевский) и показывает, что имеется и почва для союза (стр. 294—295) и приходит к следующим выводам: «Итак, мы имеем, во-первых, общность интересов пролетариата и крестьянства по вопросам коренным, их общую заинтересованность в торжестве социалистического пути развития народного хозяйства. Отсюда союз рабочего класса и крестьянства. Мы имеем, во-вторых, противоречивость интересов рабочего класса и крестьянства по вопросам текущим. Отсюда борьба внутри этого союза, борьба, которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов и которая должна исчезнуть, когда рабочие и крестьяне перестанут быть классами, когда они превратятся в тружеников бесклассового общества. Мы имеем, в-третьих, средства и пути для разрешения этих противоречий между рабочим классом и крестьянством в рамках сохранения и укрепления союза рабочих и крестьян, в интересах обоих союзников» (Вопросы ленинизма, стр. 296). Именно мы и должны стремиться к уничтожению разницы между крестьянином и рабочим, превратить их обоих в тружеников коммунистического общества. Но пути этого не прямые, а весьма извилистые. Этим и только этим об'ясняется то, что некоторым товарищам линия партии кажется отступлением от генеральной линии нашей партии в крестьянском вопросе, что приводит их к ряду уклонов. Вспомним, что говорил Сталин на XIV с'езде о двух уклонах по крестьянскому вопросу, он говорил именно о двух, но так

как приходилось сосредоточить огонь по троцкизму, то некоторым казалось, что могло получиться искривление перспективы. Но, как только мы получили материальные и организационные рессурсы, мы перешли в наступление и по правому уклону — полного примирения с кулаком (теория врастания внуков кулаков в социализм).

Путь переделки мелко-собственнического крестьянина в труженика дан нам в кооперативном плане Ленина, но ведь вокруг его толкования идут споры: и левые загибы, и правые уклоны. И Сталин еще в июле 1928 г. в статье «Ленин и союз с середняком» указал на двойственность наших задач в крестьянстве»:

«Поэтому для обеспечения правильной линии необходима борьба на два фронта. Пользуюсь случаем отметить, что наша печать не всегда соблюдает это правило, проявляя иногда некоторую однобокость. Бывает, напр., что разоблачают тех, которые хотят превратить чрезвычайные меры по хлебозаготовкам, имеющие временный характер, в постоянный курс нашей политики, создавая угрозу смычке. Это очень хорошо. Но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не уделяют достаточно внимания и не разоблачают как следует тех, которые угрожают смычке с другого бока, не разоблачают тех, которые отдаются мелкобуржуазной стихии, требуют ослабления борьбы с капиталистическими элементами деревни и установления полной свободы торговли без регулирующей роли государства, подрывая таким образом смычку с другого конца. Это уже нехорошо. Это однобокость. Бывает и то, что разоблачают и тех, кто отрицает, скажем, возможность и целесообразность поднятия индивидуальных мелких и средних крестьянских хозяйств, являющихся на данной стадии базой сельского хозяйства. Это очень хорошо, но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не разоблачают тех, которые принижают значение колхозов и совхозов и не видят, что задача поднятия индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства должна быть дополнена практически задачей поднятия колхозно-совхозного строительства. Это уже однобокость. Чтобы обеспечить правильную линию, надо вести борьбу на д в а фронта и отбросить всякую однобокость» (Вопросы ленинизма, стр. 639—640).

Основная задача — превращение крестьян и рабочих в тружеников бесклассового общества. Этой задаче, этой цели должны быть соподчинены все и всяческие тактические меры. И когда российский пролетариат создал материальную базу (тракторы, комбайны и т. д.) для обобществления сельского хозяйства, то начался новый период нашей революции, тот, который мы переживаем теперь, когда мы поставили задачу уничтожения кулачества как класса. И здесь постановке этого основного вопроса о переделке всего сельского хозяйства, о переделке мелкобуржуазной природы крестьянина мы обязаны Сталину. Вспомним недавнюю его речь на конференции аграрников-марксистов. Смелою рукою теоретика марксизма наших дней Сталин наметил ряд основных проблем, а попутно разрешил (вернее: снял) шесть обычных предрассудков в области аграрного вопроса в наей стране строящегося социализма.

Мы лишены возможности хотя бы кратко выявить все то методологически важное и значимое, что дал Сталин по крестьянскому вопросу, по аграрному вопросу, по кооперативному плану. На одном моменте не можем не остановиться: в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов Сталин, говоря о Хоперском районе сплошной коллективизации, указал, что это первичные колхозы, «представляющие, так сказать, мануфактурный период колхозного движения» — по существу это является развитием тех положений, которые были даны еще в «Основах ленинизма» при указании на деятельность Льноцентра (Вопросы ленинизма, стр. 124—125).

Мы лишены возможности коснуться и того, что дал Сталин в области национального вопроса, хотя здесь наибольшая теоретическая заслуга Сталина. Об этом мы скажем в отдельной статье. Отметим, что для Сталина основное и в данном вопросе, к которому принадлежит и колониальный вопрос — это основной вопрос стратегии пролетарской революции — вопрос резервов и маневрирования ими. Интересен пример, приводимый Сталиным в предисловии к сб. «На путях к Октябрю», изменения взглядов партии на федерацию, когда она от отрицательного отношения к ней пришла к ее признанию. Он приводит три причины этого: 1 — полное разделение и оторванность ряда национальностей ко времени Октябрьской революции, 2 — оказалось, что советские формы федерации не противоречат целям экономического сближения, и 3 — «тем, что удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь об'единения наций гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше в период до войны или в период до Октябрьской революции» (На путях, стр. XI—XII). Сталин был признанным теоретиком партии по национальному вопросу, начиная со своей работы 1913 г. «Национальный вопрос и марксизм», напечатанной сперва в «Просвещении» и тогда же выпущенной отдельной книгой большевистским изд. «Прибой» (Спб. 1914 г.). Именно ему как теоретику национального вопроса партия поручала наиболее ответственные выступления по национальному вопросу, как-то: доклад на апрельской конференции 1917 г., доклад на X с'езде, доклад на XIII с'езде, он же по поручению партии стал с самых первых дней Октябрьской революции во главе Народного Комиссариата по Делам Национальностей, который был ликвидирован после проведения организации наших национальных республик и областей.

Мы просмотрели ряд теоретических работ Сталина и пытались вскрыть в них то основное, что они заключают в области методологии марксизма. Остановимся несколько еще на этом вопросе. Мы уже указывали на то, что единство противоположностей занимает видное место в его методологии. Приведем еще несколько примеров употребления им единства противоположностей. Мы указывали на двойственность задач партии в крестьянском вопросе. Такую же двойственность, т.-е. единство противоположностей, отмечает Сталин и в нэпе: об этом он говорит в заключительном слове на XIV партс'езде, отмечая, что «кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма» (Вопросы ленинизма, стр. 341), об этом же непонимании «двойственного характера нэпа» новой оппозиции говорится в «К вопросам ленинизма» (Там же, стр. 62—63), об этой же двойственности нэпа, как возможности восстановления капитализма и одновременно возможности построения социализма, при чем имеются в о з м о ж н о с т и ликвидировать в о з м о ж н о с т ь восстановления капитализма, говорится и в речи «О правой опасности в ВКП(б)» (Вопросы ленинизма, стр. 544), говорит о том, что Бухарин не видит двусторонности нэпа, и апрельская речь 1929 г. (О правом уклоне, ст. 15).

В главе о национальном вопросе в «Об основах ленинизма» Сталин указывает на две тенденции в национальном вопросе: «тенденция к политическому освобождению от империалистических уз и к образованию самостоятельного национального государства, возникшая на основе империалистического гнета и колониальной эксплоатации, и тенденция к хозяйственному сближению наций, возникшая в связи с образованием мирового рынка мирового хозяйства»... «Для империализма эти две тенденции являются непримиримыми противоречиями... для коммунизма, наоборот, эти тенденции являются лишь двумя сторонами одного дела, дела освобождения угнетенных народов от ига капитализма» (Вопросы ленинизма, стр. 132 — 133). Или ряд мест в речи по национальному вопросу на апрельской конференции. «Вопрос об обязательности отделения нации в тот и другой момент. Этот вопрос партия пролета-

риата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки» (На путях, стр. 29). И дальше рассуждение о праве на самоопределение и целесообразности его проведения в жизнь. «Я могу признать за нацией право отделиться, но это вовсе еще не значит, что я ее обязал это сделать» (Там же, стр. 29). «Нельзя смешивать вопрос о признании права на отделение с целесообразностью отделения при тех или иных условиях». (Там же, стр. 29). Решение должно зависеть от интересов пролетарской революции. Этим интересам должно быть подчинено все в борьбе пролетариата, это абсолютная истина стратегии пролетарской борьбы.

Таким образом мы видим, что Сталин по всей справедливости может быть назван теоретиком творческого марксизма в его современной форме.

Присмотримся поэтому поближе, что понимает под марксизмом Сталин. Об этом он много и подробно говорил на XV партконференции и на VII пленуме ИККИ. Вспомним попутно, что еще в 1917 г. он говорил о двух марксизмах — творческом и догматическом, вспомним, что он говорил в 1920 г. о цитатном марксизме меньшевиков и мир изменяющем марксизме большевиков. В своих выступлениях 1926 г. Сталин противопоставил цитатный марксизм Троцкого и Зиновьева марксизму как методу, руководству для действия, чем он был в руках Ленина.

Эти формулировки мы приведем полностью, потому что они в полной мере относятся и к самому Сталину. «Величие Ленина как продолжателя Маркса-Энгельса в том именно и состоит, что никогда он не был рабом буквы в марксизме. В своих исследованиях он следовал указаниям Маркса, неоднократно говорившего, что марксизм есть не догма, а руководство для действия. Ленин знал это и строго различал между буквой и сутью марксизма, никогда не считал марксизм догмой, а старался применять марксизм как основной метод в новой обстановке капиталистического развития. В том именно и состоит величие Ленина, что он открыто и честно, без колебаний, поставил вопрос о необходимости новой формулы о возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую формулу, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса свое оппортунистическое дело» (Об оппозиции, стр. 338–339). И дальше: «В том именно и состоит величие Ленина, что он не отдавал себя в плен букве, что он умел схватывать сущность марксизма и, исходя из него, развивать дальше положения Маркса и Энгельса» (стр. 340). Об этом же Сталин говорит и в заключительном слове (стр. 380), при чем еще отмечает важность методологии, указывая, что Зиновьев слаб в методологии (стр. 396), кто же виноват, если тов. Зиновьев не понимает элементарных вопросов методологии» (стр. 396). Перспективы дальнейшего развития марксизма Сталин намечает в заключительном слове на VII пленуме ИККИ. «Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может. Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта, при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении его метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняет букву и подменяет буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод» (Об оппозиции, стр. 510).

Отсюда и исходит сам Сталин, определяя, что «ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» (Вопросы ленинизма, стр. 741). Отсюда исходит

и сам Сталин, когда он вслед за Лениным обогащает марксизм-ленинизм опытом победоносного строительства социализма в СССР. Но научная мысль должна опережать практику, должна давать руководящие указания практике. Об этом говорил Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов, когда указывал, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль. «Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма» (Там же).

Отсюда громадное значение теоретической работы, к которой и призывал Сталин конференцию. «Известно, что теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет — и не может не иметь—громадное значение в деле нашего социалистического строительства» (Там же). Но таково значение только той теории, которая основывается на творческом марксизме, которая опирается на его методологию, которая изучает то, что есть, которая намечает перспективы развития, движения. Вспомним, как высоко оценивал значение теории для пролетарской революции Сталин в соответствующей главе «Об основах ленинизма», где он попутно указал и на значение философского наследия В. И., отметив, что подобного вклада в сокровищницу пролетарской науки не сделал и Плеханов.

В противность ленинскому и сталинскому пониманию сущности марксизма, как методологии, Зиновьев и Троцкий выдвинули цитатный марксизм, марксизм догматический, схоластический, сводящийся к следующему: «Речь Троцкого пересыпана самыми разнообразными цитатами из Ленина. Чего больше добивается Троцкий: того ли, чтобы подкрепить ими свою позицию, или того, чтобы поймать у Ленина противоречия» (Об оппозиции, стр. 408, заключительная речь на XV партконференции). Но больше всех успел в цитатном марксизме Зиновьев. «Характерная черта этой зиновьевской манеры (цитировать классиков марксизма) состоит в том, что она перепутывает все периоды и даты, валит их в одну кучу, отрывает отдельные положения и формулы Маркса и Энгельса от их живой связи с действительностью, превращает их в обветшалые догмы и нарушает таким образом основное требование Маркса и Энгельса, состоящее в том, что марксизм не догма, а руководство к действию» (Об оппозиции, стр. 500, заключительное слово на пленуме ИККИ). Об этом говорит Сталин и дальше, уподобляя зиновьевский цитатный марксизм ревизионистскому марксизму, тоже цитатному, тоже догматическому (Там же, стр. 502 — 503).

Об опасности такого цитатного изучения Ленина, довольно широко распространенному среди нашей учащейся молодежи, когда цитата является не подкреплением данного положения, а аргументом, из которого данное положение вытекает, Сталин говорит в ответе т. Дмитриеву («К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве»): «Вы спросите, где же выход из «недоразумений». Выход, по-моему, один: изучать Ленина не по отдельным цитатам, а по существу, изучать серьезно и вдумчиво, не покладая рук» (Вопросы ленинизма, стр. 612). И это предостережение против цитатного марксизма и ленинизма мы должны твердо усвоить, так как двинуться вперед с помощью такой науки мы не сможем, сможем в лучшем случае отсиживаться от быстротекущей жизни на старых позициях, а чаще начать попятное движение назад, что и произошло с поклонниками такого цитатного марксизма, которые сперва скатились к социал-демократии, а затем и к обслуживанию капитала и капиталистов. Это нужно всегда твердо помнить и не превращать руководство к действию в символ веры, о чем предостерегал в своих письмах своих корреспондентов Энгельс.

В общем, какая же нам нужна теория? Об этом Сталин в «Об основах

ленинизма» говорит так: «Чтобы быть действительно передовым отрядом, партия должна быть вооружена революционной теорией, знанием законов движения, знанием законов революции». Какая же наука дает нам познание законов движения, законов революции, как определенного вида движения? Ответ тут может быть только один — такой наукой является диалектика. Вот почему, ставя вопрос, каким требованиям должен отвечать человек, претендующий на роль теоретика (речь идет о Бухарине), Сталин отмечает, что «диалектика есть душа марксизма», и высмеивает претензии Бухарина быть нашим теоретиком, раз он по отзыву Ленина не диалектик (О правом уклоне, стр. 24).

На этом мы остановимся в нашем анализе Сталина, как теоретика творческого марксизма наших дней, дней строительства социализма. В другом месте мы подробно остановимся на дальнейшей сталинской разработке проблемы стихийности и сознательности, на вытекающем отсюда его учении о партии, о взаимоотношении партии и класса, о взаимодоверии класса и партии, равным образом и на взглядах Сталина на проблемы национальной и пролетарской культуры. Все это вопросы чрезвычайной важности, почему вскользь их касаться нет смысла.

Резюмируем: Сталин действительно является теоретиком творческого марксизма наших дней. Именно он дал нам ту перспективу развития нашей революции, которая и осуществилась у нас, а против него выступили общепризнанные теоретики, как Бухарин и Преображенский (VI с'езд). Именно он дал нам глубокое учение о «революции самой по себе социалистической», что дало теоретический базис нашему строительству социализма в одной стране, исходя из наших собственных рессурсов (споры против таких общепризнанных теоретиков, как Троцкий, Преображенский, позже Зиновьев, Каменев, Сокольников). Именно он дал нам новую постановку вопроса о нэпе, о классах, о темпах строительства социализма, о смычке, о политике партии (а ведь против него выступал такой общепризнанный теоретик, как Бухарин).

Мы видим таким образом, что вождем, идеологом современного марксизма-ленинизма является по праву Сталин, а это же делает его и практическим вождем партии, строящей социализм, — ВКП(б), это же делает его и практическим вождем мировой партии социалистической революции — Коммунистического Интернационала.

И это проистекает от того, что в Сталине счастливо сочетается и теоретик, и практик.

3.

Нам остается теперь в заключение сказать несколько слов о литературной манере, об ораторской манере Сталина. Его работы должны быть подвергнуты специальному исследованию в этом отношении. Прежде всего в них поражает необычайная стройность и строгость построения: никаких лишних деталей, никаких лишних отступлений. Когда просматриваешь работы Сталина или слушаешь его, очень легко уловить костяк построения его работы или его речи. И эта архитектоническая стройность значительно облегчает врезывания в памяти его речи, его работы, освоения их слушателями или читателями.

Манера изложения так же строга и главное скупа — ни одного лишнего слова, не говоря уже там о всяких выкрутасах или украшениях. Но эта скупость не идет в ущерб ясности содержания. И в этом отношении Сталин прекрасный ученик и последователь манеры Ленина. Простота, четкость и убедительность сливаются в стройную систему взглядов, которые берут слушателя за жабры и не отпускают его, и это же первое впечатление не ослабляется и при повторном чтении. Наоборот, при этом повторном чтении открываются новые стороны вопросов, раньше не замеченные.

И еще одна сторона речи Сталина не может не броситься в глаза, именно: монистичность всего построения; возьмем из его речи о правом уклоне в ВКП(б) ту ее часть, которая говорит, как из одной задачи, из одного лозунга выросла целая сеть задач, целая сеть лозунгов. «Вспомните о последних событиях в нашей партии. Вспомните о тех лозунгах, которые дала за последнее время партия в связи с новыми классовыми сдвигами в нашей стране. Я говорю о таких лозунгах, как лозунг самокритики, лозунг заострения борьбы с бюрократизмом и чистки совапарата, лозунг организации новых хозяйственных кадров и красных специалистов, лозунг усиления колхозного и совхозного движения, лозунг наступления на кулака, лозунг снижения себестоимости и коренного улучшения практики профсоюзной работы, лозунг чистки партии и т. д. Некоторым товарищам эти лозунги показались сногсшибательными и головокружительными. А между тем ясно, что эти лозунги являются самыми необходимыми и актуальными лозунгами партии в данный момент. Началось дело с того, что мы в связи с шахтинским делом заново поставили вопрос о новых хозяйственных кадрах»... И далее следует очень интересная картина, как одна задача цеплялась за другую, как один лозунг рождал новый. В результате такого анализа, который очень рекомендуем изучить, как пример того, как надо анализировать и увязывать явления между собою, автор приходит к следующему выводу, вполне в силу предшествовавшего изложения, убедительному для читателя. «Случайны ли эти лозунги? Нет, не случайны. Вы сами видите, что они не случайны. *Они составляют необходимые звенья одной цепи, называемой наступлением социализма против элементов капитализма*» (Разрядка автора. О правом уклоне, стр. 1 — 3).

И еще одно качество мы имеем в речи, в работах Сталина—это нарастание содержания, что достигается фигурой повторения, часто используемой автором. Лучшим образцом этого мы считаем речь Сталина на II с'езде Советов СССР, посвященной памяти Ленина.

От редакции.

Переживаемый ныне этап социалистического строительства выдвиги еред рабочим классом и его партией целый ряд новых задач.

Быстрый темп индустриализации страны, значительные успехи в де бобществления крестьянского хозяйства, ликвидация кулачества как клас районах сплошной коллективизации—означают, что пролетарская рев юция на настоящем этапе ее развития подошла к решению основной зада оциалистического строительства в нашей стране—выкорчевыванию корн апитализма и построению основ социалистического общества. Для решен тих колоссальных, всемирно-исторических задач требуется величайшее н ряжение всей практической энергии и теоретической мысли рабочего клас его партии. Такая теория, которая осталась бы безучастной к вопроса ыдвинутым переживаемым сейчас периодом обостренной классовой борьб е заслуживала бы права именоваться революционной теорией.

Новые взаимоотношения между классами выдвигают новые задачи, н ые задачи требуют перестройки работы применительно к ним, новых фор

Редакция полагает, что новый период социалистического строите тва, в который мы вступили, требует решительного поворота в работе н еоретическом фронте, в том числе и в области марксистско-ленинской ф ософии и соприкасающихся с ней наук.

Сосредоточение внимания марксистско-ленинской теории на пробле епосредственно связанных с социалистическим строительством является н тложной задачей.

В области марксистско-ленинской философии для осуществления эт ели необходимо выделить три круга вопросов:

Во-первых, необходима углубленная разработка ленинского философ кого наследства и теории материалистической диалектики на основе раб енина и основоположников марксизма. Правильное понимание крайне б тро изменяющихся отношений между классами, форм классовой борьб ложнейшего их переплетения, пролагающей себе путь через все их много бразие основной тенденции — построения основ социалистического общ тва, возможно лишь при условии последовательного применения диалектич атериалистического метода во всем богатстве его содержания. Губительн шибкой, сделав которую нельзя и шагу ступить в изучении переходн бщества, было бы отодвинуть на задний план эту задачу.

Во-вторых, необходимо удесятеренное внимание сосредоточить на пр лемах исторического материализма. Без разрешения этой задачи нево ожно ни выполнение требований, пред'являемых к революционной теори ереживаемым этапом социалистического строительства, ни руководство с тороны философов проникновением марксистского метода в различные ко ретные общественные науки.

На первый план должны быть выдвинуты: изучение возможностей и утей социалистического строительства, критика социал-демократии, изуче ие форм классовой борьбы в переходный период, соотношение стихии и пла нем, перерастание одних законов общественного развития в другие, не

просы соотношения политики и экономики, культурной революции, изучение новых форм соотношения хозяйства и общества, индивида и общества, изучения новых форм идеологии и новой роли различных форм идеологии.

Необходима систематическая критика идеологии контрреволюционного троцкизма, троцкистских искажений ленинизма, которая до сих пор велась недостаточно, а также различных правых и «левых» уклонов в коммунистическом движении.

В-третьих, «задача социалистической реконструкции нашего хозяйства неразрешима без проникновения в области естественных наук и техники принципов диалектического материализма. Работа философов-марксистов в области естествознания представляет крайне важную часть работы по подготовке кадров строителей новых форм хозяйства, имеет огромное политическое значение. Диалектико-материалистическая философия не может не опираться в своем теоретическом развитии на достижения современного естествознания, не осмысливать их и не вести беспощадной борьбы против всех идеалистических и поповских теорий и идей, паразитирующих на ней.

Необходимо активное участие философов в работе различных конкретных наук. Не должно быть философа, который не занимался бы какой-нибудь конкретной областью знания, в ней не применял бы и на ней не изучал бы свою методологию. По всей линии в различных науках должен быть дан отпор окопавшемуся в них механизму, формализму и связанному неразрывно с ним идеализму. Необходимо сосредоточить больше внимания на проблемах методологии истории, на преодолении вульгарного эмпиризма в рядах историков, на борьбе против различных буржуазных исторических теорий.

Необходимо сосредоточить внимание на разработке методологии политической экономии, на усвоении метода Маркса и Ленина, для применения его к изучению советского хозяйства и современного империализма. Необходимо, чтобы борьба в политической экономии против ревизионизма механистов, против формально-идеалистических тенденций системы антимарксистских ошибок Рубина была неразрывно связана с углубленной разработкой марксистской теории, диалектики «Капитала», не опираясь на все богатство которой нельзя понять ни законов советского хозяйства, ни законов современного империалистического капитализма.

В области литературоведения философы должны выдвинуть на первый план борьбу против эклектизма и вульгарного экономического материализма, против влияния на марксистов идеалистических (в частности бергсонианских и фрейдистских) и формалистических течений, за философски углубленную, классово-боевую марксистскую критику.

В области психологии необходима непримиримая борьба против остатков суб'ективной психологии и механистических учений, против одностороннего биологизма, за целостное изучение общественного человека.

Во всей своей работе, во всех областях знания задачей философов является внимательно следить за возникновением новых идей и течений, которым столь богата революционная эпоха, организовывать коллективное обсуждение их, давать беспощадный отпор классовому врагу, под какими бы масками он ни скрывался.

Необходимо отметить в этом отношении ряд допущенных в прошлом ошибок.

Вопросы исторического материализма до последнего времени не разрабатывались философами-марксистами-ленинцами в должной мере. Участие философов в имевшей место дискуссии по политической экономии должно быть признано недостаточным. Занимая в основном теоретически правильную позицию, работники в области марксистско-ленинской философии недостаточно активно участвовали в этих дискуссиях, недостаточно быстро реа-

гировали на новые явления в указанных областях и допустили ошибку, печатая в «Под Знаменем Марксизма» статьи И. Рубина и его сторонников без примечаний, недостаточно подчеркивали необходимость связывать теоретическую борьбу в этих науках с практическими задачами социалистического строительства.

В борьбе за осуществление отмеченных выше задач коммунистическая философская мысль должна вести беспощадную борьбу со всеми отклонениями от марксистско-ленинской позиции в философии.

В борьбе с различными отклонениями от марксистско-ленинской философии должна быть усилена борьба на два фронта—и против механистов и против идеалистических шатаний. Механисты, непосредственно сомкнувшиеся с правыми уклонистами в области философии, являясь знаменем для самых разношерстных элементов, сопротивляющихся проникновению диалектического материализма в конкретные области знания, попрежнему остаются главной опасностью. Ни шагу назад в борьбе с механистами! Надо критиковать их в конкретных областях знания, разоблачать их ревизионистскую сущность, бить особенно жестоко там, где они непосредственно смыкаются с идеалистами и открытыми врагами марксизма.

В то же время необходимо обратить внимание на появление другой опасности, пока находящей себе выражение в ряде отдельных ошибок отдельных товарищей, но могущей привести к идеалистическому искажению диалектики — опасности чисто-формалистического ее понимания. Должен быть дан отпор такому пониманию диалектики, когда она превращается в мертвую схему, набор пустых форм, не связанных ни с каким конкретным содержанием, абстрактно, «развивающихся» из самих себя, а не в качестве отражения материального движения.

На опасность такого понимания диалектики тем более необходимо указать, что и существующий все еще в наших условиях (Лосев и др.) и заграничный идеализм пытается под маской якобы «диалектики» провести чисто мистические, поповские, антиматериалистические идеи.

На ряду с борьбой против ошибок этого рода должна вестись неуклонная борьба со всякого рода другими идеалистическими ошибками (фрейдистскими и т. д.).

Необходимо систематическое непосредственное участие всех товарищей, работающих в области философии, в антирелигиозной пропаганде.

Для разрешения всех этих грандиозных задач необходимо неуклонное развертывание большевистской самокритики в отношении всех допущенных ошибок, коллективная работа, подбор работоспособных кадров.

Философский фронт—один из участков руководимого коммунистической партией общего фронта борьбы за построение социализма в нашей стране, за международную революцию.

Поворот в работе, обусловленный новыми задачами революции, требует от всех работников на этом фронте ясного сознания своих задач, утроенной энергии и неуклонной решимости приложить все силы для их осуществления. Нет и тени сомнения в том, что он приведет к новым победам ортодоксального марксистско-ленинского философского оружия.

Теория классов и классовая борьба в капиталистическом обществе [1]).

С. Гоникман.

1.

Уже с самого начала положительной трактовки общественных явлений мы встречаем необходимость установить качественное своеобразие общественных явлений, требующее перехода от биологии и биологических закономерностей к особым закономерностям, качественно новым. Словом, уже с самого начала необходимо дать понятие специфического об'екта — «общество». Однако содержание понятия «общество» не остается неизменным. По мере углубления нашего исследования в сущность общественных явлений, понятие «общество» все полнее отражает реальное общество, конкретизируется, развертывается, охватывает все новые стороны реального об'екта. Понятие «общество» имело сначала необычайно бледные абстрактные очертания; по мере нашего продвижения вперед оно изменяется, конкретизируется, наполняется содержанием.

Сначала мы должны были «вырвать» общество из естественной среды, установить те специфические особенности, которые делают общество, отличают его от мира животных. Эти особенности заключаются в процессе труда. Мы сказали, что общество есть совокупность людей, об'единенных процессом труда. Это понятие — процесс труда — не застыло на месте; только что нами установленное, оно, отражая об'ективный процесс труда, сейчас же перешло в движение. Процесс труда, едва начавший движение вперед, раскрылся как единство двух моментов. Процесс труда раздвоился. С одной стороны оказалось, что процесс труда имеет содержание, и содержанием этого процесса является движение тех элементов, которые мы называем производительными силами. С другой стороны, процесс труда вскрылся как форма этого движения, как форма, в которой происходит движение содержания. Общество уже выступило не просто как совокупность, общество выступило как *история* общества, а история этого общества оказалась движением содержания и формы труда. *Форма и содержание труда* — вот те моменты, движение которых обнаружилось как движение общества в целом, при чем в этом движении содержание выступило перед нами как обусловливающий, как ведущий момент процесса труда, который определяет формы, в которых этот процесс протекает. Таким образом процесс труда разложился, раздвоился на производительные силы и на формы, в которых происходит движение производительных сил и производственных отношений выступило перед нами односторонне, т.-е. процесс труда выступил перед нами как такой процесс, в котором движение содержания определяет движение той формы, в которой протекает процесс применения производительных сил: движение производительных сил—активная причина, определяющая движение и характер производственных отношений — пассивного следствия.

[1]) Глава из подготовляемой работы «Исторический материализм».

Общество раскрылось перед нами уже в более конкретной форме. Он раскрылось как движение производительных сил и производственных отношений. История общества выступила перед нами как история развития производительных сил, обусловливающих развитие производственных отношений. Смена одних общественных формаций другими выступила перед нами как смена одних производительных сил другими производительными силами и как смена тех форм, в которых происходит применение производительных сил, т.-е. производственных отношений. Общество выступило не просто как совокупность людей, об'единенных процессом производства, при чем форма этого процесса определяется производительными силами и важнейшим их элементом — орудиями производства. Общество выступило, как **движение совокупности производительных сил и производственных отношений**.

Однако само собой разумеется, что и это более конкретное понятие общества не является еще полным понятием общества. Все это движение есть движение общественных людей, которые не только производят, обменивают, распределяют и потребляют, но которые также создают искусство, науку, право, государство, полицию, войска, т.-е. людей, производственный процесс которых происходит при необычайном богатстве и многообразии целой системы общественных отношений, вырастающих на основе процесса производства. Следовательно, если до настоящего момента раскрытия конкретного содержания понятия общество, производственные отношения выступают как форма развития производительных сил, как форма их применения, то в дальнейшем процессе конкретизации понятия «общество» производственные отношения выступают своей оборотной стороной, т.-е. они выступают как содержание, которое обуславливает целую систему общественных отношений, в которых протекает процесс производства в целом. Значит, форма и содержание—это не застывшие манекены, общественное явление, выступающее по отношению к другому общественному явлению как форма его, с другой стороны, в отношении к другим общественным явлениям выступает как содержание, относительно которого эти другие общественные явления выступают в качестве формы. Производственные отношения суть форма применения производительных сил, но на этих производственных отношениях вырастает новая совокупность общественных отношений, которая обусловливается данными производственными отношениями. Эта новая совокупность общественных отношений будет уже формой, в которой протекает процесс производства в целом. Следовательно, понятие «общество» должно дать не только закон движения производительных сил и производственных отношений, оно должно дать закон движения производительных сил и производственных отношений и всей системы общественных отношений, вырастающих на базе производства в целом. Оно должно дать закон движения общества в целом.

2. Профессии.

Сейчас мы переходим к рассмотрению тех сторон общественных явлений, которые вырастают на производстве в целом. Рассматривая производственные отношения, мы разделили их на два вида: на технические производственные отношения и на социально-экономические производственные отношения.

Под техническими производственными отношениями мы понимаем отношения людей между собой, которые вытекают из технического способа воздействия на предмет труда.

Техническое разделение труда — это технические производственные отношения, которые мы имеем на каждой фабрике, на каждом заводе. Это есть разделение труда, осуществляемое планомерно и орг…

Другая группа производственных отношений — это общественное разделение труда, т.-е. такая связь между людьми, которая вытекает из способа воздействия на предмет труда, из отношений к природе, но которая осуществляется неорганизованно. Основная линия общественного разделения труда есть разделение промышленного и сельскохозяйственного труда. Другой важнейшей линий общественного разделения труда является разделение на умственный и физический труд. Внутри каждого из этих важнейших подразделений существует, конечно, множество дальнейших делений. Так, сельскохозяйственное производство делится на животноводческое, зерновое, хлопковое, льняное, огородное, садовое и т. д. Промышленное производство делится на две основные группы — на добывающую и обрабатывающую промышленность; каждая из групп распадается далее на множество отраслей и отдельных производств. Суть общественного разделения труда в том, что связь между различными областями общественного производства осуществляется неорганизованно. В товарном обществе эта связь устанавливается не единым планово-организующим центром, но стихийно регулируется посредством рыночных отношений.

На основе технических производственных отношений в обществе вырастают те отношения, которые мы называем профессиональными. На основе разделения труда вырастает разделение на профессии. Значит ли это, что разделение труда неразрывно связано с разделением на профессии? Значит ли это, с другой стороны, что всякие технические производственные отношения неразрывно связаны с разделением на профессии?

В нашей литературе по этому вопросу произошла интересная дискуссия между т. Бухариным и академиком Солнцевым. В своей работе «Общественные классы» Солнцев высказал взгляды, что профессия является логической категорией, т.-е. свойственной всем общественным формациям, в том числе и будущему коммунистическому обществу. Бухарин в «Теории исторического материализма» полемизирует со взглядами Солнцева и отстаивает исторический характер профессии. Из исторического характера профессии Бухарин делает вывод, что в будущем обществе профессий не будет. В предисловии ко 2-му изданию «Общественных классов» Солнцев отстаивает свою точку зрения и формулирует ее следующим образом: «Профессию Бухарин считает «исторической» категорией, полагая, что «профессия есть в то же время все же общественное отношение». Наоборот, в своей книге «Общественные классы» автор считает профессию категорией технической и потому отнюдь не исторической, полагая, что основа образования профессий — техническое разделение труда, специализация по определенным видам трудовой деятельности — присуща всякому человеческому общению любой формации».

Мы не можем полностью присоединиться ни к т. Бухарину, ни к Солнцеву.

Раньше всего вызывает полнейшее недоумение противопоставление Солнцевым отношений технического разделения труда общественным отношениям. Профессиональное отношение Солнцев считает технической, но не общественной категорией. Но с марксистской точки зрения такое противопоставление — несуразица. Машина, любой элемент производительных сил, взятый изолированно, не выражает никаких общественных отношений и сам таковым не является. Но технические взаимоотношения людей в процессе применения машин, любых орудий труда суть общественные отношения: «Машина, как и вол, который везет плуг, не экономическая категория, а производительная сила. Но современная фабрика, покоющаяся на приложении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория» [1]. Из всего контекста совершенно очевидно, что Маркс говорит

[1]) Нищета философии, изд. «Просвещение», стр. 121.

не только о социально-экономических, но и о технических производственных отношениях. Поистине странно, что приходится доказывать, что отношения людей между собой в процессе общественного производства суть общественные отношения. Это для марксиста азбука. Но если отказ техническим производственным отношениям в «общественном паспорте» является азбучной ошибкой, то отказ профессиональным отношениям в признании их общественного происхождения и значения является либеральной слепотой. Профессиональные отношения людей в капиталистическом обществе являются даже не столько непосредственным продуктом состояния техники, сколько общественных отношений в целом. Привилегированные профессии являются монополией привилегированных классов. Не заметить этой общественной стороны профессиональных отношений можно, лишь надев либеральные очки. Таким образом мы полностью солидаризуемся с утверждением т. Бухарина, что профессиональные отношения суть общественные отношения.

Далее Солнцев утверждает, что техническое разделение труда логическая категория, свойственная всем общественным формам производства. Но это неверно. Технические производственные отношения действительно являются логической категорией. Не может протекать общественный процесс производства без определенной технической и социально-экономической формы. Но отношение технического разделения труда есть лишь одна, но не единственная форма технических производственных отношений. Правда, разделение труда, сначала техническое, а затем и общественное, начинается на довольно ранних ступенях общества, но из этого не следует, что надо вычеркивать из истории человечества весь тот период, когда в процессе решающего производства происходило простое сотрудничество. Таким образом **разделение труда** является не логической, но **исторической категорией**. Совершенно ясно, что и деление на профессии тоже историческая, а не логическая категория. Там, где нет разделения труда, не может быть и профессий. Только тогда, когда происходит разделение труда и когда уровень технического развития достигает определенной высоты, начинается распадение общественного труда на специальные области работы.

В самом деле, для того, чтобы умственный труд мог отделиться от физического труда, нужен был такой уровень развития производительных сил, чтобы кто-то мог, не занимаясь физическим трудом, пропитаться; чтобы тот, кто непосредственно занимается производством, мог произвести столько, сколько ему нужно не только для себя, но и для пропитания тех кадров общества, которые непосредственно производством материальных благ не занимаются. Современный поп является представителем особой профессии; шаман первобытных орд не является профессионалом; он шаман, но в то же время и охотник; он одновременно выполняет все те функции, которые выполняет каждый член его племени, его орды. Профессии возникают только на определенном уровне развития производительных сил и разделения труда.

Вместе с тем профессиональное отношение не есть непосредственный продукт разделения труда. И в простом натуральном хозяйстве существует разделение труда, однако здесь еще нет внутри каждого хозяйства профессий и профессионального отношения. **Профессия возникает из разделения труда только тогда, когда оно ведет к специализации отдельных моментов общественного труда в целом.** Кузнечная работа производится, хотя бы в элементарной форме, в каждом замкнутом натуральном хозяйстве, но она не является там особой профессией. Когда же эта работа выделяется как особая общественная работа, когда она превращается в особую специальность одного человека, обслуживающего производственные процессы многих других экономических хозяйств, тогда возникает кузнец-профессионал. Вместе с тем возникает отношение общественного разделения труда. После

профессионального отношения является закрепленность определенных специальных общественных функций за отдельными производителями. Она происходит как естественный результат специализации. В просто товарном ремесленном городе каждая профессия требует определенной выучки и имеет свои «секреты производства». Профессия передается от отца к сыну и т. д. Перемена профессии требует новой выучки и происходит только, как исключение из правила. Профессиональная закрепленность сохраняется и в капиталистическом обществе. Но по мере технического развития она делается все более слабой. Однако это ослабление закрепленности выражается отнюдь не в том, что рабочий может свободно менять свою профессию. Прогресс капиталистической техники ведет к тому, что относительно все большая доля производственных процессов может быть выполнена необученной рабочей силой — женщинами, детьми, необученными мужчинами. Рабочая сила действительно получает возможность переливаться из одного производства в другое, «менять профессию». Секрет этой «свободы» лежит в том, что рабочая сила лишена какой бы то ни было профессии: ее профессией является отсутствие профессии. Эта профессиональная беспрофессийность закреплена прочно за массой рабов капитала, ибо они не имеют средств для приобретения квалификации и нужны капиталу лишь как чернорабочие или малообученные рабочие. Свобода перемены профессии есть в капиталистическом обществе лишь видимость, сущностью которой является действительная свобода капитала эксплоатировать наемный труд во всех видах и положениях. С другой стороны, чем больше обучения требует профессия, тем она прочнее закреплена за определенными членами общества и чисто-технически и социально, ибо требует издержек обучения. Всякий слесарь может стать чернорабочим, но не всякий чернорабочий может стать слесарем. Бухгалтер может стать уборщиком, но не слесарем или токарем и т. д. Таким образом, Солнцев прав, когда он говорит о подвижности профессий в капиталистическом обществе по сравнению с феодальным, но он недооценивает техническую границу подвижности профессий и вовсе выкидывает вон социальную обусловленность профессий.

Значит ли это однако, что, раз возникнув, профессии останутся до окончания века, что профессиональные отношения не являются логическими в том смысле, что были такие общества, которые не знали профессий, но являются логическими в том смысле, что всякое дальнейшее общество должно будет сохранить это отношение профессий? Конечно, профессии ни в том, ни в другом смысле не являются категорией логической.

Современное развитие производительных сил говорит безусловно о том, что в процессе дальнейшего общественного развития мы вступим в фазу отмирания профессий. Само собой разумеется, что не уничтожение разделения труда будет основой уничтожения профессии. Наоборот. Разделение труда, породившее профессии, само в процессе своего дальнейшего развития отрицает професии, ибо современное техническое развитие приводит к чрезвычайному упрощению функций непосредственного производителя. Дальнейшее разделение труда создает технические предпосылки к уничтожению профессий. В самом деле, если профессия стеклодува весьма почтенная и квалифицированная профессия, то машинизацией стекольного производства эта профессия уничтожается. С введением конвейерной системы в современном производстве количество профессий, количество специально-квалифицированных рабочих все более уменьшается. Рабочая сила становится подвижной, прикрепленность рабочего к определенному способу воздействия на предмет труда уничтожается уровнем технического развития. Вместе с тем социалистическое общество создает и социально-культурные предпосылки уничтожения профессий. Политехническое и общественное воспитание каждого члена общества подготовит его к пониманию всего процесса производства в

целом и к выполнению разнообразнейших исполнительских и организаторских функций. Отсутствие социального и культурного неравенства позволит каждому члену общества свободно выбирать и свободно менять способ участия в общественном производстве. Здесь мы полностью присоединяемся к точке зрения Бухарина. Однако до тех пор, пока речь идет о процессе материального производства. Мы не можем согласиться с тем, что исчезнут профессии в целом. Конечно, мы настолько вымазаны навозом капиталистического общества, что нам дьявольски трудно понять социалистическое общество даже в существенных деталях. Но состояние современной науки не позволяет думать, что в социалистическом и коммунистическом обществе, которое уже не за горами, будет уничтожена специализация в области умственного труда. Здесь мы, отвергая в корне ошибочную аргументацию Сольцева, должны с ним согласиться в выводах.

Современная наука обнаруживает две тенденции: с одной стороны, происходит сближение научных областей, которые раньше казались совершенно несвязанными—так, напр., возникла биохимия, физико-химия и т. д.; с другой стороны, отдельные вопросы какой-либо науки превращаются в особые науки—учение о строении вещества, стереохимия и т. д. Идет интенсивнейший процесс дифференциации науки. Теперь мало можно встретить физиков-специалистов во всех областях физики. Каждый крупный физик специализируется только в какой-либо одной или нескольких областях физики. Гигантский рост науки делает научный универсализм невозможным. Отрицание универсализма вытекает также из логической структуры наук. Для Богданова универсализм в будущем обязателен, ибо для него нет ничего, кроме механического движения, охватываемого единой и единственной организационной наукой. С точки зрения богдановского идеала науки с Бухариным следует согласиться. Но диалектический материализм отвергает богдановскую универсальную организационную науку. Единство всех наук заключается в едином диалектическом методе. Но единый диалектический метод применяется к изучению различных родов движений материи и приводит не к тождеству различных наук, а к противоречивому единству всеобщего и качественно-своеобразного. Метод будет один, но он будет применяться в различных науках; его сознательное применение приведет к неслыханному расцвету конкретных наук. Но если уже современный врач, инженер, физик, химик, историк, экономист, философ, математик не может быть универсальным специалистом *в своей науке*, то как же будущий человек будет универсальным специалистом *во всех науках*? Нет никакого сомнения в том, что наука будущего потребует от наших потомков, на ряду с общим философским мировоззрением, детальной специализации не только в отдельных науках, но и научных вопросах. Таким образом известный профессионализм в области умственного труда логически необходим. Но раз так, то он необходим и социально, ибо общество заинтересовано в развитии науки и должно его обеспечить. Возможно, что каждый специалист науки обязан будет известный минимум времени отдать непосредственному участию в материальном производстве. Наше поколение, которое еще привыкло рассматривать физический труд как проклятие, охотно завещало бы этот пункт обществу будущего. Но скорее каждый участник процесса материального производства будет одновременно специалистом науки. Но, как бы то ни было, специализация в производстве науки и общественное закрепление научной профессии будут иметь место и в будущем, насколько мы вообще способны его понять в подробностях.

Общественно-профессиональная связь играет в различных исторических общественных формациях и в различные периоды одной и той же формации неодинаковую роль. В средневековом ремесленном городе объединение производителей по цехам играло огромную роль. Профессиональные цехи были замкнутой организацией, регулирующей во всех деталях качество

и количественно производственный процесс. Профессионально-цеховая ограниченность долгое время мешала об'единению подмастерьев различных профессий для совместной борьбы против мастеров. Немаловажную роль в развитии ремесленного города играла борьба между цехами. Капиталистический способ производства, ломая производственную ограниченность цехов, их оцепеневшие общественно-профессиональные отношения, отводит им второстепенную роль. Однако и при капитализме профессиональная общность является первой основой рабочих организаций. Отсталый рабочий, не обладающий еще классовым сознанием, осознает свои особые интересы, как профессиональные. Исходя из них, он чувствует себя членом коллектива—профессионального. Еще не понимая интересов класса в целом, он подымается лишь на уровень профессионально-групповой солидарности. При чем он противопоставляет интересы своей профессиональной группы не только интересам капиталистов, но также интересам других профессиональных групп. А так как положение различных профессий неодинаково и интересы их могут быть в отдельных случаях различны и даже противоположны, то привилегированные профессии ведут к созданию узкого «профессионального сознания» и замкнутых профессиональных организаций. С развитием капиталистического общества и классовой борьбы узко-профессиональная солидарность уступает место общеклассовой, и общеклассовые организации приобретают руководящее значение. Однако этот процесс совершается крайне неравномерно. Монопольное положение отдельных капиталистических групп и стран позволяет капиталистическим группам поддерживать привилегированное положение отдельных профессий и тем самым противопоставлять одни профессиональные группы рабочих другим и классу в целом. В общем в современный период капиталистического развития общественно-профессиональные отношения играют тем большую роль, чем менее развито классовое сознание пролетариев.

3. Распределительная теория классов.

Гораздо более важны те отношения людей между собой, которые вырастают на почве социально-экономических производственных отношений. Эти отношения являются основанием, из которого вырастают классы и классовая борьба. Совершенно естественно, что классы являются продуктом исторического развития, что классы не от века присущи обществу, что они возникают только там, где в процессе производства имеет место отрыв производителей от средств производства.

Что такое класс? Как именно социально-экономические производственные отношения формируют отношения классов между собой?

«Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, при чем ответ этот получится сам собой, раз мы ответим на другой вопрос: что делает наемных рабочих, капиталистов и земельных собственников элементами, образующими три великие общественные класса.

На первый взгляд—это тождество доходов и источников дохода. Перед нам три большие общественные группы, члены которых или образующие их индивидуумы живут соответственно за счет заработной платы, прибыли и земельной ренты при помощи использования своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности» [1]).

Маркс ставит перед собой в III томе «Капитала» вопрос—что образует класс, и так отвечает на него: «на первый взгляд тождество доходов, источников дохода». Действительно, на первый взгляд классовые отношения вытекают из отношений в процессе распределения продукта, в процессе распределения общественного дохода. Разве не отчетливее всего выступают отно-

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1908 г., стр. 414—415.

шения классов между собой в капиталистическом обществе, если мы начнем наш анализ с тех отношений, в которых они находятся в процессе распределения народного дохода?

В чем заключается, где ярче всего выявляется классовая борьба в капиталистическом обществе? На первый взгляд легче всего заметить эту борьбу как борьбу за заработную плату, с одной стороны, за прибыль—с другой стороны и за ренту—с третьей стороны, т.-е. на поверхности общества раньше всего отношения классов выступают как отношения распределения.

В современной социологической литературе существует множество теорий классов. Но мы остановимся только на двух—на распределительной, изложение которой мы начали, и на теории, выводящей классы из разделения труда—на теории А. Богданова. Наш выбор определяется двумя точками зрения — методологической и политической. Разбор этих немарксистских теорий классов методологически необходим, ибо они на первый и чрезвычайно поверхностный взгляд как будто очень близко подходят к марксизму,—без пяти минут марксистские. Методологическая опасность этих теорий практически может быть доказана хотя бы тем полупризнанием, которое они встречают у авторов, в общем стоящих на марксистской точке зрения. В особенности это относится к распределительной теории. Так, Солнцев в уже упомянутой очень интересной и ценной, близкой к марксизму работе «Общественные классы» видит коренной недостаток распределительной теории в следующем: «Главный недостаток всех этих распределительных учений об общественных классах—их неполнота, незаконченность» [1]).

Точно так же благодушно, нерешительно критикует распределительную теорию классов Оранский: «Нельзя сказать, что такое понятие класса было бы неправильно, т.-е. содержало бы признаки, которые классам не присущи. Недостаток предложенных определений в другом: они характеризуют классы лишь по внешнему признаку распределения, в то время как отношения распределения сами являются производными, обусловленными отношениями производства» [2]).

Таким образом, оба наши автора сходятся в благодушном признании распределительной теории недостаточной, неполной; об антимарксистском характере ее нет ни слова.

Политическая опасность этой теории тесно связана с методологической: раз она так легко может сойти за почти-марксистскую, то она уже является удобной лазейкой для ревизионизма. Но это является лишь условием, благоприятствующим использованию этой теории ревизионизмом. Причиной, толкающей ревизионизм на распределительные рельсы, является тот факт, что распределительная теория классов дает возможность свести классовую борьбу в капиталистическом обществе к борьбе за величину прибавочной стоимости. Вопрос о качестве капиталистических отношений, о способе производства в целом, о непримиримом характере борьбы стушевывается. Распределительная теория классов выступает как теоретическое обоснование практического реформизма. Удивительно ли, что реформизм фальсифицирует Маркса по линии распределительной интерпретации его теории классов?

Что касается богдановской теории классов, ей мы посвятим особую главу, ибо в ее сети попалась не одна лишь реформистская рыбешка, слабая на голову в теории в целом.

Вернемся к существу распределительной теории. Мы не станем останавливаться на тех вариантах, которые видят основу классообразования в различной величине дохода, различном уровне благосостояния. Наивный, деликатно выражаясь, лепет этих «теоретиков» не заслуживает того, чтобы

[1]) Изд. 2-е, стр. 191.

[2]) Оранский, стр. 171.

тратить на его опровержение столь дорогую у нас бумагу. Обратимся к тем, кто видит источник классообразования не в величине, а в источниках дохода. Эта теория до крайности проста. Основной ее принцип заключается в том, что основу образования классов она ищет и находит в отношениях распределения народного дохода. Различные группы общества получают свою долю национального дохода из различных источников. Но так как национальный доход общества всегда представляет определенную величину, то величина дохода каждой группы неразрывно связана с величиной дохода других групп. Действительно, рабочий класс, получающий свою долю дохода в виде заработной платы, в сфере распределения встречается с враждебными ему интересами класса капиталистов, ибо величина той доли национального дохода, которую получает рабочий класс, находится в обратной зависимости к той доле национального дохода, которую получает капиталист в виде прибыли. Чем больше капиталист получает в виде прибыли, тем меньше получает рабочий в виде заработной платы. Точно так же в сфере распределения враждебно сталкиваются интересы капиталиста и землевладельца, промышленного капиталиста и торгового, промышленного и торгового капиталиста и финансового: чем большую часть прибавочной стоимости капиталист получает в виде прибыли, тем меньше получает крупный землевладелец в виде ренты, чем большую долю прибавочной стоимости промышленный капиталист получает в качестве промышленной прибыли, тем меньшую долю получает торговец в качестве торговой прибыли и т. д. Значит, из первого признака—источника дохода—вырастает противоположность интересов одного класса интересам другого класса.

И, наконец, общий источник дохода ведет к общности классовых интересов в противоположность к антагонистическому отношению к другим классам. Таким образом, три момента характеризуют класс: формирующий момент—общий источник дохода, производные—общность интересов класса и противоположность интересам других классов. Так, Туган-Барановский дает такое определение класса: «Мы можем определить социальный класс как общественную группу, члены которой находятся в одинаковом экономическом положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других групп и вследствие этого имеют общие экономические интересы и общих антагонистов в процессе общественного хозяйства» [1].

Так же определяет и Каутский понятие класса в своей старой брошюре «Классовые интересы»: «Образование отдельных классов обусловливается не только общностью источников дохода, но и вытекающей отсюда общностью интересов, а также и противоположностью к другим классам», или далее в той же работе: «Все классовые различия, классовый антагонизм и классовая борьба находят для себя основание в способе распределения продуктов» [2].

В чем заключается ошибочность распределительной теории классов? Разве не верно в самом деле, что источник образования классов лежит в том способе, которым социальные группы присваивают часть национального дохода? Разве не верно, что из этого возникает антагонизм интересов каждого класса интересам других классов и общность интересов всех групп, имеющих одинаковый источник дохода?

[1] Туган-Барановский, Теоретические основы марксизма, изд. 1906 г., стр. 25.

[2] Нужно отметить, что в своей последней работе «Материалистическое понимание истории» Каутский отказывается от распределительной теории классов и переходит на производственную. Однако это относится лишь к вопросу о классообразовании. Что касается классовой борьбы, то он целиком остается на распределительной точке зрения. Причины ясны: марксистское понимание классовой борьбы несовместимо с реформистской практикой. Это будет доказано в последующем изложении.

Предоставим опять слово Марксу. Приведенную уже нами цитату он продолжает следующим образом:

«Но с этой точки зрения пришлось бы отнести к двум классам, напр., врачей и чиновников, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, при чем члены каждой из этих групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же самое имело бы место и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда как среди рабочих, так и среди капиталистов и земельных собственников,—последние распадаются, напр., на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных ловель...».

Кто прав—Маркс ли, считающий, что распределительная теория ведет к абсурдным результатам, или Солнцев и Оранский, благодушно критикующие распределительную теорию за ее «недостаточность»?

Если действительно основа классообразования и классовой борьбы лежит в источниках дохода, то классы капиталистического общества поистине неисчислимы. Промышленные капиталисты, чья прибыль находится в непосредственной обратной зависимости от торговой прибыли, учетного процента, ренты, являются несомненно особым классом относительно торговцев, банкиров, землевладельцев. Точно так же в качестве особых классов выступают оптовые и розничные торговцы и т. д. без конца. Больше того, с этой точки зрения несомненно, что все производители являются одним классом, а все потребители являются другим классом. В меновом обществе каждый производитель заинтересован в том, чтобы как можно дороже продать продукт своего труда, как можно дороже продать товар. Величина той части национального дохода, которую присваивает себе производитель, зависит от величины цены, по которой он реализует свой товар. С другой стороны, находится класс потребителей, который заинтересован в том, чтобы как можно дешевле данный товар купить. Значит, с этой точки зрения, основные общественные классы есть класс производителей и класс потребителей. Но для того, чтобы потреблять, надо производить; чтобы купить, надо сначала что-то продать, так как если ты не продашь, то не будешь иметь того, за что можно что-то купить. Следовательно, каждый член общества выступает как представитель двойного класса, он принадлежит одновременно к двум классам. Каждый член общества является, с одной стороны, производителем, с этой точки зрения он относится к классу производителей, но он является также и потребителем,—значит, в одно и то же время он относится и к классу потребителей.

Таким образом, классовая борьба развивается в недрах одного индивидуума. В один момент он выступает как представитель класса производителей, но прежде чем выступить как представитель этого класса он должен выступить как представитель класса потребителей, ибо без орудий и предмета труда нельзя производить.

С распределительной точки зрения один класс—проститутка и вор, другой класс—ученые, третий класс—врачи и т. д., ибо все они имеют различные источники доходов. Совершенно естественно поэтому, что, когда представители распределительной теории классов приходят к вопросу о количестве классов в капиталистическом обществе, среди них начинается величайший разнобой. Если Каутский и Туган-Барановский видят три основных класса в капиталистическом обществе: класс, который получает свой доход в виде заработной платы; класс, который получает часть национального дохода в виде прибыли, и класс, который получает часть национального дохода в виде ренты, то другие теоретики распределительной точки зрения насчитывают, конечно, гораздо большее количество классов. Наиболее строгие и последовательные представители этой теории приходят к тому, что существует столько классов и столько видов классовой борьбы, сколько существует, собственно, отношений отдельных групп общес[illegible] собой

в процессе распределения. Бернштейн, наиболее последовательный и безбоязненный представитель этой теории, приходит к такому выводу в своей книге «Спорные вопросы социализма». Он говорит: «Классовую принадлежность Маркс, как мы видим, связывает с природой источников дохода и подразделяет эти последние на земельную ренту, прибыль и заработную плату». Отсюда через несколько страниц, когда он переходит к конкретной характеристике классов и классовой борьбы, следует: «Борьба сельских хозяев против потребителей, потребителей против производителей, ремесленников против торговли и крупной промышленности, все это—разные виды классовой борьбы». Борьба между картелями, картелей со «свободными» и т. д. и т. д.—также не что иное, как классовая борьба. «Все это—классовая борьба или частичные проявления таковой в современном обществе, в среде самих предпринимателей и относительно самостоятельных классов населения». Само собой разумеется, что Бернштейн не забывает тут же сделать реверанс перед рабочим классом: «Но из всех этих классовых конфликтов... величайшей борьбой остается все же борьба между классом рабочих, получателями заработной платы, и классом предпринимателей» [1]).

Таким образом, по Бернштейну, классовая борьба кипит во всех порах капиталистического общества. И пусть домашние хозяйки преисполнятся гордым классовым сознанием, непримиримо торгуясь с молочницей, зеленщиком, сапожником, домработницей и т. д.—они совершают акт классовой борьбы. И после этого находятся еще люди, упрекающие реформистов в подлой измене классовой борьбе!

Распределительная теория классов критикует сама себя. Никакой анализ современного капиталистического общества с точки зрения распределительной теории классов невозможен, ибо все антагонистические отношения в капиталистическом обществе превращаются в отношения классов; с другой стороны, специфические классовые антагонизмы капиталистического общества тонут в «классовых антагонизмах», общих многим общественным формациям. Противоположность города и деревни, производителя и потребителя и т. д. существует с той поры, с какой существует товарное хозяйство. Теория классов, которая приходит к установлению бесконечного количества классов, которая приходит к установлению того, что различные группы общества являются одновременно членами различных классов—эта теория отказывается от классовой теории вообще, отказывается от анализа классов и не помогает познать действительной классовой структуры общества. В свете этой теории «все кошки серы».

Вместе с тем распределительная теория классов ведет к реформистскому опошлению классовой борьбы. Поскольку способ распределения произведенных продуктов лежит в основе деления общества на классы и возникновения классовых антагонизмов, классовая борьба пролетариев с капиталистами теряет свой всеобщий и всеопределяющий характер. Она не имеет всеопределяющего характера, ибо она лишь один из видов классовой борьбы в капиталистическом обществе, и при этом не самый всеоб'емлющий. Капиталисты и рабочие, составляющие два класса в сфере промышленности, выступают единым фронтом, как один класс, против сельскохозяйственных производителей, торговцев и т. д. Далее, интересы различных групп рабочих находятся, с точки зрения источника дохода, в большей общности с интересами капиталистов, нежели других групп рабочих или трудящихся вообще. И если сволочная аристократия рабочего класса—квалифицированная верхушка рабочих империалистических стран—поддерживает не за страх, а за совесть империалистическую политику своих

[1]) Бернштейн, Спорные вопросы социализма, Берлин, изд. С. Ефрон, стр. 125—130.

господ, то она обнаруживает лишь «высокое классовое сознание», ибо величина их доходов находится в прямой пропорции к грабежу и эксплоатации колониальных народов. Распределительная теория не об'единяет, но раз'единяет трудящихся, оправдывая и обосновывая цеховую, а не действительно классовую точку зрения.

Сущность классовой борьбы распределительная теория видит в борьбе за величину дохода, за раздел прибавочной стоимости. Это есть борьба не против капиталистического способа производства, но в рамках его. Эта теория ставит перед пролетариями не задачу сокрушения эксплоататорского общества, а задачи постепенного улучшения его, постепенного увеличения доли пролетариата в национальном доходе. Отрыв классов и классовой борьбы от производства и его развития позволяет современному реформизму открыто отказаться от марксовой теории неизбежности экономического крушения капитализма, создавая при этом видимость верности классовой точки зрения. Капитализм не имеет, по современному реформизму, внутренних границ развития; он может развиваться бесконечно. Социализм наступит не как продукт экономического краха капитализма, а как продукт стремления пролетариата к уничтожению «несправедливого» распределения, роста его сознания и т. п.

«Перспективы социализма зависят не от возможности или необходимости наступления краха или деградации капитализма, но от ожиданий, которые мы должны питать, что пролетариат достаточно окрепнет, что производительные силы настолько вырастут, что предоставят средства для облегчения народных масс, и что производительные силы примут при этом такую форму, которая облегчит общественную организацию их применения. И, наконец, необходимые экономические познания и общественное сознание (дословно, совесть—das Gewissen) пролетариата настолько вырастут, что он окажется в состоянии плодотворно применить производительные силы. Таковы предпосылки социалистического производства» [1]).

Так выглядят классовая борьба и социализм при последовательном применении распределительной теории классов. Надо ли еще доказывать, что эта теория не «недостаточная», а антипролетарская, антимарксистская, антиреволюционная. Она также ненаучная теория. Кардинальная методологическая ошибка этой теории заключается в том же, в чем заключается ошибка всякого грубого эмпиризма. Эта теория останавливается на поверхности исследуемых явлений, не проникая в их сущность. Различные источники дохода и антагонизм на почве распределения национального дохода действительно существуют, они не выдуманы. Но сами по себе они мало что об'ясняют и ведут к грубейшим заблуждениям. Задача исследователя не кончается, а лишь начинается с установлением категорий заработной платы, прибыли и т. д. Сущностью общественной жизни является процесс материального производства. В отношениях в процессе производства и в способе распределения средств производства лежит сущность, об'яснение отношений в процессе распределения. Отличие распределительной теории классов от марксистской есть отличие эмпиризма от диалектического материализма. Распределительная теория классов так относится к марксистской, как теория спроса и предложения к теории стоимости.

4. Марксистская теория классов.

Отношения, которые создаются в процессе распределения национального дохода, являются не чем иным, как оборотной стороной тех отношений, которые создаются в процессе производства. В свою очередь, отношения в процессе производства вырастают из отношений к средствам производства,

[1]) Каутский, Материалистическое понимание истории, — [illegible] 502.

т.-е. из распределения средств производства. Значит, марксизм тоже стоит на «распределительной» точке зрения, но он имеет в виду не распределение национального дохода, не распределение продуктов труда, а распределение средств труда.

Распределение средств производства является также основой распределения функций в процессе труда. Класс владельцев средств производства является носителем организаторских и командующих функций. Передоверяя кому-либо организаторские функции, он сохраняет вместе с частной собственностью командующие функции. Класс, лишенный доминирующих в данных исторических условиях средств производства, выполняет в процессе производства исполнительские функции непосредственных производителей и вынужден подчиняться команде собственников. Командующие и исполнительские функции являются следствием владения и невладения решающими средствами производства, а не наоборот. Разделение труда на организаторский и исполнительский еще не образует разделения общества на классы. И в первобытном обществе, и в обществе переходного периода, и в будущем социалистическом обществе имеет и будет иметь место разделение организаторского и исполнительского труда в процессе материального производства. Однако в этих обществах (если отвлечься от сектора частного хозяйства в переходный период) нет классов и классовых отношений. Только слияние организаторских функций с командующими и исполнительских с подчиненными дает классовые отношения. Но это слияние само является оборотной стороной, продуктом монопольного владения средствами производства, с одной стороны, владения одной лишь рабочей силой—с другой.

Распределение средств производства—вот что является классообразующим принципом с марксистской точки зрения.

«Напротив, те формы распределения, о которых мы только что говорили, т.-е. распределение средств производства, являются базисом особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его деятелей, в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфически общественное качество. Они определяют весь характер, все движение производства» [1]). Или в другом месте: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности» [2]).

Значит, тот факт, что в самом процессе производства одна группа людей выступает как наемные рабочие, а другая выступает как капиталисты, одна группа выступает как непосредственные производители, другая группа выступает как организаторы-командиры—этот факт зависит от того, каким образом в данном обществе происходит распределение средств производства. В то же время отношения двух социальных групп в процессе производства суть отношения эксплоатации: владельцы средств производства присваивают себе частично или полностью продукт труда непосредственных производителей. Положение в процессе производства определяет положение в процессе распределения продуктов. Из общности положения в процессе производства и процессе распределения вырастает общность интересов одного класса и противоположность его интересов интересам другого класса. Противоположность классовых интересов, коренящихся в противоположном отношении к средствам производства, находит себе выражение во всей системе экономических и общественных отношений в целом. Сущность противо-

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 409.
[2]) Там же, т. I, стр. 321.

положности классовых интересов сводится к противоположному отношению к способу производства в целом. В то время как интересы господствующего класса неразрывно связаны с сохранением и упрочением существующего способа производства, интересы угнетенного класса толкают его, в последнем счете, к уничтожению закабаляющего его способа производства. Угнетенный класс может добиться своего освобождения, только уничтожив социально-экономические условия применения своей рабочей силы. Таким образом, борьба классов есть борьба за сохранение или за уничтожение существующей формы применения производительных сил, способа производства. Мы уже говорили о том, что каждая общественная формация характеризуется одним способом производства, играющим решающую, ведущую роль. Из этого вытекает, что каждая антагонистическая общественная формация состоит из двух основных классов, борьба которых играет решающую роль в развитии данного общества. Это не значит, однако, что существовали и существуют чистые двухклассовые общества. Точно так же, как не было и нет чистых способов производства, не было и нет чистых двухклассовых обществ. Точно так же как на ряду с господствующим способом производства в каждой общественной формации существуют остатки и начатки других способов производства, в каждом классовом обществе, на ряду с основными классами существуют остатки старых классов или зародышей новых, или то и другое вместе. Но решающее значение как в процессе материального производства, так и в развитии исторически определенного общества в целом принадлежит основным классам и их борьбе.

Основных типов классовых обществ столько же, сколько основных, покоящихся на монополизации средств производства, социально-экономических структур.

Одна общественная классовая формация отличается от другой классовой общественной формации тем, каким способом происходит соединение производителей и средств производства; и, наоборот, все классовые общественные формации сходны между собой в том, что во всех них происходит отрыв непосредственных производителей от средств производства. История человеческого общества знает следующие основные типы классовых отношений—это рабовладельческие отношения, так называемое античное древнее общество, азиатский способ производства, крепостное феодальное общество и общество капиталистическое [1]). Каждой из них свойственен особый вид классов и классовых отношений. Рабовладельческое общество было основано на том, что производитель составлял непосредственную собственность владельцев средств производства. Другой тип классовых отношений мы имеем в феодальном обществе. Правда, и здесь производители, в иные во всяком случае периоды, также являются собственностью владельца средств производства, но все-таки отношение здесь иное. В рабовладельческом хозяйстве рабовладелец является собственником всех средств производства и потребления; в крепостном хозяйстве землевладелец является собственником только основных средств производства, крепостной крестьянин владеет собственностью и не только на предметы потребления, он владеет также и собственностью на некоторые средства производства—животные, соха и т. д. Классовые отношения между крепостным и феодалом отличаются от отношений между рабом и рабовладельцем. Самый труд или продукт труда [illegible] бы частично принадлежит крепостному. При азиатском способе производства господствующий класс, организованный в государство, является владельцем и распорядителем решающих условий и средств труда, централизованн[illegible]

---

[1]) Я опускаю классовое общество переходного периода. В виду [illegible] ного своеобразия классов и классовой борьбе в обществе пере[illegible] посвящаю ему особую главу.

ы орошения. Здесь классовые отношения выступают в форме окостене- кастовых отношений. Наконец, высший и предпоследний тип классовых ошений—это отношения наемного рабства, отношение классов в капита- тическом обществе. Здесь опять-таки капиталист выступает как владе- средств производства; наемный рабочий выступает как юридически сво- ный человек, но лишенный средств производства. Здесь форма соединения изводителей и средств производства есть форма наемного труда.

Вся история человечества до сих пор, за исключением первобытного классового общества, есть история классовой борьбы.

Каждая исторически-определенная классовая социально-экономическая уктура имеет свои специфические классы и специфические законы клас- ой борьбы. Поэтому исторический материализм не может ставить своей чей установление законов классовой борьбы в каждой общественной мации—это дело конкретных общественных наук. Точно так же истори- кий материализм не может устанавливать законов классовой борьбы, об- всем общественным формациям—таковых не существует. Исторический ериализм, поскольку его задачи расширяются за пределы установления онов, общих всем общественным формациям, может установить лишь ность классов и классовой борьбы.

Класс есть группа людей, об'единенных истори- ско-определенной общностью отношений к сред- ам производства, обуславливающих одинаковую ль в процессе производства и распределения, об'- иненных поэтому общностью интересов, противо- ложных интересам другого класса, эксплоатирую- го его или им эксплоатируемого; каждое истори- ско-определенное классовое общество состоит из ух основных классов; сущность классовой борьбы ключается в борьбе за сохранение и упрочение, и за уничтожение господствующего способа про- водства.

Классовые отношения суть форма проявления производственных отно- ний. Классовая борьба есть, как мы это разберем подробно на примере италистического общества, форма движения производства в целом.

Классовое общество есть продукт исторического развития. Было время, а классового общества не было. Совершенно естественно, что классы ли возникнуть только на определенном и довольно высоком уровне тех- ского развития. На том уровне, когда человек не мог произвести больше, ем ему нужно было для собственного потребления, для воспроизводства ей собственной рабочей силы—на этом уровне развития не могло возник- ть и классов. В самом деле, какой смысл порабощать, превращать людей чиненный класс, если они не могут произвести больше, нежели нужно поддержания их собственной рабочей силы? На этом уровне развития бедитель использует побежденного не как живую производительную силу, как натуральное вещество. Он попросту его пожирает. Людоедство есть бенность того уровня развития, когда один человек может служить дру- у человеку или как равный сотрудник в общей борьбе, или в качестве обного вещества. Когда уровень развития производительных сил позво- ет использовать другого человека, как производительную силу, на смену оедству приходит рабство,—победитель не с'едает попросту побежден- го, а превращает его в раба, в свою производительную силу.

Возникновение классового общества знаменовало прогресс в истории овечества. Оно содействовало развитию производительных сил. Смена ного классового общества другим означала возникновение все более высо- к форм движения производительных сил, развившихся в нашу эпоху до кого уровня, когда перед человечеством стоит задача окончательного

уничтожения классов. Классы и классовая борьба исторически ... к своему самоотрицанию.

На этом надо было бы закончить трактовку вопроса о классовой ... в пределах исторического материализма. Далее мы намерены рассм... классы и классовую борьбу в капиталистическом обществе, что отно... собственно к научному социализму. Это нарушит методологическую ... ность изложения. Но теория служит практике. А практика требует ос... ния классовой борьбы в капиталистическом обществе в первую очередь.

Но до рассмотрения классовой борьбы в капиталистическом обще... необходимо остановиться на одном существеннейшем отличии разл... типов классовой борьбы, имеющем огромное практическое значение ... борьбы современного пролетариата. Типология классовой борьбы в раз... ных общественных формациях представляет огромный теоретический и ... тический интерес, в особенности для нас, строителей социализма в ... ходный период. Но этот вопрос в нашей марксистской литературе со... шенно не разработан. Мы коснемся его с одной лишь стороны.

В «Коммунистическом манифесте» говорится:

«История всего предшествующего общества есть история борьбы к... сов. Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой ... стер и подмастерье, короче: угнетатели и угнетаемые, находились в ... стоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то ... борьбу, которая каждый раз кончалась **революционным пе... устройством всего общества или совместной ... белью борющихся классов**» (Разрядка моя. *С. Г.*).

Некоторые товарищи, в частности т. Бухарин, делают из подче... тых мною строк такой вывод: классовая борьба в **любой** общест... формации может привести **либо к революционному пе... устройству общества, либо к совместной гиб... обоих борющихся классов**. Также и классовая борьба в капи... листическом обществе может привести либо к его революционному ... устройству, либо к совместной гибели, в взаимоистреблению капитал... и пролетариев: **оба исхода возможны**.

Так толкуют некоторые товарищи подчеркнутую мысль «Комму... ческого манифеста». Конечно, техника человеческого взаимоистребл... временного капиталистического общества может дать повод к фант... ванию в духе «Треста Д. Е.» Эренбурга. Но я думаю, что предвидени... бурга являются плодом фантазии интеллигента-одиночки, запуганн... хотом современной классовой борьбы, но не творческим пониманием ... ника подлинных тенденций действительности. Пушки сами не стр... аэропланы сами не летают. Но не такими аргументами за и против ... разрешить вопрос.

Товарищи, трактующие вышеизложенным образом мысль Мар... Энгельса, как мне кажется, не вполне понимают ее или, вернее, по... толкуют ее абстрактно. По мнению этих товарищей, выходит, что Ма... Энгельс считали тот или иной исход классовой борьбы случайным. ... не задумываются над тем, что те общественные формации, которые ... **кретно** перечисляются Энгельсом и Марксом, не владели еще ... никой истребления, какой владеет современное общество, а ведь ... таторы всегда составляли физически ничтожную часть общества. ... Маркс и Энгельс считали исход. борьбы случайным. Смешно, ... отрицающие об'ективное значение случайности, приписывают Марк... Энгельсу мысль о случайности исхода классовой борьбы. Или, быть ... Маркс и Энгельс не знали существенных обстоятельств, приведш... или иному исходу борьбы классов? Наверно, они прямо об этом ...

Конечно, основатели марксизма не считали тот или иной исход ... совой борьбы случайным. Вся их работа была посвящена ...

еобходимости победы пролетарской революции. Революционное переустройство общества или гибель обоих борющихся классов не являются [illegible] возможными исходами классовой борьбы каждого общества. Каждое классовое общество имеет свои специфические закономерности классовой борьбы, ими определяется ее исход. Сущность классовой борьбы заключается в борьбе за сохранение или за уничтожение господствующего способа производства. Угнетенные классы всех общественных классовых формаций боролись в последнем счете за уничтожение господствующего способа производства. Эта черта об'единяет все угнетенные классы—рабов, крепостных крестьян, современных пролетариев. Но одна существеннейшая особенность [illegible]чает их. Не во всех классовых формациях угнетенный класс, борясь за уничтожение господствующего способа производства, выступал в то же [illegible], как носитель нового, более прогрессивного способа производства. В таких общественных формациях революционное переустройство не могло быть результатом классовой борьбы, ибо угнетенный класс не был способен к нему. Так протекала классовая борьба в рабовладельческом обществе. [Ра]бы не были носителями нового способа производства, рабовладельцы не могли обеспечить дальнейшего развития производительных сил. Классовая борьба в рабовладельческом обществе привела к ослаблению обоих борющихся классов, к расползанию общества в целом и сделала его легкой добычей варваров.

Иначе протекала классовая борьба в феодальном обществе. Здесь угнетенный класс был носителем нового способа производства, и исходом борьбы [был]о революционное переустройство общества.

Исход классовой борьбы в каждой общественной формации определяется внутренними закономерностями ее развития. В тех общественных формациях, в которых угнетенный класс не является носителем нового, более прогрессивного способа производства, исходом классовой борьбы является гибель обоих классов. В тех формациях, в которых угнетенный класс выступает не только как разрушитель господствующего способа производства, но как созидатель новой, более прогрессивной формы развития производительных сил, классовая борьба приводит к революционному переустройству общества. «Коммунистический манифест» говорит не о двух абстрактных возможностях исхода классовой борьбы [в] каждом обществе, но о конкретных, необходимых результатах классовой борьбы в конкретных исторически-определенных общественных формациях.

Конечно, исход классовой борьбы может быть случайным, но в совершенном смысле. Внешняя социальная или природная сила может оказать [решающ]ее влияние на развитие какого-либо общества. Но тогда результат [буд]ет уже не необходимым следствием классовой борьбы, а следствием внешней силы. Завтра какое-либо небесное тело может, обрушившись на нашу [зем]ную планету, уничтожить все человечество. Оба класса современного [обще]ства погибнут. Но при чем же тут классовая борьба?

Исход классовой борьбы в капиталистическом обществе также определяется законами его развития. Каков этот исход? Эренбурговский или [ин]ой—на это может ответить только конкретное рассмотрение законов [кла]ссовой борьбы капиталистического общества.

Основные классы и классовая борьба в капиталистическом обществе.

Основные классы капиталистического общества суть пролетариат и [бу]ржуазия. Соединение этих двух классов образует необходимую социальную форму движения капиталистического способа производства. Чистое капиталистическое общество — историческая тенденция капиталистического способа производства, которой не суждено осуществиться в полной мере,

это общество, состоящее только из этих двух классов. Социально-эко... ческие отношения между этими двумя классами нами уже рассмотрены... питалисты стоят на пороге производства, как монопольные собстве... решающих средств производства; рабочие приближаются к заветному... рогу, как владельцы одной лишь рабочей силы. Капиталисты жаждут ... вить чужим трудом цепенеющие средства производства; рабочие выну... продать капиталисту свою рабочую силу. После того, как акт прод... купли рабочей силы совершен, начинается процесс производства. В про... производства капиталист выступает, как носитель тройственной фун... он организует процесс производства посредством командова... над трудом для выжимания прибавочной стоимости. Р... чий непосредственно производит, подчиняясь команде капитала, для ... риализации в вещах своего прибавочного труда. В процессе распреде... и обмена рабочий реализует стоимость своей рабочей силы, получая... от капиталиста в качестве заработной платы; капиталист реализует п... вочную стоимость в качестве прибыли.

Раньше всего сущность отношений между этими двумя классами ... ключается в том, что они составляют неразрывное единство. Пролета... есть класс наемных рабочих, продающих свою рабочую силу капитал..., т.-е. в самом понятии «пролетариат» содержится уже понятие «буржуа... Нельзя понять, что такое пролетариат, не поняв одновременно, что т... буржуазия. И, наоборот, нельзя понять, что такое буржуазия, не поня..., такое пролетариат. Это взаимное проникновение понятий отражает в... ное проникновение об'ектов этих понятий в реальной действительност... единство в понятиях отражает единство пролетариата и буржуазии в ре... ной действительности. Это реальное единство заключается в том, что ... один из этих классов не имеет другого существования, кроме существ... ния неразрывно связанного с классом противоположным. С уничтож... пролетариата падает и буржуазия, и, наоборот, с уничтожением буржу... уничтожается и класс пролетариев.

Развитие буржуазии и буржуазного способа производства есть ... витие пролетариата. Развитие, концентрация, централизация, расши... капиталистического способа производства есть тем самым развитие, ... центрация, централизация, расширение класса пролетариата.

Петер Шлемель имел возможность отделиться от своей тени. Со... менная буржуазия тщетно мечтает об этой возможности. Пролетариат, ... тень следует за каждым ее движением вперед. Капиталистический сп... производства материальных благ воспроизводит не только матери... условия производства, но и общественные условия и элементы приме... производительных сил, т.-е. классы и классовые отношения. Напрасно со... менная буржуазия мечтает о рабочей силе — автомате. Для произ... автоматов необходима все та же «проклятая» живая рабочая сила. Она ... изводит не только автоматы, но и прибавочную стоимость, которая со... вляет конечную цель капиталистического производства. Капиталистич... способ производства неразрывно связан с существованием обоих кла... каждый из них включает в себя противоположный. «В той же самой ст... пени, в какой развивается буржуазия, т.-е. капитал, развивается проле... риат, класс современных рабочих, которые только и могут существ... когда находят работу, а находят ее только до тех пор, пока труд их увел... чивает капитал» [1].

Отсюда, между прочим, ясно, насколько условно название «проле... рий» для работающих в государственном секторе нашего хозяйства. О... не являются наемными рабочими в марксистском смысле этого слова. Они ... противостоят средствам производства, как наемный рабочий капиталу. Т...

[1] «Коммунистический манифест».

где нет капитала и капиталистов, нет наемного труда и пролетариев. Если мы были бы в практическом словоупотреблении строги и последовательны, мы называли бы трудящихся в государственном секторе производителями последовательно-социалистического типа. Применение понятия «пролетарий» к нашим рабочим может быть оправдано лишь тем, что в нашей стране еще существуют классы и классовая борьба, что мы ведем жестокую борьбу с остатками и корнями капитализма и что мы рассматриваем себя лишь как авангард международной армии пролетариата. Этого своеобразия содержания, скрывающегося у нас под формой «пролетарий», никогда нельзя забывать.

Вернемся к капиталистическому обществу. Пролетариат и буржуазия составляют неразрывное единство. Это одна сторона их отношений. Другая сторона—они составляют противоречивое единство. Их интересы враждебно сталкиваются на пороге производства, в самом производстве и в процессе распределения. Эти противоречия интересов в различных сферах экономического базиса суть форма проявления основного противоречия, образующего исходный пункт капиталистического способа производства. Капиталистический способ производства возникает как продукт развития ремесленного способа производства. Техническая революция, произведенная машиной, революционизировала технический характер труда — технические производственные отношения. Труд приобрел общественный, коллективный характер. Но формы присвоения остались частными. Противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения является основой и сущностью всех противоречий капиталистического способа производства: «Средства производства и само производство по существу своему стали общественными; но они были подчинены форме присвоения, основанной на частном единичном производстве, свойственном тому времени, когда каждый владел своим собственным продуктом и сам выносил его на рынок. Новая форма производства подчинилась старой форме присвоения, несмотря на то, что она совершенно разрушила ее основы.

Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе **зародыши всех современных противоречий**» [1]).

Вся система классовых противоречий капиталистического общества является формой проявления этого основного противоречия. Точно так же противоречия капиталистического общества в сфере обмена суть особая форма выражения основного противоречия. Развитие капиталистического способа производства расширяет и углубляет общественный характер труда. Капиталистический способ производства проникает в отсталые, замкнутые сферы народного хозяйства, революционизирует их и подчиняет законам своего движения—он универсализирует общественный характер труда и производства в целом. Но монопольная частная собственность на средства производства обусловливает все возрастающую организацию труда в частном хозяйстве, при отсутствии ее в народном хозяйстве в целом. Выражением этого противоречия является взаимная конкуренция между капиталистами, анархия производства и кризисы: «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу, **как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе**» [2]).

Таким образом, основные классы капиталистического общества находятся в отношении противоречивого единства. Но именно из их **неразрывного** единства вытекает **непримиримость** разделяющих их противоречий. Все противоречия между капиталистами и рабочими—проти-

---

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 255; разрядка автора.

[2]) Там же, стр. 258. Разрядка автора.

речия между рабочей силой и монопольным собственником на средства ...оизводства, между организаторами и исполнителями, командующими и ...дчиняющимися, эксплоататорами и эксплоатируемыми—суть лишь частные формы проявления основного противоречия между общественным характером труда и частной монопольной формой присвоения. Поэтому все частные противоречия сводятся в последнем счете к основному, как к своему ...нованию в сущности. Но основное противоречие капиталистического способа производства является условием его существования, оно не может быть ...зрешено в рамках капиталистического способа производства. Его разрешение возможно лишь как результат уничтожения капиталистического ...особа производства в целом. Поэтому интересы класса пролетариев и ...асса капиталистов находятся в непримиримом противоречии. Эти ...тересы не могут быть примирены в рамках капиталистического общества. ...ока оно существует, неизбежно существование обоих классов и неизбежно ...отиворечие между ними. Разрешение классового противоречия возможно ...шь при уничтожении обоих классов, т.-е. капиталистического общества ...целом.

Отношение основных классов капиталистического общества представляет собой диалектическое противоречивое единство. Обе стороны противоречивого отношения неразрывно связаны между собой. Снятие противоречия возможно лишь как снятие данной формы развития общества в целом.

Как же протекает процесс классовой борьбы в капиталистическом ...бществе?

Сознание непримиримости классовых противоречий не присуще ...олетариату. Он приобретает его лишь как продукт длительной классовой ...рьбы, определяемой развитием производства в целом. Чтобы понять этот ...оцесс развития капиталистического общества к своему пределу, к своему ...моотрицанию, нам придется вернуться к методологическому стержню нашего изложения.

Мы могли бы его срезюмировать следующим образом. Уровень развития производительных сил, в частности орудий труда, определяет технические производственные отношения и способ распределения средств производства. Способ распределения средств производства определяет социально-экономические производственные отношения—форму применения производительных сил. Социально-экономический способ производства, в целом являющийся формой движения производительных сил, сам выступает, как содержание, определяющее в исторически-определенных общественных формациях, основанных на монополизации решающих средств производства, форму взаимоотношения классов и классовой борьбы. Таким образом, мы получили как бы три этажа общественной жизни. Путь от каждого нижнего к последующему верхнему есть путь от содержания к форме, от причины к следствию. Но диалектический материализм признает отношение причины и следствия лишь как абстракцию действительности, а не как полную действительность. В действительности причина и следствие не застывшие «вещи»: причина сама является следствием, следствие само действует, как причина. Этому требованию диалектического материализма наша схема удовлетворяет. Производительные силы являются основанием, первопричиной производственных отношений и т. д. Но мы уже говорили о том, что производительные силы надо рассматривать одновременно и как исходный пункт каждой новой общественной формации, и как завершение, продукт предшествующего развития, т.-е. как относительную, а не абсолютную первопричину. Производительные силы являются причиной последующего, ...кого ряда общественных явлений, будучи сами следствием предшествующего общественного развития. Далее: производственные отношения выступают как следствие относительно производительных сил, но как причина относительно классовых отношений. Классовые отношения имеют ск

ледствий производственных отношений, но повышаются в достоинство при-ны политических и т. п. общественных отношений.

Как-будто все в полном порядке. Но это видимость. Односторонняя абстрактность отношения причины и следствия еще не перестает быть абстракцией, когда мы рассматриваем причину как следствие предшествующих причин, а следствие как причину последующих событий. В реальной действительности всегда имеет место процесс взаимодействия: отношение причины и следствия взаимно. Следствие, в свою очередь, воздействует на породившую его причину. Отношение формы и содержания не исчерпывается отношением следствия к своей причине. Содержание порождает форму, форма обратно воздействует на движение содержания. Содержание и форма в всяком процессе развития взаимодействуют друг с другом.

В процессе общественного развития производительные силы, производственные отношения, классовая борьба находятся в процессе взаимодействия. Социально-экономическая форма применения производительных сил способствует их дальнейшему развитию. Система социально-экономических противоречий капиталистического общества движет вперед производительные силы капитализма. Владелец средств производства может выполнять свою историческую миссию только как капиталист: производство прибавочной стоимости является одновременно условием и задачей капиталистического способа производства. Но в своем стремлении к безграничному выжиманию прибавочной стоимости капиталист упирается в биологическую границу рабочей силы и в классовое сопротивление пролетариев. Выжимание абсолютной прибавочной стоимости находит свою биологическую и социальную границу: рабочий класс борется за увеличение заработной платы и за уменьшение рабочего дня. Это элементарнейшие формы классовой борьбы. Капиталист преодолевает предел выжимания абсолютной прибавочной стоимости, как предел выжимания прибавочной стоимости в целом, увеличением относительной прибавочной стоимости. Вынужденный в процессе классовой борьбы итти на уменьшение рабочего дня, капиталист компенсирует себя относительным увеличением прибавочного рабочего времени. Однако это возможно лишь на почве удешевления стоимости рабочей силы, что достигается ростом производительных сил общества в целом. Классовая борьба толкает капиталиста помимо его воли на непрерывное увеличение общественных производительных сил, в особенности на совершенствование техники производства. С другой стороны, классовая борьба превращает капиталиста в «носителя технического прогресса поневоле», поскольку он безостановочно стремится к замещению непокорных рабочих рук бессловесными машинами: «В Англии рабочие стачки сплошь и рядом подавали повод к изобретению и применению новых машин. Можно даже сказать, что машины были орудием, которое применяли капиталисты, чтобы подавить возмущение труда искусного, обученного. Самодействующие Mülle, это величайшее изобретение современной индустрии, очистили поле битвы от мятежных прядильщиков» [1]).

Точно так же противоречия в сфере обмена заставляют капиталиста безудержимо революционизировать технику в погоне за максимальной прибылью. Конкуренция и анархия производства толкают капиталиста, который чем больше присваивает прибавочной стоимости, тем больше алчет ее, к совершенствованию производства. Увеличение прибавочной стоимости — основной закон капиталистического производства. Капиталист, изменивший страсти к накоплению, перестает быть капиталистом, он осужден на гибель между жерновами конкуренции. В силу своего положения в системе общественного производства капиталист должен быть Дон-Жуаном прибавочной стоимости. А неумолимая жажда прибавочной стоимости гонит к развитию производительных сил.

[1]) «Нищета философии», стр. 160.

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства» («Комм. маниф.»), — таков закон развития промышленного капитализма.

Таким образом система внутренних социально-экономических противоречий капиталистического способа производства неудержимо влечет к развитию его производительных сил. Однако каждый цикл расширенного капиталистического воспроизводства, являясь продуктом движущих противоречий капитализма, не разрешает их, но воспроизводит в расширенном масштабе. Расширенное воспроизводство материального процесса производства в капиталистических формах воспроизводит в расширенном масштабе классовые противоречия капитализма: все уменьшающееся количество капиталистов все больше остается с глазу на глаз против возрастающей армии действующего и резервного труда, сплоченной и организованной самим усложняющимся характером производства. Классовые отношения и классовые противоречия выступают во все более наглядной простоте и наготе. Расширенно воспроизводится также противоречие в сфере обмена. Конкуренция, ведущая к гибели отсталых предприятий, к концентрации и централизации производства, воспроизводится со все большей силой в борьбе гигантов. Даже в современном обществе финансового капитализма конкуренция имеет место в рамках каждого государства и с неслыханной для эпохи промышленного капитализма остротой проявляется на международном рынке. Расширенное воспроизводство капитализма есть расширенное воспроизводство «заколдованного круга» его противоречий. Однако с процессом развития капитализма меняется роль его противоречий. Закон единства противоречий говорит о том, что в процессе развития каждого явления наступает момент, когда форма, способствующая развитию содержания, превращается в оковы для дальнейшего развития. Развившееся содержание взрывает сделавшуюся реакционной форму—возникает новое явление.

В процессе развития капитализма наступает такой момент, когда его внутренние противоречия перестают способствовать развитию производительных сил и превращаются в оковы их развития. В качестве первых признаков противоречия между производительными силами и капиталистической оболочкой их применения выступают капиталистические кризисы. Капиталистические кризисы показывают, что общественный характер труда восстает против способа обмена» (Энгельс). Капиталистические кризисы, ведущие к уничтожению средств производства и предметов потребления, ввергают в то же время в тяжелые бедствия армию труда, страдающую от отсутствия средств производства и погибающую от неимения предметов потребления, имеющихся в избытке в обществе, но составляющих монопольную собственность капиталистов. С развитием капитализма кризисы делаются все глубже и всеоб'емлющее. И, наконец, наступает такой период, когда капитализм вступает в ползучий кризис. Развитие производительных сил капиталистического общества вступило в непримиримое противоречие с капиталистическим способом производства: развившееся содержание требует уничтожения старой формы и создания новой социально-экономической формы движения производительных сил.

«Средства производства, жизненные припасы, рабочие руки, все элементы производства и общего благосостояния находятся в избытке. Но, как говорит Фурье, этот «избыток становится источником нужды и лишений» потому, что именно он-то и препятствует превращению в капитал средств производства и потребления, ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут функционировать иначе, как превратившись в капитал, т. е. в орудие эксплоатации человеческой рабочей силы. Как призрак, стоит между рабочими и средствами производства и потребления необходимость превращения этих средств производства в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных двигателей

одна мешает средствам производства превращаться в продукты, а рабочим жить и трудиться. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства сам обнаруживает свою неспособность к дальнейшему управлению производительными силами, с другой стороны, — сами производительные силы с возрастающей силой стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от своих капиталистических свойств, к фактическому признанию их характера: характера общественных производительных сил» [1]). Наступает период экономического краха капитализма. Тут-то и выступает на арену исторического действия живой элемент производительных сил как решающая сила истории. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями разыгрывается в форме социальной битвы между решающими общественными классами.

Рабочий класс, стоящий у колыбели капиталистического общества, только у могилы капитализма складывается окончательно как класс. Он не составляет никакого исключения из всей природы и общества в целом. Апогей развития каждого явления есть порог его самоотрицания.

Классовая борьба начинается уже на заре капитализма. Но сначала она со стороны наемных рабочих носит реакционный характер. Ввергнутый в капиталистический ад мелкий производитель еще далек от понимания того, что выйти из него можно, пройдя лишь последовательно все круги ада. Он ищет выхода через ту дверь, которой он вошел—он стремится вернуться назад. Наемный рабочий борется против машины, идеализируя ремесленный способ производства. Но высший способ производства должен победить, машина совершает триумфальное шествие на костях ремесленников.

Лишь с дальнейшим развитием капитализма рабочий класс начинает вести борьбу в рамках тех условий труда, в которые он поставлен капитализмом. Существенные черты этого этапа классовой борьбы таковы. Рабочий класс еще идейно и организационно разобщен. Он ведет борьбу отдельными отрядами против отдельных капиталистов. Предмет борьбы—отдельные условия его труда; он борется за улучшение условий своего труда в рамках капиталистического способа производства: высший лозунг классовой борьбы этого периода, это—смерть или работа. Как класс в целом он борется не против своих врагов, а против врагов своих врагов, т.-е. в политической борьбе он подчиняется гегемонии буржуазии. Лишь дальнейший рост и концентрация пролетариата, накопление опыта классовой борьбы приводят его к пониманию различия и противоположности своих интересов интересам класса капиталистов. Рабочий класс выступает уже не только разрозненными отрядами, но как класс против класса. Различие и противоположность классовых интересов выявляется раньше всего в сфере распределения и находит свое выражение в борьбе за величину прибавочной стоимости: борьба за рабочий день и за величину заработной платы наполняет собой период промышленного капитализма. Вместе с тем, экономическая борьба переходит в политическую—в борьбу за право классовых организаций, за участие в политической жизни и т. д., и в борьбу идеологическую— за освобождение пролетариата от идеологического рабства буржуазии и за осознание своего места и своей роли в процессе общественного развития. Вместе с тем, развертывание противоречий капиталистического способа производства и первая критика производительными силами капиталистической системы производственных отношений—кризисы, создают предпосылки для выработки классовой пролетарской идеологии, для познания законов развития капиталистического общества и неизбежной его гибели. Эта идеология была создана Марксом и Энгельсом в 40-х годах прошлого столетия.

[1]) «Анти-Дюринг», стр. 261. Разрядка автора.

Но идеи превращаются в материальную силу только тогда, когда их ...ает масса. Массы же учатся в опыте действительной классовой борьбы. ...ический опыт масс делает их восприимчивыми к идейному, научному ...нию этого опыта. Только тогда, когда производительные силы капи...листического общества вступили в противоречие с системой капиталисти...х производственных отношений, когда все противоречия капитализма ...нулись с необычайной остротой и всеобщностью, пролетариат прихо... пониманию непримиримого противоречия классовых интересов. Борьба ...определение прибавочной стоимости превращается в борьбу за уничто... ее. Борьба за улучшение условий труда в рамках капиталистического ...тва превращается в борьбу за уничтожение капиталистического обще... в целом. Классовая борьба превращается в борьбу за различные способы ...водства. Бунт производительных сил капиталистического общества ...в капиталистической формы их применения, требование признания их ...твенного характера находит свое выражение в борьбе класса пролета...а социалистическое преобразование общества. Капитализм ведет в этот ...д борьбу не против тех или иных частных требований рабочих, но за ...алистический способ производства. Перед ним стоит вопрос его жизни ...рти. Естественно, что все частные интересы отступают на задний план ... общими классовыми интересами, все частные вопросы подчинены ... задаче—защите способа производства в целом. Рабочий класс высту...не как реформатор, а как носитель высшего способа производства, как ...ред» производительных сил и исторического развития в целом. В обра...ии фронта пролетариата, противостоящего гибнущему фронту капи... как фронта, борющегося за уничтожение классового общества в целом, ...тариат завершает свое классовое развитие, превращается в класс для ...сознающий свою революционную историческую миссию.

В этой борьбе за уничтожение капиталистического способа производ...пролетариат должен преодолеть не только концентрированную эконо...кую мощь господствующего класса. Он должен также сломать орудия ...огического и политического порабощения. Идеологическая борьба ... экономического краха капитализма имеет решающее значение. Капи...м не может держаться голым насилием против пролетарских масс. Он ...ет в ход все силы, способные усыпить волю к борьбе и приковать ... золотой колеснице отдельные отряды трудящихся: попов, литераторов, ...х, мелкобуржуазных специалистов, театр, кино и т. д. В период краха ...ализма к активной политической жизни подымаются неисчислимые ...онные массы, инертные в периоды мирного развития. Мировая история ...ает их из дремоты неизбежными империалистическими войнами ...ми экономическими бедствиями. Только атака масс может сломить ...тивление капитализма. Вот почему борьба пролетарского авангарда ...ейное вооружение масс и за изоляцию отдельных групп классовых ...ников является предпосылкой «критики оружием» капитализма. Идеи ...изма превращаются в материальную силу.

Наиболее концентрированной формой борьбы в эту эпоху является ...а политическая. Сила государственного аппарата, тюрем, полиции, ... является концентрированной силой всех фракций буржуазии, ... и решающим аргументом классовой борьбы. Эту силу пролетариат ... преодолеть, только противопоставив ей свою собственную вооруж... силу. Поэтому вооруженное восстание является высшей и необходимой ...й борьбы пролетариата. Вооруженная рука капиталистического госу...а стоит на пороге капиталистических производственных отношений ...тариат может освободить восставшие производительные силы из цепей ...алистических производственных отношений, только переступив через ... капиталистического государства. Вооруженное преодоление капиталисти...кого государства, слом его и установление своего политичес...

подства являются необходимыми условиями выполнения пролетариатом своей исторической миссии—установления социалистического способа производства. Диктатура пролетариата является неизбежным следствием классовой борьбы в капиталистическом обществе. В этом суть теории классовой борьбы Маркса и Энгельса: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов.

То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы» [1]).

Но чистое капиталистическое общество—абстракция. Пролетариат и буржуазия—основные классы капиталистического общества, но не единственные. Их взаимная борьба протекает в конкретной, исторической социальной среде. Эта среда разнородна. В ней есть элементы, не играющие какой-либо значительной роли в развертывании основной классовой битвы, но есть и такие, которые в определенной исторической обстановке приобретают большое, а иногда и решающее значение для исхода схватки между основными классами.

Какова же эта социальная среда и каково ее участие в борьбе между пролетариатом и буржуазией?

6. Второстепенные классы капиталистического общества и их роль в классовой борьбе.

Капиталистическое общество возникает как продукт развития феодального общества, оно снимает его. Но это снятие не есть абсолютное уничтожение. Капиталистический способ производства делается господствующим, его движению подчиняется движение народного хозяйства в целом. Но единственным способом производства он является лишь в тенденции. Остатки феодального способа производства, ремесленный способ производства переходят как наследие прошлого в капиталистическое общество. На ряду с этим буржуазная революция или ликвидация феодального способа производства, произведенная в качестве компромисса между борющимися в феодальном обществе классами, создает новый класс мелких свободных землевладельцев-крестьян. Этот класс является крупнейшим второстепенным классом капиталистического общества. Будучи случайным для капиталистического способа производства, рассматриваемого в его чистом виде, класс свободных мелких земледельцев-крестьян является необходимым элементом капиталистического общества, как продукт ликвидации феодального землевладения. Классовое положение мелких земледельцев определяется тем, что они являются одновременно непосредственными производителями и собственниками средств производства. Они составляют класс мелкой буржуазии. Однако их нужно резко отличать от городской мелкой буржуазии. Если отвлечься от процессов нарождения мелкой буржуазии города в связи с потребностями самой капиталистической промышленности, мелкая городская буржуазия является остатком старого в новом. Крестьянство же как класс свободных мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей

[1]) Маркс и Энгельс, Письма, стр. 42

икает лишь с ликвидацией феодального общества. Только эта ... ия, революционная или компромиссная, конституирует класс мелких св... ных сельскохозяйственных производителей.

Положение класса мелких товаропроизводителей крестьян в капитали... ческом обществе двойственно. С одной стороны, они сами работают и ... эксплоатируют чужого труда — в этом они сходны с пролетариат... другой стороны, они являются собственниками средств производства, что ... нит их с капиталистами. Отсюда непоследовательность, колебания класса ... стьян мелких собственников. Но в процессе развития капиталистиче... го общества происходит уничтожение простого товарного способа про... одства и распадение класса крестьян. Отношения класса мелких товаро... изводителей и класса капиталистов показывают особый тип классовых ... ошений. Капиталистический способ производства подчиняет себе через ... ок, через дешевый товар движение мелкого товарного хозяйства. Про... зновение товарных отношений в крестьянское мелкое хозяйство приво... к его разложению. С одной стороны, оно выделяет единицы кулаков ... оедов, превращающихся в капиталистических сельскохозяйственных ... едпринимателей. С другой стороны, оно усиленно выделяет беднейшую ... ссу, превращающуюся в городских и сельскохозяйственных пролетариев. ... рьба между пролетариатом и буржуазией есть борьба двух классов, св... нных неразрывным противоречивым единством, конституирующих способ ... изводства. Борьба крестьянства с буржуазией есть борьба носителей дву... особов производства, необходимо связанных между собой историческ... овиями возникновения, но не составляющих неразрывного единства. Ес... стое товарное хозяйство в процессе своего развития неминуемо порож... т капитализм, то развитой капиталистический способ производства н... зан в своем развитии с наличием просто-товарной социально-экономич... й среды, если отвергнуть ошибочную точку зрения Розы Люксембург. ... к уже было сказано, просто-товарный способ производства и класс кре... ян случайны для капиталистического способа производства. От... да и различное течение классовой борьбы. Основные классы капиталисти... кого способа производства расширенно воспроизводятся на каждом эта... изводства, расширенно воспроизводятся и противоречия между ними. От... ения класса крестьян и капиталистов воспроизводятся отрицательн... ждый этап расширенного воспроизводства в капиталистическом обществ... елом выступает как этап расползания крестьянства как класса, распа... его на капиталистический и пролетарский полюсы. Борьба между про... арием и буржуазией разрешается уничтожением капиталистического спо... а производства и классового отношения в целом. Борьба между кре... янством и буржуазией разрешается, имеет возможность разрешиться в ... мках капиталистического общества постепенным ... ичтожением просто-товарного способа производ... ва и его социального носителя — класса свободных ... лких товаропроизводителей. Существенное качество сох... жения просто-товарного способа производства заключается в его расп... ии, существенное качество класса, который является носителем этого ... соба производства, заключается также в его распадении. Крестьянств... роцессе развития капиталистического общества не имеет самостоятель... , особой линии классового развития. Линия развития незначительной части ... совпадает с линией развития класса капиталистов, линия развития ... иающего большинства—с линией развития пролетариата. Процесс развития ... стьянства в капиталистическом обществе есть процесс его распадения на ... италистов и наемных рабочих. Крестьянство есть класс ра... дающийся. Вот почему нельзя ответить утвердительно или отриц... ьно на вопрос о том, является ли крестьянство классом в капиталисти... ком обществе. Ликвидация феодального землевладения созда

ство как класс свободных мелких простых товаропроизводителей. Но это класс, который в процессе развития капиталистического общества распадается, перестает быть классом. Рассматривая борьбу классов во Франции 40-х годов, Маркс называет крестьянство классом. Однако современное французское или немецкое крестьянство более классом не является. Ныне для этих стран понятие крестьянства является лишь устарелым сословным названием, под которым скрываются капиталистические и пролетарские слои сельских производителей и различные социальные группы, находящиеся в различных степенях социальной близости к сельскохозяйственным пролетариям или капиталистам.

Из несамостоятельного положения простого товарного хозяйства в капиталистическом обществе вытекает и несамостоятельность крестьянства в классовой борьбе капиталистического общества. Не имея самостоятельной линии развития, крестьянство колеблется между пролетариатом и буржуазией. Как мелкий собственник, крестьянин—реакционный борец против крупного капитала, но об'единяется с ним для борьбы против социалистического пролетариата. Как трудящийся, попадающий в кредитную и т. д. кабалу к капиталу, крестьянин склоняется на сторону пролетариата. В общем исторический опыт Франции показал, что крестьянство, радикально разделавшееся с феодализмом, в решающих битвах эпохи промышленного капитализма оказывалось реакционной опорой буржуазии против пролетариата.

Иная ситуация создается там, где сохранились значительные остатки феодализма, как было, напр., в России. Здесь двуликое крестьянство приобретает третье еще лицо. Крестьянство кануна 1905 г. и особенно 1917 г. не было уже классом буржуазно-помещичьей России. Расслоение его зашло настолько далеко, что в рамках буржуазных отношений оно не составляло единой массы: внутри крестьянства уже кипела классовая борьба между сельскохозяйственным пролетариатом и «чумазой» буржуазией. Но Россия была буржуазно-помещичьей страной: на ряду с буржуазными отношениями в ней существовали значительные остатки феодально-крепостнических отношений. Эти остатки феодализма сплачивали против себя подавляющую часть крестьянства. А поскольку интересы феодалов-крепостников через кредитную и т. д. систему тесно переплелись с интересами торгового и части промышленного капитализма, антифеодальный крестьянский фронт противостоял помещичье-буржуазному фронту. Антифеодальный крестьянский фронт оказался частью пролетарского социалистического фронта. Такой классовый переплет привел в России к совпадению крестьянской войны с пролетарской революцией. Подавляющая крестьянская масса, совершая антифеодальную революцию, способствовала установлению социалистической диктатуры пролетариата.

Но и там, где в эпоху пролетарской революции остатки крепостничества уничтожены, но еще осталась более или менее значительная масса крестьян, составляющая различные переходные ступени между сельскохозяйственными пролетариями и сельскохозяйственной буржуазией, часть ее может сыграть революционную роль. Процесс капиталистического развития закабаляет главным образом через торговлю и земельный кредит, налоги и монопольные цены по видимости свободных мелких товаропроизводителей. Государство финансового капитала восстанавливает против себя выжиманием налогов и требованием пушечного мяса значительные массы мелких товаропроизводителей. Всеобщий ползучий кризис капитализма, империалистические войны, заставляющие вопить даже немого, выводят сельских товаропроизводителей из дремоты деревенской жизни и превращают их в активных участников решающей классовой битвы. Беднейшая часть крестьянства переходит на сторону сельских и городских пролетариев. Это подтвердил опыт революционных событий 1920 г. в Италии. Пролетариат может и должен завоевать на свою сторону одну часть промежуточных слоев мелких

сельскохозяйственных производителей, нейтрализовать другую. Пасси... пролетариата в крестьянском вопросе дает возможность буржуазии ... тянуть на свою сторону неустойчивые слои мелких сельских производи... лей и оказывает роковое влияние на исход решающей битвы, как пок... опыт Венгрии. Пролетариат может победить и установить свою побед... ную диктатуру только в том случае, если он об'единит вокруг себя всех ... дящихся, превратится в фокус, который сконцентрирует в себе недовольс... и готовность всех элементов трудящихся к борьбе против капитализма.

«Ни один класс гражданского общества не может сыграть этой р... (роли революционного преобразователя. *С. Г.*), не возбудив момента эн... зиазма в себе и в массах, момента, когда он братается и сливается со ... обществом, смешивается с ним, пользуется его любовью и признается ... общим его представителем, — момента, когда его собственные притяза... права являются поистине правами и притязаниями самого общества, ... он действительно представляет собой социальную голову и социал... сердце» [1]).

Об'ективное положение значительных промежуточных слоев ... сельских товаропроизводителей в тех странах, в которых они сохрани... толкает их в эпоху империализма и пролетарской революции, по край... мере в моменты наиболее острых потрясений капитализма, на сторону ... муниистического пролетариата. Пролетариат может добиться установ... своей диктатуры, возглавив, привлекши на свою сторону эти слои тр... дящихся в первую очередь.

Помимо распадающегося класса крестьян, капиталистическое обще... наследует из феодального класс городской мелкой буржуазии и может ... следовать остатки класса феодальных землевладельцев. Превращение ... крепостных крестьян в класс свободных мелких сельских товаропроизво... телей является необходимым продуктом ликвидации феодального общ... Переход остатков феодального землевладения в капиталистическое обще... происходит лишь в тех случаях, когда феодализм ликвидируется не рев... ционным, а компромиссным путем — не снизу, а сверху, как это произо... в Пруссии и происходило в России. Не всякий крупный землевладелец в ка... питалистическом обществе является остатком класса крепостников. В ... случае, если на земле ведется капиталистическое хозяйство, т.-е. ор... зуется крупное хозяйство на основе применения наемной рабочей силы, ... ный землевладелец выступает как сельскохозяйственный капиталист. ... же крупный землевладелец применяет землю как производительную с... форме крепостнических отношений: кабальная аренда, отработка и т. ... он выступает как остаток класса феодалов. Об'ективная роль остатков ф... дализма заключается в задержке развития капитализма в сельском ... стве, задержке развития его производительных сил. Отсюда классовые ... тиворечия между буржуазией и остатками класса феодальных земле... дельцев. Роль этого противоречия в классовой борьбе капиталистиче... общества обратно пропорциональна развертыванию решающего проти... чия капиталистического общества — противоречия между пролетариат... буржуазией. Пока самостоятельное движение рабочего класса не угрож... жизненными интересами буржуазии, она ведет более или менее реши... борьбу за ликвидацию остатков крепостнических отношений. Но выход ... летариата из-под буржуазной опеки и обращение его против своего ... ственного врага, толкает буржуазию в крепостнические об'ятия и заст... вляет ее итти на компромисс с частным врагом для укрощения того ... который угрожает всем условиям ее существования. С развитием капитали... стического общества происходит постепенная ликвидация остатков кла...

[1]) Маркс, К критике гегелевской философии права, «Л... ство», т. I, стр. 350.

крепостников. Часть их через товарный рынок, кредитную систему неразрывно связывается с капитализмом и превращается в капиталистических сельских предпринимателей, часть разоряется и деклассируется.

Таким образом, остатки класса крепостников с процессом развития капиталистического общества либо подчиняются движению капиталистического способа производства в целом, либо извергаются из системы общественного производства вообще. Излишне распространяться о том, что остатки класса крепостников, покамест они существуют в капиталистическом обществе, в процессе классовой борьбы стоят на самом реакционном фланге.

Нам остается рассмотреть второй рудимент феодального общества в капиталистическом обществе — городскую мелкую буржуазию. Ее положение в процессе производства то же самое, что и положение сельской мелкой буржуазии: она владеет средствами производства и не применяет в основном наемного труда. Но вместе с тем некоторые особенности заставляют проводить различие между городской и сельской мелкой буржуазией. Раньше всего между ними существует генетическое различие, о котором мы уже говорили. Оба они являются непосредственными носителями одного и того же способа производства. Но, в то время как свободный мелкий сельский товаропроизводитель в о з н и к а е т в результате ликвидации феодального общества, мелкий городской товаропроизводитель п е р е х о д и т из феодального общества в капиталистическое. Городской мелкий товаропроизводитель тоже соткан из противоречий, колеблется между носителем своего будущего — пролетариатом, и недосягаемым идеалом — буржуазией. Условия его существования еще менее устойчивы, нежели у крестьянина. Концентрируясь в городах и будучи вынужден непосредственно конкурировать с крупным производством, городской отряд мелкой буржуазии с катастрофической быстротой вытесняется из одной отрасли производства в другую. Капиталистическая машина настигает его и в более отсталых отраслях производства. Но и в тех отраслях производства, где машина неприменима или где особо ценится индивидуальное искусство, организация крупного производства на ремесленной технике вытесняет мелкого буржуа-одиночку. Городская мелкая буржуазия распадается на массу пролетариев и незначительную группу удачников, вылезающих в капиталисты, гораздо быстрее, чем сельская. С процессом развития капиталистического общества городская мелкая буржуазия еще в большей степени, чем сельская, сохраняет лишь внешнюю видимость самостоятельности, превращаясь на деле в слуг и данников капитализма. Роль городской мелкой буржуазии в классовой борьбе соответствует ее положению в процессе производства. Если благодаря концентрации в городах она стоит ближе к политической жизни и активней в ней участвует, то она в увеличенном масштабе проявляет лишь существенные черты мелкой буржуазии в целом. Маркс характеризует мелкого буржуа следующим образом: «Мелкий буржуа... составлен из всевозможных оговорок: «с одной стороны», «с другой стороны». Таков он, мелкий буржуа, в своих экономических интересах, а потому и в политике, и в своих религиозных, хозяйственных и художественных воззрениях; таков и в морали своей, и во всем остальном. Он воплощение противоречий... «Он претендует быть выше буржуазии и пролетариата... но в действительности он — только мелкий буржуа, беспрестанно колеблющийся между капиталом и трудом...» [1]).

Мелкий буржуа, в особенности городской, неспособен к последовательной линии в классовой борьбе, он стремится стать между классами, подвержен быстрой смене взглядов и настроений, переходит от безрассудной агрессивности к безнадежной апатии, от припадка храбрости к безудержной па-

[1]) М а р к с, Нищета философии, стр. XXXV, XXXI.

нике, от участия в баррикадных боях пролетариата к благоговению пред кулаком контрреволюции.

В эпоху пролетарской революции остатки мелкой буржуазии города играют ничтожную роль по сравнению с остатками сельской.

Рассмотрение классов капиталистического общества закончено. Капиталистическое общество состоит из двух основных и двух второстепенных классов—распадающегося класса мелких товаропроизводителей и «переродающегося» класса феодальных землевладельцев. Процесс развития капиталистического общества ведет к уничтожению второстепенных классов и распадению общества на два только противостоящих друг другу класса: «Наша эпоха—эпоха буржуазии—отличается, однако, тем, что она упростила классовое противоречие. Общество все более и более разделяется на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса: буржуазию и пролетариат» [1]).

Борьба этих двух классов неизбежно ведет к установлению диктатуры пролетариата и смене капиталистического способа производства социалистическим. «Прогресс промышленности, безвольным и пассивным носителем которого является буржуазия, ставит на место раз'единения рабочих соперничеством конкуренции революционное об'единение посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается, следовательно, из-под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны» [2]).

7. Внутриклассовые группы и деклассированные элементы

Из всей суммы вопросов, входящих в настоящий раздел, наиболее запутанным, пожалуй, является вопрос об интеллигенции. Большинство авторов-марксистов или близких к марксизму, высказывавшихся по этому вопросу, склоняется к мысли, что интеллигенция составляет особую межклассовую группу. Правда, между ними нет полного согласия: так Сол... Оранский считают интеллигенцию межклассовой группой между пролетариатом и буржуазией, С. Вольфсон же в своей работе «Интеллигенция как социально-экономическая категория» рассматривает интеллигенцию как межклассовую группу между пролетариатом и мелкой буржуазией. Но в существенном названные авторы согласны — интеллигенция является, по их мнению, межклассовой группой. Особняком стоит т. Бухарин, рассматривающий интеллигенцию, в частности техническую, как один из промежуточных классов. Последнюю точку зрения мы будем рассматривать в следующей главе, поскольку она смыкается с теорией классов А. Богданова.

Сейчас рассмотрим взгляд на интеллигенцию как на межклассовую группу. Эта точка зрения вызывает раньше всего политические возражения. Межклассовое положение интеллигенции означает, что ее положение в процессе общественного производства не приковывает ее ни к способу производства господствующему, ни к способу производства, за который борется пролетариат. Какого-либо особого способа производства — ни капиталистического, ни мелкобуржуазного, ни социалистического — интеллигенция, по мнению упомянутых авторов, тоже не представляет. Отсюда должно безусловно следовать и «выигрышное» положение интеллигенции в процессе классовой борьбы—интеллигенция межклассова. Она не прикована ни к одному из классов. Нетрудно понять, что подобный теоретический анализ социальной сущности интеллигенции чудесно обосновывает практику реформизма. Если интеллигенция межклассова, то ей и судейская мантия на плечи, ...

---

[1]) «Коммунистический манифест».
[2]) Там же.

рутся классы. Арбитражные суды реформистов с «нейтральным» председа-лем во главе вовсе уже не такая глупая затея. Мелкобуржуазный миф существовании внеклассовой точки зрения неожиданно превращается в ре-льную действительность в лице интеллигенции. Благодаря своему межклас-сому положению, интеллигенция способна судить борющиеся классы,

Не ведая ни жалости, ни гнева,
Добру и злу внимая равнодушно.

Конечно, сторонники межклассовости интеллигенции не делают всех их выводов, но от этого ни они сами, ни защищаемая ими точка зрения сколько не выигрывают. Логика «межклассовой» точки зрения говорит сама себя. Но все это касается политических выводов из межклассовости теллигенции. Реформистам эти выводы могут нравиться, нам они могут ть неприятны, но ни правильность, ни ошибочность этой теории не может ть доказана на основе следующих из нее выводов в области политики. Надо смотреть вопрос по существу.

Вряд ли мы ошибемся, сказав, что «межклассовая» точка зрения является оретическим выражением настроений и взглядов мелкобуржуазной интелли-ции. Уже самая попытка дать социально-экономическое определение теллигенции как чего-то единого свидетельствует о забвении классовой чки зрения.

Раньше всего надо договориться о том, что понимать под интеллиген-ей. Можно определить интеллигенцию отрицательно: интеллигенция — те циальные группы, которые не принимают непосредственного участия в про-ссе материального производства. Не трудно убедиться, что это определение достаточно. Нищие, люмпен - пролетарии, преступники, ростовщики, нтьеры и т. д. попадут при этом определении в разряд интеллигенции.

Интеллигенцией являются такие социальные группы, которые прямо и косвенно принимают участие в процессе материального производства, и в сфере надстроечного труда.

Нельзя также вскрыть социальной сущности интеллигенции на том пути, котором удается вскрыть социальную сущность других классов капитали-ического общества. Социальная сущность других классов капиталистиче-ого общества вскрывается через отношение к средствам производства и торическое положение в процессе производства. Но для данного случая от путь невозможен. Мы уже рассмотрели остатки способов производства остатки классов кроме капиталистических. Интеллигенция среди них наружена не была. Между тем, никаких других способов производства, оме нами рассмотренных, в капиталистическом обществе не существует.

Загадочное происшествие! Птичка поет, но твердо установлено, что его гнезда она не может иметь. Марксистская методология оказывается сильной разрешить вопрос о социальной сущности интеллигенции. Она может даже дать указание, с какой же стороны к этой сущности по-йти. Причина такой позорной неудачи нашей методологии лежит, однако, не ней, а в мелкобуржуазной постановке вопроса. Перефразировав известную говорку, можно сказать, что один мелкий буржуа может так поставить прос, что десять марксистов не в состоянии будут его разрешить. Мар-стская методология не может разрешить вопрос о социальной сущности теллигенции потому, что вопрос незакончен. Интеллигенции как единой циально-экономической группы не существует. Она является одним из лкобуржуазных социальных мифов.

Но что же такое интеллигенция? Ведь, несмотря на всю расплывчатость ого понятия, в его содержании есть некоторое устойчивое ядро, которое е же позволяет оперировать этим понятием. К этому ядру легче всего по-браться с эмпирической стороны. Под интеллигенцией мы обычно понимаем хнических служащих, государственных служащих, людей так называемых

вольных профессий и т. д. С социально-экономической точки зрения этот конгломерат составляет весьма разнородную и пеструю смесь: тор капиталистического предприятия, адвокат капиталистического прокурор буржуазного государства, почтовый чиновник, счетовод поденщик газетного пера, вольнопрактикующий врач—представляют родные социально-экономические категории. Что же позволяет нам нить весь этот конгломерат под одной крышей? Не социально-экономическое а профессиональное единство. Интеллигенция представляет собой единство как профессиональная группа, социально-экономически интеллигенция разнородна. Интеллигенцией называется группа членов капиталистического общества, об'единенная по профессиональному признаку—называемого умственного труда.

Разделение физического и умственного труда является предпосылкой образования интеллигенции. Но одной этой предпосылки недостаточно. деление умственного и физического труда имело место и в средневековом обществе, но там не было интеллигенции. Раньше всего, множество функций выполняемых в современном обществе интеллигенцией, в средневековом обществе или вовсе не существовали, или были в зачаточном состоянии: юриспруденция, литература, медицина и т. д. Далее, многие области умственного труда еще не отдифференцировались как особые области общественного труда, которые существенно определяли бы положение занятых в них социальных групп. В средневековье наука была представлена по преимуществу духовенством, общественное положение которого определялось принадлежностью к господствующему классу феодалов. Умственный труд существовал по преимуществу, как функция господствующего социального положения, как особая отдифференцировавшаяся от других общественных функций область общественного разделения труда. И, наконец, функции государственного управления, судебные и т. д. были «естественными» атрибутами господствующего класса и не требовали для своего выполнения особой умственной квалификации. Господа Простаковы и Скотинины сомневались в географии, но это не мешало им творить суд и расправу над крепостными рабами. *Интеллигенция в своем развитом виде является специфическим продуктом развития капиталистического общества.* Капиталистический способ производства по своему техническому существу требует непрерывного развития науки. Производство науки превращается при капиталистическом способе производства в решительно отдифференцировавшуюся область общественного разделения труда. Развитие и усложнение самого процесса производства и образование мирового рынка вызывают к жизни новый кадр специалистов умственного труда — инженеров, экономистов, статистиков, чертежников, бухгалтеров и т. д. Разрастание и развитие надстроек превращает их в особые отдифференцировавшиеся области общественного разделения труда: учитель отдифференцируется от попа, поп от землевладельца, юрист, судья от непосредственных функций представителей господствующего класса, политика превращается в профессию и т. д. и т. д. Словом, капиталистического способа производства вызывает к жизни огромный людей, для которых умственный труд является не дополнительной, большинстве случаев и необходимой функцией, вырастающей на почве вления других общественных функций, *существенно* роль этих людей в процессе общественного развития, но функцией, определяющей их специфическое участие в процессе ного воспроизводства в целом. Итак, *интеллигенция—это членов капиталистического общества, для умственный труд является специфическо*

Отсюда ясно, что в коммунистическом обществе, в к

умственного и физического труда будет уничтожено, не будет интеллигенции как особой профессиональной группы.

Каково же социально-экономическое или, вернее, каковы же социально-экономические «лица» интеллигенции? Интеллигенции как единой социально-экономической категории, как уже говорилось, не существует в природе капиталистического общества. Существует буржуазная, пролетарская и мелкобуржуазная интеллигенция. Директор завода, главный инженер капиталистического предприятия продают свою рабочую силу. По видимости они находятся в положении наемного рабочего. Но сущность их отношений к средствам производства и положения в процессе производства совсем иная. Раньше всего надо иметь в виду, что командующие в экономической жизни посты принадлежат в значительной степени членам командующих классов, потому что в капиталистическом обществе высшее образование является монополией господствующего класса. Они не только происходят из членов господствующего класса, но являются и собственниками или со-собственниками средств производства. Вопрос о том, являются ли они полными или частичными собственниками тех средств производства, в применении которых они непосредственно участвуют, или других, не имеет существенного значения. Современная форма акционерного капитала особенно способствует слиянию командующих функций в экономике с частичной собственностью на средства производства, вместе с тем она способствует маскировке этого слияния. Но и в тех случаях, когда руководители капиталистических трестов, синдикатов, банков, промышленных, торговых предприятий и т. д. не являются непосредственными совладельцами капитала, они выступают не как наемные рабочие, а как доверенные лица капитала. Мы здесь имеем совершенно своеобразное социальное отношение. Класс превращает отдельные группы общества, непосредственно к этому классу не принадлежащие, в свое классовое продолжение и передоверяет им не только функции организации, но и функции командования и эксплоатации. Инженер, работающий на капиталистическом предприятии, выступает отнюдь не как нейтральный в собственно классовых отношениях организатор труда. Он организует процесс производства посредством командования, ибо в капиталистическом предприятии обе функции не могут не сливаться. Командование есть единственный способ организации подневольной армии наемных рабов капитала. Вместе с тем организатор процесса производства выполняет функции надсмотрщика, ибо функции организатора труда являются в то же время функциями организатора выжимания прибавочной стоимости. Отсюда и особая роль этой группы интеллигенции в процессе распределения. По видимости она получает заработную плату. По существу же стоимость ее рабочей силы составляет только часть и подчас ничтожную часть ее заработной платы. Она получает свою долю произведенной рабочими прибавочной стоимости. Мы не говорим уже о той прибавочной стоимости, которую эта группа интеллигенции получает как непосредственный собственник капитала.

В таком же положении находится господствующая, руководящая интеллигенция во всех сферах буржуазных надстроек: буржуазный государственный аппарат, суд, пресса, литература, наука и т. д. В тех случаях, когда члены этой группы не являются членами господствующего класса непосредственно, они являются его продолжением, его агентами. Они тоже получают свою долю дохода не как эквивалент стоимости их рабочей силы, но как долю прибавочной стоимости, пропорциональную важности функции, передоверенной им господствующим классом. Таким образом, эта группа интеллигенции никакой к чорту межклассовой группой не является. Она является своеобразной внутриклассовой группой, буржуазной интеллигенцией. Ее роль в классовой борьбе есть не роль эпического Нестора, а роль капиталистического авангарда. Правда, ее опосредованная принадлежность к господствующему классу создает некоторые своеобразия. Пере-

бежки отдельных членов буржуазной интеллигенции на сторону пролетари[illegible] происходят чаще, нежели перебежки отдельных капиталистов. Но в обо[illegible] случаях речь идет о единичных явлениях, подтверждающих правило. Во[illegible] почему пролетариат после своей победы не может доверять руководящ[illegible] постов бывшей буржуазной интеллигенции, но окружает ее таким же [illegible] тролем, как и поставленных на службу социалистическому строитель[illegible] бывших непосредственных капиталистов, и ставит с необычайной остро[illegible] вопрос о воспитании кадров пролетарской интеллигенции. Правда, полож[illegible] бывшей буржуазной интеллигенции в переходный период не тождествен[illegible] положением бывшей буржуазии. Тот факт, что буржуазная интеллиген[illegible] в особенности техническая, принадлежит к господствующему классу ка[illegible] талистического общества не непосредственно, а опосредованно, обуслов[illegible] вает ее более легкий разрыв с прошлым в переходный период. Этому разр[illegible] способствует, с одной стороны, привилегированное экономическое полож[illegible] ние, в которой строящий социализм пролетариат ставит бывших буржуазн[illegible] специалистов. С другой стороны, огромный размах созидательной рабо[illegible] пролетариата пробивает брешь в классовой индивидуалистически-собстве[illegible] нической психологии буржуазного интеллигента. На основании нашего опы[illegible] можно сказать, что переход бывших буржуазных специалистов на сторону пролетариата прямо пропорционален успехам экономического строительст[illegible] социализма. Хотя, с другой стороны, успехи социалистической стройки и не[illegible] избежное обострение классовой борьбы отбрасывает в сторону контррево[illegible] ции наиболее спаянную с эксплоататорами в прошлом часть буржуазн[illegible] интеллигенции. И как бы подтверждая поговорку «нет худа без добра», [illegible] торую роль в переходе бывших буржуазных интеллигентов на сторону по[illegible] дившего пролетариата играет чувство патриотизма, возбуждаемое внешни[illegible] опасностями.

Другим полюсом профессиональной группы интеллигенции является про[illegible] летарская интеллигенция. К этой группе интеллигенции относятся огром[illegible] кадры низших и средних служащих, которые действительно продают св[illegible] рабочую силу, а не способность к организации и защите эксплоатации [illegible] ного труда, которые не являются ни открытыми, ни скрытыми собстве[illegible] ками капитала в любой из его форм, которые в виде заработной платы по[illegible] чают стоимость своей рабочей силы. Эта группа работников умственн[illegible] труда составляет отряд пролетариата, но отряд наиболее отсталый. Отст[illegible] ние этой группы трудящихся, продающих свою рабочую силу и получающ[illegible] заработную плату, в процессе классовой борьбы, об'ясняется некоторым[illegible] специфическими особенностями. Раньше всего эта группа в значител[illegible] части мелкобуржуазна по своему социальному происхождению. Затем, спе[illegible] фичны и условия ее работы. Она находится в большей личной связи и зави[illegible] мости от капиталиста или его доверенного лица, нежели рабочий; инди[illegible] дуальные способности играют значительную роль в возможности продв[illegible] ния по социальной лестнице; каждый отдельный работник умственного тру[illegible] имеет гораздо больше шансов пролезть «в люди», нежели каждый отдельн[illegible] рабочий. И, наконец, отдельные группы средней и даже низшей интелли[illegible] ции необходимо совмещают функции умственного труда с функциями ор[illegible] низации эксплоатации и угнетения,—например, мастера на предприят[illegible] служащие государственного аппарата, за что часто и компенсируются [illegible] непосредственно материально, или различными привилегиями. Из этого вы[illegible] кает классовая отсталость этого отряда продавцов рабочей силы, живуч[illegible] мелкобуржуазной психологии в его среде, подверженность колебаниям. Отсю[illegible] же и многочисленные перебежки членов низшей и средней интеллиген[illegible] на сторону классового врага. Только небольшая часть пролетарской интел[illegible] генции по своему социальному положению является в капиталистич[illegible] обществе пролетарской интеллигенцией по своему сознанию. Ножницы [illegible] классовым положением и классовым сознанием этого отр [illegible]

начинают решительно смыкаться только после победы пролетарской диктатуры. Если этот отряд работников умственного труда по существу своего социально-экономического положения составляет часть армии наемного труда, то в силу указанных своеобразий по своему сознанию он в огромном большинстве мелкобуржуазен.

И, наконец, между буржуазией и пролетарской интеллигенцией находится огромный слой мелкобуржуазной по своему социально-экономическому положению интеллигенции. К нему относятся все работники умственного труда, которые продают не свою рабочую силу, а свои услуги или продукты труда: врачи, не находящиеся на службе, адвокаты, художники, литераторы, вольные учителя и т. п. Естественно, что они мелкобуржуазны и по своему классовому сознанию, и по роли в классовой борьбе. В процессе развития капиталистического общества мелкобуржуазная интеллигенция оказывается более устойчивой, нежели ее собратия по классу—ремесленники, мелкие лавочники. Капиталистический предприниматель проникает в область умственного труда медленнее и позже, нежели в область физического труда и в область обращения. Но все же проникает. Постепенно одиночка-врач, обладающий немногочисленными инструментами, вытесняется капиталистом-врачем, обладающим сложным и дорогим оборудованием—электроаппаратами, рентгено-кабинетом, химической лабораторией, эксплоатирующим своих собратьев по профессии как наемную рабочую силу. Адвокат одиночка сменяется капиталистически организованной юридической конторой, мелкобуржуазный литератор превращается в наемника газетного треста, «вольный» художник продает свою рабочую силу капиталистическому театральному или кинопредприятию, мебельной или текстильной фабрике и т. д. Мелкобуржуазная интеллигенция не избегает жерновов капиталистической мельницы и распадается в подавляющем большинстве на массы продавцов рабочей силы и немногочисленных капиталистических предпринимателей.

Само собой разумеется, что в реальной действительности иногда бывает до чрезвычайности трудно решить, к какой социальной группе отнести того или иного интеллигента. Но это не специфически «интеллигентская» трудность, она возникает также и при рассмотрении отдельных рабочих и даже целых групп. К какому, например, классу надо отнести американскую или английскую рабочую аристократию, делящую со своими предпринимателями получаемую последними сверхприбыль, участвующую своими сбережениями в эксплоатации наемной рабочей силы? С одной стороны, они рабочие, они продают свою рабочую силу. С другой стороны, они капиталисты, их деньги функционируют как капитал. Они представляют собою смешанную группу. Отсюда возникают такие, напр., определения как «буржуазный пролетариат». Так, Энгельс пишет в письме к Марксу в 1858 г.: «Мне думается, что новый поворот Джонса, как и все прежние более или менее удачные попытки подобного союза, стоит в связи с тем, что английский пролетариат становится фактически все больше и больше буржуазным, так что эта самая буржуазия из всех наций, видимо, хочет добиться, чтобы рядом с буржуазией была буржуазная аристократия и буржуазный пролетариат. Нация, эксплоатирующая весь мир, имеет вполне законное основание этого желать» [1]. Естественно, что такие смешанные типы очень часто встречаются среди интеллигенции. Это не изменяет, однако, положения массы интеллигенции в целом.

Таким образом, интеллигенция не является счастливым исключением классового капиталистического общества. Она не является одной социальной группой, находящейся между классами. Она представляет собою профессиональную группу социально-экономически разнородную. Интеллигенция своеобразная внутриклассовая группа капиталистического общества.

---

[1] «Письма», стр. 73.

В марксистской литературе, в частности у Ленина, часто можно встретить выражение «интеллигенция» без дополнительного определения — буржуазная, мелкобуржуазная, пролетарская. Однако попытка опереться на Ленина в доказательство межклассовости интеллигенции обнаружила бы лишь формальное понимание текста. Употребляя выражение «интеллигенция», Ленин всегда имел в виду определенную интеллигенцию. И, наоборот, он давал жестокий отпор мелкобуржуазному пониманию интеллигенции, неспособному вскрыть ее классовую сущность. Так, напр., он пишет по поводу кадетской интеллигенции: «Но у кого есть хоть капля революционного чутья и вдумчивого отношения к урокам нашей революции, или кто действительно руководится принципом классовой борьбы и судит о партиях по их классовому характеру, тот нисколько не удивится тому, что партия буржуазной интеллигенции годна лишь на лакейские услуги по отношению к партии крупных буржуа. Господа Горны и Неведомские способны думать, что расхождение кадетов с демократией есть исключение, расхождение их с октябристами есть правило. Дело обстоит как раз наоборот. Кадеты — настоящая родня октябристам по всей их классовой природе... «Разве не такой была кадетская оппозиция во Второй Думе? И разве не ясно, что за такую оппозицию октябристский помещик не только выберет кадета в Думу, но и согласится платить ему профессорское или иное какое жалованье»[1]. Или другой пример, один из множества. По поводу открытого письма буржуазного профессора Ленин пишет в 1919 году: «Саботаж был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелкобуржуазны. Эти выражения содержат классовую характеристику, историческую оценку...»[2]). Интеллигенция является наиболее сложной, но не единственной внутриклассовой группой.

Сущность каждого класса капиталистического общества едина, но форма проявления этой сущности в различных группах класса своеобразна. Вот почему принадлежность какой-либо группы к определенному классу еще не накладывает на нее штампованного трафарета. Внутри каждого класса капиталистического общества существуют различные внутриклассовые группы. Применение классовой точки зрения в качестве голой схемы-рецепта к анализу реальной классовой борьбы так же похоже на марксизм, как выкрики попугая на человеческую речь. Марксизм требует конкретного анализа классов и классовой борьбы. Конкретный анализ приводит к изучению внутриклассовых групп. Мы уже указывали на различные внутриклассовые группы класса пролетариев. Из этих внутриклассовых различий вытекает неравномерность вызревания классового сознания и неравномерное участие в классовой борьбе. Учитывая уроки революции 1905 г., Ленин изучал не только опыт классовых боев в целом, но и роль различных внутриклассовых групп. С особой тщательностью Ленин изучает поведение различных групп рабочего класса. Необычайно поучительна с этой стороны его работа «О статистике стачек в России» (т. XI, ч. 2). Группируя данные стачечного движения по профессиональному признаку, по признаку крупных и мелких предприятий, по территориально-политическому признаку и т. д., Ленин приходит к ряду важнейших выводов о различной роли различных групп рабочих в революционном движении. Эти внутриклассовые различия развернулись и в процессе Октябрьской революции. Общеизвестна, напр., авангардная роль металлистов, рабочих крупных предприятий вообще. Внутриклассовые различия имеют большое значение у нас и сейчас.

«Потомственные» пролетарии нашей социалистической индустрии передают свои боевые традиции новым кадрам молодых пролетариев, [illegible]

---

[1]) Ленин, Заметки публициста, Соч., т. VIII, стр. 470—471.
[2]) Ленин, Ответ на открытое письмо специалиста, т. XVI,

тавшим капиталистической эксплоатации, или тем кадрам, которые принесли с собою из деревни психологию мелкобуржуазного собственника. Наши крупные промышленные центры поставляют организаторов социалистического строительства всей страны, увлекают своим энтузиазмом трудящиеся массы, проявляют огромную творческую инициативу. Практическое осуществление идеи социалистического соревнования, инициатива установления для индустриализации родились среди пролетариев Ленинграда.

Огромная роль внутриклассовых различий в рабочем движении современных капиталистических стран общеизвестна: стоит лишь вспомнить о рабочей аристократии и рабочих массах, о безработных и работающих, об организованных и неорганизованных, о национальных различиях, религиозных и т. д., и т. д.

В господствующем классе также существуют внутриклассовые группы: промышленная, торговая, финансовая буржуазия. Каждая из этих основных внутриклассовых групп делится в свою очередь на множество подгрупп: тяжелая и легкая индустрия, работающая на внутренний рынок, и на экспорт, и т. д. И здесь своеобразие положения в процессе производства и обращения ведет к своеобразию в процессе классовой борьбы. Российская торговая буржуазия была тесней связана с помещиками, нежели промышленная, и была реакционней. Современная английская экспортная промышленность охотнее идет на соглашение с нами, нежели промышленность, не заинтересованная в нашем рынке. Нельзя совершенно понять современной политической действительности, не разбираясь в конкретных внутриклассовых особенностях различных групп современных классов. Естественно, что своеобразие положения внутри класса порождает своеобразие классовых интересов, различие, а зачастую и противоположность интересов различных внутриклассовых групп. Однако эта противоположность интересов внутриклассовых групп имеет частичный и временный характер и смолкает при голосе основных классовых противоречий.

Внутриклассовые различия играют тем большую роль, чем меньше развита классовая борьба. С наступлением решающих классовых боев, классы смыкаются в единый фронт, сцементированный единой социально-экономической сущностью. Но, как это ни печально, нужно сделать оговорку. В решающих боях буржуазия выступает гораздо более сплоченным и цельным фронтом, нежели пролетариат. В решающие моменты пролетариат обнаруживает не только отстающие и колеблющиеся отряды, но и ренегатски дерущиеся в рядах буржуазии. Опыт революционных боев в Европе показал, что в решающие моменты революционные, пролетарские массы будут иметь против себя не только буржуазию, но и значительную часть рабочей аристократии и отдельные элементы рабочих, коснеющие в религиозных, националистических и т. д. предрассудках. Даже наш, обладающий высокими революционными качествами, пролетариат дал во время гражданской войны отдельные группки, сражавшиеся под белогвардейскими знаменами. Буржуазия тоже знает единичные перебежки своих членов в ряды борющегося пролетариата, но она не знает перебежек внутриклассовых групп. В этом сказывается не только экономическое могущество буржуазии даже в эпоху краха капитализма, но и связанная с ним более высокая степень ее классового сознания.

Нам осталось рассмотреть вопрос о деклассированных элементах капиталистического общества. Помимо основных и второстепенных классов, занимающих определенное положение в процессе производства, в капиталистическом обществе существуют социальные группы, не принимающие никакого участия в процессе производства и не принадлежащие ни к какому классу, — деклассированные элементы, по-настоящему: «межклассовые» элементы. К деклассированным элементам относятся все те, кто ведет пара-

...итический образ жизни, — нищие, проститутки, преступники, бродяги и т. д. Наличие деклассированных элементов не случайно для капиталистического общества, оно является необходимым продуктом победоносного развития капиталистического способа производства. Деклассированные элементы вербуются раньше всего из мелкой буржуазии города и деревни. Капиталистический способ производства, вторгаясь во все сферы народного хозяйства, разоряет мелкую буржуазию, оставляя ей лишь рабочую силу. Но, создавая наемных рабочих в потенции, капитализм нисколько не озабочен превращением наемной рабочей силы в возможности в действительно функционирующую рабочую силу. Мелкий буржуа, вышибленный из своего производственного гнезда, не всегда находит работу на капиталистической фабрике. Так разорение мелкой буржуазии создает резервную армию труда. То сокращаясь — в периоды под'ема капитализма, то увеличиваясь за счет рабочих — в периоды кризиса, резервная армия труда всегда существует в капиталистическом обществе. Она с необходимостью отслаивает по различным каналам элементы хронически безработных, отвыкшие от труда, уже не желающие заниматься производительным трудом, превратившиеся в паразитов и преступников. Армия деклассированных элементов пополняется также разоряющимися членами господствующих классов. Ведущие паразитический образ жизни осколки ...тостников, не «переродившиеся» в членов класса капиталистических предпринимателей, прокутив свое состояние, также неизбежно попадают на социальное дно капиталистического общества. Они деклассируются гораздо быстрее и легче, нежели рабочий, выброшенный на мостовую, ибо, ...с материнским молоком, они впитывают презрение к производительному труду, к «труду ради заработка». На «дне» находят неизбежное успокоение также представители разоренных конкуренцией мелких капиталистов. Но эти оказывают отчаянное сопротивление как в силу своей классовой идеологии, так и в силу социальных связей.

Армия деклассированных паразитов и преступников — язва, существующая, как необходимый продукт и документальное подтверждение ...варения капиталистического желудка. Они будут уничтожены лишь с уничтожением классов в социалистическом обществе. Роль деклассированных элементов в классовой борьбе ничтожна: они доставляют наемных убийц и провокаторов. Правда, пламенный энтузиазм пролетарской революции настолько велик, что захватывает на некоторый миг и деклассированные элементы, вышедшие некогда из трудовых рядов. Но только немногим из них удается вернуться к производительному труду. Начало переходного периода еще не в состоянии радикально покончить с этим проклятием классового общества.

Теория подвижного равновесия общества и взаимоотношения между обществом и внешней средой.

(Критика «Теории исторического материализма» тов. Бухарина).

А. Мартынов.

1. „Новое“ в книге тов. Бухарина.

«Теория исторического материализма» вышла в 1921 г. и имела очень большое распространение. По ней многие учились. Книга автора, обладающего большой эрудицией, содержит много хороших иллюстраций к учению Маркса. Но автор не ограничивался целью популяризации учения Маркса. В предисловии к книге он говорит: «В некоторых довольно существенных пунктах (Разрядка моя. *А. М.)* автор отступает от обычной трактовки предмета (Разрядка моя. *А. М.),* в других он считает возможным не ограничиваться уже известными положениями, а развивать их дальше» (Разрядка моя. *А. М.).* Мы настоящей статьей не ставим себе целью дать оценку книги тов. Бухарина вообще. Нас интересуют лишь те новые трактовки предмета и те дополнения, которые в своей книге дает тов. Бухарин.

В книге тов. Бухарина рассеяно много «новых» мыслей, расходящихся с обычной трактовкой марксизма. Так, например, «новым» является уже то, что он «теорию исторического материализма» называет «социологией». «Новым» является то, что он диалектический метод автора «Капитала» сводит к «систематизации», «классифицированию», «приведению в порядок» фактов, к их «организации», что, по его словам, является характерным «признаком научного знания», который «признается решительно всеми» (стр. 16). «Новым» является то, что он, вопреки Гегелю, Марксу и Энгельсу, отождествляет понятие «необходимость» с понятием «случайность». «Новое» заключается в том, что он определяет понятие «класс» не по-марксовски и не по-ленински, а по-богдановски. Но главное из его «новшеств» заключается в его теории «подвижного равновесия общества», которой и посвящена специально наша статья.

Ключ к пониманию всех перечисленных «новшеств» тов. Бухарина нам дает сам автор. Он заключается в том, что тов. Бухарин пытается свести диалектическиий материализм Маркса к механистическому материализму. На стр. 66 он говорит: «Эта динамическая точка зрения называется также «диалектической» (диалектика имеет еще признаки, о которых ниже)».

Понятие — динамический, равно как и понятие — статический, как известно, заимствовано из механики. И тов. Бухарин не скрывает, что он именно в таком механистическом смысле понимает диалектику. На стр. 78 он прямо заявляет: «Мы считаем вполне возможным переложить «мистиче-

ский», как Маркс его называл, язык гегелевской диалектики на язык современной механики». Тов. Бухарин при этом замечает, что раньше такую замену понятий было неудобно делать; «теперь же с учением об электронах, об атомах, как целых системах, наподобие солнечной, нет никаких оснований бояться механистических обозначений». Из этих слов вытекает, что механика солнечной системы уже во всяком случае представляет закономерность, качественно не отличающуюся от закономерности в биологии или от закономерности в социологии. Не нужно читать Энгельса «Диалектику природы» или Гегеля, чтобы видеть, что это утверждение не обнаруживает и атома понимания диалектики.

Итак, «новое» в теории тов. Бухарина заключается в том, что он от диалектического материализма отступает назад к старому, Марксом превзойденному, механистическому материализму. Впоследствии мы увидим, что тов. Бухарин на этой позиции удержаться не может и потому вынужден усесться на двух стульях, т.-е. занять позицию эклектическую. Теперь же мы перейдем к тому, что является гвоздем в новой теории Бухарина—к его теории «подвижного равновесия общества и взаимоотношения между обществом и внешней средой».

Раньше, чем применить теорию равновесия к обществу, тов. Бухарин дает следующее определение понятия равновесия: «О какой-нибудь системе говорят, что она находится в состоянии равновесия, если эта система сама по себе, т.-е. без извне-приложенной в ней энергии, не может изменить данного состояния» [1]). Совершенно очевидно, что это определение равновесия системы, которое может быть нарушено только под влиянием внешней силы (а не благодаря развитию внутренних противоречий этой системы) заимствовано из механики. Впрочем, даже в механике это определение имеет ограниченное применение (только в области статики). Дав такое определение равновесия, т. Бухарин применяет его к обществу и утверждает, что общество представляет собою систему подвижного равновесия, систему, в которой хотя имеются внутренние противоречия, но которая тем не менее выходит из состояния равновесия лишь под влиянием воздействия внешней среды, лишь в результате противоречия между системой и внешней средой. Тов. Бухарин пишет: «Мы видели, что противоречия бывают двух родов: между средой и системой, и между элементами самой системы. Есть ли какая-либо связь между этими двумя явлениями? Стоит только подумать, чтобы ответить утвердительно: да, такая связь существует, ибо совершенно ясно, что внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от отношения, которое существует между системой и средой. Отношение между системой и средой есть решающая величина, ибо все положение системы, основные формы ее движения (упадок, застой, развитие) определяются именно этим отношением»... «Внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внешнего равновесия)» [2]). Что понимает тов. Бухарин под противоречием между обществом и его внешней средой? «Это прежде и раньше всего означает, что между общественной техникой и общественной экономикой нарастают противоречия». В другом месте он ту же мысль выражает другими словами: «Причина революции заключается в столкновении производительных сил и хозяйства (т.-е. экономики)» [3]).

Между этой теорией тов. Бухарина и теорией Маркса можно найти некоторое внешнее сходство. И это понятно. Ведь тов. Бухарин субъективно не собирался ревизовать Маркса, он хотел только «углубить» и «дальше развивать» учение Маркса. В чем же заключается это внешнее сходство? Прежде всего в том, что бухаринское противоречие между «техни-

---

[1]) Н. Бухарин Теория исторического материализма, стр. 76.
[2]) Там же, стр. 82.
[3]) Там же, стр. 283, 286.

кой» и «экономикой» является *на первый взгляд* как бы синонимом того противоречия между производительными силами и производственными отношениями, о которых Маркс говорил в знаменитом предисловии к своей книге «К критике политической экономии». Это *внешнее* сходство заключается далее в том, что и Маркс говорил о некоем «равновесии» в обществе и притом в двух смыслах. Во-первых, в смысле обязательного для всякого общества пропорционального распределения труда. В III томе «Капитала» он пишет: «Лишь как внутренний закон, как слепой закон природы выступает здесь в глазах отдельных деятелей производства закон стоимости и осуществляет общественное равновесие производства среди случайных колебаний» [1]). В другом месте, в письме к Кугельману от 11 июля 1868 г., Маркс пишет: «Очевидно само собой, что эта *необходимость разделения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства, измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены». По этому поводу Маркс тут же замечает: «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель». Маркс таким образом здесь признает наличие некоего «равновесия» во всяком обществе, отмечая, что эта истина такая банальная, что «всякий ребенок знает это». Маркс, во-вторых, говорит еще о «равновесии» в обществе и в другом смысле, именно в том, что пока существует известная экономическая структура общества, пока она не сменилась другой, господствующие производственные отношения в ней сохраняются и воспроизводятся. В III томе «Капитала» он пишет: «Он (капиталистический способ производства) не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, в которых эти продукты производятся» [2]). И в данном случае констатируется вещь сама собой понятная. Таким образом, бухаринский «закон равновесия» есть банальная истина — абстрактная, общая, мало-содержательная. И Ленин в пометках к бухаринской книге «Экономика переходного периода» к слову «равновесия» приписал: «(Равновесия) приблизительного, грубого, в больших числах a la longue» [3]).

Если, таким образом, между «теорией равновесия» Бухарина и теорией Маркса можно констатировать некое поверхностное, внешнее сходство, то, с другой стороны, уже на первый взгляд видно, что между этими двумя теориями имеется в то же время непримиримое противоречие, *поскольку тов. Бухарин свои рассуждения о «равновесии» возвел в теорию, долженствующую об'яснить законы развития общества.* Маркс был диалектик, а основной закон диалектики, выражаясь словами Ленина, гласит: «Диалектическое—охватить противоположности в их единстве» [4]). Где же у тов. Бухарина внутреннее диалектическое *единство* между обществом и внешней средой, между «экономикой» и «техникой»? Он сам, трактуя «технику» как *внешнюю* среду по отношению к «экономике», нигде вообще не говорит об единстве между системой и внешней средой. Другой основной закон диалектики Ленин так формулирует: «Имманентное *происхождение* различий»—внутренне-об'ективная логика эволюции и борьбы различий полярности». В другом месте он этот основной закон диалектики так формулирует: «Движение и «самодвижение» (это NB самопроизвольное) самостоятельное (спонтанейное, *внутренне-необходимое* движение). Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, почистить, что и сделали Маркс и Энгельс» [5]). Как же примирить

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 340.
[2]) Там же, стр. 339.
[3]) «Большевик» № 20, 1929 г., стр. 29.
[4]) Ленинский сборник XI, стр. 15, 51.
[5]) Там же, стр. 49, 127.

с этим основным законом диалектики теорию Бухарина, согласно которой общество развивается и равновесие его нарушается не на основе внутренней необходимости, не на основе его внутренних противоречий, а на основе воздействия внешней среды, внешней силы? Как согласовать с этим основным законом диалектики теорию Бухарина, согласно которой внешние противоречия имеют примат над внутренними противоречиями?

Ясно: чтобы внешнее сходство между теорией Бухарина и теорией Маркса превратить в тождество, нужно одно из двух — либо выбросить все «новое» из теории тов. Бухарина, либо ревизовать теорию Маркса. Тов. Бухарин очутился в положении очень неприятном для марксиста. В следующей главе мы раз'ясним подробно, почему это с ним случилось, какие теоретические ошибки легли в основание его теории равновесия.

II. Проблема производительных сил и производственных отношений

Исходная точка зрения тов. Бухарина заключается в том, что для него понятие «производительные силы» вполне покрывается понятием «техника». На стр. 126 он пишет: «Точным материальным показателем соотношения между обществом и природой является система общественных орудий труда, т.-е. техника данного общества. В этой технике находят свое выражение материальные производительные силы общества и производительность общественного труда».

Если в этом месте еще можно истолковать тов. Бухарина так, что понятие — производительные силы покрывается понятием — техника, поскольку речь идет о взаимоотношении между обществом и природой, то из следующей цитаты мы можем убедиться, что для тов. Бухарина первое понятие вообще покрывается вторым, тождественно со вторым во всех случаях. На стр. 131 он говорит: «При рассмотрении общества, условий его развития, его форм, его содержания и пр., нужно начать это рассмотрение с анализа производительных сил или с технической основы общества» (Разрядка моя. *А. М.*).

Здесь, стало быть, производительные силы отождествляются с техникой и тогда, когда речь идет не о взаимодействии между обществом и природой, а об условиях развития самого общества.

Тов. Бухарин в своем определении понятия — производительные силы — не одинок. Многие из современных русских марксистов-экономистов разделяли и еще разделяют этот взгляд. Это привело к довольно своеобразной трактовке задач политической экономии. Маркс писал в своем введении к книге «К критике политической экономии»: «Производство всегда представляет собою особую отрасль производства или некоторую совокупность их... Однако политическая экономия—не технология» [1]). Энгельс в своем отзыве об указанной книге писал в том же смысле: «Политическая экономия говорит не о вещах, а об отношениях между людьми, в последней инстанции об отношении между классами; эти же отношения всегда связаны с вещами и представляются, как вещи» [2]). Наконец, в том же смысле писал и Ленин: «Ее (политической экономии. *А. М.*) предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это — предмет технологии), а общественное отношение людей по производству» [3]). Итак, бесспорно, что техника не предмет политической экономии. Но, если мы поставим знак равенства между понятием — производительные силы и понятием—техника, то мы должны будем логически прийти к выводу, что следует и трактовку вопроса о производительных силах изгнать из политической

[1]) К. Маркс, К критике политической экономии. Введение.

[2]) Ф. Энгельс, газ. «Народ» №№ 6 и 20, август 1859 г. Цитирую по Бухарину.

[3]) Ленин, т. II, стр. 220.

тической экономии. И некоторые этот смелый вывод сделали. Напр., довольно известный в Советском Союзе экономист Рубин писал: «Задача исследования взаимодействия между производительными силами и производственными отношениями людей должна быть выполнена марксистами-социологами, а не экономистами» [1]. Соответственно этому в учебниках политической экономии, написанных единомышленниками Рубина, даже слово производительные силы не упоминается. Совершенно понятно, что при такой трактовке вопроса диалектически-материалистический метод в политической экономии должен уступить место диалектически-идеалистическому методу.

Откуда же проистекают все эти блуждания? Из непонимания двойственного характера понятия производительные силы, из непонимания, что производительные силы с точки зрения Маркса одновременно являются и материальными производительными силами, и общественными производительными силами. Маркс в I томе «Капитала» говорит: «Состав капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемый со стороны стоимости — состав определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле состав капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения,—с другой. Первый я называю составом капитала по стоимости, второй — техническим составом капитала. Между тем и другим существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить это взаимоотношение, я называю органическим составом капитала его состав по стоимости, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменения технического состава» [2]. В таком же двойственном смысле Маркс понимает и производительные силы.

Когда Маркс стоит перед проблемой дать материалистическое об'яснение истории и экономических законов общества, он рассматривает производительные силы с их материальной стороны, обращенной к природе, и тогда он подчеркивает, что наиболее характерным, решающим элементом производительных сил являются орудия труда, средства труда, техника. Так, напр., в I томе «Капитала» он говорит: «Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т.-е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации?.. Технология раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений» [3]). В своей книге «Наемный труд и капитал» Маркс пишет: «С изобретением нового военного орудия, огнестрельного оружия, необходимым образом изменилась вся внутренняя организация армии... Общественные отношения производителей, общественные отношения производства меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, т.-е. производительных сил [4]).

---

[1]) Рубин, Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса, стр. 87. Цитирую по статье Бессонова в «Большевике» №№ 9 и 10, 1929 г.
[2]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 485.
[3]) Там же, стр. 281.
[4]) К. Маркс, Наемный труд и капитал.

С этой материалистической точки зрения Маркс н человека, рабоч... рассматривает, как «предмет природы», как «вещь». «Сам человек, рассма триваемый просто, как бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещ... хотя и живая, сознательная вещь; а самый труд есть вещественное про явленне этой силы» [1]). С этой же материалистической точкн зрения Маркс установил примат производства в политической экономнии. В своей ста... «Введение» к «Критике политической экономии» он пишет: «Результат, к ко торому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение обмен и потребление—одно и то же, но что все они образуют собою чле... целого, различие внутри единства. Производство в протнвоположности сам... определений охватывает как само себя, так и остальные моменты. С него н... чинается каждый раз снова процесс» [2]). С этой же материалнстической точ... зрения Маркс изложил свою знаменитую теорию базиса н надстройки ... введенин к кннге «К критике политической экономин», в которой он го... рит: «В общественном производстве и в своей жизни люди вступают в опр... деленные и необходимые, от их воли независящие, отношения, произво... ственные отношения, которые соответствуют определенной ступени разви тия их материальных производительных снл. Совокупность этих произво... ственных отношений образует экономическую структуру общества, реаль ный базис, на котором возвышается юридическая и политнческая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» Здесь материальные производительные силы являются, если можно так в... разиться, базой базы, базой экономической структуры общества. И в этом случае «определенная ступень развнтня производительных сил» Марксом понимается прежде всего в смысле определенной ступени развития обще ственной техники. Но подход к производительным силам с этой точки зре ния, с этой стороны совершенно недостаточен, когда м... хотим об'яснить себе не статику общества, а закон... его диалектического развития и прнчины возникновения пр... тиворечия между производительными силами и производственными от... шениями.

Когда Маркс и Энгельс хотят вскрыть н раз'яснить законы диалек тического развитня общества, они рассматривают производитель ные силы с другой стороны, с их общественной стороны, с их сторо... обращенной к обществу, а не к природе. В этом случ... подчеркивается, что и сама технника является овеществленнем прошл... общественного труда. В этом случае Маркс подчеркивает, что и частич... рабочий и «совокупный» рабочий есть производительная сила: «Из всех ор... дий производства наиболее крупной производительной снлой является с... революционный класс»,—писал Маркс. Наконец, что особенно важно в этом случае, и нзвестная категория производственных отношений вкл... чается Марксом в понятне «производительные снлы».

Уже Плеханов в свонх статьях, написанных под общнм загл... «Господин П. Струве в роли крнтика марксовой теорин общественного ра... вития», отметил, что Маркс и Энгельс употребляют выражения—произво... ственные отношения в двух смыслах: «Когда речь идет у них об осно... противоречии, толкающем вперед общественное развитие, тогда сло... отношения производства употребляются ими и в более узком смысле пр... щественных отношений». В других же случаях «под материальными усл... виями существовання новых отношений производства (иму... ственных отношений)... понимаются также и... непосредственные отношения производнтелей в процессе производства

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 139.

[2]) «Основные проблемы политической экономии», сб. ст., ... г., стр. ...

(напр., организация труда на фабрике и мануфактуре)» [1]). Вот эту последнюю категорию производственных отношений, которую можно назвать технически-трудовыми производственными отношениями в отличие от имущественных, социально-экономических производственных отношений, Маркс и Энгельс тоже включают в понятие — общественные производительные силы. Маркс в I томе «Капитала» в одном случае говорит о производительных силах, «возникающих из сочетания различных работ» [2]); в другом случае — о «производительных силах, возникающих из кооперации и разделения труда» [3]). В III томе «Капитала» Маркс пишет: «Развитие производительной силы об'ясняется общественным характером приведенного в движение труда, разделением труда внутри общества, развитием духовного труда, именно естественных наук» [4]). Маркс одобрительно отзывается о Петти, который прямо называет разделение труда производительной силой. Маркс пишет: «Петти выяснил также значение разделения труда, как производительной силы, и сделал это в более широком масштабе, чем Адам Смит» [5]).

Совершенно недвусмысленно Маркс об этом говорит в своей книге «Теории прибавочной стоимости». Во 2-й части II тома этой книги мы читаем: «Мы видели при процессе производства, что все стремление капиталистического производства направлено на то, чтобы присвоить себе по возможности больше прибавочного труда... будь то через удлинение рабочего времени, будь то... через развитие производительных сил труда, применение кооперации, разделения труда, машин и т. д.» (Разрядка моя. *А. М.)* [6]). В другом месте той же книги мы читаем: «Еще меньше их производство было направлено на раскрепощение и развитие материальных производительных сил — разделения труда, машин, применение сил природы и науки к частному производству» (Разрядка моя. *А. М.)* [7]). В последних двух цитатах кооперация и разделение труда, т.-е. технически-трудовые производственные отношения, на ряду с машинами включаются очевидным образом в понятие производительные силы

Теперь мы понимаем, в каком смысле производительные силы не составляют и в каком смысле они составляют предмет политической экономии: в смысле техники они не являются предметом изучения политической экономии, а в смысле технически-трудовых производственных отношений между людьми они, конечно, являются предметом изучения политической экономии. История развития техники — ручные мельницы, ветряные мельницы, паровые мельницы — все это относится к истории технологии, а ремесло, кооперация, мануфактура, фабрика—все это относится к политической экономии, о чем свидетельствуют соответственные главы в I томе «Капитала» Маркса.

Теперь мы, наконец, подошли также к вопросу, в каком смысле Маркс говорит о противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Если это противоречие понимать по Бухарину, как противоречие между техникой и экономикой, то это будет бессмыслица. Маркс и Энгельс так это не понимают. Уже Плеханов в цитированной нами статье против Струве писал: «Поскольку совокупность усовершенствованных ору-

[1]) Г. Плеханов, Соч., т. XI: «Господин П. Струве в роли критика марксовой теории стоимости».
[2]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 272.
[3]) Там же, стр. 292.
[4]) K. Marx, Kapital, B. III, T. 1, S. 56.
[5]) К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 90.
[6]) K. Marx, Theorien über den Mehrwert, B. II, T. 2, S. 301.
[7]) Там же, стр. 310.

дий труда обуславливает собой известную его организацию, т.е. известное отношение между производителями, фабрика есть общественное отношение производства. И если это отношение начинает противоречить имущественным отношениям капиталистического общества, если фабрика перестает уживаться с капиталом, то это значит, что некоторая часть общественных отношений производства перестает соответствовать другой их части, и что фраза «производительные силы общества противоречат его имущественным отношениям» должна быть понимаема именно в этом... смысле, устраняющем всякую возможность представления названных сил и указанных отношений в виде каких-то самостоятельных сущностей» [1]). Именно так это понимал и Энгельс, который писал в «Развитии научного социализма»: «Но точно так же, как мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли некогда в столкновение с феодальными путами... крупная промышленность на более высокой ступени своего развития приходит в столкновение с узкими пределами, которыми ограничивает ее капиталистический способ производства. Новые производительные силы перерастают буржуазные формы их эксплоатации» [2]). Таким образом, Энгельс рассматривает мануфактуру, ремесла и крупную промышленность, т.-е. технически-трудовые производственные отношения, как производительные силы, приходящие в столкновение с социально-экономическими производственными отношениями.

Теперь мы подошли к правильному диалектическому, не механистическому решению вопроса об основном противоречии капиталистического общества. По Бухарину выходит, что «техника» приходит непосредственно в столкновение с «экономикой» или природа с обществом. При такой постановке вопроса мы не имеем налицо требуемого диалектикой единства противоположностей. По Марксу и по Энгельсу же это противоречие между производительными силами и производственными отношениями есть противоречие между двумя видами производственных отношений, т.-е. внутреннее противоречие в производственных отношениях общества.

---

[1]) Г. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 167, 168.

В действительности диалектическая связь между техникой и производственными отношениями еще более сложна, чем это здесь представляет Плеханов. Фабрика, с одной стороны, есть система машин, приводимых в движение рабочими. Постольку она представляет собою технику. В то же время она представляет известные технические отношения между производителями. Это отношение технически-трудовое производственное отношение. Но фабрика, с другой стороны, представляет отношение между капиталом и трудом. Постольку она также — социально-экономическое производственное отношение (капитал). Таким образом, каждая фабрика есть единство противоположностей, единство двух видов производственных отношений, приходящих в столкновение друг с другом, технически-трудовых и социально-экономических. При этом имущественные, в данном случае капиталистические, производственные отношения известным образом отражаются и на технических, влияют на последние. Если, напр., отношение между инженером и рабочим на фабрике представляет технически-трудовое производственное отношение, т.-е. разделение труда, то тот факт, что инженер на фабрике представляет интересы капиталиста, собственника фабрики, превращает это разделение труда в отношение господства, с одной стороны, подчинения — с другой. Поэтому Ленин, как и Маркс, не исключали из определения понятия — «класс» категории господства — подчинение. В развернутом определении понятия «класс», которое Ленин дает в статье «Великий почин», имеется в числе прочих отличительных признаков «класса» также следующий: «Их (больших групп людей) роль в общественной организации труда». Но, в отличие от Бухарина, у Ленина, как и у Маркса, этот признак не является главным. Главный признак — отношение к средствам производства», а совокупностью всех отличительных признаков «класса» для Ленина является «их (больших групп людей) место в исторически определенной системе общественного производства» (См. Ленин

[2]) Энгельс, Развитие научного социализма, стр. 26.

Что это именно так, не подлежит никакому сомнению. Маркс в «Капитале» говорит: «Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается» [1]). Здесь, как мы видим, с капиталистической оболочкой приходят в противоречие не техника, а технически-трудовые производственные отношения — централизация средств производства и обобществление труда. В таком же смысле высказывается Энгельс в «Развитии научного социализма»: «И чем полнее становилось господство нового способа производства..., тем резче должна была выступать несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением» [2]).

Это противоречие между общественным характером труда и капиталистическими имущественными отношениями для Энгельса является центральным, решающим: «Продукт общественного труда присваивается отдельными капиталистами. Это и составляет основное противоречие, заключающее в себе все те противоречия, в которых движется все современное общество» [3]).

У Бухарина получалось противоречие между двумя «самостоятельными сущностями» (между природой и обществом); а у Маркса и Энгельса получилось внутреннее противоречие производственных отношений—противоречие между социально-экономическими производственными отношениями (частная собственность капиталистов на средства производства) и технически-трудовыми производственными отношениями (общественный характер труда). Что между этими противоположными частями есть единство, совершенно ясно.

Это единство, во-первых, выражается в том, что антагонистические, т.-е. социально-экономические, производственные отношения выросли из разделения труда, из технически-трудовых производственных отношений. Энгельс об этом пишет в «Развитии научного социализма»: «Рядом с огромным большинством, исключительно занятым физической работой, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и заведующий общественными делами... В основании деления на классы лежит, следовательно, закон о разделении труда» [4]). Социально-экономическое производственное отношение, выросшее таким образом из технически-трудовых производственных отношений, в коммунистическом обществе вновь растворятся в последних, при чем разделение труда и разделение на профессии тут уже исчезнут, заменившись кооперацией. Мы здесь имеем, таким образом, гегелевскую «триаду»: положение, отрицание и отрицание отрицания, т.-е. положение на высшей основе. Единство противоположностей в марксовой формуле выражается, во-вторых, в том, что социально-экономические производственные отношения соответствуют определенной ступени развития технически-трудовых. Но это единство превращается в свою противоположность, когда социально-экономические производственные отношения из форм развития технически-трудовых превращаются в их оковы.

Маркс и Энгельс дают нам картину общественного развития, в которой во всей своей полноте и цельности выявляются законы диалектического материализма. Растет техника, параллельно с ней и в тесной связи с ней растут и развиваются технически-трудовые производственные отношения, развивается процесс обобществления труда. Именно этот рост обобществления труда приходит во все большее и большее противоречие с социально-экономическими, капиталистическими производственными отношениями,

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 613.
[2]) Энгельс, Развитие научного социализма, стр. 30.
[3]) Там же, стр. 48, 49.
[4]) Ф. Энгельс, Развитие научного социализма, стр. 44.

пока не лопается капиталистическая оболочка. В этой картине однако ярко выступают и материалистическая сторона процесса — развитие техники, как его о с н о в а, и диалектическая сторона процесса — внутреннее противоречие производственных отношений, как д в и ж у щ а я с я сила. Всю эту картину затемнил и исказил тов. Бухарин, не понявший марксовой диалектики, не понявший двойственного характера производительных сил и истолковавший их в одностороннем механистическом духе. Это непонимание диалектического характера взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями побудило его построить с у р р о г а т марксовой теории исторического развития в виде механистической теории подвижного равновесия общества, которую он заимствовал у Богданова.

III. Теория подвижного равновесия общества.

Эта теория до такой степени «прекрасна» в своей наготе (и пустоте), что я позволю себе для ее характеристики привести длинную цитату из книги тов. Бухарина. Тов. Бухарин устанавливает три главных типа отношения между средой и системой:

«1. У с т о й ч и в о е р а в н о в е с и е. Устойчивое равновесие бывает в том случае, когда взаимодействие между средой и системой выражается в неизменном положении вещей или в таком нарушении прежнего положения, которое вновь восстанавливается в прежней же форме. Напр.: предположим, что какой-нибудь вид животных живет в степи. Среда сама не изменяется. Для прокорма этого вида животных количество пищи не увеличивается и не уменьшается... В общем и целом, количество наших животных останется тем же... Здесь перед нами случай застоя. Почему? Потому, что тут сохраняется неизменное о т н о ш е н и е между системой (данный вид животных) и средой. Это случай устойчивого равновесия... Такой же случай мы будем иметь и с обществом застойного типа... Если о т н о ш е н и е между обществом и природой остается тем же, т.-е. если общество высасывает путем производства из природы столько же энергии, сколько тратит, то противоречие между обществом и природой тоже воспроизводится в прежней форме: общество топчется на месте, и мы имеем случай устойчивого равновесия».

«2. П о д в и ж н о е р а в н о в е с и е с п о л о ж и т е л ь н ы м з н а к о м (развитие системы). В действительности, однако, устойчивого равновесия не бывает. Это только воображаемый, только мыслимый или, как говорят, «идеальный» случай... Нарушение равновесия приводит в действительности не к восстановлению равновесия на точь-в-точь такой же основе, как раньше, а новое равновесие создается на н о в о й основе. Предположим, напр., что число хищников, которые их (наших животных. *А. М.*) поедали, почему-либо уменьшилось, а количество пищи увеличилось. Тогда, несомненно, увеличится и число этих животных. Наша «система» будет расти; новое равновесие устанавливается на высшей основе. Здесь мы имеем р а з в и т и е... Если мы возьмем вместо животного человеческое общество и предположим, что отношение между ним и природой изменяется так, что общество путем производства высасывает из природы энергии больше, чем тратит (почва стала плодороднее или появились новые орудия...), — то это общество будет расти... Противоречие между обществом и природой будет воспроизводиться каждый раз на новой «высшей основе», и притом такой, когда система будет у в е л и ч и в а т ь с я, р а з в и в а т ь с я» (Разрядка моя. *А. М.*).

«3. П о д в и ж н о е р а в н о в е с и е с о т р и ц а т е л ь н ы м з н а к о м (разрушение системы)». В этом третьем случае автор, также длинно рассуждая, описывает, как под влиянием уменьшения пищи животные будут вымирать, а общество будет частью погибать, частью разрушаться.

Описав таким образом три случая равновесия, к которым, по мнению автора, «сводятся все мыслимые случаи», он обращается к другому вопросу: «До сих пор мы говорили только о противоречиях между средой и системой, о внешних противоречиях. Но есть и противоречия внутренние, внутри самой системы». Это — противоречия внутри системы, вытекающие из противоречивого ее строения («структурные противоречия»). Но эти внутренние, «структурные» противоречия, по мнению автора, сами по себе не могут иметь таких последствий, как внешние противоречия. Как бы внутренние противоречия ни были велики, «тем не менее эти противоречия сами по себе еще не уничтожают общества». Во всяком случае связь между внутренними и внешними противоречиями такова, что «внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой. Отношение между системой и средой есть решающая величина. Ибо все положение системы, основные формы ее движения (упадок, развитие, застой) определяются именно этим отношением» [1]).

Такова теория равновесия тов. Бухарина в первоначальном чистом виде. Присмотримся к ней несколько пристальнее. Прежде всего нужно отметить, что когда тов. Бухарин творил эту теорию, перед его глазами маячила картина капиталистического производства и воспроизводства. На стр. 130 и 131 он проводит параллель между тремя описанными случаями равновесия, с одной стороны, и между простым воспроизводством, расширенным воспроизводством и недопроизводством — с другой стороны.

Что прежде всего бросается в глаза при рассмотрении трех случаев равновесия Бухарина и аналогичных трех случаев воспроизводства? В глаза бросается то, что Бухарин во всех случаях понятие качественного развития отождествляет с понятием количественного роста, топит диалектическое понятие в механистическом. По Бухарину выходит, что сказать — общество развивается и сказать — общество размножается — это одно и то же.

Послушаем, что об этом говорил тов. Ленин: «Две основные (или две возможные, или две в истории наблюдавшиеся) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение как повторение и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в теми «само»движение (его двигательная сила, его источник, его мотив) или сей источник переносится во вне (бог, суб'ект). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «само»движения. Первая концепция мертва, бедна и суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к самодвижению всего сущего. Только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», «превращению в противоположность», к «уничтожению старого и возникновению нового» [2]).

Слова Ленина попадают тов. Бухарину, можно сказать, не в бровь, а прямо в глаз! В трех «единственно мыслимых» случаях подвижного равновесия Бухарин говорит о застое, развитии и упадке общества только в смысле стагнации; увеличения или уменьшения числа членов общества. В этих «мертвых, бедных и сухих» схемах развития исчезают все качественные изменения в обществе: исчезает изменение соотношений между элементами производства, исчезает в капиталистическом обществе изменение органического состава капитала, исчезает рост противоречия между стремлением к безграничному капиталистическому накоплению и ограниченностью потребления масс, исчезает для феодального общества

[1]) Н. Бухарин, Теория исторического материализма, стр. 79, 80, 81, 82.
[2]) Ленин, К вопросу о диалектике, «Большевик» № 5—6, 1925 г.

возникновение нового типа производственных отношений уже в рамках ст[illegible] рого феодального строя (развитие товарного хозяйства, развитие торгов[illegible] капитала и проч.), исчезает для капиталистического общества развитие [illegible] условий, необходимых для победы пролетариата (увеличение обобществл[illegible] производства, возникновение трестов, монополий, финансового капитал[illegible] связанное с ними загнивание капитализма, обострение классовых против[illegible] чий, рост организованности и сознательности пролетариата и т. д., и т. [illegible] словом, во славу равновесия исчезает все, что характеризует собою дейст[illegible] тельное историческое развитие общества. Недаром тов. Бухарин [illegible] 82 странице своей книги, говоря об историческом развитии, слово «развит[illegible] заключает в пренебрежительные кавычки!

Неудивительно поэтому, что тов. Бухарин в своих знаменитых сх[illegible] равновесия проводит полную аналогию между человеческим обществ[illegible] стадом животных, пасущихся в степи. Товарищу Бухарину, человеку [illegible] ученому, не следовало бы забывать, что между стадом животных и чел[illegible] ческим обществом есть хотя бы та маленькая разница, что человечес[illegible] общество имеет свою историю, а стадо животных никакой обществе[illegible] истории не имеет. Так выглядит исторический материализм тов. Бу[illegible] харина, вздумавшего выбросить из теории Маркса диалектику и замен[illegible] ее механикой!

Тов. Бухарин, конечно, на этой позиции никак не мог удержать[illegible] в своей книге. Иначе он должен был бы окончательно распроститься с ма[illegible] сизмом. Поэтому он сейчас же, после того, как он изложил свое [illegible] откровение в области марксизма, свою теорию подвижного равновеси[illegible] чал постепенно отступать к «обычным трактовкам вопроса». Н[illegible] имея мужества сдать свои «открытия» в архив или не обладая достато[illegible] пониманием диалектики, чтобы понять всю безнадежность своей позиц[illegible] вступил на путь сочетания диалектического материализма с механист[illegible] ским, на путь сочетания Маркса с Богдановым, точнее говоря, на путь со[illegible] тания Плеханова с Богдановым [1]). В результате получилась эклекти[illegible] по-русски — каша.

Первым шагом в отступлении было признание со с[illegible] роны тов. Бухарина не только количественных, но и качественных [illegible] ний в обществе: «Разве капитализм,— спрашивает он, как будто [illegible] с самим собой,—все время был одинаковым? Ни капли. Мы знаем, что [illegible] проходил самые разные «стадии» своего развития: торговый капитал[illegible] промышленный капитализм, финансовый, с его империалистической [illegible] тикой, государственный капитализм во время мировой войны. Но в [illegible] лах каждой стадии капитализма разве дело стояло на месте? Ничуть. [illegible] бы оно стояло на месте, то одна стадия и не могла бы превратиться в [illegible] гую и т. д.».

Это уже шаг вперед от абстрактного механистического взгляд[illegible] общество к более конкретному «историзму». Но тут еще нет диалект[illegible] тут еще нет развития через противоречия. В приведенной цитате качест[illegible] ные изменения в обществе так изображаются, что одинаково могли [illegible]

---

[1]) Мне в дальнейшем придется часто ставить на очную ставку т. Бу[illegible] с Плехановым. Почему именно с Плехановым, а не с Лениным или Марксом[illegible] тому, что тов. Бухарин в трактуемых нами вопросах занимал «буферную [illegible] между своим учителем, «механистом» Богдановым, и его философским [illegible] ком Плехановым. По поводу цитированных нами выше статей Плеханова [illegible] Струве тов. Бухарин в своей книге (стр. 323) писал: «Это лучшая работа, [illegible] щенная анализу производственных отношений с точки зрения революц[illegible] просах исторического материализма тов. Бухарин считал представителем [illegible] ной трактовки» именно Плеханова и по весьма понятной причине: Плеханов, [illegible] гая и популяризируя Маркса, несколько упрощал диалектику Маркса [illegible] нин же передавал полностью диалектику Маркса и Энгельса. Поэтому [illegible] нин вообще стоял «вне поля разумения» тов. Бухарина.

представить путь от капитализма к социализму и в смысле «врастания», и в смысле революции.

Чувствуя это, тов. Бухарин отступает еще на один шаг от своей теории равновесия к «обычным трактовкам» марксизма. Появляются на сцену «внутренние противоречия». Но вначале он эти внутренние противоречия все еще излагает не по Марксу, а по Струве. Струве, против которого спорил Плеханов в упомянутых выше статьях, тоже не отрицал внутренних противоречий. Но он изыскивал такие противоречия, противоречия, идущие по такой линии, которые легко могут быть разрешены путем «приспособления», а не путем революции. Для этой цели, как известно, Струве в свое время так истолковал Маркса, будто главное противоречие проходит между «правом» и «хозяйством». Плеханов в своей критике Струве это жульничество разоблачил и показал, что основное противоречие у Маркса проходит по другой линии—не между правом и хозяйством, ибо право по Марксу является надстройкой над социально-экономическими производственными отношениями и потому легко приспособляется к его изменениям. Плеханов раз'яснил Струве, что основное противоречие, по Марксу, проходит между имущественными отношениями и производительными силами, по линии, прямым путем ведущей к революции.

Тов. Бухарин был хорошо знаком со спором между Плехановым и Струве. Тем не менее тов. Бухарин почему-то вначале на стр. 283 и 284 излагает так развитие противоречий, что в одну кучу сваливаются противоречия коренные, разрешаемые лишь революцией, и противоречия второстепенные, легко разрешаемые «приспособлением»: «Предположим, — говорит он, — прогрессивное движение производительных сил. Что это означает? Это прежде всего означает, что между общественной техникой и между общественной экономикой нарастают противоречия; система выходит из равновесия. Производительные силы получили некоторый прирост. Отсюда: должна наступить некоторая перегруппировка людей... Это противоречие разрешается. Как? Благодаря тому, что находит себе место вот эта самая перегруппировка людей: экономика «приспособляется» (!!) к состоянию производительных сил, к общественной технике (Как это экономика «приспособляется» к состоянию производительных сил? Не путем ли революции? *А. М.*). Но перегруппировка людей в хозяйственном процессе предполагает и необходимость перегруппировки людей в специальной политической структуре общества (другое сочетание партий, другое сочетание их мощи и т. д.); далее то же обстоятельство вызывает и необходимость в изменении норм (правовых, моральных и всяких других), ибо только таким путем разрешается противоречие или, что то же, восстанавливается равновесие между системой людей и системой этих норм и т. д.».

Таким образом тов. Бухарин здесь совершенно одинаковым образом описывает как «приспособление» социально-экономических производственных отношений к росту производительных сил, так и приспособление правовых норм к изменению социально-экономических производственных отношений, несмотря на то, что в первом случае «приспособление» идет через революцию, а во втором—через реформу. Сейчас же, вслед за этим, он, правда, этот вопрос подымает,—вопрос о разнице между противоречиями, разрешимыми реформами, и противоречиями, ведущими к революции. Но почему же он с самого начала этот вопрос так не ставит?

Тов. Бухарин может мне на это возразить: это педагогический прием, это педагогический метод восхождения от более простых вещей к более сложным. Этот ответ нас никоим образом не может удовлетворить. Маркс тоже восходил в своем «Капитале» от простого к сложному, от более абстрактного к более конкретному. Но Маркс брал исходной точкой такие абстракции, как товар и стоимость, которые в зародыше заключали

в себе уже все основные противоречия капиталистического общества. По этому Марксу, по мере его продвижения вперед в трех томах «Капитала», нигде, конечно, не приходилось опровергать то, что он раньше сказал, приходилось лишь, наоборот, это конкретизировать и развивать дальше. Бухарин же, для «простоты» якобы, начинает с «теории равновесия», которая исключает развитие внутренних противоречий, а потом постепенно, в противоречии (недиалектическом!) со своей исходной точкой, в последовательном отступлении от нее, развертывает сложное конкретное содержание действительности. Такой метод никоим образом не может быть сравнен с аналитически-синтетическим методом Маркса. Это «метод постепенного отступления».

Но, как бы то ни было, хорошо то, что хорошо кончается. И мы отнеслись снисходительно к методологическим грехам автора, если бы он хотя бы под конец стал твердо на точку зрения диалектического материализма. Но, как мы увидим, он в своем отступлении от своей теории равновесия до этого благополучного конца не дошел.

Отступая постепенно от Богданова явно в направлении к аргументации Плеханова в его книге против Струве, тов. Бухарин после последнего цитированного нами места ставит, наконец, вопрос о революции. Но на вопрос, почему в результате резкого конфликта между растущими производительными силами и старыми социально-экономическими производственными отношениями получается революция, тов. Бухарин, согласно своей «педагогической» методе, вначале дает полуответ: «Не трудно понять,—говорит он,—почему именно так происходит дело, не трудно понять, почему именно эти производственные отношения представляют из себя наиболее неподвижный, наиболее консервативный вид: они ведь выражают монопольное экономическое господство класса, закрепленное и выраженное в политическом господстве. Естественно, что такая «оболочка», которая выражает основные интересы класса, будет поддерживаться этим классом до конца» [1]). Это верно. Это, однако, полуответ. Тут автор нам об'ясняет, почему старый господствующий класс в этом основном вопросе не может пойти на уступки и сдаться без боя. Но остается неясным, почему революционный класс приходит в такое состояние, которое толкает его на решительный бой. Другими словами: почему производительным силам на известной ступени их развития становится невыносимо тесно в рамках старых имущественных отношений? С точки зрения бухаринской теории противоречия между «техникой» и «экономикой» на этот вопрос никак не ответишь, ибо совершенно непонятно, напр., почему большие системы машин, возросшие в своем размере, не могут продолжать функционировать при сохранении капиталистической собственности. Тов. Бухарин, явно чувствуя это, решается отступить от своей излюбленной теории еще на один шаг и воспринимает, наконец, формулу революции, которую дал Плеханов в своих статьях против Струве, и которая является, конечно, не открытием Плеханова, а только перефразировкой и раз'яснением того, что говорили до него Маркс и Энгельс. Тов. Бухарин видит себя, наконец, вынужденным повторить вслед за Плехановым, что революция происходит из «противоречия между одной частью производственных отношений и другой ее частью» [2]). «В самом деле,—продолжает он,—ведь ясно, что общественно-централизованный труд, находящий свое воплощение в пролетариате, становится все менее совместимым с экономическим (а следовательно, и политическим) господством капиталистов. Этот «обобществленный» труд требует планового хозяйства и не терпит анархии между классами» [3]). Но

[1]) Н. Бухарин, там же, стр. 290.
[2]) Там же, стр. 298.
[3]) Там же.

конец-то тов. Бухарин выбрался как будто на верный путь. Наконец-то, он как будто капитулировал окончательно перед «обычной трактовкой» вопроса. Но это только так кажется. Очутившись со своей «теорией» в полном тупике, он эту теорию отправил в глубокий тыл. Но он все же от нее не отказался. Он сохранил, с одной стороны, лазейку для ее спасения, а с другой стороны — лазейку для оппортунистических выводов из этой теории.

Только что цитированное нами место из книги тов. Бухарина начинается так: «Теперь мы видим, что это основное противоречие находит свое выражение в производном противоречии, а именно в противоречии между одной частью производственных отношений капитализма и другой ее частью». Выходит так, что противоречие между двумя частями производственных отношений, вопреки смыслу всего того, что об этом говорили Маркс и Энгельс, является не основным, а производным противоречием (хотя без этого «производного» противоречия ничего не об'яснишь). Основным же противоречием остается конфликт между производительными силами и производственными отношениями в его, бухаринском, толковании, конфликт, который Бухарин сможет и впредь, когда ему понадобится, истолковать не в настоящем марксовом смысле, а в смысле своей излюбленной теории, в смысле конфликта между «экономикой» и «техникой». Прижатый к стене, тов. Бухарин спрятал свою теорию, но оставил от нее маленький хвостик, за который он сможет, при более благоприятной для него ситуации, опять вытащить ее на свет.

Другая лазейка заключается в следующем.

В конце цитированного места тов. Бухарин пишет: «Этот «обобществленный труд» требует планового хозяйства и не терпит анархии между классами... А эта организованность не может быть проведена до конца в капиталистическом обществе; в особенности она не может быть проведена по социальной линии» (Разрядка моя. *А. М.*). Вот эта последняя, подчеркнутая мною фраза есть некая лазейка для теории «организованного капитализма»: дескать, организовать плановое хозяйство капитализм, может быть, еще сможет,— только противоречие классов он не сможет уничтожить.

IV. Оппортунистические выводы из теории равновесия.

В вопросе об «организованном капитализме» тов. Бухарин тоже, повидимому, цепляется за фалды основоположников марксизма, перетолковывая, точнее: извращая, смысл их слов в духе своей теории равновесия. Некоторые сторонники тов. Бухарина, во всяком случае, это делают, ссылаясь и на Ленина, и на книгу Энгельса — «Развитие научного социализма».

В написанном тов. Лениным в 1917 г., «в порядке чрезвычайной спешности», как отмечается в примечании к собранию сочинений Ленина, «Проекте изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы» имелось выражение—«Смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом». Это выражение сторонники оппортунистической теории «организованного капитализма» непрочь истолковать в духе этой теории. Однако сам Ленин в том же 1917 г. решительно устранил возможность такого лже-истолкования. В комментариях к этому проекту он писал: «Империализм на самом деле не перестраивает и не может перестроить капитализма снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может... Именно это соединение противоречащих друг другу «начал» конкуренции и монополии и существенно для империализма,

именно оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию»[1].
Это место в комментариях не нуждается. Именно то смешение монополий с конкуренцией, которое, по словам Ленина «подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию», проглядели или сделали вид, что проглядели, сторонники «организованного капитализма», именующие себя ленинцами. Слона не заметили! Это тем более удивительно, что Ленин еще задолго до этого, в 1915 г., подробно развил те же взгляды в своей книге «Империализм как последний этап капитализма».

Не менее счастливы ссылки оппортунистов на Энгельса.

Мы приведем здесь лишь одно весьма интересное примечание Энгельса в III тому «Капитала». В этом примечании Энгельс, говоря об «экспериментах», имеющих «целью регулировать производство» («всеобщая мания охранительных пошлин», картели, тресты и др.), заявляет: «Первая же буря должна разрушить их и доказать, что, хотя производство и нуждается в регулировании, но, несомненно, не капиталистический класс призван осуществить его на деле (Разрядка моя. *А. М.*). Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем это было раньше». Надеемся, что подчеркнутые слова цитаты из Энгельса покончат со спекуляциями на Энгельса оппортунистов—сторонников теории «организованного капитализма».

На отношении к росту элементов организованности в современном капиталистическом обществе хорошо можно проверить пригодность двух методов — механистического и диалектического.

Тов. Бухарин к этому вопросу подходил с точки зрения своей механистической «теории равновесия». Раз мы имеем в современном капитализме сильный рост производительных сил и рост элементов организованности, значит мы имеем перед собой «второй случай равновесия» — «подвижное равновесие с положительным знаком (развитие системы)»; значит мы идем к превращению анархического капитализма в организованный капитализм. Тов. Бухарин рассуждает здесь по известной формуле метафизики: да-да, нет-нет, все остальное от лукавого.

Энгельс, а вслед за ним и Ленин подходили к этому вопросу с точки зрения диалектической: раз мы имеем в антагонистическом капиталистическом обществе, по самой природе своей связанном с анархией производства, сильный рост производительных сил и вынужденный рост элементов организованности, то это должно привести, и это приводит, к крайнему обострению внутренних противоречий. Чем больше даже сами капиталисты вынуждаются употреблять производительные силы в качестве общественных производительных сил, тем яснее становится, что капиталистическая система, основанная на другом принципе, приближается к своей гибели, тем более будут обостряться внутренние противоречия в этой системе на основе неизбежного столкновения между установившимися в ней тенденциями организации и между ее анархической и антагонистической природой.

Когда монополистический капитализм стал уже господствующим, когда он выявил все свои основные черты, Ленин со всей резкостью и категоричностью развил указанную перспективу. Но и тогда, когда впервые стали зарождаться тенденции к монополистическому капитализму, Энгельс уже высказался в том же смысле. В своей книге «Развитие научного социализма» Энгельс по этому поводу писал: «Как периоды промышленной горячки с их безгранично широким кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, побуждают капиталистов к усвоению тех форм обобществления больших масс производительных

---

[1]) Ленин, Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы, Собр. соч., т. XIV, ч. 1., стр. 120.

средств, которые мы встречаем в различного рода акционерных компаниях... На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма: государство, как официальный представитель капиталистического общества, оказывается вынужденным взять на себя ведение дела... Превращение производительных сил в государственную собственность не разрешает противоречий капитализма, но оно заключает в себе формальное средство, возможность их разрешения (Разрядка моя. *А. М.*). Это разрешение может состоять лишь в фактическом признании общественной природы современных производительных сил, следовательно, в приведении способов производства, присвоения и обмена в соответствие с общественным характером производительных сил. А этого можно достигнуть только прямым и открытым переходом в общественную собственность производственных сил, переросших всякий другой способ применения их к делу» (Разрядка моя. *А. М.*) [1]).

Мы видим, таким образом, два метода подхода к вопросу и соответственно два принципиально различных вывода: один вывод, что мы идем к стабилизации капитализма, а другой — что мы идем к все большему расшатыванию капиталистической системы и к революции.

Таковы же два принципиально различных метода подхода к вопросу о современной экономике Советского Союза со стороны тов. Бухарина и его единомышленников, с одной стороны, со стороны всей партии ВКП — с другой. Тов. Бухарин и к этому вопросу подходил с точки зрения своей механистической «теории равновесия»: раз пролетариат взял власть и овладел средствами производства и всеми командными высотами, то в Советском Союзе должна была установиться «система равновесия на новой основе». Исходя из этого, он утверждал, что внутренние классовые противоречия будут в Советском Союзе сами постепенно изживаться, что кулак будет «врастать в социализм». Отсюда вытекает для советской власти задача — не нарушать этого процесса, не обострять классовых противоречий, не принимать чрезвычайных мер против кулаков, не форсировать развития колхозов, не нарушать той «системы равновесия», которая установилась в начале нэпа, не развивать форсированный темп индустриализации, который неизбежно связан будет с нарушением сегодняшнего равновесия, «равняться по узким местам», не ломать производственных отношений, установившихся в начале нэпа, не суживать нынешних рыночных отношений между городом и деревней, не заменять этой рыночной связи производственной смычкой и т. д. Все это вместе означало ни больше, ни меньше, как постепенную капитуляцию перед капитализмом, который неизбежно вырастает из товарного хозяйства десятков миллионов мелких товаропроизводителей.

С принципиально иным методом, с методом диалектическим, к этим вопросам подходила и подходит ленинская партия ВКП(б). Советский Союз переживает переходный период, который поэтому и называется переходным, что в Союзе антагонистические отношения, сохранились классы, не только рабочий класс и середняцко-бедняцкое крестьянство, но и остатки и новые ростки капиталистических классов, сохранилась, стало быть, и классовая борьба. Из этого вытекает наша задача: по мере укрепления наших позиций усиливать темп социалистического наступления, неизменно ломая ту «систему равновесия», т.-е. ту пропорциональность, которая имелась налицо в начальный период нэпа, неизменно перестраивая пропорции народного хозяйства того времени в направлении усиления социалистиче-

---

[1]) Ф. Энгельс, Развитие научного социализма, стр. 38, 39, 40, 41.

ского сектора, не равняться по узким местам, а, напротив, подтягивать узкие места, а поскольку все это связано с увеличением сопротивления капиталистических элементов, то усиливать борьбу с ними [1]), вовлекая в эту борьбу широчайшие массы пролетариата и бедняцко-середняцкого крестьянства, пока не будет подведена новая техническая база под диктатуру пролетариата, пока не будут выкорчеваны корни капитализма, пока не будет сломлен классовый враг. Жизнь уже показала, что этот путь правильный, что он ведет к цели, что он ведет к победам, в то время как путь т. Бухарина неизбежно привел бы к поражению.

Теория равновесия тов. Бухарина оказала ему плохую услугу. Мы живем в эпоху мировой революции, когда локомотивы истории мчатся с величайшей быстротой, когда все старые устои ломаются, когда классовые силы быстро перегруппировываются, когда сегодняшний день не похож на вчерашний. В таких-то условиях тов. Бухарин хотел опереться на теорию равновесия! Неудивительно, что эта опора оказалась никуда негодной и что т. Бухарин, опираясь на теорию равновесия, сам неизменно пребывал в состоянии неустойчивого равновесия, шатаясь и качаясь из стороны в сторону — сначала влево, потом вправо. Чтобы стоять твердо на ногах, т. Бухарин должен был бы не придумывать новую теорию, а понять испытанную революционную теорию марксизма-ленинизма.

[1]) Статья эта была написана в ноябре 1929 г., а потому в рилось о лозунге — «ликвидация кулачества как класса». *А. М.*

Мировое хозяйство как предмет политической экономии

Н. Петров.

Разногласия по части определения и понимания мирового хозяйства.

Нет, вероятно, другой области знания, где разноголосица и разброд в ученом мире, даже среди марксистов, были бы столь велики, как в области учения о мировом хозяйстве.

«Со второй половины XIX столетия «мировое хозяйство» стало крылатым словом; газеты, журналы, толстые научные издания непрерывно обсуждают проблемы мирового хозяйства, выпускаются «обозрения», «ежегодники», «архивы мирового хозяйства»; возникают «институты мирового хозяйства», накопилась огромная литература,... существуют различные «школы, которые трактуют проблемы мирового хозяйства», каждый говорит теперь о мировом хозяйстве, но немногие составили, хотя бы для себя, отчетливое представление о том, что собственно следует понимать под мировым хозяйством» [1]).

У нас, в СССР, курс мирового хозяйства введен в учебный план высших учебных заведений, при чем везде преподается по самым различным программам. Имеется «Институт мирового хозяйства» при Коммунистической Академии, издающий специальный журнал «Мировое Хозяйство и Мировая Политика». Всякий, кто перелистает журнал, будет поражен упорным нежеланием редакции дать себе отчет в том, как она понимает «мировое хозяйство», изучением коего занимается. На протяжении всего периода существования института и его органа последними не сделано ни малейших попыток приобрести «теоретическое лицо».

Немногим лучше обстоит дело по линии чисто-партийной пропаганды. В программу марксистско-ленинских кружков, организуемых в сети партийного просвещения, включено «изучение мирового хозяйства». Однако программа этого предмета, при ближайшем анализе, оказывается смесью теоретических и чисто-описательных разделов, не связанных каким-либо единством. Впрочем, может быть по соображениям «педагогического» порядка, элемент простой географической и исторической грамотности сознательно, хотя и несколько искусственно, внесен в программу [2]).

В настоящей работе нет надобности специально останавливаться на разброде и разноголосице по вопросу о мировом хозяйстве среди буржуазных экономистов. Интересующихся отошлем к только что цитированной работе А. Угарова. Отсутствие научного метода, неспособность буржуазии создать

[1]) А. Угаров, Проблема мирового хозяйства, «Вестник Комм. Академии» кн. XXIII, 1927 г., стр. 23.

[2]) См. «Пропагандист», бюллетень агитпропа МК ВКП(б), 1929 г., № 18, стр. 64—73.

синтетическое научное мировоззрение, апологетическая сущность буржуазной экономической науки в достаточной мере об'ясняют разноголосицу в лагере буржуазии.

Гораздо менее понятно, на первый взгляд, отсутствие единства взглядов по вопросу о том, что же такое, наконец, мировое хозяйство, среди марксистов и коммунистов.

С. Бессонов отрицает вообще какую бы то ни было научность за понятием «мировое хозяйство», и ежели мирится с ним, то только, как с понятием обиходным, и то лишь потому, что Ленин иногда сам употребляет это понятие. По мнению С. Бессонова, от термина «мировое хозяйство» давно пора вернуться к термину «мировой рынок» [1]).

И. Бутаев, наоборот, считает, что мировой рынок, поскольку он существовал еще в эпоху торгового капитализма и, следовательно, далеко не обязательно опирался на единый способ производства, подчиняющий себе все другие способы производства, не представляет из себя самостоятельного предмета изучения и ни в коем случае не должен подменять собою мирового хозяйства» [2]).

М. Иоэльсон пытается различить мировое хозяйство от капитализма (не только от монополистического, как думает сам Иоэльсон, а от всякого—рекомендуем ему внимательно прочесть собственное произведение) таким образом, что включает в понятие мирового хозяйства и «производственный аппарат общества, состоящий как из вещественных элементов, так и из людей, об'единенных между собою производственными отношениями» [3]). Другими словами, автор ударился в самую вульгарную игру в «дефиниции».

У М. Спектатора и его оруженосца Д. Бухарцева мировое хозяйство датирует лишь с последней четверти XIX века и является понятием, соотносительным империализму, монополистическому капитализму. А. Угаров и И. Бутаев держатся иного мнения и ведут историю мирового хозяйства с момента возникновения капиталистического способа производства, т.-е. включают в учение о мировом хозяйстве эпоху промышленного капитализма.

Некоторые из авторов считают мировое хозяйство какой-то очередной «ступенью хозяйственного развития», следующей за национальным и народным хозяйством, которое с этой точки зрения является «прежней», «более ранней» ступенью. Этим сознательным или несознательным преклонением перед Бюхером и Масловым отличается на ряду с М. Спектатором и Н. Бухарин. Другие авторы и рецензенты предпочитают отмолчаться по данному вопросу.

Далее, А. Угаров держится того взгляда, что мировое хозяйство должно составить предмет «особой науки о мировом хозяйстве», ибо, по его мнению, теоретическая экономия ограничивает свое исследование анализом системы производственно-меновых связей «абстрактного капитализма», мировое же хозяйство представляет собою конкретно-историческую среду. Аналогичную попытку разграничить «абстрактное» и «конкретное», оставив на долю учения о мировом хозяйстве «конкретно-воспроизводственные процессы», делает и И. Бутаев. Редакция «Вестника Коммунистической Академии» со своей стороны высказалась в примечании к статье А. Угарова насчет необходимости «особой науки о мировом хозяйстве» совершенно отрицательно [4]).

---

[1]) С. Бессонов, Понятие мирового хозяйства в концепции т. Бухарина, «Проблемы Экономики» 1929 г., № 9.

[2]) И. Бутаев, О методологии изучения мирового хозяйства, «Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 12, стр. 143.

[3]) «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1929 г., № 10, стр. 58.

[4]) «Вестник Комм. Академии» кн. XXIII.

Если обратиться к частным проблемам мирового хозяйства, таким, как международная торговля, экспорт капитала, мировые кризисы, мы опять-таки найдем самые противоречивые мнения. Например, И. И. Гольдштейн берет в кавычки всякую «теорию международной торговли», полагая, что для таковой вообще нет места. Редакция журнала «Вопросы Торговли», где напечатана статья И. И. Гольдштейна, наоборот, оговаривает в примечании, что она держится иного взгляда, именно, что «назрела потребность в построении марксистской теории внешней и международной торговли, которая едва ли может мыслиться иначе, чем в виде специального раздела теоретической экономии» [1]).

Нет единого ответа даже на такой простой, повидимому, вопрос, как определение внешнего рынка для капитала. А. Г. Герценштейн вслед за Розой Люксембург полагает, что таковым может считаться только некапиталистическая социальная среда, которая поглощает продукты капитала и доставляет последнему элементы производства и рабочую силу [2]). Примерно ту же мысль высказывает И. Дашковский: «Когда к вопросам международной экономики подходят с точки зрения политических границ, исчезает сама проблема» (мирового хозяйства. *Н. П.*). «...Теория экономических сношений между различными хозяйственными организмами приобретает смысл лишь в том случае, если эти организмы представляют разные хозяйственные типы или разные ступени экономического развития» [3]).

Чем же об'яснить такой разнобой в высказываниях о мировом хозяйстве даже среди марксистов? Нельзя этого об'яснить чем-нибудь иным, как только отсутствием достаточно научного, т.-е. диалектического, подхода к изучаемой области явлений. Каждый исследователь произвольно берет те или другие признаки, которые ему кажутся наиболее существенными, и с их помощью создает понятие и определяет его содержание. Никто еще не задумался над вопросом, не следует ли предварительно об'яснить необходимость, закономерность самого явления, а ведь только следуя таким путем мы можем освободиться от внесения разных случайных и произвольных моментов.

В спорах о том, что̀ такое мировое хозяйство, надо различать две стороны. Одна сторона — чисто-терминологическая. На нее чаще всего сбиваются люди, мало искушенные в методе Маркса. Они пускаются в исследование логических или, вернее, филологических свойств выражения «хозяйство» и «мировое хозяйство» и совершенно добросовестно приходят к тем или другим выводам. В большинстве случаев выносится вердикт о бессодержательности понятия «хозяйства» вообще, «мирового хозяйства» — в частности. К этому обычно прибавляется, что стремление дать вместо политической экономии «учение» о хозяйстве вообще характерно для буржуазных ученых, и что термин «мировое хозяйство», так редко употребляемый в марксистской литературе, пошел от буржуазного экономиста Неймана Спалларта. Наконец, столь же справедливо приходят к выводу о «соблазнах» по части телеологии, которые кроются в словах «хозяйство», «мировое хозяйство». Вспоминают, что Бухарину в его работе о мировом хозяйстве пришлось даже посвятить несколько строк опровержению предположений о каком-либо «хозяйствующем суб'екте», который руководит всей совокупностью экономических отношений. Отсюда заключают, что не лучше ли было бы с самого начала оставить в стороне термин «мировое хозяйство» и избрать другой, более подходящий.

---

[1]) «Вопросы Торговли» 1929 г., № 6, стр. 22.

[2]) А. Г. Герценштейн, Теория капиталистического рынка, 1928 г., стр. 154.

[3]) И. Дашковский, К теории развития мирового рынка и мирового хозяйства, «Под Знаменем Марксизма» 1927 г., № 1, стр. 116.

Во всех этих рассуждениях перед нами либо чисто-словесный спор том, какой термин лучше, при чем существо вопроса не затрагивается овсе, либо такой спор о словах, которым подменяется спор по существу понятия. Если первый спор сравнительно безобиден и по поводу его риходится лишь сказать, что не с него надо начинать, то серьезнее дело бстоит во втором случае. Здесь критика термина берется за основание ля суждения о существе понятия. Например, с легким сердцем делается ывод, что если термин «мировое хозяйство» никуда не годится, то ничего ного не остается, как говорить лишь о «мировом рынке».

К сожалению, немногие отдают себе отчет в том, что необходимо начала определить содержание вопроса и уже затем искать для него у или другую словесную этикетку.

Впрочем, значительная часть экономистов, пишущих в последнее время мировом хозяйстве, вообще не дает себе труда заняться теоретизированием, предпочитая скользить по поверхности явлений. Пересмотрите, например, все пять комплектов журнала «Мировое Хозяйство и Мировая Политика», являющегося органом Института мирового хозяйства Коммунистической Академии, и вы будете поражены почти полным отсутствием хотя бы попыток осмыслить мирохозяйственные явления с точки зрения теории, метода. Зато журнал ереполнен сверх всякой меры чисто-описательным, пассивным материалом, оторый так же мало имеет отношения к теории и методологии, как любой он'юнктурный обзор, такого, например, учреждения, как Торговая алата.

Над нашими мирохозяйственниками продолжает довлеть конкретный атериал, в котором они беспомощно копошатся, не задаваясь вообще опросом о том, есть ли какие-нибудь способы подняться над ним. У многих, рямо надо сказать, нет даже и потребности теоретически понять, смыслить круг явлений, с которыми они имеют дело. Благодаря этому получается в области высказываний о мировом хозяйстве такая картина, то от имени марксизма и под его флагом выступают совершенно чуждые му, вредные и враждебные взгляды типа тех, которые развиваются М. Спектатором.

Впрочем, картина, только что изображенная, отчасти напоминает собою то, что делалось не очень давно и в других областях знания: в области рава, естествознания, литературы. Но диалектический метод и марксистская ритика начинают проникать во все эти области все сильней и сильней. Соответственно чуждые нам взгляды Тимирязевых, Спектаторов, Переверзевых и т. д. каждым днем все более разоблачаются.

Будем думать и надеяться, что и в области учения о мировом хозяйстве самом ближайшем будущем наступит решительный перелом.

Автор данной работы делает попытку дать не только критику существующих взглядов по вопросу о мировом хозяйстве, но и развить свои взгляды в положительной форме. Никто не сознает более, чем он сам, всей ожности и трудности задачи, которая едва ли вообще может быть решена наче, как коллективным путем.

Если настоящая работа сможет послужить хотя бы материалом для суждения и установления основных марксистских позиций в данном просе, автор будет считать свой долг в некоторой мере выполненным.

Пора же, наконец, заняться высвобождением «мирохозяйственных вт» из плена, в котором они находятся у людей, не имеющих по данному просу ни взглядов, ни убеждений, а иногда проповедующих прямо враждебные нам взгляды.

Капиталистические производственные отношения как существенная черта мирового хозяйства.

Надо прежде всего согласиться на том, что то, что у нас именуется «мировым хозяйством», есть меновое хозяйство. Это положение представляется настолько очевидным, что его трудно доказывать. Грандиозные потоки товаров, пересекающие границы во всех направлениях, ставят вне сомнения обмен, как существеннейший признак мирового хозяйства.

Нельзя говорить о «мировом хозяйстве», если мы не мыслим меновых отношений как его основы. Странно было бы, например, искать «мировое хозяйство» в натуральных отношениях прошлого. Истории не известны такие натуральные общества, хотя бы и самые обширные, которые хотя бы чисто-пространственно могли претендовать на мировой масштаб. Наоборот, история положительно устанавливает, что величайшие натуральные общества древности связаны были с внешним миром при посредстве обмена, более того, чем крупнее была деспотия, тем легче было найти известные элементы меновых отношений внутри ее, между отдельными ее частями.

Что касается великого натурального хозяйства будущего — социалистического—хозяйства, когда оно будет построено не в одной только стране или нескольких из них, а на всем земном шаре, то оно, конечно, будет «мировым» по своему масштабу. Однако мы едва ли в праве на этом именно основании говорить о «мировом социалистическом хозяйстве», как думает, например, тов. Угаров.

Понятие «мировое социалистическое хозяйство» полностью покрывается понятием просто «социалистическое хозяйство», так как социализм, победивший на всем земном шаре, не будет знать противопоставления «мирового социализма» какому-то «не-мировому», «национальному», тогда как противопоставление «мирового капитализма» (или мирового хозяйства) «капитализму национальному» (или национальному хозяйству) совершенно естественно и делается нами постоянно.

Впрочем, мы не собираемся здесь же декретировать «естественность» противопоставления мирового капитализма национальному капитализму, как можно подумать с первого взгляда. Неизбежность такого противопоставления должна быть еще показана—и мы постараемся ее показать в этой работе. Читатель должен запастись терпением.

Вообще никуда не годится такое употребление понятий, при котором за скобку выносятся вещи исключительно не сходные по своей природе. Говорить о современном мировом хозяйстве, базирующемся на производстве для обмена, и рядом, по какой-то внешней, чисто-словесной аналогии, ставить «социалистическое мировое хозяйство» недопустимо методологически, так как мы имеем в этом случае перед собой качественно несопоставимые, несоизмеримые, несоотносительные понятия. Только метод плоской аналогии может привести к подобного рода трактовке. Только формалист может говорить с легким сердцем о современном мировом хозяйстве и о «социалистическом мировом хозяйстве», как о явлениях одного порядка [1]).

К такому сопоставлению современного мирового хозяйства с «социалистическим мировым хозяйством» влечет, повидимому, самый термин

[1]) Д. Бухарцев в статье «Методологические проблемы мирового хозяйства» употребляет так же некритически, как и А. Угаров, термин: «мировое социалистическое хозяйство». См. «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1929 г., июль, № 7, стр. 36. Гораздо осторожнее поступает «Пропагандист», орган МК ВКП(б), который выражается так: «От мирового хозяйства к единому планово-организованному хозяйству мира (см. «Пропагандист» 1929 г., № 18, стр. 72).

«мировое хозяйство», достаточно неудобный уже по одному тому, что д сих пор в него вкладывалось самое различное содержание. Для людей, кото рые предпочитают спор о терминах спору о существе, словоупотребле «мировое хозяйство» действительно представляет большое искушение.

Производственные отношения менового общества исключительно свое образны и ни в какой мере не воспроизводятся в отношениях общест базирующихся на натуральном хозяйстве. Поэтому мы должны признат правильным для начала утверждение, что существенным при знаком того что известно под именем «мирового хозяйства» является его меновая основа, его товарный характер. В дальнейшем мы придем к более точной и развитой форме этого тезиса.

Столь же правильно и обратное положение: меновое хозяйство в прин ципе является хозяйством мирового масштаба и не может быть огранич какими-то другими рамками. С самого своего возникновения меновые отн шения с необычайной силой стремятся охватить весь земной шар. Мир пре ставляется единственной границей менового общества, особенно в его капи талистической форме. Подобно раку в человеческом организме, капитализ неудержимо распространяется по всем направлениям, перерождая все захв тываемые им части, базирующиеся на более примитивных способах прои водства, вытесняя их. Развитое капиталистическое общ ство не может мыслиться иначе, как лишь во всемир ном масштабе.

Первое ограничение и единственно неодолимое препятствие капитали встречает в этом своем стремлении захватить весь мир в образовании (ве высокого порядка, в государстве строящегося социализм

«Задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установи мировой рынок, хотя бы в общих чертах, и установить производство, осно щееся на его основе. А так как земля—шар, то, как мне кажется, с ко низацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Япо это дело закончено»,—писал Маркс в 1858 г. [1]).

«Замкнутое торговое государство» не только фикция в историческ смысле, но и нелепость в смысле логическом, ибо в действительности он в силах изолировать себя от внешнего рынка. Лишь в мозгу настроен протекционистски буржуазии начала XIX века могло родиться представ о том, что она желает спокойствия дома, а не «бури и натиска» на ми народной арене [2]).

Итак, если мы желаем исследовать мировое хозяйство, мы дол исследовать меновые отношения, взятые в мировом масштабе. При этом должны не один раз подчеркнуть две вещи.

Во-первых. «Мировой масштаб» пока что не означает дл ничего иного, кроме чисто-количественного, чисто-пространственного мо та. Следовательно, пока что мы не можем еще отличить понятия «ка талистические производственные отношения» от «мирового хозяйства». для нас на данной стадии — тождественные понятия. Не будем щаться этим обстоятельством: различия внутри тождества откры не сразу. Вспомним начало 1-й главы I тома «Капитала», где « стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотн ния, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного р обмениваются на потребительные стоимости другого рода», где «ме стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относит

[1]) Маркс и Энгельс, Письма. Теория и политика в переписке Мар и Энгельса, перевод, статья и примечания В. В. Адоратского, М. 1922 г., стр Ср. «Коммунистический Манифест» — Соч. т. V, стр. 487.

[2]) Мы имеем в виду И. Г. Фихте, «Замкнутое торговое государство». 1 русский перевод Э. Э. Эссена, М. 1923 г.

ным», где, наконец, «внутренняя для товара имманентная меновая стоимость (что Маркс позднее называет просто «стоимость». *Н. П.)* представляет, повидимому, бессмыслицу»[1]). Ведь дальнейший ход исследования привел нас в «Капитале» к различению стоимости и меновой стоимости как двух совершенно самостоятельных понятий.

Во-вторых. Нужно не один раз подчеркнуть, что за рыночными отношениями всегда скрываются производственные отношения. Связь между людьми в процессе обмена предполагает, что между ними уже установлена связь в процессе производства, что их частные работы давно уже сделались составными частями, слагаемыми совокупной работы общественного коллектива, каковой факт в обмене лишь «проявляется», находит себе выражение.

У Бухарина имеется следующее, неоднократно подвергшееся критике, определение мирового хозяйства:

«На примере товарного рынка мы видим, что за рыночными отношениями скрываются производственные отношения. Всякая связь в процессе обмена между производителями предполагает, что частные работы этих последних сделались уже слагаемыми совокупной работы общественного коллектива. За обменом скрывается, таким образом, производство, за отношениями обмена — отношения производства, за отношениями вещей — товаров — отношения людей, их производящих. Если связь в процессе обмена не имеет случайного характера, тогда мы имеем устойчивую систему производственных отношений, которая образует экономическую структуру общества соответствующей широты. Мы можем определить поэтому мировое хозяйство, как систему производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе»[2]).

В первой части этого определения мы находим «устойчивую систему производственных отношений, которая образует экономическую структуру общества соответствующей широты». Подобного рода формулировка вызывает совершенно справедливую критику именно потому, что она не содержит никаких оговорок относительно того, что пространственный признак («мировой масштаб») сам по себе недостаточен, ибо производственные отношения ничего общего с географическими масштабами не имеют. Бухарин должен был предупредить читателя, что словам «мировой масштаб» может быть придан не только количественный, но и качественный смысл. Ведь национальные хозяйства у Бухарина являются «узлам мировых хозяйственных связей». Однако эта сторона у него разобрана недостаточно, откуда и вся порочность приведенного только что определения.

С. Бессонов, который подверг рассмотрению понятие мирового хозяйства у Бухарина, прав в том отношении, что непонятно, в каком смысле надо понимать последние слова из определения Н. Бухарина о «соответствующих ей («системе производственных отношений») отношениях обмена». Ведь отношения обмена входят неразрывной составной частью в систему производственных отношений товаропроизводящего общества, составляя их общую основу и форму. Они находятся не в каком-то другом ряду, который «соответствует» будто бы ряду производственных отношений, они представлены в том же ряду, в самих производственных отношениях, как таковых[3]). Чтобы избежать этой ошибки, определение мирового хозяйства следовало бы дать

[1]) Маркс, Капитал, т. 1, 1929 г., стр. 2.
[2]) Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм (Экономический очерк), М.—П. 1923 г., стр. 14. В тексте имеется, видимо, опечатка: «производительных отношений» вместо «производственных отношений».
[3]) «Проблемы Экономики» 1929 г., № 9, стр. 41.

в такой форме: **мировое хозяйство есть система проявл**
щихся в обмене производственных отношений в мир
вом масштабе. Но и это определение неточно. Ниже мы его подверг
дальнейшему развитию.

Все народы земного шара в большей или меньшей мере являются уч
никами единого мирового хозяйства. Однако мировое производство ха
теризуется не только тем, что оно есть производство для обмена, но и т
что оно осуществляется капиталистически, т.-е. при помощи наемной ра
чей силы. Товаропроизводитель перестает быть собственником своей п
дукции. Он распоряжается на правах собственности лишь своей рабо
силой, которую и продает капиталисту. Значительнейшая часть тех то
ных потоков, которые направляются из страны в страну: железо, ка
уголь, каучук, мануфактура и т. д. до бесконечности, **производ**
капиталистическим способом. Другие товары, например, в
торая часть сельскохозяйственных продуктов и изделий, будучи произве
«самостоятельным» мелким собственником, на мировой рынок попа
лишь при посредстве капиталиста. Избегает этого пути
чтожная часть товаров.

Отсюда с неизбежностью следует уточнение сделанного выше опре
ления в том смысле, что **изучение мирового хозяйства**
может быть ничем иным, как изучением производстве
ных отношений капиталистического общества, взяты
в мировом масштабе.

Опять оговариваемся: неизбежное на данной стадии отождествл
«мирового хозяйства» с «производственными отношениями капиталисти
ского общества» и точный смысл выражения «в мировом масштабе»
станет ясным лишь из дальнейшего. Для нас в настоящее время важна н
тивная сторона тезиса: то, что известно под именем «мирового хозя
не может не иметь своим содержанием капиталистических производств
отношений. Это нам необходимо лишь для того, чтобы установить, что
называемая «наука о мировом хозяйстве» является ничем иным
специальным разделом политической экономии,
разделом, который имеет своей задачей исследовать мировые капитал
ческие производственные отношения и их эволюцию, пользуясь общим
тодами теоретической политической экономии и диалектического мат
лизма. Другими словами: ни экономическая география, ни «геополит
ни просто «мировая политика» не должны подменять собою существа на
предмета.

«В общем и целом весь процесс мировой экономической жизни со
менности сводится к производству прибавочной ценности и ее распреде
между различными группами и подгруппами буржуазии, на основе пос
ного расширенного воспроизводства отношений между двумя клас
мировым пролетариатом, с одной стороны, и мировой буржуазией
с другой» [1]).

Изучение так называемого «мирового хозяйства» должно
в основном сводиться к изучению законов капиталистического хозяй
капиталистического общества. Последнее пробегает в своем развитии
личные фазы или формы. «Простое товарное хозяйство» является
исходным пунктом, но больше логически, чем исторически. История не з
«простого товарного хозяйства» в чистом виде, и понятно почему. Это
образование, которое способно ежегодно, ежечасно, ежесекундно
и выделяет («химически выделяет», как выразился Ленин) капиталист
капиталистические отношения. «Простое товарное хозяйство» пре

[1]) Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, 16

будет поэтому назвать status nascendi (состояние или, вернее, процесс возникновения) капиталистического хозяйства и рассматривать лишь как таковое.

Эту идею мы находим в несколько ином виде и у тов. А. Угарова:

«Мировое хозяйство» рисуется М. (Марксу. *Н. П.*) в качестве системы производственно-меновых отношений, обнимающих собою поверхность всего земного шара, необходимо возникающей, лишь только общество подпало под власть закона ценности, так как только при этом условии «товары универсально развивают свою собственную меновую ценность», деньги становятся мировыми деньгами и абстрактный труд — трудом общественным. Отсюда понятно и утверждение М., что в понятии золота и серебра, как денег, предвосхищается существование мирового рынка» [1]).

Когда мы берем определение мирового хозяйства, данное нами выше в его самой общей форме («система проявляющихся в обмене производственных отношений в мировом масштабе»), нас нисколько не беспокоит, в отличие от С. Бессонова, то обстоятельство, что приведенное определение, якобы не позволит «проникнуть дальше закономерностей, свойственных товарной форме, как таковой» [2]).

«Товар» есть категория в высшей степени диалектическая, вечно беспокойная. Начните ее изучать (если только вы способны на об'ективное изучение), и вы увидите, как из громадной семьи товаров с железной необходимостью, с абсолютной закономерностью и неизбежностью выделяются один за другим «своеобразные товары»: сначала товар — деньги, затем, товар—рабочая сила, наконец, товар—капитал (цена которого—процент).

Предприняв изучение товарного общества, вы с неизбежностью делаете предметом своего изучения «капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена». Ибо «товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто рядом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроскопическая анатомия» [3]).

С. Бессонов дидактически замечает: «Конечно, крайне важно знать, что данное общество производит т о в а р ы, а не продукты. Без этого немыслимо никакое научное понимание явлений. Но не менее важно знать, производит ли оно их трудом свободных ремесленников или трудом н а е м н ы х р а б о ч и х» [4]).

Тут дело вовсе не в «в а ж н о с т и». Если мы будем определять рамки нашего изучения только «важностью» того или другого предмета, то тем самым признаем этот самый предмет дискутабельным, спорным. Ведь то, что важно для одного, совсем не важно для другого. Гораздо важнее не «важность», а н е о б х о д и м о с т ь изучать именно капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Эту необходимость нельзя обнаружить иначе, как показав, что меновые отношения в своей наиболее простой форме являются в то же время наиболее всеобщими отношениями, что из простых форм обмена вырастают все более сложные. Только так можно понять к а п и т а л и з м, к а к н е о б х о д и м ы й п р о д у к т э к о н о м и ч е с к о г о р а з в и т и я, а с л е д о в а т е л ь н о, и н е о б х о д и м ы й п р е д м е т н а ш е г о и з у ч е н и я.

---

[1]) А. У г а р о в, Постановка проблемы мирового хозяйства в марксистской литературе, «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1927 г., № 12, стр. 19.

[2]) С. Б е с с о н о в, Понятие мирового хозяйства в концепции т. Бухарина, «Проблемы Экономики» 1929 г., № 9, стр. 39.

[3]) М а р к с, Предисловие к первому изданию Капитала, М.—Л. 1929 г., стр. XXXII.

[4]) С. Б е с с о н о в, там же, стр. 39.

С. Бессонов навязывает политической экономии Маркса—Ленина суб'ективное, этическое направление. Он настолько боится впасть в «объективизм» струвианского пошиба, что изгоняет вообще требование необходимости, закономерности, об'ективности.

Ленин не только не боялся категории товарного хозяйства, но и с... начинал с нее свой капитальнейший труд «Развитие капитализма в России»:

«Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. Поэтому для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое» [1]) .

Некоторые марксистские исследователи, о которых специально будет упомянуто ниже, идут еще дальше, чем С. Бессонов, и находят, что о мировом хозяйстве можно говорить лишь в эпоху монополистических об'единений, лишь в эпоху империализма. Может быть, с точки зрения «важности» это было бы вполне целесообразно, еще более целесообразно, чем определение С. Бессонова, ибо заранее предназначает все 100% нашего внимания современному мировому хозяйству. Но нами был бы еще в большей степени здесь нарушен принцип генетичности в изучении данного явления. А там, где явление не показано в самой необходимости его возникновения, нет диалектического метода, остается лишь беспомощно-описательный метод. Отвечая своему критику П. Скворцову, Ленин в свое время заметил, что лишь для абстрактной теории капитализма существует развитой и вполне сложившийся капитализм, а вопрос об его происхождении устраняется [2]).

Критикуя Бухарина и справедливо называя его «механистом», С. Бессонов своей статьей одновременно лишний раз доказал и то, что он сам также является механистом. Бессонов дает такое «невинное» на первый взгляд замечание: «Марксист обязан... различать отдельные формы и стадии развития, а именно, простое товарное хозяйство и капитализм. Без этого различения анализ экономических явлений не в состоянии проникнуть дальше закономерностей, свойственных товарной форме, как таковой» [3]).

Анализ экономических явлений, который предпримет С. Бессонов, возможно, будет «не в состоянии проникнуть дальше закономерностей, свойственных товарной форме как таковой». Ибо «товарная форма» у С. Бессонова — не диалектическая, не развивающаяся категория. Об... нение ее у С. Бессонова гетерогенно, т.-е. совершается при помощи привлекаемых откуда-то извне «фаз или стадий развития», появляющихся как «deus ex machina». Поэтому его не спасает и ссылка на Ленина, на то место в полемике его со Струве, где проводится различие между «объективистом» и материалистом. Разве посмеет С. Бессонов отрицать, что марксист обязан не просто «различать» отдельные фазы или стадии экономического развития, а одновременно показывать необходимость самого развития в таком именно, а не ином направлении. Само собой разумеется, что он обязан не ограничиваться одним указанием на необходимость процесса, но должен вместе с тем показать и суб'екты процесса, «какой именно класс определяет эту необходимость». И бесспорное положение Ленина, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто

---

[1]) Ленин, Соч., т. III, изд. 2-е, 1927 г., стр. 15.

[2]) Ленин, Соч., т. III, 1927 г., стр. 488.

[3]) С. Бессонов, Понятие мирового хозяйства в концепции тов. Бухарина. «Проблемы Экономики», 1929 г., № 9, стр. 39.

становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1]), совсем не отменяет другого бесспорного положения марксизма-ленинизма, что каждое явление, оцениваемое с точки зрения определенной общественной группы, должно быть понято во всей его необходимости [2]).

Когда Ленин занимался в 1917 г. пересмотром партийной программы, он имел случай не один раз подчеркнуть, что важно указать последовательность экономического развития. «Тресты—это наивысшее и напозднейшее проявление... процесса вытеснения мелких хозяйств крупными. Мыслимо ли говорить сначала о появлении трестов, а потом о вытеснении мелких хозяйств крупными? Разве не нарушается этим логическая последовательность? Ибо откуда же взялись тресты? Разве не получается теоретическая неправильность?» [3]).

Многие, повидимому, думают, что при таком подходе «издалека», «с Адама» внимание слишком долго задержится на до-капиталистических стадиях общества товаропроизводителей. Но ведь для этого надо предположить, что метод исследования подменил собою предмет исследования, что исследователь забыл свою основную задачу понять и об'яснить современное мировое хозяйство. Конечно, могут быть и такие «печальные» случаи. Однако они будут порочить самих исследователей, а не метод, который мы только что описали.

Повторяем: просто странным и ни на чем не основанным является предположение, что изучение мирового хозяйства есть изучение не современного, а какого-то другого мирового хозяйства.

Итак, мы пришли к выводу, что существеннейшей чертой так называемого «мирового хозяйства» являются капиталистические производственные отношения. Другими словами: понятие мирового хозяйства на данной стадии исследования мы отождествили с понятием капитализма. Из дальнейшего мы, однако, увидим, что понятие «мировое хозяйство» имеет право на самостоятельное существование, на ряду с понятием «капитализм», ибо одно дело капитализм, рассматриваемый безотносительно масштабов его действия и государственных границ, другое дело — капитализм, рассматриваемый «в мировом масштабе». Второе от первого отличается наличием нового момента и новой проблемы: проблемы «национальных хозяйств как узлов мирохозяйственных связей».

Из дальнейшего читатель увидит, во-первых, что вносимый нами новый момент не нарушает принципа монистического об'яснения, тогда как у большинства других мирохозяйственников дело никак не обходится без «варягов». Во-вторых, что наше определение решительно и во многих отношениях отличается от определения М. Спектатора, А. Угарова и других, хотя на первый взгляд кажется сходным с ним.

---

[1]) Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге т. Струве, Соч., т. I, 1926 г., стр. 276.

[2]) После того, как настоящая работа была сдана в печать, в «Правде» появилась рецензия т. Мотылева на книгу «Рубинщина или марксизм» (в начале марта 1930 г.). Рецензенту удалось подметить ту же самую ошибку, что и указанная выше, в статье т. Бессонова, помещенной в сборнике. «У него (у т. Бессонова. *Н. П.*),—говорит т. Мотылев,—получается... противопоставление классовых отношений отношениям товарным, что надо признать неверным, так как в капиталистическом обществе рабочая сила является товаром». Рецензент идет дальше и полагает, что теория т. Бессонова по данному вопросу «льет воду на мельницу теории организованного капитализма».

[3]) Ленин, К пересмотру партийной программы, Соч., т. I, XXXI, 1928 г., стр. 301.

Взаимодействие „базиса“ и „надстройки“.

Мы считаем неправильным распространенное определение политической экономии как науки, «которая имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (Рубин) [1]).

Мы должны напомнить несколько элементарных, но основательно забытых, основных положений марксизма.

Развитие производительных сил, определяемое свойствами географической среды, определяет развитие всех общественных отношений. Но, ра[з] возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое вл[ия]ние на развитие производительных сил. Таким образом, то, что первоначально является следствием, в свою очередь становится причиной [2]).

Данное состояние производительных сил и обусловленные ими общественные отношения являются основой, на которой вырастает социально-политический строй. Только на базе машинной техники полностью развились отношения наемного труда к капиталу, и из всего этого «выросло» современное буржуазное государство со всеми его атрибутами.

Изучение государства как такового не относится к области политической экономии. Но взаимодействие производительных сил и производственных отношений капиталистического общества с соответствующим социально-политическим строем и его институтами, т.-е. взаимодействие между «основанием» и «надстройкой», не может бы[ть] выброшено из круга ведения нашей науки.

Не подлежит, конечно, никакому оспариванию, что взаимодействие между производительными силами и производственными отношениями яв[ля]ются сами по себе гораздо более важными и представляют для политической экономии гораздо больший интерес, чем взаимодействие между производственными отношениями и их «надстройкой» — социально-политическим строем. Поэтому первым должно быть уделено большее внимание. Но оче[нь] плохо то, что второе взаимодействие у нас совсем забыто. И это н[е]смотря на то, что у основоположников марксизма мы находим, казалось б[ы], исключительно ясные на сей предмет указания.

«Что касается современного государства,—говорит Энгельс,—то о[но] есть не что иное, как организация, которую создает буржуазное общест[во] для охранения общих, внешних условий капиталистического производства о[т] посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов» [3]).

Государство есть продукт и проявление непримиримости кла[с]совых противоречий. Оно есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим. Понять современное государство можно л[ишь] после того, как будет понят механизм капиталистического способа производства и эксплоатации наемного труда капиталом. Но мы сделаем да[леко] не все, что от нас в данном случае требуется, если специально не отмет[им] и обратное действие государственной власти на экономическое развитие.

«Общество порождает известные общие функции, без которых он[о] не может обойтись,—говорит Энгельс.—Предназначенные для этого ли[ца] образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Вмест[е] с тем они приобретают особые интересы также и в противополо[жность]

---

[1]) И. И. Рубин, Очерки теории стоимости Маркса, изд. 4-е, Гиз, 1929 г., стр. 306.

[2]) Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма, Ташкент 1920 г., стр. [...]

[3]) Энгельс, Развитие научного социального идеала, пер. с немецкого, Киев 1905 г., стр. 38.

ность тем, кто их уполномочил, они становятся самостоятельными по отношению к ним, и таким образом является государство. И тут дело идет подобно тому, как при торговле товарами и позднее при банковом деле. Новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движениями производства, но она оказывает также опять-таки воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей, или, вернее, однажды полученной и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности. Это есть взаимодействие двух неравных сил: экономического движения—с одной стороны, и с другой стороны—политической силы, стремящейся к наиболее возможной самостоятельности, политической силы, одаренной также и самостоятельным движением, так как она уже возникла. Экономическое движение в общем проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие от политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние движение государственной власти, с одной стороны, и одновременно с ней—пороженной оппозиции, с другой...

«Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее, она может действовать напротив, тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит в течение более или менее продолжительного периода крушение, или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих» [1]).

В конце письма Энгельс еще определеннее указывает на главы Маркса в I томе «Капитала» о рабочем дне и заработной плате и на 24-ю главу о первоначальном накоплении, где институт государства и, в частности, его законодательство играет громаднейшую роль в оформлении капиталистических отношений. Энгельс указывает на эти главы, как на пример того, что политическая экономия должна учитывать обратное влияние социально-политических отношений.

«...Если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на самое движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в «18-е брюмера» Маркса, где только почти и идет речь о той особой роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их всеобщей зависимости от экономических условий; или «Капитал», например, отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, которое ведь есть политический акт; или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна. Сила (т.-е. государственная власть) — это есть точно так же экономическое могущество» [2]).

Несколькими неделями до этого Энгельс писал Иосифу Блоху (21 сентября 1890 г.):

«Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодые (марксисты) иногда придавали больше значения экономической стороне, чем следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, поддерживать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим

[1]) Маркс и Энгельс, Письма, 1923 г., стр. 283, письма Энгельса Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г.

[2]) Маркс и Энгельс, Письма, 1923 г, стр. 286, 287.

) взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-ибо исторического периода, т.-е. до практического применения, дело меняось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, слишком рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применить ейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда равильно» [1]).

Поскольку мы будем заниматься государством с точки зрения обратного влияния этой «надстройки» на базис, на экономические отношения, и экономическое развитие, мы ни в какой мере не преступим границ нашей науки, политической экономии. Наоборот, мы как политико-экономы обязаны учесть это взаимодействие.

Как и все другие категории капиталистического общества, современное государство рождалось «непосредственно» и «опосредованно». Непосредственное сознание буржуазией своих интересов как интересов, противоположных интересам всех других классов, натолкнуло ее на использование государства в своих целях. Но государство существовало и раньше, чем буржуазия возникла. Буржуазное государство было «опосредовано», таким образом, феодальным государством. Институт государства был уже известен. Нужно было его лишь подчинить интересам нового класса. Так диалектически развилось современное буржуазное «национальное государство», принципиально отличающееся от феодального государства именно тем, что оно является «национальным» в совершенно особом смысле.

Современный способ производства датирует с «эпохи» первоначального накопления. (Кстати отметим, что эта «эпоха» и теперь не всюду еще закончилась—ср. Южную Америку). «Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату» [2]).

Методы первоначального накопления довольно многочисленны и разнообразны. Но «все они пользуются государственной властью, т.-е. концентрированным и организованным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии».

«В Англии к концу XVII века они систематически об'единяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма» [3]).

Назначением государства является «охранение общих внешних условий капиталистического производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов» (Энгельс). «Условия капиталистического производства» не будут прогрессивно накапливаться и улучшаться, если государство не будет привлечено классом капиталистов к постоянному о том попечению. Развитию капиталистических отношений в каждой данной стране, т.-е. прогрессивной экспроприации трудящихся капиталом, лучше чем что-либо другое, содействует государственная политика ограждения данной территории от свободного доступа чужеземных товаров, протекционизм.

Граница государственной территории, пассивно служившая до сих пор только для отделения друг от друга смежных владений, теперь начинает приобретать свое собственное и чрезвычайно большое значение. Таможенная граница (как и вообще экономическая граница) начинает не только обрамлять, но и активно оформлять государственную территорию как территорию с развивающимся капиталистическим способом производства. На очередь ставится развитие внутреннего

[1]) Маркс и Энгельс, Письма, 1923 г., стр. 279.
[2]) Маркс, Капитал, т. I, 1929 г., стр. 592.
[3]) Там же, стр. 603.

рынка. Происходит «соединение буржуазного общества в форме государства, рассматриваемое в отношении к самому себе», то самое явление, которое Маркс считал необходимым об'ектом исследования в теоретической экономии [1]):

«Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями, провинции с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом сплотились в одну нацию с единым правительством, единым национальным классовы интересом и единой таможенной линией» [2]).

С границей же государства происходит чудо: она как бы раздваивается. Там, где раньше лежал «волос Мадонны» [3]), т.-е. там, где ранее пролегала подчас фиктивная, инертная сама по себе линия соприкосновения двух соседних государств, теперь мы имеем двойное образование.

Для купца, провозящего в данную страну товар, необходимо сначала пересечь сравнительно безобидную выездную границу страны, которую он покидает, чтобы затем чрезвычайно наглядно убедиться в существовании особой границы страны, в которую он в'езжает — здесь он заплатит пошлину бóльшей или меньшей высоты в зависимости в конечном счете от того, как далеко зашло «соединение буржуазного общества в форме государства, рассматриваемое в отношении к самому себе», поскольку оно выражается в таможенной политике государства [4]).

Выражаясь словами Гегеля, государство перестает «спокойно и равнодушно лежать как бы подле своей границы». Граница государства превращается в его «предел», становится его собственным «определением», оформляет» его.

После того, как мы таким образом установили, что политическая экономия должна заниматься известными явлениями из области взаимодействия производственных отношений («базиса») и социально-политического строя («надстройки»), мы можем со спокойной совестью сослаться на то, что наша наука никогда и не чуждалась этой области.

Учение Маркса о «национальных» и «мировых» деньгах есть специфический предмет учения о «мировом» и «национальном» рынке. Неудивительно, поэтому, что в первом томе «Капитала» оно нашло себе лишь краткое исходное определение. В нем мы находим перечень проблем, сюда относящихся: 1) различие формы «национальных» и «мировых» денег (национальные формы: монета, разменная монета, знак стоимости; мировая форма: слитки благородных металлов); 2) универсальное развертывание формы стоимости лишь на мировом рынке (Дашковский на этом основании увлекся настолько, что даже создал две стоимости: «национальную стоимость» и «мировую стоимость»); 3) монометаллизм как черта «национальных денег» и биметаллизм как черта денег «мировых»; 4) функции денег по-разному выражены в сфере внутреннего и мирового обращения.

---

[1]) Маркс, Введение к «Критике политической экономии», 1923 г., стр. 31.

[2]) Манифест Коммунистической партии, Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 487—488.

[3]) См. одноименный рассказ, кажется, Надеждина.

[4]) Мы далеки от взгляда, что высота таможенных пошлин является достаточным показателем той ступени развития, которой достигло буржуазное государство. Как мы увидим в другом месте, полная свобода торговли может явиться совершенно соответствующей интересам капитализма экономической политикой государства.

В главе: «Национальные различия в заработной плате» («Капитал», т. I, гл. XX), как уже показывает самое название, речь идет о специфических чертах национального хозяйства.

Никто не решится доказывать, что Маркс чуждался проблем торгового и платежного баланса, вексельного курса и т. д. Достаточно заглянуть в первые главы второй части III тома «Капитала». А ведь это все проблемы, специфические для того раздела политической экономии, где в рассмотрение вовлекается взаимодействие «базиса» и «надстройки», социально-политического строя.

Наконец, Маркс не один раз отмечает, что «надстройка» в лице государственной власти играла не малую роль при самом рождении капитализма — в процессе первоначального накопления (гл. XXIV тома I «Капитала»). Одним из важнейших выводов Маркса является указание на то, что в этом процессе «буржуазии нужна государственная власть, чтобы регулировать» заработную плату». «В этом существенный момент, так называемого, первоначального накопления» [1]).

Колониальная система, система государственных займов, налоговая система, система протекционизма—таковы средства первоначального накопления.

На базе все более развивающихся торговых отношений совершается на все более обширной территории переход к капиталистическому способу производства. Капиталистические отношения расширенно воспроизводятся, т. е. распространяются как вглубь (интенсивно: эксплоатация все новых и новых слоев), так и вширь (экстенсивно: внедрение капиталистических отношений в «отсталых» странах).

Мы не наблюдаем при этом роста единого капиталистического государства, а видим, наоборот, параллельное развитие нескольких, даже многих буржуазных (первоначально—буржуазно-феодальных) государств. Об'ясняется это тем, что капиталистическому обществу, как обществу анархическому, совершенно не заказаны, а, наоборот, скорее предписаны и такие формы параллельного роста и конкурентных образований.

А если мы, кроме того, вспомним, что современное буржуазное государство в своем генезисе «опосредовано» феодальным государством, то и поймем, что нет ничего удивительного в том, что возникает и развивается в борьбе друг с другом множество буржуазных государств одновременно.

Ранее мы установили, что так называемое «мировое хозяйство» есть система капиталистических производственных отношений в мировом масштабе. Теперь мы видим, что выражение «мировой масштаб» скрывает за собою не один только «пространственный» момент, что он значит больше, чем простое «количество». Мы обнаруживаем, что капиталистическое общество расчленено на отдельные государственно-территориальные «клеточки»—буржуазные национальные государства, образовавшиеся в силу специфического характера производственных отношений этого общества.

Национально-государственные территории оказываются «узлами» мировых хозяйственных связей совсем не в том смысле, что они представляют из себя «национально-государственные тресты» или «организованные государственные тела» (Бухарин).

Капиталистическое общество перестает быть для нас сплошным. Мы различаем образовавшиеся внутри него особые сферы, отделенные от внешнего мира государственными границами, таможенными учреждениями, пограничной охраной. Эти сферы образованы по экономическому признаку (соеr-

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, 1929 г., стр. 603.

нение буржуазного общества в форме государства делается для «защиты» капиталистических интересов определенной территории), а не по признаку нации, расы, религии, языка и т. д. Мы знаем, что современные крупные капиталистические государства подчас чрезвычайно разноплеменны и разноязычны—достаточно вспомнить довоенную Австро-Венгрию, Россию, современную Британскую империю (впрочем, здесь потребуются оговорки, касающиеся ее «центробежных сил»), Польшу, Францию с Эльзас-Лотарингией. С другой стороны, сплошная территория одной национальности может оказаться разделенной между двумя или более независимыми государствами: польская нация до войны 1914 г. была рассечена на три части, «прирезанные» к России, Германии и Австро-Венгрии; немецкая территория была поделена в процессе образования крупных капиталистических государств между Германией, Австрией и Швейцарией и т. д.

Тем не менее, капиталистические государственно-территориальные образования с давних пор принято называть «национальными» государствами, «национальными» рынками, «национальными» хозяйствами. Прилагательное «национальный»—не случайного происхождения: соединение буржуазного общества в форме государства не могло происходить в порядке гладкого развития, постепенной эволюции. Наоборот, буржуазии пришлось проделать целый ряд революций и «национальных» войн, направленных против феодализма, за освобождение «нации», понимаемой совершенно капиталистически. И Маркс и Ленин постоянно употребляли термины «национальный рынок», «национальное государство» и т. д. в изложенном смысле.

С образованием национального государства открывается эра борьбы за внутренний рынок, за углубление его посредством процесса экспроприации самостоятельных производителей, за расширение его посредством завоеваний. Развитие капиталистических производственных отношений, начавшееся еще до образования национальных государств, теперь приобретает локальные особенности, «национальные черты». В одних странах оно идет быстрее благодаря смелой политике промышленного протекционизма, в других тормозится вследствие слишком большого груза феодальных социально-политических институтов (паспортная система, множественность налогов, внутренние таможенные пошлины, аграрный протекционизм). В третьих странах (Англия) капиталистический прогресс обеспечивается лучше всего государственной торговой политикой «свободы торговли».

Государство оказывает обратное влияние не только на рынок, на торговлю, но и на всю сумму капиталистических производственных отношений. Это влияние отражается на развитии отношений между трудом и капиталом, на длине рабочего дня, на эмиграции. Оно отражается на взаимоотношениях между классами капиталистов и землевладельцев и выявляется в высоте ренты. Одним словом, не только рынок, но и сами капиталистические производственные отношения, которые на этом рынке проявляются, приобретают «национальные» черты. Поэтому можно говорить о капиталистических производственных отношениях, рассматриваемых в масштабе определенной национальной территории, что для краткости и совершенно условно можно назвать «национальным хозяйством».

Надо согласиться, что термин «национальное хозяйство» не во всех отношениях удобен. Во-первых, буржуазные экономисты его не раз пытались использовать для апологетических целей, стараясь богатство капиталистов выдать за «богатство народов». Во-вторых, термин «хозяйство» может вызвать у неискушенного читателя представление о каком-то «хозяйствующем суб'екте», о национальном хозяйстве как телеологическом единстве. В-третьих, понятие «национальное хозяйство» можно по ошибке отождествить с понятием суммы чисто-государственных предприятий (государственные железные дороги, государственные заводы и т. д.).

Первое соображение не следует переоценивать хотя бы потому, что оно в такой же мере действительно и для терминов «национальное государство», «национальные войны» и т. д.—а ведь все эти термины давно узаконены политической экономией и широко употреблялись Марксом, Лениным и многими другими.

«Телеологический» душок в термине «хозяйство» надо вытравлять прямым раскрытием смысла этого выражения как тождественного с «суммой капиталистических производственных отношений», которые по природе своей анархичны. Ведь мы *сначала* установили для себя специфический смысл понятия и лишь *затем* выбрали совершенно условно для него термин, ярлык, этикетку «национальное хозяйство».

Раз мы говорим о национальном рынке и национальном хозяйстве, мы тем самым говорим и о том, что им противопоставляется: о мировом рынке и мировом хозяйстве. С точки зрения национального хозяйства все вне его границ лежащее есть внешний рынок. Но исследователь, не подчинивший себя интересам «национального» капитала, обязан видеть всю совокупность капиталистических производственных отношений земного шара, преломляемых через призму государственных границ, созданных самим же капиталистическим развитием.

Совокупность капиталистических «национальных хозяйств» плюс не сформированные еще в виде «национальных хозяйств» области капиталистического действия (отсталые страны) нуждается в каком-то более кратком, опять-таки чисто-условном обозначении. Мы не видим ничего предосудительного в том, чтобы для этой цели применить термин «мировое хозяйство».

«Мировое хозяйство» и сумма капиталистических производственных отношений рассматривались выше как совершенно тождественные понятия. Теперь мы их различаем: одно дело, когда капитализм берется безотносительно государственных границ, когда весь мир рассматривается «как одна нация», и другое, когда производственные отношения преломляются через государственные границы.

Подчеркиваем еще раз: *производство для обмена, рыночные отношения являются определяющими чертами мирового хозяйства*. И в этом наше отличие от Гармса и множества буржуазных ученых.

Гармс *ищет определяющих признаков мирового хозяйства в организованности последнего*, тогда как его действительную основу составляют стихийно-регулируемые отношения менового общества.

«Мировое хозяйство, — говорит Гармс, — «есть общая совокупность отношений и взаимодействий между индивидуальными хозяйствами земного шара, которые становятся возможными благодаря высоко-развитым средствам сношений и регулируются и поддерживаются государственными международными договорами» [1]).

Значит, если бы не было государственных международных договоров, если бы не было организующей деятельности государства—не было бы и мирового хозяйства. Между тем для национальных хозяйств и мирового хозяйства характерна как раз неорганизованность, анархичность.

С другой стороны, такой односторонний правовой акт, как акт Кромвеля о мореплавании, по Гармсу, никак не может считаться за «поддержку» развития мирового хозяйства, между тем он был таковым, ибо дал сильнейший толчек формированию первого национального хозяйства—Англии.

---

[1]) Bernhard, Harms. „Volkswirtschaft und Weltwirtschaft“, Jena

Национальное и мировое хозяйство.

С легкой руки М. Спектатора пущено в обиход утверждение, что такого типа определение мирового хозяйства, как приведено выше («система товарокапиталистических производственных отношений в мировом масштабе»), сводится к ударению на географическом моменте («в мировом масштабе») [1].

М. Спектатор, как и следующий за ним Д. Бухарцев не отрицают «географического момента», но думают, что должны быть привлечены другие «более глубокие принципиальные моменты». Мы уже видели, что «привнесение» этих «других моментов» совершается ими исключительно произвольно. «Каждый молодец» действует «на свой образец». Совершенно неизбежное явление всюду, где нарушается принцип монистического построения.

Марксистская политическая экономия издавна и совершенно некритически употребляет широко распространенное в обиходе (а также и в буржуазной литературе) выражение «народное хозяйство» или «национальное хозяйство». Однако это понятие считалось до сих пор простым синонимом «товарно-капиталистического хозяйства». Постольку оно вообще становилось ненужным, излишним, даже вредным, ибо у многих читателей рождало представление о каком-то телеологическом единстве. И действительно вне учения о мировом хозяйстве неостается места для словоупотребления «национальное хозяйство».

Для лучшего уяснения, для анализа в наиболее чистом виде известных проблем теоретической экономии, например, проблемы воспроизводства и реализации, теоретическая экономия сознательно абстрагирует от государственных границ. Общеизвестны указания Маркса, сделанные им во втором томе «Капитала», которые отмечает и Ленин в «Развитии капитализма в России», что внешнего рынка, внешней торговли при разборе вопроса о реализации совсем не надо принимать во внимание, ибо «введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее» [2]). У Маркса имеется в другом месте (Глава XXII тома I «Капитала») это же указание в такой форме:

«Мы оставляем в стороне внешнюю торговлю, которая туземные сорта товаров замещает заграничными и при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства и существования или, наоборот... Мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [3]).

Можно ли отсюда делать вывод, что политическая экономия всегда рассматривает «весь торгующий мир, как одну нацию»?—Конечно, нет. Этот вопрос рассмотрен был несколькими страницами выше.

Итак, в целом ряде случаев, в роде только что упомянутых, политическая экономия рассматривает капиталистическое общество безотносительно государственных границ.

В других случаях, наоборот, эти государственные границы введены в рассмотрение, и мы имеем перед собою, в этих случаях, либо 1) капиталистическое общество, взятое на одной какой-либо государственной территории, либо 2) капиталистическое общество, взятое на всей совокупности различных государственных территорий, «в мировом масштабе», но подразделенное государственными границами.

---

[1]) М. Спектатор (М. Нахимсон), Введение в изучение мирового хозяйства, 1928 г., стр. 9.

[2]) Цитировано по III тому Сочинений Ленина, изд. 2-е, стр. 23.

[3]) Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1929 г., стр. 456, 457.

Совершенно очевидно, что для этих совершенно различных объектов изучения теоретической экономии уместно дать различные вполне самостоятельные наименования. Этого до сих пор сделано не было. И отсюда проистекало не мало путаницы.

Учению о мировом хозяйстве в политической экономии не везло. До него, как до раздела, естественно, стоящего в конце программы, слишком часто «не доходила очередь» исследования, и дальше наметки плана дело не шло [1]). Та же судьба постигает его и в учебной программе вузов: до мирового хозяйства, а часто и до финансового капитала, иногда даже до учения о кризисах «очередь не доходит».

Удивительно ли, что политическая экономия занималась до настоящего времени преимущественно капиталистическими производственными отношениями, рассматриваемыми безотносительно государственных границ. На протяжении большей части разделов политической экономии так и нужно было поступать. Однако на известной ступени исследования это оказывается более невозможным: развиваются новые, более сложные категории «мирового хозяйства» и «национального хозяйства».

Прежде чем пойти далее, отметим, что понятие «капитализма, рассматриваемого безотносительно государственных границ» и выдвигаемого шеком (Н. Бухариным, И. Бутаевым, А. Угаровым) понятием «абстрактного капитализма» нет ничего общего. Плоха та политическая экономия, которая занимается не реальным, а каким-то «абстрактным» капитализмом, этой выдумкой бухаринской школы. Капитализм не перестает быть реальным от того, что при анализе, скажем, процессов реализации или каких-нибудь других мы абстрагируем от национальных границ и внешней торговли. В каждый данный момент мы в праве отвлечься от тех или других несущественных, случайных с точки зрения рассматриваемой проблемы, моментов. В других случаях мы абстрагируем от ренты, от бумажных денег и т. д., но нельзя абстрагировать от всего сразу и создавать «абстрактный капитализм» в противовес реальному капитализму вообще.

Подчеркиваем: «абстрактный капитализм» Н. Бухарина и «капитализм, взятый безотносительно государственных границ» не одно и то же (см. об этом ниже).

Когда, скажем, классики писали свою политическую экономию, они безусловно смотрели глазами англичан и весь мир желали создать по образу своему и подобию. Но, за малыми исключениями, в роде VII главы рикардовских «Начал политической экономии», они стремились установить законы, имеющие силу одинаково хорошо для капиталистических отношений любой страны, безотносительно ее государственных границ,—недаром Фр. Лист называет их «космополитами». Даже и на сферу международных отношений они порою пытаются просто перенести эти общие законы, несколько потеряв шая по части специфических моментов, присущих международной торговле.

А. Угаров следующим образом определяет то, что мы выше условились называть «национальным хозяйством»:

«Мы удерживаем термин «народное хозяйство», отдавая известную дань терминологическому консерватизму, хотя совершенно очевидно, что для капиталистических хозяйств, о которых речь идет в тексте, он абсолютно не пригоден. С своей стороны считаем более удобным пользоваться термином «государственно-территориальные капиталистические хозяйства» [2]).

Неудовлетворительность позиции А. Угарова заключается в том, что, констатируя вполне правильно то, что мы называем «национальным хозяйством»

[1]) См. Введение к «Критике политической экономии».

[2]) А. Угаров, Экспорт капитала из С.-А. С. Штатов, «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1926 г. № 9, стр. 11 (подстрочное примеча[ние])

ством», он часто отождествляет с ним капиталистические производственные отношения, рассматриваемые безотносительно государственных границ. Одно понятие не отделяется достаточно четко от другого. Однако он постоянно возвращается к термину «народное хозяйство», употребляемому в смысле «государственно-территориальных капиталистических хозяйств»:

«Народные хозяйства мы определяем экономически следующим образом: народные хозяйства—это комплекс связей между единичными хозяйствами в пределах известного исторически возникшего территориального рынка» [1]).

Чувствуя неполноту этого определения, А. Угаров дает его далее в таком еще виде:

«Народное хозяйство следует определить как экономическое образование, сложившееся на почве территориального рынка, заключенное в известные политические границы и охраняемое государственной властью. Решающее значение так же остается за стихийным экономическим процессом, стянувшим в узел разрозненные единичные хозяйства на определенной территории и получившим позднее выражение в единстве политической организации и определенной экономической политике государства» [2]).

Не важны термины, важен смысл, который за ними кроется. Нам кажется вполне уместным употребление понятий следующим образом: В отличие от (1) «капиталистических производственных отношений, рассматриваемых безотносительно государственных границ», «национальное хозяйство» (2) следует определить как комплекс тех же капиталистических производственных отношений, но заключенных в известные государственные границы, ими охраняемых и до известной степени определяемых [3]). Наконец, (3) «мировое хозяйство» представляет из себя совокупность «национальных хозяйств» плюс «неорганизованная» в «национальные хозяйства» сфера капиталистической деятельности, те отсталые страны, которые не имеют капиталистической внешней экономической политики.

Мировое хозяйство отличается от капитализма, рассматриваемого безотносительно государственных границ, как всякое более сложное образование, тело, отличается от простого, от аморфной массы. Повидимому, второе в отношении первого является не только логическим, но и историческим «приусом»—как мы увидим позднее, возникновение и развитие национальных хозяйств, этих «клеточек» мирового хозяйства, есть процесс исторический. Было время, когда национальных хозяйств в нашем смысле слова не было—были ничтожные их зародыши в роде «городов-республик». А это значит, что не было и мирового хозяйства в современном значении слова, оно было еще скрыто в капиталистическом «космосе», не знавшем государственных границ. Лишь со временем и постепенно внутри «космоса» образуются национально-хозяйственные «скопления». Национальные хозяйства становятся «узлами» мировых хозяйственных связей, по чрезвычайно удачному выражению Н. Бухарина (в которое он вложил, впрочем, иное, чем мы, более широкое содержание).

«Национальное хозяйство» и «мировое хозяйство» понятия соотносительные, т.-е. такие, которые существовать одно без другого не могут. Их с полным правом можно назвать двумя развившимися полюсами одного и того же противоречия, именуемого капиталистическими производственными отно-

[1]) А. Угаров, Экспорт капитала из С.-А. С. Штатов, «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1926 г., № 9, стр. 11 (подстрочное примечание).

[2]) А. Угаров, там же, стр. 12.

[3]) В нашей предыдущей работе «Международная торговля и торговая политика» этого четкого разграничения еще не дано. Впервые в таком виде мы даем его здесь (Ср. Н. Петров, Международная торговля и торговая политика, изд. «Московский Рабочий» 1929 г, ср. 34).

шениями, двумя сторонами одной и той же медали. Каждое из них можно понять только через другое, подобно тому как свет мы можем понять только через тьму и наоборот (слепой от рождения не знает ни света, ни тьмы—для него не существует ни этих качеств, ни их различия).

У Ленина имеется следующее, ободряющее нас замечание:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты **должны** двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима **самостоятельная** разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие **руководящие** положения, которые применяются **в частности** к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» [1]).

Возвращаясь к спору насчет того, что же собственно означает в определении мирового хозяйства «мировой масштаб» («мировое хозяйство есть система капиталистических производственных отношений в мировом масштабе»), мы можем теперь ответить, что речь идет вовсе не о «географическом моменте», не о количественной только стороне явления. Теперь мы можем вернуться к этой количественной стороне дела.

После того, как мировое хозяйство так или иначе оформилось, приобрело свое специфическое «качество», **оно постепенно начинает свой количественный и все более ускоряющийся рост**. Мировой рынок увеличивается и вширь и вглубь. Своего максимума он достигает в конце XIX и начале XX веков. Именно эту количественную сторону имеет в виду Энгельс в следующем замечании, которое вводит кого в заблуждение:

«Колоссальный рост средств сообщения—океанические пароходы, железные дороги, электрические телеграфы. Суэцкий канал — впервые создали действительно мировой рынок» [2]).

Количество, в свою очередь, переходит в качество. Процесс концентрации и централизации приводит к капиталистическим монополиям, к наступательному «протекционизму», к экспорту капитала в потрясающих размерах, к соглашениям о разделе международного рынка и т. д.

Национальные хозяйства, как «узлы мировых хозяйственных связей», начинают чувствоваться все острее.

Послевоенное мировое хозяйство обогатилось еще одним новым элементом: своим собственным отрицанием в лице государства строящегося социализма—СССР. «Количество» (развитие производительных сил) еще раз проделало грандиозный скачок (революцию), превращаясь в исключительно новое «качество».

Однако революция победила первоначально не во всех странах, а лишь в одной только, хотя и занимающей одну шестую часть земной поверхности, стране. Это обусловило весьма своеобразную для политической экономии наших дней **проблему сосуществования социалистического государства с его капиталистическим окружением**. К сожалению, приходится констатировать, что громадный комплекс вопросов, относящихся к этой проблеме, теоретически у нас не только не разработан, но даже и не поставлен.

---

[1]) **Ленин**, Соч., т. II, изд. 2-е, 1926 г., стр. 492.
[2]) **Маркс**, Капитал, т. III, ч. 2, 1929 г., стр. 22.

Мировой рынок и мировое хозяйство.

По вопросу о соотношении понятий «мировой рынок» и «мировое хозяйство» в нашей литературе существуют прямо противоположные суждения. По мнению одних—это равнозначные понятия, по мнению других — они не только различны, но даже не соотносительны: была, дескать, такая историческая эпоха, когда мировой рынок уже существовал, а мирового хозяйства еще не было.

Представителем первой точки зрения является С. Бессонов. Он полагает, что термин «мировое хозяйство» надо отбросить, что надо вернуться к понятию «мировой рынок», ибо только это понятие и имеет смысл, и только оно встречается в теоретических трудах Маркса. То обстоятельство, что Ленин употребляет термин «мировое хозяйство» («всемирное хозяйство») С. Бессонов готов извинить, как и вообще обиходное словоупотребление. Но научного смысла за этим понятием он не видит.

С. Бессонов знает, что понятие «мировое хозяйство» расшифровывается, как «система капиталистических производственных отношений в мировом масштабе». Поэтому нам позволительно его спросить: равнозначны ли между собой понятия «производственные отношения» и «рынок», «рыночные отношения»? Ведь никто другой, как С. Бессонов, правильно указывал Н. Бухарину, что в первом понятии включено второе, как часть в целом, почему и оказалось неудобным выражение, употребленное Н. Бухариным: «производственные отношения и соответствующие им отношения обмена».

«Рынок» и «мировой рынок»—логически понятия более узкие, более частные, по сравнению с понятием «производственные отношения» (а следовательно, и «мировое хозяйство») и уже по одному этому не могут заменить последних. Первые являются «выражением», «проявлением» вторых. Но и обратно: более широкое понятие «мировое хозяйство» не заменяет собою «мирового рынка».

«Конечно, производство является в последнем счете решающим. Но, как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой зависимости она, торговля, все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения (торговли) есть свои собственные фазы, и в свою очередь оно оказывает обратное действие на движение производства. Открытие Америки было вызвано голодом в золоте, который еще раньше погнал португальцев в Африку... потому что европейская промышленность, так могуче расширившаяся в XIV и XV вв. и соответствовавшая ей торговля требовали больше орудий обмена, которых Германия—великая страна серебра в 1450—1550 гг.—дать не могла. Завоевание Индии португальцами, голландцами, англичанами с 1500 по 1800 имело целью ввоз из Индии. О вывозе туда ни один человек не думал. И все же какое колоссальное обратное действие оказали на промышленность эти открытия и завоевания, вызванные чисто-торговыми интересами. Только потребности вывоза в эти страны создали и развили крупную промышленность (в Европе)» [1].

Сказанного, надо полагать, достаточно для того, чтобы наперекор С. Бессонову решительно различать понятия «мировой рынок» («мировая торговля») и «мировое хозяйство». Однако как различать — другой немаловажный вопрос, о который запнулось не мало наших мирохозяйственников, «от них же первый»—Д. Бухарцев.

---

[1]) Маркс и Энгельс. Письма, 1923 г., стр. 280, 281, письмо Энгельса Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г.

Д. Бухарцев полагает, что он стоит на точке зрения бухаринского определения мирового хозяйства, ибо он прямо называет его «наиболее правильной дефиницией мирового хозяйства» [1]).

Однако он ошибается в отношении самого себя, так как просто не разобрался в своих утверждениях. Ведь только двумя страницами ранее он заявлял, что тезис «мировое хозяйство существовал еще до империализма» неверен, ибо, дескать, нельзя путать мирового рынка с мировым хозяйством.

Бухарцев буквально говорит следующее:

«Идентично ли мировое хозяйство с мировым рынком, и что является элементом, конституирующим каждое из них.

Элементы мировых отношений обмена можно найти чуть ли не на заре человеческой истории. Торговые отношения древнего Рима носили ярко выраженный мировой характер...

Широкие мировые связи существовали и в средневековье...

Но все же было грубой теоретической ошибкой определять систему обменных отношений, существовавшую в Римской империи, в средние века или даже в эпоху первоначального накопления капитала, как мировой рынок.

Все эти обменные связи, хотя и мирового порядка, в конце концов были случайны и, что самое важное, не определяли экономической структуры торгующих стран» [2]).

Д. Бухарцев не только различает, но и разрывает понятия «мировой рынок» и «мировое хозяйство». Первое у него не является частью второго и не зависит в конечном счете от второго. Д. Бухарцев либо не знает, либо не желает понять указания Энгельса, что «в отдельных частностях и внутри этой зависимости она, торговля, все же следует своим собственным законам». Он—максималист: мировой рынок отличается не только от мирового хозяйства, но даже и от системы обменных отношений, существовавшей в Римской империи, в средние века или даже «в эпоху первоначального накопления капитала» (Любопытно, к каким векам по Д. Бухарцеву эта эпоха относится? *Н. П.*).

Получается странное трехэтажное здание: 1. «система обменных отношений, существовавшая в Римской империи, в средние века или даже в эпоху первоначального накопления капитала» (почему не просто «первоначального накопления»? *Н. П.*); 2. мировой рынок; 3. мировое хозяйство. Повидимому Д. Бухарцев видит не только логическое, но и историческое несовпадение этих трех систем. Другими словами, он не различает, а разрывает эти системы и соответствующие им понятия, относя их к различным историческим эпохам.

Разрывать понятия «мировой рынок» и «мировое хозяйство» можно лишь разрывая с Марксом. Последний не один раз подчеркивал, что за отношениями обмена скрываются отношения производства. «Предметы потребления,—говорит он,—становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты независимых друг от друга частных работ. Комплекс (совокупность) этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт (соприкосновение) между собой лишь в обмене продуктами своего

[1]) См. журнал «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» за июль 1929 г., стр. 39.

[2]) Д. Бухарцев, Методологические проблемы мирового хозяйства, «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1929 г., № 7, стр. 38.

труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена» [1]).

Во «Введении» к «К критике политической экономии» есть место, известное довольно широкому кругу, но недостаточно понятное до сих пор. Оно учит нас, как нужно делать различия внутри единства.

«... Производство, распределение, обмен и потребление—одно и то же, но... все они образуют собою части целого, различия внутри единства. Производство в противоположности своих определений охватывает как самого себя, так и остальные моменты. С него каждый раз вновь начинается процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою. То же самое можно сказать про распределение продуктов... Определенная (форма) производства обусловливает, таким образом, определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу. Конечно, и производство в его односторонней форме, с своей стороны, определяется другими моментами; напр., когда расширяется рынок, т.-е. сфера обмена, возрастает размер производства и углубляется его дифференциация» [2]).

Отмечаем:

1. Рынок есть по Марксу «сфера обмена».

2. Необходимо различать «рынок» (или «обмен») и «производство», как части целого, при чем, «производство охватывает как самого себя, так и остальные моменты».

3. Нельзя разрывать их одно от другого, ибо, если производство обусловливает собою распределение, обмен (рынок) и потребление, господствуя над ними, то и, обратно, рынок влияет на производство, т.-е.:

4. Между различными моментами происходит взаимодействие.

В другом месте Маркс высказывается еще более определенно: «Товарное производство и товарное обращение может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначаемая непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко не во всем своем об'еме подчинен господству меновой стоимости» [3]).

Значит, надо отличать качественную и количественную сторону дела. Качественно товарное производство уже существует, несмотря на то, что процесс производства подчинен господству меновой стоимости далеко не полностью, может быть лишь в незначительной степени. Важна тенденция. После того, как с качественной стороны товарное производство и товарное обращение оказались налицо, начинается их все более ускоряющийся количественный рост. Количество при этом, в свою очередь, не один раз переходит в качество—особенно значительный скачок экономическое развитие делает своим процессом первоначального накопления и превращения денег в капитал.

Д. Бухарцеву должно было бы быть известно, что Маркс не ограничился приведенными у нас замечаниями, что в XX главе III тома «Капитала» он подробно рассматривает связь между развитием торгового капитала и образованием капиталистического способа производства, т.-е. он в положительной форме устанавливает связь между категориями «мировой рынок» и «капиталистический способ производства».

В другом месте Д. Бухарцев умозаключает следующим образом:

«Маркс в свое время мог видеть лишь мировой рынок эпохи торго-

[1]) Маркс, Капитал, т. I, изд. 1929 г., стр. 32.
[2]) Маркс, К критике политической экономии, 1923 г., стр. 23, 24.
[3]) Маркс, Капитал, т. I, 1929 г., стр. 112.

вого и промышленного капитализма, но он не видел мирового хозяйства эпохи монополистического капитализма. Это единственная и основная причина того, почему Маркс ничего не писал о мировом хозяйстве. По этой же причине Маркс, например, не мог дать анализа современного экспорта капитала»[1]).

Странно было бы требовать от Маркса, чтобы он занимался анализом «современного» (т.-е. нам, людям XX века, современного) экспорта капитала. Не требуется никаких методологических изысканий для того, чтобы понять, что Марксу трудно было писать о том, чего «современников» и еще не был. Достаточно знать дату смерти Маркса, чтобы не ломать даже себе голову.

Д. Бухарцев не заметил, что он совершает самую убогую и плоскую тавтологию, когда пишет: «Маркс... не видел мирового хозяйства эпохи монополистического капитализма. Это единственная и основная причина того, почему Маркс ничего не писал о мировом хозяйстве». Д. Бухарцев заранее ограничил понятие мирового хозяйства рамками нашей современности — зачем же ему было при такой постановке вопроса тянуть в свидетели Маркса?

В поисках «конституирующего признака» мирового хозяйства Д. Бухарцев, М. Спектатор и другие обращаются к экспорту капитала. Они не замечают, что при этом совершенно контрабандой вводят момент национально-хозяйственных (государственных) границ, ибо ведь не всякое движение капитала в пространстве есть экспорт капитала, а лишь движение, пересекающее границы.

Гораздо ближе к истине И. Бутаев, хотя ему также не удается правильная формулировка. Он считает, что «мировое хозяйство возникает тогда, когда капиталистический способ производства становится господствующим, ведущим, подчиняющим все другие способы производства, прокладывающим себе путь сквозь них и в то же время в определенных отношениях зависящих от них»[2]), или, как он выражается в другом месте «Когда... на основе капиталистического производства создается мировой рынок и капиталистическое производство освобождается от ограниченности местного рынка и делается зависимым от мирового,—тогда речь может итти уже о мировом хозяйстве»[3]).

Следовательно, эпоху промышленного капитала И. Бутаев считает эпохой мирового хозяйства. И то—слава богу, по сравнению с М. Спектатором и Д. Бухарцевым.

Однако Бутаев остановился на полпути. Он, как и многие другие, позволил словам пленить себя. «Мировое хозяйство» — значит какое-то «хозяйство», наличие чего-то вещественного, как будто за меновыми отношениями людей не кроются их отношения по производству.

«Правильно, что еще при торговом капитализме существовал международный рынок»,—говорит он.

«Но до промышленного капитализма, крупного машинного и массового производства, до переворота в средствах сообщения не было рынка, который опирался бы на один единый способ производства, подчиняющий все другие способы производства, и прокладывающий себе путь, «ввинчиваясь» в них.

«Торговый капитал создал международность, живя меж народами с разными докапиталистическими способами производства... Международ-

---

[1]) Маркс, Капитал, т. I, 1929 г., стр. 37, разрядка Д. Бухарцева.
[2]) «Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 12, стр. 144.
[3]) Там же, стр. 143.

рынок, состоявший из спроса и предложения по преимуществу на предметы роскоши, не опирался на единый способ производства. Ни один из докапиталистических способов производства не был с печатью интернациональности, космополитичности «на челе», как это имеет место в отношении капитализма» [1]).

Как И. Бутаев, так и Д. Бухарцев недооценивает прежде всего момента сосуществования и взаимодействия различных хозяйственных укладов. Капиталистический способ производства лишь постепенно развивается в свою все более «чистую» форму, нигде так и не достигая абсолютной чистоты. Такие категории, как прибавочный продукт, лишь на протяжении веков преобразуются в категории капиталистических общественных отношений — вспомним систему домашне-капиталистического производства, относительно которой трудно сказать, имеем ли мы дело с прибавочным продуктом или прибавочной стоимостью.

В письме к П. В. Анненкову Маркс указывает, что даже рабство, эта столь своеобразная форма общественных отношений, противоположная и даже враждебная капитализму, что даже «рабство является основой современного нашего индустриализма в таковой же мере, как машины, кредит и т. п. Без рабства — нет хлопка, без хлопка — нет современной индустрии. Рабство сделало колонии ценными, колонии вызвали мировую торговлю, а мировая торговля является необходимым условием машинной индустрии» [2]).

Крупная машинная индустрия, т. е. капиталистический способ производства, сама с необходимостью обусловлена известным уровнем развития мировой торговли, хотя бы в последней участвовали продукты, созданные в условиях докапиталистических общественных отношений.

«Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары—будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы» [3]).

Не представляет ни малейших затруднений понимание того, почему купеческий капитал является исторической формой капитала задолго до того, как капитал подчинил себе производство. Существование и развитие до известной высоты купеческого капитала (а его первой ареной был мировой рынок) само оказывается исторической предпосылкой для развития капиталистического способа производства. Само собой разумеется, развитие купеческого капитала, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать переход к капиталистическому способу производства.

«Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение. Она захватывает не только избыток продуктов, но мало-по-малу начинает поедать и самое производство. Однако это разлагающее влияние зависит от природы производящего общества» [4]).

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 12, стр. 143.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, Гиз, 1929 г., стр. 290.

[3]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, Гиз, 1929 г., стр. 250.

[4]) Там же, стр. 251—255.

Международная торговля (а торговля вообще возникает первоначально как международная, или, по крайней мере, междуобщинная торговля — о этом ниже) и мировой рынок оказывают решительное влияние на организацию производства, которую они застают.

Какой при этом получается результат, это в «значительной мере зависит от природы производящего общества». В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имело своим результатом рабовладельческое хозяйство. В современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Но последний впервые развился только там, где условия для этого создались еще в средние века.

Одним из основных условий, благоприятствующих созданию капиталистического способа производства, является отделение города от деревни. «Такова природа дела, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредство торговли» [1]).

Другим важнейшим условием является проникновение менового хозяйства в широкую среду сельского хозяйства. Массовая товаризация, а вместе за нею и широкое развитие капитализма в Англии стали возможны лишь с того момента, когда главнейшие продукты сельского хозяйства (шерсть, кожи) нашли массовый сбыт на континенте Европы [1]).

Можем ли мы, следовательно, отбросить совершенно понятие мирового рынка, международной торговли, как что-то чуждое понятию мирового хозяйства? — Ни в какой мере. Решительный переход к капиталистическому способу производства, имевший место в Англии, в чрезвычайно большой мере зависел первоначально от процесса дифференциации в мировом хозяйстве (Англия и фландрская мануфактура). Торгово-капиталистическая и промышленно-капиталистическая Англия выросла на обслуживании обмена веществ развивавшегося мирового хозяйства.

«Не подлежит никакому сомнению, — говорит Маркс, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система, — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства» [2]).

Все те процессы, которые мы именуем международной торговлей и мировым рынком, в той мере, в какой они содействуют переходу феодального способа производства в капи

---

[1]) См. об этом подробнее: Н. Петров, Английский капитализм и этапы своего развития. «Труды Института Красной Профессуры», Гиз. М.—Л. 1926, стр. 58. Ошибка в этой моей ранней работе (1921—1922 гг.) заключается в том, что не оттенено, что национальное хозяйство, как и все на свете, возникает: 1) непосредственно, 2) опосредованно. Обыкновенно видят лишь последнюю сторону процесса, а потому в об'яснении возникновения мирового хозяйства и национального хозяйства сбиваются на историю экономического развития и на теорию ступеней (районное—национальное—мировое хозяйство). Мне удалось в упомянутой работе оттенить значение другой стороны процесса, того, что можно назвать «непосредственным» возникновением национального хозяйства, зато «опосредованность» национального хозяйства феодализмом не нашла достаточного отражения.

[2]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, Гиз. 1929 г., стр. 256.

талистический (который в свою очередь вызвал к жизни буржуазные «национальные государства»), составляют несомненно процессы мирового хозяйства. Затруднение, которое экономист испытывает при такой трактовке вопроса, не ново. Оно того же самого порядка, что и затруднение в понимании того обстоятельства, что торговый капитал, этот «особый вид промышленного капитала», обособившаяся функция последнего, исторически старше «и в действительности представляет древнейшую форму существования капитала».

Во «Введении» к «К критике политической экономии» Маркс говорит:

«Прием неудачный и ошибочный — брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Их порядок определяется скорее тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе». Между тем И. Бутаев и—еще в большей мере — остальные авторы употребляют как раз этот «неудачный и ошибочный прием»: они отбрасывают международные торговые отношения эпохи до-промышленного капитализма на том единственном основании, что хронологически торговый капитал возник раньше промышленного.

Надо было не отбрасывать торговый капитал, а, наоборот, привлечь его и рассмотреть с точки зрения современного капиталистического общества. Тогда и обнаружилось бы, что история движется далеко не прямолинейно, что генезис мирового хозяйства не будет понят без истории торгового капитала, что момент сосуществования и взаимодействия играл и играет колоссальную роль в мировом хозяйстве всех времен.

Можно провести аналогию между историей торгового капитала и развитием формы стоимости. Исторически и логически более ранней формой стоимости является «простая, единичная или случайная форма стоимости». «На практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена». Акты обмена могут и не повториться: постольку категория стоимости, наметившаяся в них, не найдет своего развития. Но они могут из «случайных» постепенно превратиться в повторяемые — и тогда категория стоимости найдет свое развитие через развернутую и всеобщую форму к денежной, далее — к стоимости своеобразного товара «рабочая сила» и т. д.

То же самое с ранними периодами истории мировой торговли. Поскольку они не примыкают непосредственно к периоду капиталистического способа производства, постольку мы их вообще можем считать «простыми», «единичными», «случайными», не развившимися, зародышевыми формами мирового хозяйства. Но это все-таки не развившиеся зародышевые формы мирового хозяйства, т. е. капиталистических общественных отношений.

Таковы древние периоды международной торговли: финикийский, арабский. Эпоха венецианской гегемонии в мировой торговле стоит почти у порога современного способа производства. Но международная торговля и мировой рынок конца средних веков и начала нового времени открывают собою уже эпоху мирового хозяйства, поскольку каждый новый день все более отчетливо теперь обнаруживает, что за меновыми отношениями людей кроется не что иное, как их отношение по производству, преломляемое через призму капиталистических «национальных» границ.

Любителям дефиниций, которые могли бы сказать: «ах, значит простое товарное хозяйство («обслуживанием» коего занимается торговый капитал), взятое в мировом масштабе — уже мировое хозяйство!» — ответить легко. Во-первых, «простое товарное хозяйство» — это такое образование, которое ежедневно, ежечасно способно выделять и выделяет («химически вы-

[опр]еделяет», как выразился Ленин) капиталистов и преобразуется в капиталист[ич]еское хозяйство. Во-вторых, реальное существование «простого товарн[ого] хозяйства» когда-либо в прошлом историками подвергается большому со[мн]ению; это скорее логическая, чем историческая категория; имеются лишь различные приближения к этому типу общественных отношений, но едва ли они имели место в сколько-нибудь «чистом виде». В-третьих, что касается международных меновых отношений, то они в силу ряда технических пр[ич]ин (большие расстояния, высокий риск, необходимость значительного опыта работы и т. д.) с самого начала обслуживались, в основном, профессио[н]алами-купцами, торговым капиталом. А это значит, что о «просто[м] товарном хозяйстве» в области мирохозяйственных отношений практически не стоит и говорить.

Международная торговля была бы ареной весьма мало доступной для профессионалов-купцов, если бы они были вынуждены обходиться своими собственными капиталами. Конечно, существуют и такие мировые торговые фирмы, которые могут на длительный срок, требующийся на продвижение товаров из страны в страну, вкладывать свой собственный капитал, не прибегая к ссудам под товары, которые, следовательно, в состоянии дожидаться возвращения своих капиталов после продажи товара за границей. Однако в большинстве случаев отправленные товары превращаются немедленно в ссуды посредством учета полученных векселей [1]).

В эпоху финансового капитала международная торговля идет и полно за счет и под непосредственным руководством банков.

«Торговый капитал», «международность» и проч. вещи, от которых так старательно отмежевывается И. Бутаев, не берутся сами по себе, а ... в их превращении и переходе в капиталистический способ производства. Этот переход совершается закономерно с необходимостью. А постольку отмежевываться от «эпохи торгового капитала» и от «международности» нельзя. Без них будет невозможно понять происхождение современного мирового хозяйства, а следовательно — и понять ряд его закономерностей.

В отношении И. Бутаева, а еще более Д. Бухарцева и М. Спектатора сохраняют свою силу замечания Ленина, сделанные им по поводу предложений Сокольникова переработать общую часть программы партии:

«Программа восходит и должна восходить — от простейших проявлений капитализма к более сложным и «высшим», от обмена к товарному производству, к вытеснению мелких предприятий крупными, к кризисам и т. д. вплоть до империализма как вырастающей и выросшей только теперь в передовых странах наиболее высокой стадии. Именно так обстоит дело в жизни. Начать сопоставление рядом «обмена» вообще и экспорта капитала — неправильно исторически, неправильно теоретически» [2]).

Ошибки И. Бутаева, Д. Бухарцева и др. в том и заключаются, что в исследовании мирового хозяйства они пренебрегают «простейшими проявлениями капитализма» и потому в своих работах не в состоянии восходить «от обмена к товарному производству, к вытеснению мелких предприятий крупными» и т. д. Мировое хозяйство у них появляется внезапно, не возникая диалектически, с об'ективной необходимостью и закономерностью. Поэтому у них и получается полнейший произвол при выборе признаков мирового хозяйства. Таковыми признаками берутся: то «господство капиталистического способа производства», то «вывоз капитала» (для современный»), то наличие «стран-суб'ектов» и «стран-об'ектов» и т. д.

---

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1929 г., стр. 58.
[2]) Ленин, Соч., изд. Института Ленина, т. XX, 1927 г., стр. 2..

Теперь своевременно будет напомнить, что Маркс также различал «международные условия производства» и «международное разделение труда» от «международного обмена» и «международного рынка». Во «Введении» к «К критике политической экономии», набрасывая план предполагаемых частей своей работы, он перечисляет эти категории одну за другой, относя их даже к различным разделам работы («В-пятых, мировой рынок и кризисы»). Нам, конечно, неуместно гадать о том, какой точно смысл вкладывался в каждый из этих терминов, нам важно лишь заключить, что смысл этот был совершенно различен.

Некоторые товарищи полагают, что то, что у нас названо «мировым хозяйством», следует назвать «мировым рынком», а наш «мировой рынок» переименовать в «мировой обмен». Ну, что же! Ведь это — спор исключительно о словах, а не о существе. Условимся называть, как сочтем удобнее. Или может быть практике предоставим установить традицию. Но не будем дракой из-за этикеток отодвигать определение самого содержания предмета, его сущности.

Впрочем, напомним: Маркс трактует рынок как сферу обмена» [1]).

„Экономические международные отношения“ как признак мирового хозяйства.

У Спектатора мы находим следующее место в самом начале его книги: «Мировое хозяйство как наука [2]) с нашей точки зрения имеет предметом изучения экономические междугосударственные отношения в эпоху монополистического капитализма, когда одни народы являются суб'ектами, а другие—об'ектами этих отношений» [3]).

Давая такое, чреватое рядом ошибок, определение, Спектатор прямо возражает против определения Н. Бухарина:

«Тов. Бухарин определяет мировое хозяйство как «систему производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе». Этим совершенно правильно подчеркивается социальный характер экономических категорий. Но остается неясным, чем отличается эта «система производственных отношений» от прежней, которая была характерна для национального хозяйства. Остались ли те же капиталистические отношения, или мы имеем при мировом хозяйстве нечто новое? Желая подчеркнуть международный характер современного хозяйства, тов. Бухарин в этом определении делает ударение на географическом моменте («мировой масштаб»)» [4]).

Понятие «экономические междугосударственные отношения» значительно уже понятия «системы производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе». Первые не охватывают, вторые охватывают отношения международного труда к международному капиталу. А это — главное, что нужно выяснить и понять при изучении мирового хозяйства. Тот, кто обходит таким образом вопрос о классах и их борьбе в современном мировом хозяйстве, сразу превращается в буржуазного экономиста. А при последовательном развитии понятия мирового хозяйства, как его дал М. Спектатор («Экономические междугосударственные отношения»), классы выпадают.

---

[1]) К критике политической экономии, 1923 г., стр. 24.

[2]) Ляпсус, М. Спектатор хотел сказать — Наука о мировом хозяйстве.

[3]) М. Спектатор (М. Нахимсон), Введение в изучение мирового хозяйства. Опыт построения теории мирового хозяйства, Гиз, 1928 г., стр. 3.

[4]) М. Спектатор (М. Нахимсон), там же, стр. 9.

М. Спектатор берет не просто «экономические междугосударственные отношения», а прибавляет: «в эпоху монополистического капитализма». Д. Бухарцев, как мы видим, лишь повторяет М. Спектатора.

Желание сделать учение о мировом хозяйстве ключем к разгадке отношений именно современного мирового хозяйства, хозяйства империалистической эпохи, совершенно законно.

Хороша была бы наука, та же политическая экономия, если бы она не давала ключа к пониманию современных общественных отношений. Но значит ли это, что учение о мировом хозяйстве или политическая экономия должны начинать прямо с явлений, специфических эпохе монополистического капитализма? Разве современное нам мировое хозяйство, империализм, может быть понят без генезиса его?

Разве мировое хозяйство не представляет из себя громадный комплекс, в котором имеет место сосуществование различных хозяйственных укладов? Разве переход от одного хозяйственного уклада к другому не закономерен и не определяется, в основном, законом стоимости, который ведь не потерял своей силы и в эпоху монополистического капитализма? Разве между домонополистическим и монополистическим капитализмом лежит черта или целая пропасть? — Кто дал М. Спектатору право декретировать определение без малейшего доказательства необходимости и закономерности такого метода действий?

Дальнейший признак М. Спектатора: «Когда одни народы являются суб'ектами, а другие — об'ектами этих отношений» лишь на первый взгляд может показаться «революционным» или научным. Мы уже указали, что он далеко не покрывает всей суммы общественных отношений, которые должны быть разобраны в учении о мировом хозяйстве, не охватывает отношений труда к капиталу. Словоупотребление «народы» здесь не случайно и весьма симптоматично. Англия берется просто как «народ-суб'ект», т.-е. эксплоататор мирового хозяйства. Таким образом, проблема английского рабочего класса как проблема международная и мирохозяйственная зачеркивается и более не существует.

Индия берется так же как «народ-об'ект» мирового хозяйства, следовательно благополучно выбрасывается за борт внимания индийская империалистическая буржуазия, борющаяся против своего «отечественного» пролетариата.

Допущена самая плоская аналогия, какую только можно себе представить: подобно тому, как в народном хозяйстве часть населения является «суб'ектом» (капиталисты), а другая — «об'ектом» (рабочий класс и крестьянство), так и в мировом хозяйстве мы имеем «страны-суб'екты» и «страны-об'екты». Да не подумает читатель, что это мы в пылу полемики приписываем М. Спектатору столь плоскую аналогию; нет, он сам буквально говорит так [1]).

Почти такую же ошибку мы находим и у Бухарина. В самом начале своей работы о мировом хозяйстве и империализме он пишет: «Точно так же, как всякое индивидуальное предприятие является частью «национального», «народного» хозяйства, каждое из этих «народных хозяйств» включено в систему хозяйства мирового. Поэтому борьбу современных национально - хозяйственных тел необходимо рассматривать, прежде всего, как борьбу различных конкурирующих частей мирового хозяйства, подобно тому, как борьбу индивидуальных предприятий мы считаем за одно из проявлений общественно-экономической жизни» [2]).

[1]) См. М. Спектатор (М. Нахимсон), Введение в изучение мирового хозяйства, 1928 г., стр. 26.

[2]) Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, М.—П. 1923 г., стр. 11—14; разрядка наша. См. также «Экономику переходного пер

И Спектатор и Бухарин следуют в сущности П. Б. Струве, у которого мы находим: «Теория международной торговли есть учение об обмене между нациями, рассматриваемыми как индивиды» [1]).

Итак, у Спектатора остается за порогом исследования все общее между «странами-суб'ектами» и «странами-об'ектами» мирового хозяйства, в первую очередь общая характеристика капиталистических отношений, качественно тождественных и там и тут. Говоря о приведенном ранее бухаринском определении мирового хозяйства, М. Спектатор замечает, что им «совершенно правильно» подчеркивается социальный характер экономических взаимоотношений». Как будто «социальный характер экономических взаимоотношений» достаточно только «подчеркнуть», не делая их основным содержанием исследования, а значит, и определения.

Дальше у М. Спектатора идет такое, отчего в ужас притти можно. «Но,—пишет он,—остается неясным, чем отличается эта «система производственных отношений» от прежней, которая была характерна для национального хозяйства». Самое замечательное здесь это: «отличается от прежней»!

В вопросе о «ступенях хозяйственного развития» М. Спектатор откровенно стоит на точке зрения Бюхера-Маслова [2]).

Впрочем, искушению в этой части поддаются даже многие марксисты, начинающие искать место мировому хозяйству в «схеме хозяйственного развития». Вслед за буржуазными учеными они также считают национальное хозяйство более ранней, «прежней» ступенью, а мировое хозяйство — «позднейшей» ступенью развития хозяйства.

М. Спектатор дает в разделе «Ступени развития» сначала Масловско-Бюхеровскую схему, а затем и свою, которую мы позволим себе сопоставить в таком виде:

Маслов - Бюхер		М. Спектатор [3])
Организация хозяйства	Формы промышленности	
1 Изолированное хозяйство	Разделение труда только внутри хозяйства	1. „Коммуна или мир как экономическая единица“
2 Общинное хозяйство	Производство на потребителя из готового материала	2. „Вотчина, как географическо-экономическая единица“.
3. Районное хозяйство	Производство на заказ Производство на базар	3. „Районное хозяйство“. 4. „Городское хозяйство“
4. Национальное хозяйство	Производство на скупщика. На хозяина сдельно. Мануфактура	5. „Национальное хозяйство“
5 Мировое хозяйство	Фабрика	6. „Мировое хозяйство“

Эта изумительная картина едва ли нуждается в комментариях. Приходится только удивляться, как многочисленные рецензенты «не заметили»

[1]) П. Б. Струве, К критике так называемой теории международной торговли, П. 1915 г., стр. 2.

[2]) Гармс в своей работе о народном и мировом хозяйстве решительно утверждает, что Карл Бюхер не является самостоятельным автором знаменитой теории ступеней хозяйственного развития, что он позаимствовал основные мысли у Тенниса, не указав, однако, источника. «Этот ход мыслей Карл Бюхер позаимствовал, против чего, естественно, не приходилось бы возражать, если бы он при этом указал на Тенниса, который, однако, не упомянут ни единым словом». (B. Harms, Volkswirtschaft und Weltwirtschaft», Iena 1920).

[3]) М. Спектатор (М. Нахимсон), Введение в изучение мирового хозяйства, 1928 г., стр. 13, 25, 26

сего слона в обширной кунсткамере М. Спектатора. То ли их обманула «марксическая» одежда, в которую М. Спектатор облек Масловско-Бюхеровские «ступени». То ли у них самих мировое хозяйство должно быть также «ступенью развития» за национальным хозяйством. Вероятнее всего последнее; все наши мирохозяйственники никак не могут понять того факта, что *«мировое хозяйство»* и *«национальное хозяйство» — не две последовательные «ступени»*, а два совершенно *соотносительных и синхроничных явления*, вернее две стороны одного процесса.

Очень близок к правильному пониманию дела А. Угаров, когда он говорит:

«Самое понятие «мирового хозяйства» логически и исторически вырастает из противоположения *определенного комплекса хозяйственных* (прежде всего, но не только хозяйственных) *связей, лежащих за пределами «национальных», «народных» хозяйств, — отдельным народным хозяйством»*[1]). В дальнейшем мы увидим, что А. Угаров, к сожалению, недостаточно последователен.

Трактовка мирового хозяйства и национального хозяйства, как последовательных ступеней экономического развития, плоска и вульгарна. Она ни к чему иному привести не может, как к подчинению Масловско-Бюхеровской концепции в целом. Желание уложить в одну схему первобытный коммунизм и рабовладельческое хозяйство с торговым, промышленным и монополистическим капитализмом приводит к тому, что несопоставимые понятия оказываются рядом.

Выше нами было сформулировано положение о том, что понятие «экономические междугосударственные отношения» значительно уже, чем «система производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе». Из этого, конечно, отнюдь не следует, что учение о мировом хозяйстве не занимается «экономическими междугосударственными отношениями». Занимается и очень занимается. Но оно не должно забывать более существенного: всей совокупности капиталистических производственных отношений, как они преломляются через государственные границы.

„Индивидуальное хозяйство“, „национальное хозяйство“ и „мировое хозяйство“.

В книге Н. Бухарина о мировом хозяйстве и империализме мы находим следующее место:

«Точно так же, как всякое индивидуальное предприятие является частью «национального», «народного» хозяйства, каждое из этих «народных хозяйств» включено в систему хозяйства мирового. Поэтому борьбу современных «национально»-хозяйственных тел необходимо рассматривать, прежде всего, как борьбу различных конкурирующих частей мирового хозяйства, подобно тому, как борьбу индивидуальных предприятий мы считаем за одно из проявлений общественно-экономической жизни»[2]).

Выше мы уже обращали внимание на то, что цитированное положение, повторяемое в разных местах и разных работах Н. Бухарина, ошибочно, поскольку исходит из предположения, что национальные хозяйства являются «прежней», более ранней ступенью по сравнению с мировым хозяйством. Это предположение приближает автора к концепции «ступеней хозяйства»

[1]) *А. Угаров*, Проблема мирового хозяйства, «Вестник Коммунистической Академии» кн. XXIII, 1927 г., стр. 23, 24.

[2]) *Н. Бухарин*, Мировое хозяйство и империализм, 1923

ного развития» Бюхера-Маслова. М. Спектатор был только более последователен, чем Н. Бухарин, когда откровенно выбросил знамя Бюхера в своей «марксистской» книге.

Здесь мы хотим отметить другую, не менее важную, ошибку Н. Бухарина. Национальные хозяйства у него являются такими же составными частями мирового хозяйства, как индивидуальные хозяйства — в «системе» национального хозяйства.

Две ошибки одновременно:

1. Национальные хозяйства изображаются как «национально-хозяйственные тела» (стр. 6, 53, 71), в которых происходит образование «гигантских, монополизирующих весь «национальный рынок хозяйств» государственно-капиталистических трестов (стр. 54), т.-е. национальные хозяйства Н. Бухариным отождествлены с организованными капиталистическими предприятиями. Другими словами, здесь мы видим ясно выраженную концепцию «организованного капитализма» [1]).

2. Индивидуальные предприятия отделяются у Н. Бухарина китайской стеной от мирового хозяйства. Они являются у него частью «национального», «народного» хозяйства, частями же мирового хозяйства являются только национальные хозяйства. Так как сам т. Бухарин считает, что национальные хозяйства лишь преобразуются, но еще окончательно не преобразовались в «государственно-капиталистические тресты», хотя он считает этот процесс зашедшим далеко, у него получается сопоставление в одном ряду следующих одновременно сосуществующих «хозяйств»: 1) индивидуального предприятия, 2) национального хозяйства, 3) мирового хозяйства.

Допустимо ли такое сопоставление? Нам думается, что нет. Мы чувствуем здесь душок Бюхеровско-Масловско-Спектаторских «ступеней хозяйственного развития», из коих первая—«домашнее хозяйство» и последняя—«мировое хозяйство» суть равноправные члены одного и того же ряда. Критика такого рода классификации экономистами-марксистами давалась достаточно часто, чтобы была необходимость повторять ее здесь еще раз.

У Н. Бухарина мы встречаем такое положение: «Мировое хозяйство есть один из видов социального хозяйства вообще. Под социальным же хозяйством политическая экономия разумеет прежде всего систему индивидуальных хозяйств, связанных друг с другом обменом» [2]). С. Бессонов уже подверг критике Бухаринское «социальное хозяйство вообще» [3]). Здесь необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что методологически недопустимо делать такое же сопоставление индивидуального хозяйства с национальным, как мы сопоставляем национальное хозяйство с мировым, а именно это мы находим у Н. Бухарина.

Наперекор Н. Бухарину необходимо признать, что национальные хозяйства являются составными частями мирового хозяйства совсем не в том смысле, в каком индивидуальные хозяйства являются составными частями народного или национального хозяйства. Если отношения между индивидуальными предпринимателями могут быть определены, как производственные отношения, то отношения между странами могут быть названы «производственными» или «производственно-меновыми» лишь в переносном или более узком смысле слова. Правильнее их назвать политическими, торгово-политическими, экономо-политическими.

---

[1]) Эта концепция нашла себе яркое отражение и в «Экономике переходного периода», особенно в первых главах.

[2]) Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, 1923 г., стр. 16.

[3]) «Проблемы экономики». 1929 г., № 9.

Нации и страны как таковые не торгуют друг с дру о м. Исключение составляет СССР с его монополией внешней торговли.

Если страны как таковые не торгуют друг с другом, то индивидуальные предприятия, наоборот, участвуют не только в национальном, но и мировом хозяйстве, сообщают каждому товару соответственно вложенного труда индивидуальную стоимость, которая затем выравнивается в рыночную стоимость.

С точки зрения индивидуального предприятия границы национального хозяйства не представляют из себя чего-либо другого, как только средостения, которое индивидуальным предприятиям необходимо каждый раз преодолеть. Средостение не превращается в какую-то неодолимую силу, мешающую индивидуальным хозяйствам быть членами, участниками мирового хозяйства. Это участие в мировом хозяйстве по природе своей не отличается от участия индивидуальных предпринимателей в национальном хозяйстве. Последнее может быть названо лишь более близким кругом рыночных связей, тогда как мировое хозяйство является предельным кругом тех же связей.

А. Угаров доверчиво следует за Н. Бухариным и так же изображает национальные хозяйства как «национально-хозяйственные тела», как «точки мирового хозяйства» [1]).

Буржуазный экономист Гармс правильнее, чем Угаров, понял положение индивидуального предприятия в мировом и национальном хозяйстве. Это, правда, ему ни в малой мере не помогло при определении самого мирового хозяйства (он выводит его из факта международных соглашений).

«Наблюдения показывают, — говорит Гармс, — что нет таких национальных хозяйств, индивидуальные хозяйства которых ограничивались бы только взаимной связью между собой в пределах данной государственной территории, и едва ли подобные национальные хозяйства вообще когда-нибудь имели место. «Замкнутое домашнее хозяйство» такой же продукт фантазии, как и «замкнутое торговое государство». Отдельные хозяйства всегда имели более или менее оживленный обмен с другими «домашними хозяйствами» или отдельными хозяйствами чужих областей. В отношении средневекового города это было неоднократно с отчетливостью показано на основании таможенных и бухгалтерских книг. Торговля с данными странами, например, с Востоком, играла тогда уже очень значительную роль... Если, таким образом, индивидуальные хозяйства во все времена поддерживали отношения с «заграницей», то можно спрашивать лишь о том, одинаковое ли значение имело это активное или пассивное сношение отдельных хозяйств через границы» [2]).

Если в приведенной цитате сделать поправку, необходимую в связи с проскальзывающим в ней убеждением буржуазного экономиста в том, что обмен есть «вечная категория», то в остальном она будет вернее и правильнее, чем соответствующее утверждение А. Угарова.

Вопрос о необходимости „особой науки о мировом хозяйстве".

В 1927 г. в статье А. Угарова в «Вестнике Коммунистической Академии» (кн. XXIII) поднят был вопрос о необходимости «особой науки о мировом хозяйстве». А. Угаров оказался не одиноким. Другие мирохозяйственники, в первую очередь М. Спектатор, встали на такую же точку зрения. Правда, их приводят к убеждению в необходимости «особого учения о ми-

[1]) См. журнал «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1927 г., № [illegible] стр. 21.

[2]) Bernhard Harms, „Volkswirtschaft und Weltwirtschaft", Iena 1920, стр. [illegible]

ровом хозяйстве» совершенно разные мотивы и далеко не одинаковое понимание одних и тех же вещей.

Прежде всего дадим слово А. Угарову. Просим извинения у читателей за несколько длинную цитату.

«Марксистская экономическая наука еще не формулировала в развернутой форме свою теоретическую позицию в анализе «мировые хозяйства». В то же время настоятельная потребность изложения марксистской точки зрения по данному вопросу вытекает хотя бы из того факта, что в вузах нашего Союза введен «курс мирового хозяйства» без сколько-нибудь единообразной программы, не говоря уже о том, что марксистская теоретическая мысль, которая всегда отличалась смелой теоретической инициативой и бесстрашием в анализе «до конца» экономики современного общества, должна и на этом участке исследования сказать свое слово».

«Задача методологического анализа заключается в том, чтобы..., в-третьих, решить вопрос о научной целесообразности создания новой дисциплины, «учения», «науки» о мировом хозяйстве...

«Мировое капиталистическое хозяйство не остается неизменным в течение всего периода его жизни. Накапливаются структурные изменения, не меняющие принципиальной его природы, нарождаются — новые элементы, отрицающие «современное мировое хозяйство». Динамическая точка зрения поэтому обязательна в изучении мирового хозяйства. Движение товаров, людских масс, капиталов в интернациональной сфере, образование международных картелей, трестов, мировая кон'юнктура, мировое денежное обращение — вот решающие мирохозяйственные процессы. На их основе вырастают международные торговые соглашения, почтово-телеграфные, железнодорожные конвенции, «монетные союзы» и т. д.

«Все перечисленные здесь явления черпают свое теоретическое обоснование в законах политической экономии. Описание подавляющей части их можно встретить в руководствах по экономической географии.

«Тем не менее, на наш взгляд, необходимо особое учение о мировом хозяйстве, так как теоретическая экономия ограничивает свое исследование анализом системы производственно-меновых связей капиталистического общества, абстрактного капитализма, а экономическая география — описательная дисциплина, нащупывающая лишь эмпирические закономерности. Между тем теоретические законы политической экономии преломляются в конкретно-исторической сфере, действуют в рамках «национальных», «народных хозяйств», в международном обороте, связывающем отдельные «народные хозяйства» между собой, в экономических отношениях между капиталистическими странами и колониями и полуколониями («докапиталистические хозяйственные формации»), в обмене капиталистических продуктов и услуг на продукты и услуги хозяйства СССР.

«Теоретические законы приобретают своеобразную конкретно-историческую формулировку, возникает ряд любопытных проблем, которых не существует для политической экономии и экономической географии и освещение которых берет на себя «учение о мировом хозяйстве»» [1]).

Редакция «Вестника Коммунистической Академии» сделала такую оговорку в подстрочном примечании к цитированному положению:

«От редакции. Утверждение автора насчет необходимости «особого учения о мировом хозяйстве» является довольно сомнительным. Никакой науки ни о хозяйстве вообще, ни о мировом хозяйстве вообще не может

[1]) А. Угаров, Проблемы мирового хозяйства, «Вестник Комм. Академии» кн XXIII, 1927 г., стр. 23—25.

существовать. Речь может итти лишь либо о капиталистическом, либо о со-циалистическом мировом хозяйстве. О последнем говорить преждевремен. Дело идет, следовательно, только о первом. Теоретической основой для изучения мирового капиталистического хозяйства является Марксова полити-ческая экономия. Теоретическая экономия плюс экономическая географ недостаточны, разумеется, для изучения мирового капиталистического хо-зяйства. Для полного изучения последнего в каждый данный момент необхо-дим анализ, сочетающий изучение конкретного материала с его теорети-ческой проработкой на основе политической экономии» [1]).

Нетрудно видеть причину ошибки А. Угарова. Она лежит там же, г и упомянутая выше ошибка И. Бутаева, — во взглядах на политическую эк номию как на науку, которая ограничивает свое исследование анализ «абстрактного капитализма». Совершенно очевидно, что этот взгляд не им ничего общего с диалектическим методом Маркса, который занимался в сво «Капитале» анализом не абстрактного, т.-е. выдуманного, отвлеченного самого что ни на есть реального капитализма. В процессе этого анали Маркс создал целую систему абстрактных понятий, коими он оперирует с личайшим искусством. Однако он был чрезвычайно далек от того, что исследовать «абстрактный капитализм», оставив «реальный капитализм» долю Н. Бухарина, А. Угарова и И. Бутаева. Наоборот, он подчеркивал, ч абстрактные определения должны вести к воспроизве-дению конкретного путем мышления [2]).

Маркс своими трудами дал нам образцы того, как следует, исходя и простейших понятий (товар, деньги, стоимость) и из абстрактных наибол всеобщих законов, все ближе и ближе, по мере развертывания этих понятий подходить к окружающей нас конкретной действительности.

У Фихте имеется такое замечание: «Философ никогда не признает не предположит абсолютной невыполнимости своих предписа-ний... Он будет настаивать, что его предписания, — непосредственно не полнимые в чисто-теоретической формулировке, в сво высшей всеобщности годной ко всему и как раз поэтому ни к че определенному — для приложения к данному действительному пол жению надо только дальше определить» [3]).

Угаров упускает из виду, что обязанность политико-эконома в каж дой конкретной области «только дальше определять» абстрактные поня ния теоретической экономии. Именно таким образом развиваются различ специальные разделы политической экономии; учение деньгах, о земельной ренте, о заработной плате, о концентрации и цент лизации и т. д. Ни один из этих разделов не может быть назван «особым учением», особой наукой, если только не играть в слова, а вкладывать содержание.

Таким же специальным разделом политической экономии, как только что поименованные, является и раздел о мировом хозяйстве. Маркс как б предвидел споры наших дней и дал готовый конспект «учения о мир хозяйстве», которое оказывается у него вовсе не «особым» и вовсе конкретно-историческим». Во «Введении» к «К критике поли ческой экономии», а затем в предисловии к последнему труду мы нах план политической экономии, как она представлялась Марксу в 50-х го

В предисловии к «К критике» Маркс говорит: «...Я рассматриваю сис му буржуазной экономии в следующем порядке: капитал, земель

[1]) «Вестник Комм. Академии» кн. XXIII, стр. 25.

[2]) Маркс, Введение к «Критике политической экономии», особенно разд «Метод политической экономии».

[3]) И. Г. Фихте. Замкнутое торговое государство, пер. Э. Э. Эссен, 1923 г., стр. 21.

собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, всемирный рынок» [1]).

22 февраля 1858 г. Маркс пишет: «Весь труд делится на шесть книг: 1) О капитале (содержит несколько предварительных глав). 2) О земельной собственности. 3) О наемном труде. 4) О государстве. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок» [2]).

Любители слов и определений могут сейчас же схватиться: так ведь Маркс же здесь говорит лишь о «внешней торговле», о «всемирном рынке», а не о «мировом хозяйстве», которое «опиралось бы на единый способ производства». Если таких любителей не удовлетворяют доводы, приведенные ранее, и они попытаются попрежнему «всемирный рынок» отрывать от «мирового хозяйства», мы сможем показать другой цитатой, что их взгляды отличаются от взглядов Маркса.

«Расположение предмета, — пишет Маркс в другом месте о плане своей теоретической экономии, — очевидно, должно быть таково: сначала (нужно развить) общие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако, в раз'ясненном выше смысле. Во-вторых, категории, которые образуют внутреннюю организацию буржуазного общества, и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). В-третьих, соединение буржуазного общества в форме государства, рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Общественный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. В-четвертых, международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. В-пятых, мировой рынок и кризисы» [3]).

Разве намечавшиеся Марксом как части его теоретической экономии разделы: «международные условия производства», «международное разделение труда», «международный обмен», «вывоз и ввоз», «вексельный курс», «мировой рынок и кризисы» не есть то, что должно именоваться «учением о мировом хозяйстве»? Зачем же еще «особая наука»? В чем ее специфическое содержание? — Мы его не видим.

Специфическое содержание «особой науки о мировом хозяйстве» А. Угаров ищет, с одной стороны, в том, что современное мировое хозяйство «включает не только капиталистические «народные хозяйства» наших дней, но и подлинное «народное хозяйство» СССР», с другой стороны в том, что «колониальные и полуколониальные страны только еще выходят из состояния феодальной раздробленности и не вышли еще из докапиталистической стадии» [4]).

Перед нами не что иное, как следствие все той же отмеченной выше ошибки. А. Угаров полагает, что политическая экономия занимается лишь «абстрактным», «чистым» капитализмом, что для нее нет проблемы сосуществования различных хозяйственных укладов. Грубая методологическая ошибка. Она, между прочим, отмечена на полях «Экономики переходного периода» Лениным (См. «Ленинский сборник» XI).

Плоха та политическая экономия, которая забывает о докапиталистических остатках в современном обществе, с одной стороны, которая, тем более, не видит в нем такого социалистического форпоста, как СССР.

[1]) Маркс, К критике политической экономии, М. 1922 г., стр. 37.

[2]) Маркс и Энгельс. Соч., т. XXII, 1929 г., стр. 327.

[3]) Маркс, Введение «К критике политической экономии»; напечатано в книге «К критике политической экономии», изд. 4-е, изд. «Московский Рабочий», 1922 г., стр. 31, 32.

[4]) «Вестник Коммунистической Академии» кн. XXIII, стр. 23, 24.

М. Спектатор также защищает «особую науку о мировом хозяйст...

«Если мы под политической экономией, — говорит он, — пони... науку, изучающую определенную систему производственных отношений, что-нибудь одно: или мировое хозяйство не может быть выделено из об... понятия политической экономии, или, выделяя его как особую науку, должны установить, чем отличается эта часть политической экономии остальной ее части. Если мы под национальным хозяйством, которое ... чается в политической экономии (? *Н. П.*), понимаем систему меновых капиталистических отношений, то отличительной чертой науки о миро... хозяйстве мы не можем считать географические рамки: необходимо отм... специфические социальные взаимоотношения, характерные для миро... хозяйства.

«... Наука о мировом хозяйстве есть учение о монополистическом ... питализме современной формации, однако ставящее себе конкретную за... исследования взаимоотношений различных государств на мировом ры... их политики и борьбы, как и результаты этой борьбы» [1]).

Откуда М. Спектатор взял, что политическая экономия ничем др... не занимается, кроме как национальным хозяйством,— неизвестно. Но ... известно, что существует целая школа, которая призывает политиче... экономию заниматься только национальным хозяйством,— школа Фр. Ли...

Еще менее можно согласиться с мнением И. Бутаева: «Учение о ми... вом хозяйстве есть часть политической экономии о конкретном фор... капиталистического воспроизводства» [2]).

Если первая часть, взятая сама по себе правильна («учение о миро... хозяйстве есть часть политической экономии»), то добавление так си... и так произвольно суживает ее, что правильность, мягко говоря, «пре... щается в свою противоположность».

Ведь сам же И. Бутаев признает, что «конкретный капитализм со... ляет об'ект изучения политической экономии»? Зачем же при опреде... специальной части политической экономии, посвященной мировому хо... ству, вносить момент конкретности, как специальный признак? Не ск... у нас сильны подозрения, что И. Бутаев просто хочет оставить себе ла... для подмешивания к учению о мировом хозяйстве экономической геог... и мировой политики.

А. Угаров откровеннее, чем И. Бутаев. Он прямо заявляет, что ... не имел в виду в своих политико-экономических работах «реального ка... питализма»! Судя по А. Угарову, Маркс занимался .. контрабандой, exe... товал в своих теоретических работах такие сюжеты, как внешняя тор... (см. начало 2-й части III тома «Капитала»), рабочий день (см. гл. VIII ... «Капитала») и т. п. Невероятно, но факт. Принуждены дать нескольк... из работы А. Угарова.

«Абстрактно-теоретический характер исследования Маркса не ост... места для самостоятельного изучения конкретно-исторических услови... никновения и развития р е а л ь н о г о к а п и т а л и з м а».

И далее:

«Пестрая ткань мирохозяйственных связей, которая была ... реальным процессом роста капитализма, лежала за пределами ... Маркса».

«Для абстрактной теории незаконно и неправомерно уже само ... тие «внешняя торговля», потому что с ним ассоциируется представ...

---

[1]) М. С п е к т а т о р (М. Н а х и м с о н), Введение в изучение миров... зяйства, 1928 г., стр. 27 и 29.

[2]) И. Б у т а е в., О методологии изучения мирового хозяйства, «По... нем Марксизма» 1928 г., № 12, стр. 150, 151

«конкретном хозяйственном организме», «народном хозяйстве», которое ведет «внешнюю торговлю» [1]).

Мы думаем обратное: совершенно не соответствует диалектике прием, отделяющий пропастью «абстрактное» от «конкретного», от «реального». Абстрактное все время развертывается в конкретное, тем самым об'ясняя его, и лишь постольку имеет смысл. Совершеннейшей метафизикой является утверждение, что реальные явления («реальный капитализм», «конкретно-исторические условия» и т. д.) суть какие-то незаконные и неправомерные для политической экономии предметы.

Попутно отметим, что Д. Бухарцев также убежден, что Маркс строил «схему абстрактного капитализма» [2]).

Нам нетрудно показать, откуда почерпнули свои взгляды насчет «абстрактного капитализма» А. Угаров и И. Бутаев. Не кто другой, как Н. Бухарин в целом ряд своих работ, выходивших на протяжении десятка лет, в частности, в докладе на VI конгрессе Коммунистического Интернационала, противопоставлял «абстрактный капитализм» «мировому капиталистическому хозяйству». В этом докладе мы находим буквально следующее:

«Проект программы, предлагаемый VI контрессу, имеет по сравнению с прежними проектами еще одну специфическую особенность. Мы в этом проекте особенно ясно подчеркнули м и р о в о й м о т и в, о п р е д е л я ю щ и й в с ю а р х и т е к т о н и к у п р о г р а м м ы и п р о х о д я щ и й ч е р е з в с е е е г л а в ы. Этот мировой мотив накладывает свой отпечаток и на анализ общего кризиса капитализма, и на выработку нашей стратегии и тактики, и на наши программные требования. Мы сделали это, товарищи, потому, что теперь наше движение и потребности наших партий выросли. Теперь мы уже не можем удовлетворяться прежними» (т.-е. теми, которыми действовал Ленин! *Н. П.)* «методами разработки программы. Прежде — это было типично для любого проекта программы в любой партии, а также и у нас в СССР,— программа начиналась с анализа абстрактного капитализма» *(? Н. П.)* «начиналась с характеристики законов движения абстрактного капиталистического общества» *(! Н. П.)*. «Мы думаем, что потребности нашей эпохи требуют известного изменения этого типа программы. Наиболее острые проблемы нашей эпохи, как каждый понимает, связаны с проблемой империализма. Уже проблема империализма не позволяет нам ограничиваться одной характеристикой абстрактного капитализма» *(! Н. П.)*. «Абстрактный капитализм есть некоторое замкнутое» *(? Н. П.)* «целое, общество без внешних сношений, без внешней торговли, без экспорта капиталов и т. д. Каждый, кто знаком с теоретическими спорами в наших марксистских рядах, знает, например, что, если мы анализируем проблему кризисов, воспроизводства и т. д., то — так уже повелось со времени Маркса — мы должны абстрагировать от внешней торговли и ряда других условий. Так развертывается, как это известно каждому, и анализ в «Капитале» Маркса. Однако, если мы анализируем проблему империализма, то мы уже не можем оперировать одним понятием абстрактного капитализма. Анализ империализма имеет особой предпосылкой анализ о т н о ш е н и я м е ж д у р а з л и ч н ы м и с о с т а в н ы м и ч а с т я м и к а п и т а л и с т и ч е с к о й с и с т е м ы. Анализ империализма н е в о з м о ж е н без анализа внешней торговли, без анализа экспорта капитала, без анализа отношений внутри м и р о в о г о капиталистического хозяйства» (Как будто для анализа промышленного капитализма не требуется того же самого. *Н. П.)*. «Таким образом, здесь налицо уже нечто иное, чем простой и абстрактный

[1]) А. У г а р о в, Постановка проблемы мирового хозяйства в марксистской литературе, «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1927 г., № 12, стр. 16, 23.

[2]) Д. Б у х а р ц е в, Методологические проблемы мирового хозяйства, «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1929 г., № 7, стр. 36.

«капитализм вообще». Проблема империализма имеет в качестве предпосылки непосредственный анализ мирового хозяйства и мировых хозяйственных отношений. Поэтому законы движения абстрактного капитализма нужно взять, как исходную точку дальнейшего анализа. Это мы должны сделать. Но удовлетвориться анализом абстрактного капиталистического общества сейчас стало невозможно» (Неужели ранее, когда-нибудь «можно» было удовлетвориться? *Н. П.*). «И поскольку потребности нашей эпохи, потребности мирового рабочего движения и различных коммунистических партий заставляют нас ставить вопрос все конкретнее, постольку опять-таки растет и потребность в конкретном анализе; это, однако, не означает, что мы должны загрузить нашу программу конкретными деталями. Но мы должны выявить в программе типичные особенности в отношениях между различными составными частями...

«Попытаюсь осветить вопрос несколько иначе. Одна из социал-демократических теорий, направленных против нас, есть теория так называемого «ультра-империализма». Нужна ли в нашей программе контраргументация против этой теории? Я думаю, что да. Разве вопрос об «ультраимпериализме» не одно из величайших теоретических» (теоретических же, таки, а не «конкретных». *Н. П.*) «расхождений, ведущих к крупнейшим политическим выводам? Конечно, да. Но попробуйте трактовать проблему «ультраимпериализма» с точки зрения абстрактного капитализма!» (Да, действительно, попробуйте! *Н. П.*). «Это абсолютно невозможно. С любой точки зрения мы вынуждены,—это отнюдь не отрицательный, а, по-моему, положительный момент, шаг вперед в развитии идеологии коммунизма,—подчеркивать в нашей программе все тот же мировой мотив. Вы видите, насколько расширилось наше движение. Это мы на V мировом конгрессе еще [illegible] видели или не чувствовали в такой степени, как сейчас. Возьмите хотя бы то обстоятельство, что мы на этом конгрессе впервые имеем такое сильное представительство южно-американских стран, колониальных стран и т. д. Ведь это показатель нашего большого роста, и этот большой рост должен найти свое отражение в программе. Все эти аргументы привели нас к тому, что мы, исходя из анализа абстрактного капитализма, подчеркнули анализ мирового капиталистического хозяйства. Мы говорим [illegible] конкретно существующей системе мирового хозяйства, о системе всемирных экономических отношений, мы говорим о системе мирового империализма, мы даем анализ его внутренних противоречий, мы исследуем вопрос об общем кризисе капитализма не только в абстрактных формулах общей «теории катастроф», но мы расшифровываем эту теорию катастроф; мы [illegible] этот процесс, мы изображаем его конкретнее, как процесс мировой революции, слагающейся из различных составных частей. [illegible] пустим, что мы взяли бы процесс кризиса капитализма в совершенно абстрактной его форме» (Ну, и хороши бы мы были! *Н. П.*). «Тогда мы не получили бы никакого ответа на такие вопросы, как вопрос о роли национальных восстаний, о роли колониальных войн, о роли аграрных революций в отсталых странах и т. д. Необходимо ли ответить на эти вопросы в проекте программы? Думаю, что абсолютно необходимо. Напомню, например, о блестящей [illegible] мике т. Ленина, направленной против брошюры Юниуса—Розы Люксембург, или о статье Ленина против т. П. Киевского. В чем заключалась одна из [illegible] альных черт Ленина? В том, между прочим, что он уже в период [illegible] войны, в самом начале ее, прекрасно понял разнородность, многогранность мирового революционного процесса, чего многие из нас тогда еще не понимали. Он уже тогда понял, что этот процесс не будет протекать в «чистых» формах «чистых» пролетарских восстаний, но что с этим процессом пролетарских революций будут сочетаться и национальные войны против империалистических властителей и к[illegible]

восстания. Ленин уже тогда, во время мировой войны, указывал, что мировая революция совершается не как однократный акт, что ее надо брать не как абсолютно однородное целое, а что она слагается из различных составных частей, разнообразного социального характера и протекает, как длительный процесс, при том неравномерно развивающийся. Гегемония пролетариата в революции именно в том и заключается, что он, пролетариат, ведет за собой всю эту цепь мировых революционных процессов. Перед мировым пролетариатом стоит задача не только проводить «чистые» пролетарские революции» (Неужели теория призывала когда-нибудь проводить только «чистые» пролетарские революции? Неужели прежняя наша программа, составленная Лениным, ставила задачу «чистых» пролетарских революций?! Грубая неправда! *Н. П.),* «но и вести за собою крестьянство и колониальные народы; он должен, например, поддерживать такие национальные или даже националистские или даже непосредственно руководимые буржуазными революционерами восстания, как, напр., ирландское восстание против британского империализма во время войны. Этого мы» (Кто это «мы»? *Н. П.)* «не понимали. Многие из лучших революционных умов рабочего движения, как, например, Роза Люксембург, тоже этого не поняли. Но если эта тема, т.-е. конкретная расшифровка мирового революционного процесса, так исключительно важна для нашей непосредственной практики, то можем ли мы пройти мимо нее? Ни в коем случае. Эта тема не может отсутствовать в нашей программе. Мы не можем говорить только об абстрактной революции в абстрактном капиталистическом обществе» (Да кто же и когда это говорил?! *Н. П.),* но мы должны говорить о мировой революции, и не вообще о мировой революции, а о мировой революции с точки зрения ее внутренней многоликости, с точки зрения ее разнообразнейших форм, которые лишь в о в с е й с в о е й с о в о к у п н о с т и образуют общий процесс мировой революции [1]).

Удивляться только приходится, сколь грубо смешана в этом словообильном выступлении марксова а б с т р а к ц и я к а п и т а л и с т и ч е с к о г о х о з я й с т в а (метод исследования) с «абстрактным капиталистическим хозяйством», этим изобретением Н. Бухарина, которым подменяется предмет исследования.

Мы имеем дело не с случайными обмолвками Н. Бухарина, а с четким выражением системы взглядов, внутренних убеждений теоретика-экономиста. В других, более ранних, произведениях Н. Бухарина мы находим ту же самую концепцию «абстрактного» и «реального» капитализма. Наперекор тому, что знает каждый читатель «Капитала», Н. Бухарин в 1919 г. уверял: «Маркс... брал капиталистическое хозяйство в его «чистой» форме, т.-е. в форме, не осложненной никакими пережитками старых производственных отношений, никакими национальными особенностями и т. д.» [2]).

Или, в другом месте, пятью годами позднее (в 1924 г.) Н. Бухарин говорил: «Я уже упоминал: в «Капитале» имеется анализ трех классов. Там не наша действительность, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновения различных капиталистических тел, проблемы государства...» [3]).

Итак: в «Капитале»—не наша действительность. Можно ли быть более откровенным?—Думаем, что цитаты говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются.

---

[1]) Н. И. Б у х а р и н, Программный вопрос на VI конгрессе Коммунистического Интернационала, стр. 13—17.

[2]) Н. Б у х а р и н, Атака, Гиз, М. 1924 г., стр. 98.

[3]) Н. Б у х а р и н, Атака, 1924 г., стр. 265. Ср. «Вестн. Комм. Академии» 1925 г., кн. XI, стр. 296.

Мировое хозяйство как конкретный п[р]оцесс капиталистического воспроизводст[ва]

Инал Бутаев.

1.

Совершенно очевидно, что на правильный путь в анализе миро[вого] хозяйства можно стать тогда, и только тогда, когда создано прав[ильное] представление о предмете и руководствуешься правильным методом. [Е]сли этого нет, изучение мирового хозяйства либо превращается в нагромажде[]ние фактов из хозяйственного развития отдельных капиталистических ст[ран], либо становится блужданием в теоретических потемках. Когда «органи[зую]щая» мысль движения конкретного целого отсутствует,—это неизбежно.

Необходимо сознаться, однако, что и в этом случае могут быть [вы]сказываемы отдельные правильные мысли: ведь и слепая свинья может о[ты]скать жолудь.

Нет более неблагодарной задачи, чем приводить в порядок «систе[мы]» второго рода (о первом способе изучения можно говорить лишь с т[очки] зрения правильности фактического материала и его группировки).

Гораздо плодотворнее поэтому разобраться в вопросах, исход[я из] руководящих положений марксовой теории и ленинизма.

В дискуссии, которая развернулась на страницах советских журна[лов] вокруг проблемы мирового хозяйства, в первую очередь выдвигается в[опрос] о предмете и методе. Этому вопросу была посвящена и моя статья в № 1[] «Под Знаменем Марксизма» за 1928 г., под заглавием «О методологии изуче[]ния мирового хозяйства».

В настоящей статье я не думаю также выходить за пределы тракто[вки] предмета и метода мирового хозяйства, поскольку в этих вопросах у [] экономистов существует еще путаница. Поскольку М. Спектатор, напр[имер], не только настаивает на своих ошибках в этом вопросе, но прибавляет к [ним] еще новые, я в первую очередь остановлюсь на критике трактовки воп[роса]. Кроме того, нельзя не остановить внимания на явно ошибочных поло[же]ниях статьи тов. Бухарцева в №7 журнала «Мировое Хозяйство и Миро[вая] Политика».

Критику, как уже сказано, я считаю необходимым строить, исходя [из] позитивных положений. Поскольку эти положения сформулированы в [на]званной моей статье в «Под Знаменем Марксизма», я не буду их повто[]рять, за исключением случаев, когда то или иное положение оспарива[ется] М. Спектатором или тов. Бухарцевым [1]).

[1]) М. Спектатор, Спорные проблемы мирового хозяйства, журн. «Ми[ро]вое Хозяйство и Мировая Политика» № 5, 1929 г., Д. Бухарц[ев], [Методиче]ские проблемы мирового хозяйства, там же, № 7, 1929 г.

2.

М. Спектатор по количеству написанного по мировому хозяйству занимает у нас бесспорно первое место. В этом его преимущество и в то же время его беда, ибо Спектатору кажется, что в его томах сконцентрирована вся мудрость по вопросу о мировом хозяйстве. Спектатор забывает, однако, что, сколько бы он ни писал, он не может знать того, чего он не знает.

Отсюда его педантичность и заносчивая важность. Когда говорят, что в области предмета и метода дело обстоит у него неладно, то, вместо того чтобы сделать из этого соответствующие полезные выводы, Спектатор с бранью обрушивается на критиков. Он называет их «рекордсменами» «развязности и невежества» и т. д., и т. п.

Поскольку я попал в разряд таковых «рекордсменов», я не могу не испытывать удовольствия иметь случай раз'яснить Спектатору еще раз кое-что из методологии предмета, которым он занимается.

Раньше, однако, чем приступить к делу, еще несколько слов.

3.

М. Спектатор настолько дышит гневом против молодых «критиков» и молодых «ученых», что оных критиков и ученых он заключает в ядовитые кавычки. См., напр., его книгу «Опыт построения теории мирового хозяйства», на стр. 61.

Эти кавычки вызвали соответствующее осуждение в рецензии тов. Иоэльсона на упомянутую книгу М. Спектатора («Большевик» № 16, 1928 г.).

В статье в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» М. Спектатор, выражаясь его словами, в этом направлении побил новый рекорд. Так, цитируя мою статью, он не называет даже фамилии автора. Вместо того, чтобы говорить Бутаев, он говорит: № 12 журн. «Под Знаменем Марксизма».

Со стороны научной общественности эта «надменность» уже успела получить соответствующую квалификацию. Так, в упомянутой выше статье тов. Бухарцев пишет:

««Величественность» тов. Спектатора приобретает временами весьма нехороший привкус. Так, в своей статье в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» Спектатор, презрительно отзываясь о тов. Бутаеве (не считая даже нужным назвать его фамилию), пишет: «Совершенно неизвестный автор, не давший еще никакой серьезной работы, выступает с необыкновенной претенциозностью и самоуверенностью, которая, как известно, обратно пропорциональна познаниям». Вряд ли такие методы полемики пристали советским журналам... И, наконец,—с каких это пор в советской журналистике полагается при высказывании тех или иных теоретических мыслей пред'являть справку из книжной палаты о выходе полного собрания сочинений?» (Стр. 43).

«Так, этот автор отрицает,—говорит в указанной статье Спектатор,—что исторически сперва возникает «народное хозяйство», а затем идет развитие связей между отдельными «народными хозяйствами». Между тем,—продолжает Спектатор,—всякому грамотному человеку известно, что именно так и было» (Разрядка моя. *Ин. Б.*).

«И вот,—иронизирует Спектатор,—с такими экономическими и историческими познаниями пишут статьи по вопросам методологии мирового хозяйства, и находятся журналы, которые их печатают» (№ 5, стр. 53).

4.

Разберемся в замечательном: «всякому грамотному человеку известно, что именно так и было».

Это «научное» положение означает, что исторически сперва возникает родное хозяйство», а затем «идет развитие связей между отдельными родными хозяйствами».

Это положение представляет не что иное, как другое выражение мы ступеней развития человеческого общества, которую Спектатор считает одним из своих неувядаемых научных открытий. Вот эта схема:

1. Полная социальная свобода—коммуна или мир как экономическая ница.
2. Закрепощение труда—вотчина.
3. Господство феодала—районное хозяйство.
4. Господство торгового капитала—городское хозяйство.
5. Промышленный капитализм—национальное хозяйство.
6. Монополистический капитализм—мировое хозяйство.

«Вотчина», «районное хозяйство», «городское хозяйство», «национальное хозяйство», «мировое хозяйство»!

Как легко может видеть всякий, здесь совершенно не пахнет марксистской классификацией развития человеческого общества. Маркс определяющим ментом считает не пространственную характеристику, а способ производства.

Что представляет с этой точки зрения «закрепощение труда»?

Или что за способ производства «господство торгового капитала»? Или да в истории человеческого общества имели место два капиталистических способа производства: один раз способ производства «промышленного» капитализма, в другой раз способ производства монополистического капитализма?

Нет, М. Спектатор, эту мешанину вам за марксистскую схему не протащить, сколько бы вы ни пытались прикрыть это разговорами о способе присвоения. Ведь способ присвоения сам определяется способом производства.

Я уже говорил об этом в своей статье «О методологии изучения мирового хозяйства». В противовес схеме ступеней развития Спектатора я противопоставил там четкую схему Маркса. Это, собственно, и привело в возбуждение Спектатора. Однако, «ничтоже сумняшеся», он заявляет:

«Характерно, что мои критики обошли молчанием схему ступеней развития, которую я пытался построить на основе учения Маркса» (Стр. 62).

Факт появления моей статьи показывает, что, во-первых, критики не обошли молчанием схему ступеней развития М. Спектатора, что, во-вторых, критики показали, что эта схема построена не на основе учения Маркса. Спектатор об этом великолепно знает, ибо ведь недаром он поминает журнал № 12 «Под Знаменем Марксизма» плохим словом. Спектатор пишет:

«В истории политической экономии построение схемы ступеней играло большую (! *Ин. Б.*) роль. Что Маркс придавал этому вопросу известное (! *Ин. Б.*) значение, видно из того, что он счел нужным посвятить этому целую (? *Ин. Б.*) страницу во II (? *Ин. Б.*) томе «Капитала». Маркс не строит схему развития. Он отвергает обычное деление на «рабовладельческое», «феодальное» и т. д. общество, а говорит об азиатском, античном, феодальном и буржуазном способе производства, что совсем другое, чем деление Туган-Барановского (повторяемое в № 12 журнала «Под Знаменем Марксизма») на коммунистические и антагонистические общества» (Разрядка моя. *Ин. Б.*).

Сделаем пояснения к цитате:

Во-первых. В книге Спектатора «Опыт построения теории мирового хозяйства» нет и тени намека на то, что он придерживается ступеней развития человеческого общества, которые даются Марксом. О них напомнил Спектатору № 12 «Под Знаменем Марксизма».

«Мы знаем, — писал я в этом номере, — марксистскую схему ступеней развития: 1. Коммунистическая община, 2. Антагонистические общества: а) азиатское, б) античное, в) феодальное, г) капиталистическое. Этим кончается предистория человечества. С коммунистическим обществом начинается его подлинная история. То же, что дается Спектатором, есть только некоторое видоизменение буржуазной классификации: «вотчина», «районное хозяйство», «городское хозяйство», «национальное хозяйство», «мировое хозяйство» (стр. 155).

И там же я говорил, что «Маркс определенно и ясно говорит о четырех способах производства: азиатском, античном (рабовладельческом), феодальном, капиталистическом» (стр. 154).

Это оружие, которым был бит Спектатор, теперь он хочет как ни в чем не бывало заполучить в свои руки.

Спектатор признает теперь, что Маркс придавал вопросу о ступенях развития общества «известное значение» (?!) и посвятил этому вопросу «целую страницу» (!).

Однако грош цена такому признанию, если Спектатор хочет совместить свою схему со схемой Маркса. Или схема Маркса, или схема Спектатора.

А что касается тени Туган-Барановского, то зря ею пугает М. Спектатор.

В своей статье я говорил о том, что у Маркса-Энгельса речь идет о коммунистической общине, затем об антагонистических обществах. Я называю азиатское, античное, феодальное и капиталистические общества, с соответствующими способами производства.

Спектатор же говорит, что у Маркса нет рабовладельческого, феодального и т. д. общества, а есть перечисленные способы производства. Это «совсем другое», говорит он, чем деление на коммунистические и антагонистические общества, которое, мол, дается в № 12 «Под Знаменем Марксизма», и принадлежит-де Туган-Барановскому.

Вот это, поистине, называется — слышал звон, да не знает, откуда он.

Любопытно только спросить: не списал ли Энгельс у Туган-Барановского, когда он говорит: «Со времени разложения первобытной общины начинается разделение общества на различные, а затем противоположные классы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т V, стр. 484) (Разрядка моя. *Ин. Б.).*

А общество с противоположными классами (азиатское, античное, феодальное, капиталистическое) и есть общество антагонистическое.

При этом Маркс и Энгельс не метафизически рассматривают общества. Они рассматривают их в их возникновении, изменении и уничтожении. Капитализм есть последнее антагонистическое общество, из которого рождается коммунистическое общество. Нельзя дело представлять таким образом, как будто бы кто-то валит в один ящик антагонистические общества, а в другой—коммунистические общества. Первобытная коммунистическая община несоизмерима с коммунистическим обществом. В то же время ее нельзя игнорировать. Развитие общества идет диалектически. Первобытная коммуна разлагается, возникают антагонистические общества. Капитализм есть последнее антагонистическое общество. Из капиталистического общества выходит коммунизм. Такова диалектика истории.

В «Экономике переходного периода» тов. Бухарин писал: «Капитал...сть антагонистическая, противоречивая система». К этой фра... Ленин делает примечание: «Архинеточно. Антагонизм и противоре... совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при соц...изме» (Ленинский сборник XI, стр. 357. Разрядка моя. *Ин. Б.*).

Так вот, уважаемый М. Спектатор, азиатское, античное, феодальн... капиталистическое общество являются обществами антагонистическими и п... Марксу, и по Энгельсу, и по Ленину. Это ведь известно с первых же стр... «Коммунистического манифеста». А классически четко ведь об этом Марк... говорит в предисловии к «К критике политической экономии» в следующ... словах:

«В общих чертах можно наметить, как прогрессивные эпохи эконом...ческого формирования общества: азиатский, античный, феодальный и совр...менный буржуазный способ производства. Буржуазные производ...ственные отношения составляют последнюю антагон...стическую форму общественного процесса производ...ства...» (Стр. 39).

Чего же ради М. Спектатор потрясает костями мертвого Тугана?

Так же зря ссылается он на «целую страницу» из II тома «Капитала», ибо ведь такой страницы не существует в природе II тома «Капитала».

5.

Перейдем теперь к положению Спектатора: «Всякому грамотному человеку известно, что именно так это и было».

Марксизм отрицает, что сперва возникают «народные» хозяйства, а затем, — как результат развития связей между ними — мировое. Марксизм не рассматривает «народное» хозяйство и мировое хозяйство, как ступени развития общества. У Маркса мы имеем дело, как мы уже сказали, с азиатским, античным (рабовладельческим), феодальным, капиталистическим способами производства. Из схемы Маркса следует, что развитие «народного» и мирового хозяйства есть одновременный процесс развития капитализма.

Ни «народное», ни мировое хозяйство не представляют собою ступени развития человеческого общества. Ступенью развития человеческого общества является капиталистическое общество, основанное на капиталистическом способе производства. «Народное» и мировое хозяйство представляют из себя лишь конкретное выражение процесса вос...производства капитализма: в первом случае в государственно-обособленном масштабе, во втором — в том пре...дельном выражении, в каком капитализм существует во всем мире.

««Народное» хозяйство,— говорил я в своей статье,— есть конкретная часть конкретного целого — мирового хозяйства» (Стр. 139).

«Внутреннюю структуру как в мировом, так и в «национальном» хозяйстве составляет капитализм [1]). В процессе воспроизводства он «втягивает» окружающую капитализм докапиталистическую среду и, приспособляя ее к своим потребностям, делает ее сферой своего воспроизводственного процесса».

---

[1]) «...Несмотря на пестрое разнообразие их форм, — говорит Маркс, — различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки» (Критика Готской программы. цит. по Ленину. Соч., т. XIV стр. 366; разрядка моя. *Ин. Б.*).

«Мировое хозяйство есть такой конкретный капитализм, ведущая производственная структура которого в т о ж е в р е м я есть внутренняя структура «народных хозяйств», ведущих капиталистических стран и в эпоху свободной конкуренции и в эпоху империализма» (Стр. 139).

Являясь государственно обособленным, капитализм в то же время «осуществляет свой воспроизводственный процесс как капитализм мировой» (стр. 140).

В о з н и к а я в о д н о м и л и н е с к о л ь к и х г о с у д а р с т в е н н о-о б о с о б л е н н ы х ц е н т р а х («народные», национальные хозяйства), к а п и т а л и з м о с у щ е с т в л я е т с в о й в о с п р о и з в о д с т в е н н ы й п р о ц е с с т а к, «к а к б у д т о б ы с ф е р о й е г о в о с п р о и з в о д с т в а я в л я е т с я в е с ь м и р» (стр. 140).

Вот почему неверно положение Спектатора, что «народному хозяйству исторически соответствует «промышленный» этап развития капитализма, а мировому — империализм, что исторически сперва возникает «народное хозяйство», а затем идет развитие связей между отдельными «народными хозяйствами»».

Установка, которая дается мною, бесспорна для марксистов. Но со Спектатора как с гуся вода. Критические замечания он воспринимает как личное оскорбление. И, как бывает в таких случаях, Спектатор, не сообразуясь ни с чем, отстаивает явно антимарксистскую точку зрения. Любопытно при этом, что он пытается ссылаться на Маркса же. В своей статье «Несколько замечаний о моих критиках» Спектатор в защиту своего положения приводит следующую цитату из Маркса (кстати, она приведена и в моей статье):

«До изобретения машин промышленность каждой страны направлялась, главным образом, на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой... Благодаря применению машин и пара, разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже единственно от всемирного рынка, от международного разделения труда».

Спектатор полагает, что эта цитата его выручает. На деле же она целиком и полностью обращается против него. В самом деле, пусть М. Спектатор скажет: г д е и к о г д а «н а р о д н ы е» (н а ц и о н а л ь н ы е) х о з я й с т в а о б р а з о в а л и с ь р а н ь ш е, ч е м б ы л а и з о б р е т е н а м а ш и н а. Ведь всякому сколько-нибудь знающему историю известно, что машина создала предпосылки национальной революции, промышленная революция способствовала созданию национальных государств, — «народных» хозяйств. Спектатор не понимает, что раз «до изобретения машин промышленность каждой страны направлялась главным образом на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой», то это не значит, что до изобретения машины существовали «народные» (национальные) хозяйства. Спектатор полагает, что затем идет развитие связей между «народными» хозяйствами и что для каждого «народного» хозяйства наступает эпоха мирового хозяйства, когда его внешняя торговля достигает определенного процента,—что имеет место по М. Спектатору в эпоху империализма.

Предположим даже на минутку, что это так. А куда деваются в таком случае страны, которые до самой империалистической фазы капитализма не оформляются в национальные государства (полуколонии и колонии, напр.)? Или они не входят в систему мирового хозяйства? Но ведь сам Спектатор одним из конститутивных признаков мирового хозяйства считает эксплоатацию некапиталистических производителей.

Спектатор запутывается, ибо где нет марксизма, там неизбежна путаница. Он не вник в смысл слов Маркса, что, «благодаря применению машин и пара, разделение труда приняло такие размеры, что к р у п н а я п р о м ы ш-

енность, оторванная от национальной почвы, зависит уже едиственно от всемирного рынка, от международного разделения труда». Из этих слов следует, что процесс образования и развития народных хозяйств и процесс образования и развития мирового хозяйства есть одновременный конкретный процесс образования и развития капитализма.

Вот в чем суть вопроса. Вот чего не понял Спектатор с его схемой развития. Не потому ли он считает политэкономию наукой о «народном хозяйстве и бесплодно тщится создать науку мирового хозяйства?

«И вот с такими экономическими и историческими познаниями», можно сказать словами Спектатора, пишут толстые книги и пред'являют претензии, когда с самыми добрыми намерениями хотят помочь им в исправлении ошибок.

6.

Итак, мировое хозяйство нельзя трактовать как понятие территориальное или явление, возникшее при империализме. Мировое хозяйство так же, как «народное» хозяйство суть конкретный процесс воспроизводства капитала. Взаимная связь целого и частей здесь такова, что государственно обособленный капитализм воспроизводится — как будто его ареной является весь земной шар. В этом суть капитализма, как мирового капитализма. Капитализм, будучи национально-обособленным, воспроизводится, как мировой капитализм. Здесь мы имеем противоречивое единство «национального» и мирового.

Поэтому нет ничего более ошибочного, как считать, что мировое хозяйство возникает лишь при империализме (Спектатор, Бухарцев), что домонополистический период капитализма был только периодом формирования «народных» хозяйств и в то же время периодом формирования мирового рынка.

На этой позиции стоит тов. Бухарцев.

Так как она явно ошибочна и к тому же выдвигается тов. Бухарцевым против положений моей статьи, как марксистская, я вынужден остановиться на ней.

7.

Тот, кто капитализм об'являет мировым капитализмом лишь с того момента, как закончился дележ «свободных», «незанятых» земель, неизбежно скатывается к территориальному признаку в определении капитализма как мирового капитализма. Когда мы говорим о мировом хозяйстве, речь идет о конкретности воспроизводства мирового капитализма. Речь идет о капиталистическом способе производства, который стал ведущим в мировом масштабе, господствует он непосредственно во всех частях мировой карты или нет. Капитализм ведь и в эпоху империализма непосредственно не господствует во всем мире.

Вспомним, что писал Ленин по поводу известного места из «Экономики переходного периода» тов. Бухарина. «Современный капитализм, — говорит Бухарин, — есть капитализм мировой. Это значит, что капиталистические производственные отношения господствуют во всем мире и связывают все части нашей планеты крепкой экономической связью».

Ленин писал: «не во всем» мире.

То, что капитализм стал мировым капитализмом, еще не означает господства капиталистических отношений во всех частях нашей планеты. Суть дела заключается в том, что капитализм стал ведущим, подчинившим своему воспроизводственному процессу все предыду

производства. Он стал однообразным способом производства, который вытесняет все другие способы производства.

«Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения, — говорится в «Коммунистическом Манифесте», — буржуазия толкает на путь цивилизации все, даже самые варварские народы. Низкие цены товаров являются в ее руках тяжелой артиллерией, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Она заставляет все нации принять буржуазные способы производства под угрозой полного их разорения; она заставляет их усвоить так называемую цивилизацию, т.-е. сделаться буржуа. Словом, она творит новый мир по своему образу и подобию» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест, Соч., т. V, стр. 487; разрядка моя. *Ин. Б.)*.

Мировой рынок создается на базе капиталистического способа производства. «Крупная промышленность создала всемирный рынок», — говорится в Комм. манифесте.

«...Крупная промышленность связала между собою все народы земли, об'единила все маленькие местные рынки в мировой рынок» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Принципы коммунизма, Соч., т. V, стр. 469).

«Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого» (Там же, стр. 476).

«Крупная промышленность создала всемирный рынок... Всемирный рынок (в свою очеердь. *Ин. Б.)* вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это снова повлияло на развитие промышленности...» (Комм. манифест, стр. 485).

Кажется, ясна взаимозависимость производства и обращения в мировых масштабах, в которой определяющим является производство (крупная промышленность, а не рынок, хотя рынок также воздействует в свою очередь на промышленность, стимулируя ее развитие).

.И мировой рынок, и пестрое конкретное разнообразие рынков отдельных стран покоится теперь на том, что и народные хозяйства отдельных стран и все общества об'единены на почве капиталистического способа производства. Как же можно говорить после этого, что эпоха «промышленного» капитализма есть «эпоха национального хозяйства» или в то же время мирового рынка? Как можно говорить, что в эпоху домонополистического капитализма существовал мировой рынок, но не было мирового капитализма и процесса его конкретного воспроизводства = мирового хозяйства?

Как можно, не сходя с почвы марксизма и ленинизма, вместо эпох «промышленного» и монополистического капитализма подсовывать эпохи «национального» и «мирового» хозяйства?!

А ведь это делает тов. Бухарцев! (См. стр. 39 упомянутой его статьи).

Это прямехонький скат в об'ятия Спектатора с его этапами «национального» и мирового хозяйства, но это не смущает тов. Бухарцева.

Тов. Бухарцев приходит к тем же выводам потому, что он не знает как связать национальное и мировое хозяйство с «промышленным» и монополистическим капитализмом. У тов. Бухарцева получается, что эпоха промышленного капитализма есть эпоха национального хозяйства, а эпоха монополистического капитализма — эпоха мирового хозяйства.

На деле же капитализм и в эпоху «промышленного», и в эпоху монополистического капитализма воспроизводится конкретно (одновременно) и как национальный (государственно-обособленный) и как мировой капитализм.

Тов. Бухарцев скатывается к нелепой, ошибочной установке. Мало того, он начинает обосновывать эту нелепость.

В качестве разграничительной характеристики между мировым хозяйством и национальным он приводит не то, что мировое и национальное хозяйство суть конкретности «промышленного» или империалистического капитализма, а то, что эпоха национального хозяйства потому и есть эпоха национального хозяйства, что в эту эпоху «не исключена теоретическая возможность автаркии отдельных стран или групп стран», в то время, говорит он, «как в эпоху мирового хозяйства такая возможность совершенно исключена» (стр. 397; разрядка моя. *Ин. Б.).*

Ошибочность этой формулировки бьет в глаза. В самом деле, почему «теоретически» совершенно невозможна автаркия в эпоху империализма? «Теоретически» она так же возможна, как и в эпоху национального хозяйства». При чем у нас меньше основания говорить применительно к эпохе империализма о «теоретической» невозможности, ибо империалистический этап (по Бухарцеву «эпоха мирового хозяйства») еще не закончен. Мало того, он нам уже показал образцы «автаркического» хозяйств, каких никогда «эпоха национального хозяйства» не показывала. Я имею в виду Германию во время империалистической войны.

««Возможность» или «невозможность», — как говорит Ленин в замечаниях на книгу тов. Бухарина, — доказуема лишь практикой» (Ленинский сборник XI, стр. 362).

Практика домонополистического капитализма не дала нам автаркии. Это уже записано историей. Зачем же говорить о давнопрошедшем, как о будущем: «не исключена возможность» и т. д.? Уже исключена, тов. Бухарцев, ибо практика уже показала невозможность.

Кстати, тов. Бухарцев вообще не в ладах с временами. Он пишет в своей критической статье:

«Маркс в свое время мог видеть (?!) лишь мировой рынок эпохи торгового (?!) и промышленного капитализма, но он не мог видеть мирового хозяйства эпохи монополистического капитализма» (стр. ... разрядка моя. *Ин. Б.).*

Всякому известно, что Маркс в свое время не мог видеть эпохи торгового капитализма. Современником эпохи торгового капитализма он так же не был, как и современником эпохи монополистического капитализма.

Дальше тов. Бухарцев хочет доказать, что мировое хозяйство характеризуется «теснейшей взаимозависимостью отдельных сфер», причем эта взаимозависимость выражается-де в том, что создается система «производственных и обменных отношений» (стр. ... разрядка моя. *Ин. Б.).* Для того, чтобы это доказать, тов. Бухарцев противопоставляет эпоху национального хозяйства эпохе империализма (по Бухарцеву «эпоха мирового хозяйства»). В эпоху, мол, национального хозяйства не было теснейшей взаимозависимости отдельных частей, не было системы производственных и обменных отношений». Доказательство: «не исключена теоретическая возможность автаркии отдельных стран или групп стран»!? Это абсурд, но логика вещей приводит тов. Бухарцева к этому абсурду.

По Бухарцеву выходит, что капиталистический способ производства эпохи империализма не создал «системы» производственных

обменных отношений», не стал мировым капитализмом. Но ведь, как я уже показал, еще в «Комм. манифесте »и в «Принципах коммунизма» говорится о том, что капиталистическая крупная промышленность «так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого».

По Марксу и Энгельсу еще в 40-х годах прошлого столетия существовала «система» производственных и обменных отношений в мировом масштабе, а по Бухарцеву выходит, что до XX века не было «системы» производственных отношений» капитализма.

«В эпоху национального хозяйства не было, — говорит Бухарцев, — системы мировых производственных отношений, которые складываются (с чем согласен и сам Спектатор) в эпоху империализма» (стр. 39).

В эпоху «промышленного капитализма» были предпосылки «системы», — говорит Бухарцев, — но «самой системы не было. Был мировой рынок, но мирового капитализма не было»!

Вот это называется хватать проблему «за шиворот», когда самого шиворота-то нет.

Капитализма мирового не было, а рынок мировой был. Спрашивается, на какой основе мог возникнуть мировой рынок, если не было мирового капитализма?

Видимо—это секрет изобретателя.

8.

Мы уже отметили у тов. Бухарцева «эпоху национального хозяйства» и «эпоху мирового хозяйства» (кстати: здесь нужно было бы тов. Бухарцеву, вслед за Спектатором, об'явить, что политическая экономия изучает «национальное» хозяйство, а мировое ждет творцов новой науки.

Перейдем к другому делению развития капитализма на «эпоху мирового рынка» и «эпоху мирового хозяйства».

Разберемся в заблуждениях тов. Бухарцева с этой стороны.

Здесь необходимо совершенно исключить разговоры о мировом рынке, не опирающемся на промышленный капитализм. Торговля, существовавшая до промышленного капитализма, не опиралась на какой-либо один способ производства. Мало того, существуя между разными способами производства, — как говорит Маркс, «как боги Эпикура в межпланетном пространстве», или как «евреи в порах польского общества», торговля способствовала разрушению этих способов производства. В допромышленный период торговля «не определялась» каким-либо способом производства, а сама определяла разложение докапиталистических способов производства. Поэтому тов. Бухарцев неправ, когда он говорит, что торговля не определяла «экономической структуры торгующих стран» (стр. 38). В том-то и дело, тов. Бухарцев, что она определяла судьбу докапиталистических способов производства. Она определяла разрушение докапиталистических способов производства, в то время как торговля в эпоху промышленного капитализма сама определяется промышленным производством.

Обмен становится теперь моментом самого производства, фазой производства. Промышленный капитализм пребывает в фазах денег (Д) производительного капитала (Сп и Р) и товара (Т).

Попробуйте-ка оторвать теперь обращение товаров в мировом масштабе (а это ведь и сам тов. Бухарцев признает для «эпохи национального хозяйства»)[1] от базы крупной промышленности, которая вызывает к жизни мировой рынок.

[1] «...Только промышленная революция... сделала возможным формирование мирового рынка» (стр. 38).

Да и сам тов. Бухарцев говорит: «Промышленная революция, введение машин конституирует эпоху мирового рынка» (стр. 38). И даже больше этого: «Мировые связи, — говорит он, — становятся более тесными, создавая предпосылки для формулировки мирового хозяйства» (стр. 38).

Однако тов. Бухарцев норовит попасть в определенную цель. Он хочет доказать, что «эпоха мирового хозяйства» начинается тогда, когда кончается «эпоха национального хозяйства», она же «эпоха мирового рынка».

Спрашивается, не исчезает ли «национальное хозяйство» в «эпоху мирового хозяйства»? Как можно разрывать это единство и противопоставлять друг другу национальное и мировое хозяйство, мировой рынок и мировое хозяйство?

А тов. Бухарцев разрывает. «Ни в коем случае не следует, — говорит он, — ставить знака равенства между системой мирового рынка и мирового хозяйства» (стр. 39).

«Система» мирового рынка и «система» мирового хозяйства, «эпоха национального хозяйства» и «эпоха мирового хозяйства»!?

Вот новые этапы, в которых топится то, что «национальное» хозяйство и мировое хозяйство являются конкретностью воспроизводства промышленного (мирового) капитализма.

Бухарцев настаивает на том, что до эпохи империализма не было «системы» производственных и обменных отношений» в масштабе большем, чем «национальное» хозяйство. «Система» производственных и обменных отношений в мировом масштабе создается лишь при империализме. «Развитие мирового рынка, — пишет тов. Бухарцев, — создает предпосылки для создания мирового хозяйства, н о с а м у ю с и с т е м у создает только экспорт капитала» (стр. 40).

«Экспорт товаров в эпоху промышленного капитализма,— пишет т. Бухарцев, — конституировал обменные отношения в мировом масштабе. Экспорт капитала в форме промышленного и финансового капитала в эпоху империализма создает систему мирохозяйственных производственных отношений» (Стр. 40).

Таково новое «научное» открытие тов. Бухарцева. Спрашивается, зачем нужно так немилосердно запутывать вопрос?!

Ведь мировой рынок не висит в воздухе, а возникает лишь на базе промышленного капитализма.

Маркс яснее ясного говорит, что «.. с у щ е с т в о в а н и е р ы н к а, к а к м и р о в о г о р ы н к а, в о т ч т о с л у ж и т о т л и ч и т е л ь н о й ч е р т о й п р о ц е с с а о б р а щ е н и я п р о м ы ш л е н н о г о к а п и т а л а» (Капитал, т. II, стр. 86; разрядка моя. *Ин. Б.*).

Как же можно после этого говорить о мировом рынке и игнорировать промышленный капитализм, который и м е н н о п о т о м у и п о р о ж д а е т м и р о в о й р ы н о к, ч т о с а м я в л я е т с я м и р о в ы м. Или как можно говорить о домонополистическом периоде капитализма, как об эпохе национального хозяйства?

В «Ккритике Готской программы» Маркс говорит: «Первый попавшийся коммерсант знает, что немецкая торговля есть в то же время внешняя торговля...» (Петроград 1919 г., стр. 23). Государственно-обособленный немецкий капитализм есть в то же время мировой капитализм, а его конкретность есть немецкое народное хозяйство, часть мирового капиталистического хозяйства.

Первый попавший коммерсант знает, а тов. Бухарцев не знает...

9.

Спрашивается, кто же путает беспомощно в анализе мирового хозяйства? Неужели нужно было браться за перо, чтобы так спасать вопрос о мировом хозяйстве, как спасает его тов. Бухарцев? Ведь это же похоже на то, как если бы кто полез в воду, спасаясь от дождя!

Тов. Бухарцев говорит, что, правильно поставив вопрос о мировом рынке, я путаю вопрос о мировом хозяйстве.

«Тов. Бутаев, — говорит тов. Бухарцев, — правильно интерпретирует Маркса, заявляя, что «создание мирового рынка есть результат такого развития (это слово у Бухарцева пропущено. *Ин. Б.)* капиталистического способа производства, когда благодаря широкому применению машин совершается переворот как в средствах производства, так и в средствах транспорта (143). Но, поставив правильно вопрос о мировом рынке, Бутаев беспомощно путается в анализе мирового хозяйства» (Стр. 37).

Так ли это?

Выше мы видели совершенную ошибочность направления, в котором попытался тов. Бухарцев сформулировать свои позитивные положения.

Может быть, тов. Бухарцев сколько-нибудь прав в критической части? Посмотрим.

Тов. Бухарцев пишет:

«Методология изучения противоречивого мирохозяйственного единства не может... ограничиться констатациями, что мировое хозяйство есть предельно-конкретное выражение капиталистического воспроизводства. Это определение элементарно безгрешно» (разрядка моя. *Ин. Б.*),— говорит тов. Бухарцев,—но в то же время оно «страдает той погрешностью, что не дает возможности познать подлинное существо мирового хозяйства» (стр. 44).

Из сказанного тов. Бухарцевым можно сделать один вывод, что определение, которое дается мною, необходимо, но что оно недостаточно для познания существа мирового хозяйства.

С этим положением тов. Бухарцева нельзя не согласиться, однако, вот в каком смысле.

Для того, чтобы изучить конкретный процесс капиталистического воспроизводства в монополистический период, необходимо изучить капиталистическую конкретность домонополистического капитализма как мирового.

И если вместе с тов. Бухарцевым считать «основным исходным пунктом изучения мирового хозяйства» «анализ его генезиса» (стр. 44), то этот генезис восходит, как мы выше показали, к эпохе демонополистического капитализма. Разница только в том, что для старого капитализма характерным был экспорт товаров, а для нового стал характерным экспорт капитала.

Это следует даже из того определения тов. Бухарина, которое проводится тов. Бухарцевым: система «производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе». Или тов. Бухарцев скажет, что мировой системы производственных и обменных отношений не было в домонополистический период капитализма?!

Но одно дело мировые производственные и обменные отношения на базе капитализма эпохи свободной конкуренции, а другое дело мировые производственные и обменные отношения на базе монополистического капитализма, когда характерным стал экспорт капитала.

Наше определение не только не отрицает эту конкретность, но дает ключ к ее пониманию. Это определение необходимо, но еще не достаточно. Необходимое и достаточное заключается в том, чтобы применять к изучению предмета диалектический метод, а самый предмет методологически правильно «приготовить» для анализа.

В связи с этим я и говорю в своей статье:

«Синтетическим моментом в мировом хозяйстве является вообще капитализм, а в эпоху империализма возникающий на его основе монополистический капитализм» (Стр. 140).

Не ясно ли, что мирохозяйственная конкретность капитализма в эпоху свободной конкуренции одна, в эпоху империализма другая. Это есть конкретность капитализма, сперва «промышленного» капитализма, затем монополистического. Поэтому я и говорю:

«В эпоху империализма мировое хозяйство становится еще в большей степени таковым. Мировой рынок, который создается на базе капиталистического производства, начинает играть еще большую роль. Капиталистическое производство приобретает более крепкую производственную основу, хотя его воспроизводственный процесс и в эпоху монополистического капитализма обусловлен еще «способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии производства» (К., II, стр. 86).

Кажется ясно, о какой производственной основе идет речь. Это есть экспорт капитала.

Но все это возникает и развивается на базе старого капитализма. Если не может быть речи об анализе «чистого империализма» без его старой капиталистической базы, то тем менее может быть речь об исследовании империалистической конкретности (мирового хозяйства), без ее старой базы конкретности домонополистического капитализма. Анализ во всем об'еме капиталистической конкретности в эпоху империализма не только не отрицает домонополистическую капиталистическую конкретность, но ее предполагает.

У тов. Бухарцева же конкретная система мирового капитализма (система «производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена») создается лишь в эпоху империализма, лишь на основе экспорта капитала. Тов. Бухарцев хочет видеть новые противоречия эпохи империализма, но не хочет видеть их основы, считая, что все противоречия домонополистического капитализма суть «обычные противоречия товарного хозяйства» (стр. 44).

Тов. Бухарцев говорит, что в моей статье имеются эти «обычные» (слово-то какое?! *Ин. Б.)* противоречия, но нет специфических («необычайных»?! *Ин. Б.)* противоречий «мирохозяйственного масштаба»!

Моя статья как раз показывает, что дело не в масштабе, а во внутренней структуре домонополистического и монополистического капитализма. И именно потому, что методологически это единственно правильный путь, я и указываю в ней всю совокупность и основных противоречий, и их специфического проявления в эпоху империализма.

«Внутренние движущие силы капитализма развивают интенсивность и напряженность воспроизводственного процесса в такой степени, что конкретное развитие капитализма приводит к противоречиям между воспроизводством целого — мирового хозяйства — и воспроизводством его государственно территориальных частей» (Стр. 145).

Я говорю далее о других проявлениях основных противоречий в национально-колониально-освободительной борьбе и т. д.

Я говорю: и это стало возможным именно потому, что мое определение миросого хозяйства «безгрешно». Тов. Бухарцев же по той же логике, как и сторонники анализа «чистого империализма», отрывает конкретность империализма от связей с конкретностью мирового капитализма домонополистического периода, отождествляет весь домонопилистический капитализм с товарным хозяйством и рынком (мировом), игнорируя то обстоятельство, что и товарное хозяйство, и мировой рынок покоятся на базе мирового капиталистического способа производства. Мировое хозяйство возникает на этой основе как его конкретность. Эта конкретность приобретает новые черты, когда капитализм перерастает в монополистический капитализм, когда складывается господство монополии и финансового капитала, когда это господство из немногих стран, в которых капитализм вырос в монополистический капитализм, распространяется на весь мир, когда выдающееся значение приобретает вывоз капитала и т. д., и т. п.

Речь идет об этих новых свойствах и чертах процесса конкретного воспроизводства капитализма, перерастающего в монополистический капитализм, когда мы говорим о мировом хозяйстве эпохи империализма.

10.

Подведем итоги.

Национальное хозяйство есть конкретный процесс капиталистического воспроизводства в государственных рамках. Мировое хозяйство есть конкретный процесс воспроизводства капитализма как мирового.

В «Критике Готской программы» Маркс говорит:

«...«Рамки современного национального государства» заключены экономически в «рамки системы государства»» (Стр. 23; разрядка моя. *Ин. Б.*).

Что это значит?

Это значит, что основой возникновения национальных хозяйств является экономика капитализма — совокупность производственных отношений капитализма. В предисловии к «К критике политической экономии» говорится, что «совокупность... производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка...» (Разрядка моя. *Ин. Б.*). Или товарищи Спектатор и Бухарцев полагают, что капиталистическое общество эпохи «промышленного» капитализма не было обществом «всего торгующего», на основе капиталистического способа производства, мира. Не полагают ли они, что капиталистическое общество есть общество одной страны и одного национального государства?

Ленин говорит: «Для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода является... национальное государство» (т. XIX, стр. 91, изд. 1-е). Конкретный процесс национального обособления капитализма есть национальное (народное) хозяйство. Конкретный процесс воспроизводства капитализма «всего торгующего мира» есть мировое хозяйство.

Вот почему не достаточно, когда тов. Бухарин говорит: «В наше время социальное хозяйство конкретно выражается в хозяйстве мировом» («Экономика переходного периода»).

Не достаточно потому, что капитализм конкретно «выражается» в хозяйстве мировом и в хозяйстве национальном («народном»).

О конкретности процесса воспроизводства мирового капитализма = мировое хозяйство Маркс говорит:

«Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общинного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречающееся в ранние эпохи русской истории) или производство полудиких охотничьих народов и т. д., — все равно: деньгам и товарам, в виде которых проявляется промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги, и входят в кругооборот этого последнего...».

«Поэтому всесторонний характер их происхождения, существование рынка, как мирового рынка,—вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала» (Капитал, т. II, стр. 86; разрядка моя. *Ин. Б.*).

Следовательно, мировой рынок есть отличительная черта процесса обращения промышленного капитала. Следовательно, он не висит в воздухе. Следовательно, не может быть речи об эпохе мирового рынка вне связи с мировым (промышленным) капитализмом, как это изображает тов. Бухарцев.

«...Лишь только выполнен акт Д—Сп, последние перестают быть товарами и становятся одним из способов бытия промышленного капитала в его функциональной форме П, в форме производительного капитала. Но, благодаря этому, следы их собственного происхождения уничтожаются; товары продолжают существовать далее только, как формы существования промышленного капитала, они включены в состав промышленного капитала» (Там же; разрядка моя. *Ин. Б.*).

Кажется ясно, что сторонники мирового рынка, не опирающегося на мировой капиталистический способ производства, оторвались от основного руководящего положения марксизма о том, что производство, а не обращение, обмен, рынок является определяющим моментом.

Кажется ясно, что сторонники «эпохи национального хозяйства» не имеют представления о том, что такое «национальное хозяйство» и в каком оно «родстве» находится с капитализмом вообще, с монополистическим капитализмом в частности, так же как они не имеют представления о мировом хозяйстве и о его связи с капитализмом вообще и с монополистическим капитализмом в частности.

В определении мирового хозяйства, как конкретного процесса капиталистического воспроизводства, мы исходим из того момента, что мировое хозяйство или конкретный процесс капиталистического воспроизводства возникает тогда, когда капитализм подчиняет и определяет и продолжает определять место и влияние разрушаемых им способов производства.

«Во всех общественных формациях, — говорит Маркс, — имеется определенная отрасль производства, преобладающая над другими, условия которой поэтому определяют место и влияние всех остальных.

Это общее освещение, в котором исчезают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это основной эфир, который определяет специфический вес всякого в нем выступающего бытия» (Введение к «К критике полит. экономии», 1922 г., стр. 29).

«Во всех формах, где преобладает земельная собственность, еще господствуют данные природой отношения. В тех, где преобладает капитал, получают перевес общественные и исторически созданные элементы» (Там же, стр. 30).

Капитализм определяет теперь во всем мире место и влияние всех докапиталистических способов производства, «из обломков и элементов

которых это общество (капиталистическое. *Ин. Б.*) строится, отчасти продолжая влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, отчасти развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека» (Введение к «К критике полит. экономии», стр. 28).

Вот как представляет Маркс конкретный процесс воспроизводства капитализма. Он представляет этот процесс как мировой процесс воспроизводства промышленного капитализма.

«Начни я, таким образом, — говорит Маркс, — с населения, я дал бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений и аналитически подходил бы к более простым понятиям; от конкретного, данного в представлении, к все более точным абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не подошел бы к населению, но на этот раз уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой целостности с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь тот, которым политическая экономия исторически шла при своем возникновении. Экономисты XVII столетия, напр., всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но заканчивают они всегда тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстракции общие отношения, как разделение труда, деньги, ценность и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее установлены и абстрагированы, экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая ценность, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении» (Там же, стр. 24; разрядка моя. *Ин. Б.*).

Путь исследования Маркс представляет таким образом: вслед за определением простейших категорий — «Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный)».

Далее Маркс указывает следующий порядок изучения: «Соединение буржуазного общества в форме государства, рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Общественный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. В-четвертых, международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз, ввоз. Вексельный курс. В-пятых, мировой рынок и кризисы» (Введение..., стр. 31; разрядка моя. *Ин. Б.*).

В предисловии к «К критике полит. экономии» Маркс пишет: «Я рассматриваю систему буржуазной экономии в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, всемирный рынок» (Стр. 37, 1922 г.; разрядка моя. *Ин. Б.*).

Спрашивается: что представляет из себя мировой рынок, о котором говорит Маркс?

Он есть совокупность актов купли и продажи товаров, которые являются формой существования промышленного капитала.

Можно ли после этого отрывать мировой рынок от мирового капиталистического производства и превращать его в самостоятельное явление, оторванное от производства?

Вышеназванный план Маркса дает, кажется, достаточно ясную канву, как нужно итти в вопросе изучения капиталистической конкретности.

А в проблеме мирового хозяйства суть дела ведь заключается в этом.

Вот почему Маркс и Ленин так мало обращали внимания на самый термин «мировое хозяйство».

Вот почему и теперь не стоит сходить с почвы марксизма-ленинизма, когда мы подходим к анализу мирового хозяйства, как конкретности процесса воспроизводства монополистического капитализма, конкретности процесса воспроизводства империализма в эпоху краха капитализма.

Капитализм есть последний антагонистический способ производства. Империализм есть его последняя фаза. Мировое хозяйство эпохи империализма и краха капитализма есть конкретность капитализма эпохи империализма и периода его революционного преобразования в коммунизм.

К вопросу следует подходить, основываясь на внутреннем строе капитализма. Как подходить, — об этом говорит данный Марксом и приведенный нами выше план поступательного хода изучения капитализма. Он ведет от общих абстрактных положений, отражающих внутренний строй капитализма, к постижению, к пониманию на их основе всей капиталистической конкретности, — следовательно, всего процесса реального воспроизводства = хозяйство мировое = система «народных» хозяйств государственно-обособленных капитализмов.

План Маркса говорит о том, как нужно исследовать капиталистическую конкретность вообще. Он дает, стало быть, необходимую основу и для изучения конкретности капитализма в его империалистической фазе и в эпоху его краха.

Сторонники возникновения мирового хозяйства в эпоху империализма не понимают этого единства внутреннего строя капитализма и его конкретности, на различных его фазах. Они отрывают от производственной основы той конкретности, которую хотят изучать. Тем самым они сбиваются с марксистско-ленинского пути.

11.

Маркс и Ленин обращали мало внимания на термин: «мировое хозяйство», ибо центр тяжести они переносили на изучение внутренней структуры капитализма и его империалистической фазы, как основы изучения капиталистической конкретности вообще, империалистической его фазы (и периода его краха) в частности. Маркс и Ленин изучали процесс возникновения, развития и уничтожения капиталистического общества (капиталистического способа производства) как целого. Для Ленина империализм есть фаза в развитии капиталистического способа производства. Он есть последний этап капитализма, канун пролетарских революций.

Ленин пришел к этим выводам на основании изучения внутренней структуры монополистического капитализма. На основе изучения внутреннего строя и его последней стадии в особенности Ленин блестяще ориентировался в сложнейшей контрольности капиталистического целого. Он дал нам непревзойденные образцы понимания мировой капиталистической конкретности: роли отдельных капиталистических стран в системе мирового капитализма, роли некапиталистических товаропроизводителей—крестьян в системе воспроизводства капитализма, роли стран, которые еще не смогли оформиться в национальные государства и ведут борьбу за национальную свободу — полуколонии, колонии, — роли неравномерности в воспроизводстве мирового капиталистического целого и т. д., и т. п.

И в то же время в произведениях Ленина нужно отыскивать термин: «мировое хозяйство». Ленин был чрезвычайно скуп на этот термин. В ранних его произведениях он встречается, пожалуй, больше (напр., в «Развитии капитализма в России»), чем в произведениях, которые посвящены изучению империализма и его конкретности (напр., «Империализм как новейший этап капитализма»). Чем об'яснить то обстоятельство, что вслед за

Марксом у Ленина термин: «мировое хозяйство» мы имеем лишь в случайном употреблении?

По поводу отсутствия у Маркса термина: «мировое хозяйство» тов. Бухарцев пишет: «То обстоятельство, что ни в одном из произведений Маркса мы не найдем ни единого упоминания о мировом хозяйстве, является не случайностью, и об'ясняется во всяком случае не неумением Маркса применять соответствующие термины. Здесь имеются об'ективные причины, те же причины, благодаря которым нельзя у Маркса ничего найти на счет финансового... капитала или империализма». (Упом. ст., стр. 36).

Ну, хорошо—это у Маркса, а у Ленина?

Ведь у Ленина же не было таких об'ективных причин. Наоборот, у Ленина были все об'ективные условия для того, чтобы он мог употреблять слова: «мировое хозяйство». Ведь Ленин же непосредственно занимался вопросами финансового капитала и империализма.

И тем не менее у Ленина мы не находим этого термина (за исключением нескольких случаев).

В чем же дело? Дело в том, как правильно подойти методологически к изучению капиталистической конкретности, а не в названии этой конкретности [1]).

Для марксиста важно не то — будет ли названа действительность конкретного процесса воспроизводства капитализма мировым хозяйством или нет. Для марксиста важно — каким образом достигается понимание этой действительности на основе единства капиталистической конкретности с его внутренним строем и изменениями этого строя на разных этапах развития капитализма.

Если исходить из этой правильной установки, то слова «мировое хозяйство» нужно понимать как синоним слова «капиталистическая конкретность».

Поэтому-то Маркс и Ленин так мало внимания уделяли выражению: «мировое хозяйство».

Термин: «мировое хозяйство» пущен в широкое обращение буржуазными экономистами. Он возникает в противоположность термину «народное хозяйство» («национальное хозяйство»).

В этом недостатки и опасности гипертрофированного его употребления. Из выражения процесса конкретного воспроизводства капитализма он превращается в обозначение несуществующей ступени в развитии человеческого общества: «мировое хозяйство».

Опасность некритического употребления этого термина заключается в том, что капиталистический способ производства подменяется двумя, несвязанными с капиталистическим производством этапами в развитии человеческого общества — «национальное хозяйство» и «мировое хозяйство», следующими один за другим.

Буржуазные ученые идут этим путем. Для них период до конца XIX века (а для некоторых из них и по сие время) является «эпохой национального хозяйства», а период с конца XIX века составляет «эпоху мирового хозяйства». Буржуазные ученые не проникают во внутренний строй капиталистического производства. Они проходят поэтому мимо противоречий капитализма, роста классовой борьбы и т. д., и т. п.

Опасность некритического восприятия буржуазной классификации ступеней развития человеческого общества, выраженных как эпоха националь-

[1]) Тов. Иоэльсон мог поэтому не стараться отыскивать для тов. Бухарина у Ленина слово «мировое хозяйство» (См. ст. «Спорные проблемы мирового хозяйства», журнал «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» 1929 г., № 10, стр. 61 — 62).

ного хозяйства и эпоха мирового хозяйства заключены в том, что «национальное хозяйство» и «мировое хозяйство» отрывают от той противоречивой базы, на основе которой они возникают.

Апологетика требует исключения из движения противоречия, требует иллюзии всенародности, единства, гармонии целого, игнорирования классовой структуры капиталистического общества и т. д., и т. п. Принятие этих этапов как нельзя лучше отвечает апологетическому нутру буржуазных экономистов.

Марксисту негоже попадать на удочку этих экономистов.

Проблема современного мирового хозяйства есть проблема процесса конкретного воспроизводства империализма и его краха.

Труд в теории стоимости.

(Окончание[1])

А. Сагацкий.

IV. Общественно-необходимый труд—количественная характеристика содержания стоимости.

I.

Основным моментом, характеризующим абстрактный труд, как видно из предыдущего, является физиологическая затрата в ее противопоставлении, что имеет место только в товарном хозяйстве, конкретной форме труда. Это толкает подчас к совершенно ошибочной попытке производить исчисление абстрактного труда в энергетических единицах (в эргах, килограммометрах, калориях), употребляемых естественными науками, что приводит к смешению труда как естественной категории с экономическим трудом, не говоря уже о том, что в этом случае абстрактный труд, т.-е. одно из определений экономического труда товарного хозяйства, отождествляется с экономическим трудом вообще[2]). Энгельс считал подобные попытки неправильными. В «Диалектике природы» у него мы находим следующие высказывания по этому вопросу: «Работа. Эта категория переносится механической теорией теплоты из политической экономии в физику (ибо в физиологическом отношении она еще далеко не определена научным образом), но при этом определяется совершенно иначе, что видно хотя бы из того, что лишь совершенно ничтожную, второстепенную часть экономической работы (поднимание тяжестей и т. д.) можно выразить в килограммометрах. Несмотря на это, имеется склонность перенести назад тер-

---

[1]) См. «П. З. М.» № 1, 1930 г.

[2]) Маркс и Энгельс не отождествляли экономический труд с трудом буржуазного общества или классового общества вообще. Об этом свидетельствуют приводимые ниже в тексте положения Энгельса, где, между прочим, в качестве примера экономической работы берется поднимание тяжестей. Маркс в главе пятой I т. «Капитала» занимается изучением простого процесса труда с точки зрения экономической. В этой главе он пишет: «Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода) ...существует как всеобщий предмет человеческого труда». Чтобы это сказать, Марксу не было надобности обращаться к изучению какого-либо классового общества. Или там же: «Такую важность, как строение останков-костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается». А в примечании говорится о каменном веке, бронзовом веке, железном веке. Совершенно ясно, что под экономическими формациями и эпохами разумел здесь Маркс не только классовые общества. В «Критике Готской программы» (цитир. по изд. Птгр. 1919 г.) на стр. 14 говорится об экономической необходимости в коммунистическом обществе, а на стр. 18 — об экономическом строении «первой фазы коммунизма». Энгельс в «Анти-Дюринге» упоминает о том, что распределение при социализме будет управляться чисто-экономическими соображениями (см. стр. 110), а на стр. 77 об экономике Огненной земли.

модинамическое понятие работы в науки, из которых эта категория заимствована с иным определением, например, склонность отождествить ее без всяких оговорок, brutto, с физиологической работой... Кажется, некоторые ученые были бы не прочь перенести термодинамическую категорию работы обратно в политическую экономию—как это сделано в дарвиновской борьбе за существование, при чем в итоге получилась бы только чепуха. Пусть попробуют выразить какую-нибудь skilled labour в килограммометрах и попытаются определить на основании этого заработную плату?» [1]). В письме от 19 декабря 1882 г. к Марксу Энгельс, касаясь теории Подолинского, говорит: «Действительное его открытие заключается в том, что человеческий труд может задерживать на поверхности земли солнечную энергию и заставляет ее действовать дольше, чем это было бы при его отсутствии. Все же экономические выводы, которые он из этого делает, неверны. Физический труд, произведенный в экономическом труде, никогда не может равняться 10.000 тепловых единиц (заключенных в продовольствии, требующемся ежедневно для человека. *А. С.*), он всегда будет меньше.

Но физический труд от этого еще далеко не является экономическим трудом. Экономический труд, проделанный 10.000. Т. Е., вовсе не заключается в воспроизведении этих самых десяти тысяч Т. Е. целиком или части их в той или иной форме. Эти десять тысяч, наоборот, по большей части теряются при увеличении и излучении теплоты тела и т. д. и то, что от них остается полезного,—это способность экскрементов служить удобрением. Экономический труд, который человек совершает с помощью этих 10.000 Т. Е., состоит в закреплении на более или менее продолжительное время новых тепловых единиц, которые солнце излучает по направлению к нему. Эти новые тепловые единицы имеют с первыми 10.000 Т. Е. только такую трудовую связь. Сколько будет закреплено новых тепловых единиц благодаря приложению 10.000 Т. Е.—5.000, 10.000, 20.000 или миллион, это зависит только от степени развития производительных сил. Я думаю, что выразить экономические отношения в физических мерах прямо невозможно... Подолинский сделал очень ценное открытие; но сбился с пути, потому что захотел найти новое естественно-научное доказательство правильности социализма, и оттого смешал физическое с экономическим» [2]).

Маркс считал, что «для функции рабочей силы естественной единицей измерения служит рабочий день» [3]). «Количественная сущность движения измеряется временем, точно также количественная сущность труда измеряется рабочим временем. Различие в продолжительности труда представляет единственное различие, свойственное ему, если принять за данное его качество. Как рабочее время, труд измеряется естественными мерами времени: часами, днями, неделями и т. д. Рабочее время представляет жизненную сущность труда, независимую от его формы, содержания, индивидуальности. Оно является жизненной сущностью труда в количественном отношении, имеющей вместе с тем свою прирожденную меру» [4]).

---

[1]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. II, стр. 67. См там же, примечание на стр. 275.

[2]) «Письма», под ред. В. В. Адоратского, изд. 2-е, 1923 г., стр. 282—285. Разрядка моя. *С. А.*

[3]) К., II, стр. 132. Разрядка моя.

[4]) К критике. стр. 43—44. Подчеркнуто мной *А. С.*

Следовательно, экономический труд измеряется рабочим временем, а не другими мерами, в силу следующих причин: во-первых, физический, физиологический труд не совпадает с экономическим трудом, во-вторых, и это главное, экономический труд, как социальное явление, может измеряться только общественной мерой, каковым является рабочее время[1]). Человеческая жизнь, представляя собой деятельность человека, ограничена определенным временем. Материальный труд—тоже деятельность, но «диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» (Маркс). Труд есть средство сохранения и воспроизведения жизни, но не самоцель, поэтому рабочее время является вычетом из жизни[2]).

«Время труда всегда остается, даже когда меновая ценность исчезла, творческой сущностью богатства и мерилом издержек, требуемых для его производства. Но свободное время, время, находящееся в нашей распоряжении, есть само богатство — отчасти для пользования продуктами, отчасти для свободной деятельности, не определяющейся, подобно труду, принуждением внешней цели, которая должна быть достигнута, достижение которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью,—называйте это как угодно.

Само собой разумеется, что само рабочее время, благодаря тому, что оно ограничено нормальным сроком, что оно не существует более для другого, а для меня самого, вместе с устранением социальных противоположностей между господами и рабами и т. д., как настоящий социальный труд, наконец, как основа свободного времени получает совершенно другой, более свободный характер и что рабочее время человека, который является одновременно человеком со свободным временем, должно быть более высокого качества, чем время вьючного животного»[3]).

Противоречие между свободным и рабочим временем существует во всех общественных формациях (если не принимать во внимание первобытной примитивной стадии развития общества, когда оно только что начало выходить из животного царства, когда дифференциации свободного времени от труда еще не произошло). Это об'ясняется тем, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства»[4]). Отсюда вытекает тот факт, что «при всяких условиях то рабочее время, которое стоит производство средств существования, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития»[5]). «На самом деле ни одна общественная форма не может помешать тому, чтобы рабо-

[1]) Ср. В. Базаров, Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, Гиз, 1927 г., гл II: «Установленное Марксом измерение общественной энергии «рабочим временем» не может быть сведено к энергетическим единицам, и притом отнюдь не потому, что современные измерительные приборы не позволяют произвести эту операцию с достаточной точностью, а по чисто-принципиальным соображениям: измерение продукта труда количеством затраченных эргов или килограммометров работы дало бы нам не общественную стоимость (трудовые затраты. *А. С.*. а некоторую физическую величину, лишенную всякой социальной значимости» (стр. 37).

[2]) См. К., III, ч. 2, стр. 357, и К., I, 532—533, и ср. И. Г., «Экономические фокусы», сб. «Основные проблемы политич. экономии», под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина.

[3]) Теория, т. III, 213. Подчеркнуто Марксом. А. С.

[4]). К., III, 2, стр. 357.

[5]) К., I, 40.

е время, находящееся в распоряженнн общества, тем илн иным путем не [illegible]гулировало производство» [1]).

Протнворечие между свободным и рабочим временем есть результат [прот]иворечивого положения человеческого общества, которое, являясь [ча]стью природы н подчиняясь ей, в то же время господствует над [п]риродой. В классовом обществе это противоречие находит свое социальное выражение в том, что «свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» [2]). Если во всяком [о]бществе противоречне между свободным н рабочим временем находит свою [ф]орму выражения в учете тем илн иным путём рабочего времени, а относительное разрешение — в росте пронзводительных сил, то в классовом обществе это противоречне находит дополнительное свое выражение в классовых противоречиях между командующим н угнетенным классом.

«Прн данной интенсивности н пронзводительной силе труда часть [о]бщественного рабочего дня, необходимая для матернального производства, [те]м короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и [о]бщественной деятельности индивндуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособнымн членамн общества, чем меньше [в]озможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить [н]а другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой [т]очкн зрення абсолютная граница для сокращения рабочего дня устанавливается всеобщностью труда» [3]).

В коммунистическом обществе меньше, чем при каком-либо другом, [б]удет чувствоваться противоположность между свободной деятельностью и [м]атериальным трудом, как естественной необходимостью, во-первых, благодаря тому, что рабочее время в силу высокой ступенн развития производительных сил, участия в материальном труде всех дееспособных членов [о]бщества н пр. будет занимать небольшую часть жнзнн, оставляя большую [д]олю для другого рода деятельности; во-вторых, потому, что и самый-то [м]атериальный труд «получает совершенно другой, более свободный характер» (Маркс). Однако все это не уничтожает самой противоположности [м]ежду рабочим и свободным временем, как выражением противоречия между природой н обществом в целом. С развитием человека «расширяется [эт]о царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются, но в то же время расшнряются н пронзводительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоцнированные производители рационально регулируют свой обмен веществ природой, ставят [ег]о под свой общнй контроль, вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая [си]ла, господствовал над ними, в том, что они совершают его с наименьшей [з]атратой силы и при условиях, наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развнтне человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может [р]асцвесть лишь на этом царстве необходнмости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня—основное условие» [4]). Поскольку и в коммунистическом обществе не уннчтожается, хотя принимает иную по сравнению [с] предыдущимн эпохамн форму, противоречие между свободным и рабочим [вр]еменем, постольку, «по уннчтоженин капиталистического способа производства, но при сохранении общественного пронзводства, определение

---

[1]) Маркс, письмо к Энгельсу от 8 января 1868 г. См. «Письма...», изд. 2-е, [ст]р. 169. Подчеркнуто Марксом. *А. С.*

[2]) К., I, 533. См. также указанн. статью И. Г. в «Основных проблемах».

[3]) К., I, 532—533.

[4]) К., III, ч. 2, стр. 357.

стоимости попрежнему продолжает господствовать, в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было» [1]).

2.

Решая проблему абстрактного труда, мы отвечаем на вопрос о качественной стороне труда, связывающего отдельных товаропроизводителей. Но это еще недостаточно, чтобы охарактеризовать эту связь. Общественное производство в товарном хозяйстве требует, чтобы каждый производитель затратил не только абстрактный труд, но и определенное количество этого труда. Отношение товаропроизводителей включает не только сведение их труда к единому качеству, но и определенное количественное соотношение между отдельными частями общественного труда, что предполагает определенное количество абстрактного труда, затрачиваемого на производство товара определенного вида.

Абстрактный труд, как и всякий экономический труд, измеряется рабочим временем. Однако это положение является лишь преддверием к разрешению вопроса о количественной стороне труда, содержащегося в стоимости. Абстрактный труд есть качественная характеристика содержания стоимости. Принимая же количественную определенность, он становится общественно-необходимым трудом. Проблема количественной стороны социального содержания стоимости есть проблема абстрактного труда, принявшего количественную определенность, т.-е. форму общественно-необходимого труда. В действительности, процесс превращения конкретного труда в абстрактный есть в то же время процесс превращения индивидуального труда данного товаропроизводителя в общественно-необходимый труд. Это две стороны единого процесса превращения частного труда в общественный. В теоретическом же исследовании эти две стороны создают две проблемы, качественной и количественной характеристики труда.

В нашем контексте нет надобности подробно останавливаться на понятии общественно-необходимого труда, следует лишь отметить отношение его к абстрактному труду.

«Что количество заключенного в товаре труда есть общественно-необходимое для его производства количество—рабочее время, есть, следовательно, необходимое рабочее время—это определение, которое касается только величины стоимости» [2]). «Величина стоимости товара выражает... необходимое, имманентное процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени» [3]). При чем общественно-необходимый труд определяет величину общественной стоимости или, как Маркс ее еще называет, рыночной стоимости. «Рыночная—не потому, что она образуется на рынке, в непосредственном процессе обращения, а потому, что она, как и всякое производственное отношение товарного хозяйства, опосредствуется рынком. «...Общественная стоимость есть рыночная стоимость этих товаров, стоимость, при которой они выступают на рынке» [4]). Всякое реальное количество всегда связано с тем или иным качеством и, даже больше того, количество обусловлено качеством, как и наоборот. В данном случае, труд «должен быть

---

[1]) К., III, ч. 2, стр. 389.

[2]) Теории, т. III, стр. 115. Разрядка Маркса. *А. С.* См. первые главы «Капитала» и «К критике».

[3]) К., I, 72.

[4]) Теории, т. II, ч. 1, стр. 46—47. Разрядка Маркса. На рыночной стоимости более подробно остановимся в одной из последующих глав.

качественно одинаковым, чтобы его различия были только количественными, представляли бы только разницу в величине» [1]). «Чисто-количественное различие работ предполагает их качественное единство или равенство, следовательно, их сведение к абстрактно-человеческому труду» [2]). Тот факт, что труд, выражающийся в стоимости, чтобы получить количественную определенность, должен быть сведен к качественно-единому, абстрактному труду, говорит об обусловленности общественно-необходимого труда трудом абстрактным. Но, с другой стороны, в какой мере частный труд превратится в общественный через превращение конкретного труда в абстрактный, зависит от того, насколько индивидуальный труд данного лица будет общественно-необходимым. «Поскольку частный труд является общественно-необходимым, постольку он и заключает в себе человеческий труд вообще» [3]). В этом выражается зависимость качества (абстрактного труда) от количества (общественно-необходимого) труда. И тот и другой труд — это один и тот же труд, как содержание стоимости. Они относятся к одному и тому же ряду явлений, а именно, к специфически-социальному содержанию стоимости.

Общественно-необходимый труд включает в себя материально-технические пропорции процесса труда. В товарном хозяйстве, так же, как и в других формациях, общественный труд распределяется соответственно различным массам потребностей в количественно-определенных пропорциях [4]). Закон пропорционального распределения труда или закон трудовых затрат действителен и для этого хозяйства.

Однако необходимо подчеркнуть, что изменения в производительных силах, в материально-техническом процессе производства находят свое реальное осуществление в изменившейся пропорциональности трудовых затрат, лишь преломляясь через призму общественных отношений, приобретая специфическую общественную формулировку. В товарном хозяйстве — лишь тогда, когда труд принимает форму абстрактного труда, а количественная сторона — форму общественно-необходимого труда. Общественно-необходимый труд как содержание величины стоимости отражает состояние материально-технического процесса труда и общественных отношений. «Стоимость... всегда измеряется общественно-необходимым трудом, а при этом подразумевается труд, необходимый при общественных отношениях данного времени». (К., I, 188. Разрядка моя. А. С.) Изменения в производительных силах находят свое выражение в величине стоимости не прямо, а через количественную сторону производственных отношений, через соотношение сил отдельных групп производителей. Получается следующая цепь причинных зависимостей: производительность труда — общественно-необходимый труд — величина стоимости — распределение труда [5]). Старая схема И. Рубина: производительность труда — трудовая стоимость — распределение труда [6]) — упрощала эту зависимость, поскольку устанавливала непосредственную связь между производительностью труда и стоимостью. Это вполне согласовывалось с отождествлением И. Рубиным содержания стоимости с материально-техническим процессом производства [7]) и напоминало интерпретацию Маркса Зомбартом, хотя последний и критикуется И. Рубиным [8]).

---

[1]) Теории, т. III, стр. 115.

[2]) К., I, 49.

[3]) Энгельс, Анти-Дюринг, изд. «Моск. Раб.», 1922 г., стр. 173.

[4]) См. письмо Маркса Кугельману от 11 июня 1868 г.

[5]) Мы предлагаем простое товарное хозяйство и отвлекаемся от механизма цен.

[6]) См. «Очерки», изд. 2-е, стр. 53, 189 и др.

[7]) Например, «Очерки», изд. 2-е, стр. 80, 84, 85 и др.

[8]) Там же, стр. 131.

Ошибка И. Рубина в этом случае заключалась в том, что он отрывал количественную определенность труда от его социально-качественной характеристики.

В 3-ем издании «Очерков» И. Рубин правильно формулирует: «Экономические категории (или социальные формы вещей) находятся, конечно, в теснейшей зависимости от материального процесса производства, но они могут быть выведены из него не непосредственно, а лишь через посредствующее звено: производственные отношения» [1]). Исходя из этого положения, он дает новую схему: производительность труда—абстрактный труд—стоимость—распределение общественного труда [2]). Если в «Очерках» изд. 2-го И. Рубин считал, что абстрактный труд относится только к качественной стороне труда, а количественной характеристикой его является общественно-необходимый труд [3]), то в изд. 3-м «Очерков» абстрактный труд выступает уже не только как качественная сторона труда, но и как количественная, что видно уже в только что приведенной нами его схеме, а также и из других мест [4]). С его точки зрения теперь уже абстрактный труд сам по себе без дальнейших определений является количественно определенным трудом рядом с общественно-необходимым трудом. Здесь возникает вопрос: что же имеется специфичного в той и другой количественной определенности труда (абстрактный и общественно-необходимый труд)? Непосредственно и прямо он И. Рубиным не ставится и не разрешается. Однако из отдельных отрывочных замечаний видно, что Рубин проводит в этом отношении между ними определенное различие. Разобрав вопрос о количественной определенности абстрактного труда (стр. 169—175), он заканчивает его следующим рассуждением: «До сих пор мы имели в виду уравнение количеств труда, затрачиваемых в различных отраслях производства. Поскольку же речь идет о различных трудовых затратах в одной и той же отрасли производства (точнее говоря, затраченных на производство продуктов того же самого рода и качества), уравнение их подчиняется следующему принципу...» и дальше указание на общественно-необходимое рабочее время [5]). В других местах он это различие проводит более резко: абстрактный труд — это уравнение отдельных сфер производства или видов труда, а общественно-необходимый труд—уравнение труда, применяемого в отдельных предприятиях данной сферы производства [6]).

Таким образом, по И. Рубину, абстрактный труд сам по себе имеет количественную определенность, становясь не только качественной, но и количественной характеристикой содержания стоимости, как отношения товаропроизводителей разных отраслей производства. Во-вторых, роль общественно-необходимого труда сводится лишь к характеристике количественных отношений труда отдельных предприятий внутри данной отрасли производства.

Здесь мы встречаемся, с одной стороны, с отождествлением качества и количества труда (абстрактный труд — качество и количество), с другой стороны, — с пространственным отрывом качества (абстрактный труд — уравнение труда разных сфер производства) от количества (общественно-необходимый труд—уравнение труда только внутри данной отрасли). И то и другое положение не может быть признано отвечающим методологии Маркса. Ведь абстрактный труд без дополнительных определений является

[1]) Стр. 53.
[2]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 78, а также 242, 271, 274.
[3]) См., напр., «Очерки», изд. 2-е, стр. 113 и др.
[4]) См., напр., «Очерки», изд. 3-е, стр. 75—79, 134, 169—176, 262.
[5]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 175 — 176. Разрядка моя. *А. С.*
[6]) См. «Очерки», изд. 3-е, стр. 142. То же самое в «Очерках», изд. 2-е, стр. 95.

лишь качественной стороной содержания стоимости и сам по себе не имеет количественной определенности. Когда говорится, что стоимость определяется абстрактным трудом, то в этом случае еще не имеется в виду определенной величины стоимости, хотя возможность измерения ее уже налицо. Для того, чтобы получить в нашем исследовании определенную величину стоимости, мы должны от абстрактного труда перейти к понятию общественно-необходимого труда. Тогда мы получим не только стоимость, но и определенной величины стоимость. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением И. Рубина, что абстрактный труд помимо общественно-необходимого труда, сам по себе имеет количественную определенность, выражая уравнение труда различных отраслей производства.

Точно так же нам представляется ошибочным, что общественно-необходимый труд выражает уравнение труда, применяемого в отдельных предприятиях данной сферы производства [1]), тем самым как будто и характеризует производственные отношения отдельных предприятий лишь внутри данной отрасли производства.

Разрешая проблему общественно-необходимого труда, мы должны учитывать различие в производительности труда не только в пространстве, т.-е. в отдельных предприятиях, изготовляющих продукт данного рода, но и во времени. Между тем, как И. Рубин в указанных выше местах различие в производительности труда рассматривает лишь статически, не в динамике. Если мы будем учитывать изменения в производительности труда, происходящие во времени, то нам сразу ясно станет, что общественно-необходимый труд есть уравнение труда не только внутри данной отрасли производства, но и между отраслями производства. Совершенно верно, что величина рыночной стоимости определяется общественно-необходимым трудом, как некоей равнодействующей различной производительности труда в отдельных предприятиях, предполагая равновесие между данной отраслью производства и другими [2]). Но, в то же время, количество общественно-необходимого труда, выражающегося в стоимости продуктов данного рода, указывает и на соотношение этого труда к труду других отраслей производства. Рост производительности труда в данной сфере производства через изменение величины стоимости ее продуктов приводит к другому соотношению труда, распределения между отраслями производства. Об этом говорит и сам И. Рубин: «Различные случаи регулирования рыночной стоимости (или, что то же самое, определения общественно-необходимого труда) об'ясняются различными условиями равновесия данной отрасли производства с другими, в зависимости от преобладания в ней предприятий различной производительности, т.-е. в последнем счете в зависимости от состояния производительных сил» [3]). А раз так, то общественно-необходимый труд есть уравнение различных индивидуальных затрат в рамках всего общества. Изучая общественно-необходимый труд, мы познаем количественную сторону производственных отношений товаропроизводителей не только внутри данной отрасли, но и между отраслями производства. Сфера действия абстрактного и общественно-необходимого труда одна и та же. Составляя социальное содержание стоимости, первый — качественную, второй — количественную

[1]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 140—142.

[2]) См. у И. Рубина об этом «Очерки», изд. 3-е, гл. XVI и след.

[3]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 198. Подчеркнуто автором. См. также стр. 209, 210, 197. *А. С.*

ственную сторону его, они связывают автономных товаропроизводителей в рамках всего общества, в единое целое, в систему товарного хозяйства.

Абстрактный труд есть только качество труда. Труд, как содержание стоимости, приобретает количественную определенность, когда он на ряду с определением его как абстрактного труда получает еще дополнительную количественную характеристику как общественно-необходимый труд. Поэтому схема И. Рубина: производительность труда — абстрактный труд — стоимость — распределение общественного труда, — призванная охарактеризовать «величину стоимости как регулятор к о л и ч е с т в е н н о г о р а с п р е д е л е н и я общественного труда между отдельными отраслями производства» [1]), по существу не решает поставленной задачи, так как в е л и ч и н а стоимости определяется не просто абстрактным трудом, без дальнейших определений его, а о б щ е с т в е н н о-н е о б х о д и м ы м абстрактным трудом. Отсюда схема должна принять следующий вид: производительность труда — общественно-необходимый труд — величина стоимости — количество распределенного труда.

При одной и той же производительности труда количественно-определенные массы общественно-формулированного труда могут быть различны, в зависимости от социальной формы и состояния производственных отношений. Именно поэтому в товарном хозяйстве возможно, и обыкновенно существует как правило, количественное несовпадение трудовых затрат (рассматриваемых с материально-технической стороны), вложенных в производство продуктов данного рода, с общественно-необходимым трудом, находящем свое выражение в величине стоимости этих продуктов.

Если в социалистическом, коммунистическом обществе количество о б щ е с т в е н н о г о труда совпадает с суммой индивидуальных трудовых затрат, то о б щ е с т в е н н о-н е о б х о д и м ы й труд, количественная определенность общественного труда в товарном хозяйстве, может быть больше или меньше суммы трудовых затрат, рассматриваемых самих по себе вне специфически-общественной формы.

В тех случаях, когда общественно необходимый труд единицы товара совпадает с трудовыми затратами на нее предприятий, работающих при худших условиях производства, создается «обманчивая социальная стоимость» [2]), т.-е. излишек стоимости продуктов данного рода над действительно израсходованными трудовыми затратами, излишек стоимости, как овеществленного труда, над суммой индивидуальных трудовых затрат. «Обманчивая» — так как этому излишку не противостоят технические трудовые затраты. «Социальная»—потому, что этот излишек создан социальным строем, а не технико-материальными отношениями. Именно поэтому «ложно утверждение, что стоимость (рассматриваемая как техническая затрата труда. *А. С.*) при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя» [3]).

Факт несовпадения величины стоимости с суммой трудовых затрат еще раз подчеркивает, что содержанием стоимости необходимо считать труд в его специфической определенности в товарном хозяйстве. Без материального содержания нельзя об'яснить количественной определенности стоимости, но, с другой стороны, нужно помнить, что материальное содержание определяет величину стоимости через количественную сторону социального содержания стоимости, через общественно-необходимый труд.

Общественно-необходимый труд является такой же исторически-ограниченной рамками товарного хозяйства категорией, как и абстрактный труд. «В будущем обществе не потребление будет зависеть от минимума вре-

[1]) И. Рубин. Очерки, изд. 3-е, стр. 79. Подчеркнуто автором. А. С.
[2]) Маркс, К., III, ч. 2, 201.
[3]) Там же.

мени, необходимого на производство, а, наоборот, количество времени, которое будут посвящать на производство того или другого предмета, будет определяться степенью его полезности» [1]). В коммунистическом обществе будет, конечно, происходить распределение труда по различным видам работы, но, в отличие от товарного хозяйства, там и способ распределения труда будет иной, да и пропорции между различными видами труда будут другие.

V. Имманентная мера стоимости.

Качественная (абстрактный труд) и количественная (общественно-необходимый труд) определенность содержания стоимости представляют собой единство, и, с этой точки зрения, труд становится мерой стоимости. В отличие от денег, которые являются внешней мерой стоимости, труд—такая мера, которая непосредственно совпадает с содержанием стоимости и в то же время является причиной стоимости, поэтому Маркс называет его имманентной мерой стоимости [2]). Общественный труд, как содержание стоимости, рассматриваемый не только с качественной, но и с количественной стороны, как общественно-необходимый абстрактный труд, есть имманентная мера стоимости. «Труд в его общественной форме становится мерилом ценности» (Гильфердинг, Бем..., стр. 17).

Единицей меры самого труда служит средний простой труд, характер которого хотя и изменяется в разных странах и в разные эпохи развития культуры, но в данном обществе он определен» [3]). Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиною производителей, и потому кажутся последним установленными обычаем» (К., I, 11—12, Гиз, 1920).

В этой связи становится понятным решение вопроса, всплывшего в дискуссии тт. Абезгауза, Дукора и Ноткина с т. Коном [4]): какая же проблема — качественная или количественная — решается в редукции сложного труда.

Как труд рабочего, не имеющего специальной подготовки, так и труд квалифицированного рабочего выступает двояко [5]). Если мы их будем рассматривать как конкретные виды труда, то они будут отличаться качественно друг от друга (труд необученного рабочего и труд квалифицированный). Когда же мы их берем в форме абстрактного труда, то качественное различие между ними стирается, и они выступают только как различные величины (труд простой и сложный). Та и другая точка зрения смешивается у тт. Абезгауза, Дукора и Ноткина. «Сложность труда,— говорят они, — относится к его конкретности и идентична с профессией, как качественно особым натуральным видом труда» [6]). Между тем, как совершенно правильно указывает т. Кон, «сложный труд, как

[1]) К. Маркс, Нищета философии, стр. 61. В «К критике», стр. 72: «В непосредственной полемике с Рикардо Сисмонди подчеркивает специфически общественный характер труда, составляющего источник меновой стоимости, отмечая, как «характерную черту нашей ступени экономического развития», то, что величина стоимости сводится к необходимому рабочему времени, к «отношению между потребностью всего общества и количеством труда, которое достаточно для удовлетворения этой потребности».

[2]) См. Маркс, К критике, 94; теории, III, 108, 113, 115—118, 137—138; К, I, 49, 63; Теории, I, 97; Теории, II, ч. 1, 90.

[3]) Маркс, Капитал. I, 1867. Цитир. по статье Абезгауза, Дукора и Ноткина, «В. К. А.», кн. 25, стр. 232.

[4]) См. «Вестник Комм. Акад.» кн. 25.

[5]) См. В. Н. Позняков, Квалифицированный труд и теория ценности Маркса, изд. II, стр. 24.

[6]) «В. К. А.» кн. 25, 232 Разрядка авторов. А. С.

явствует из самого названия, является потенцированным, помноженным трудом. Различия между простым и сложным трудом суть различия *количественные*, а количественные различия обнаруживают себя лишь в пределах единого качества»[1]). Хотя, с другой стороны, нельзя позабывать, что, прежде чем проводить количественные различия, необходимо различающиеся по квалификации виды труда свести к одному качеству.

Поэтому оппоненты т. Кона правы, когда подчеркивают, что процесс сведения труда к абстрактному есть в то же время сведение разных по квалификации видов труда к простому, но они неправы в своем упрощении этого процесса, считая, что проблема простого и сложного труда уже решена превращением конкретного труда в абстрактный. А ведь, по существу, они к этому приходят, не соглашаясь с формулированным ими положением, «что, *уже* приняв форму абстрактности, т.-е. стоимости, труд *еще* должен быть сведен к простому труду[2]). Здесь ими смешаны в одну кучу единый процесс сведения всех видов труда к однородному труду и сложность, многообразные стороны этого процесса и отсюда различные стадии осознания этого процесса теорией[3]). «...С *качественной* стороны, — говорят они, — проблема редукции разрешена в тот момент, когда мы переходим от конкретного труда к труду абстрактному, от потребительной стоимости к стоимости»[4]). В чем же заключается специфичность проблемы простого и сложного труда в отличие от проблемы абстрактного труда? Не вносится ли здесь кой-чего нового и в количественную да и в качественную характеристику труда, создающего стоимость? На эти вопросы наши авторы не дадут ответа, не преодолев некоторых ошибок в интерпретации Маркса И. И. Рубиным.

Процесс социального уравнения труда в товарном хозяйстве, — говорит И. И. Рубин, — предполагает: «1) взаимосвязанность всех трудовых процессов (общественный труд); 2) уравнение отдельных сфер производства или видов труда (абстрактный труд)[5]); 3) уравнение видов труда различной квалификации (простой труд) и 4) уравнение труда, применяемого в отдельных предприятиях данной сферы производства (общественно-необходимый труд)». «Здесь перед нами не четыре отдельных процесса превращения труда, как представляют себе некоторые исследователи, а разные стороны единого процесса уравнения труда, происходящего через посредство уравнения продуктов, как стоимостей»[6]). Весь этот процесс охватить мышлением сразу, целиком, как единство во многообразии, не представляется возможным. Поэтому в исследовании нам приходится сначала разложить его на отдельные элементы и потом итти от абстрактного к более конкретному. И в зависимости от того, на какой ступени абстракции мы находимся, буржуазный труд выступает перед нами как абстрактный, общественно-необходимый и в конце концов простой труд.

«Из перечисленных нами, — продолжает И. Рубин, — четырех определений труда, создающего стоимость, понятие абстрактного труда является центральным». Мы можем представить себе товарное хозяйство, в котором все виды труда отличаются одинаковой степенью квалификации и отдельные

---

[1]) Там же, стр. 271. Разрядка автора. *А. С.*

[2]) Там же, стр. 232. Разрядка моя. *А. С.*

[3]) Ср. *Кон*, «В. К. А.» кн. 25, стр. 270—271.

[4]) Там же; разрядка моя. *А. С.*

[5]) Сам И. Рубин, там же, на стр. 144, говорит, что в товарном хозяйстве превращение *частного* труда в *общественный* совпадает с превращением *конкретного* труда в *абстрактный*». Правильнее было бы первый и второй пункт свести воедино и сформулировать хотя бы следующим образом: превращение частного труда в общественный в форме превращения конкретного труда в абстрактный.

[6]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 141 — 142. Логический порядок этих моментов по нашему мнению должен быть несколько иной. Об этом ниже.

предприятия каждой сферы производства работают в одинаковых технических условиях. Следовательно, в этом хозяйстве исчезнет проблема сложного труда и проблема общественно-необходимого труда. «Но мы не можем даже представить себе такое товарное хозяйство, в котором не было бы превращения труда частного в общественный и конкретного в абстрактный» [1]).

По мере введения в наш анализ усложняющих моментов (различная производительность труда, различная квалификация труда), специфически-общественный характер труда в товарном хозяйстве будет приобретать дополнительные характеристики, как общественно-необходимого, простого, сложного труда. Так представляет себе дело И. Рубин.

Нам кажется, что только наметить порядок «воспроизведения конкретного путем мышления» (Маркс) недостаточно. Необходимо охарактеризовать и то новое, что привносится на каждой стадии нашего мышления, и установить, в каком отношении это новое находится к предыдущему.

Здесь возникает вопрос об отличии отдельных характеристик труда, о том специфическом, что имеется в каждой из них, и об их взаимообусловленности и взаимосвязанности. Характеристика труда, создающего стоимость, не представляет простое соединение понятий абстрактного, общественно-необходимого, простого труда, которые стоят рядом друг с другом или друг на друге.

Эти вопросы в некоторой мере нашли свое разрешение у Рубина. Абстрактный труд, по его мнению, качественная сторона стоимости, общественно-необходимый труд — количественная. О недостатках Рубина в понимании их, как взятых в отдельности, так и недоучет им взаимообусловленности их друг другом, мы уже говорили.

Отрыв в системе Рубина абстрактного труда от общественно-необходимого приводит его к тому, что он термин «имманентное мерило стоимости», часто употребляемый Марксом, считает неправильным. Мы читаем у него: «Утверждение Маркса, что труд есть имманентное мерило стоимости, следует понимать только в том смысле, что количественные изменения труда, необходимого для производства продукта, обуславливают количественные изменения стоимости последнего. Конечно, этот термин «имманентное мерило», перенесенный Марксом, как множество других терминов, из философии в политическую экономию, не может быть признан удачным, так как при поверхностном чтении он заставляет читателя думать скорее о мериле сравнения, чем о причинном изучении количественных изменений явления» [2]).

Невозможность синтеза в категории «имманентного мерила стоимости» абстрактного и общественно-необходимого труда в старой рубиновской трактовке их [3]), затруднения по этой же линии в новой интерпретации [4]) толкает И. Рубина к тому, что понятие «имманентного мерила стоимости» суживается и понимается «только в том смысле, что количественные изменения труда... обусловливают количественные изменения стоимости». Между тем, Маркс, вслед за Гегелем, разумел под мерой «специфически определенное количество, которое не является внешним, но определено природою вещи, качеством» [5]). Под имманентным мерилом стоимости

---

[1]) «Очерки», изд. 2-е, стр. 96.

[2]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 140. Разрядка моя. *А. С.*

[3]) В «Очерках», изд. 2-е»: сверхсоциологическое понятие абстрактного труда и в то же время содержание стоимости — зависимость ее от процесса, материального процесса производства и развития производительности труда (стр. 84, 85), непосредственная связь стоимости с производительностью труда.

[4]) См. выше, об отрыве абстрактного от обществ.-необходимого труда.

[5]) Гегель, Введение в философию, изд. Гос. Тимирязевского Н.-И. Института, М. 1927 г., стр. 102.

труд, который в своей *качественной* определенности определяет величину стоимости, является причиной как качественной, так и количественной стороны стоимости. Ошибка Рикардо, как указывает Маркс, заключалась в том, что он не учитывал качественного характера труда, как имманентного мерила. «Однако у Рикардо имеются все же отдельные места, где он прямо подчеркивает, что количество заключенного в товаре труда лишь потому служит имманентным мерилом величины их стоимости, различий в величине их стоимостей, что труд есть то, в чем различные товары являются *одинаковыми*, их единство, их сущность, внутренняя основа их ценности, чего он не исследовал. это лишь то, в какой определенной форме здесь выступает труд» (Маркс, Теории, III, 117). В толковании имманентного мерила стоимости И. Рубин допускает ту же ошибку, что и классики, несмотря на то, что это противоречит его пониманию абстрактного труда.

Поскольку И. Рубин неправильно установил связь между абстрактным и общественно-необходимым трудом, постольку неудивительно, что он недостаточно четко определяет ту проблему, которая стояла перед Марксом в вопросе о простом и сложном труде, так как последняя сводится к теоретическому отысканию единицы имманентного мерила.

«Понятие абстрактного труда, — говорит И. Рубин в конце главы об абстрактном труде, — относится к качественной стороне стоимости. Величина же стоимости находит свое выражение в понятии общественно-необходимого труда. *Прежде*, однако, *чем перейти к анализу последнего*, мы должны еще рассмотреть понятие *квалифицированного* труда, которое, подобно понятиям труда общественного и абстрактного, Маркс относит к *качественной* стороне труда» [1]).

Итак, И. Рубин сводит проблему квалифицированного труда к проблеме качества труда, создающего стоимость (в этом отношении за ним следуют Мезгауз, Дукор, Ноткин), и поэтому он ее решает до исследования понятия общественно-необходимого труда.

Прежде всего, мы замечаем как будто чисто-внешнее различие в последовательности рассмотрения проблем у Маркса и Рубина. У последнего: абстрактный труд — квалифицированный труд — общественно-необходимый труд. У Маркса в «Капитале», т. I, глава I: в § 1 сначала Маркс приходит к абстрактному труду, потом переходит к общественно-необходимому; во 2-м параграфе более детально разбирается категория абстрактного труда и тут же решается вопрос о простом и сложном труде. Чем об'ясняется это различие? Является ли это различие методическим или, может быть, методологическим? Скорее всего последним.

Проблема квалифицированного труда, по Рубину, есть проблема *качества* труда, как он формулирует в вышеприведенной цитате. Через несколько же страниц мы читаем: «Проблема квалифицированного труда сводится к изучению *условий равновесия между разнородными видами труда, отличающимися различною квалификацией*. Этим наша проблема еще не разрешена, но уже правильно поставлена» [2]). С последней постановкой можно согласиться, но она отличается от первой. Что же означает изучение условий равновесия между разнородными видами труда?

Для того, чтобы узнать, как устанавливается равновесие между разнородными видами труда, необходимо разрешить два вопроса: 1) к какому *качеству* сводятся эти виды труда, в какой форме распределяется труд,

---

[1]) «Очерки», изд. 2-е, стр. 113. Разрядка моя. В 3-м изд. это предложение отсутствует, но точка зрения автора в общем осталась прежняя. См. стр. 142, 191, 87. *А. С.*

[2]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 183. Разрядка автора. *С.*

2) какие устанавливаются пропорции, количественные соотношения между различными видами труда? Ни первая, ни вторая сторона в отдельности не могут дать картины равновесия, и только то и другое вместе создают возможность решить проблему равновесия. Маркс сначала изучает качественную сторону труда, заключающегося в стоимости (абстрактный труд), потом он переходит к количеству (общественно-необходимый труд). Труд, как единство той и другой определенности, является имманентным мерилом стоимости. После этого, приближаясь к действительности, мы должны еще учесть, во-первых, то, что конкретные виды труда бывают различной квалификации, следовательно, необходима дополнительная характеристика качественного сведения труда; во-вторых, количественные пропорции в зависимости от этого несколько иные, чем при нашем первом предположении, когда не учитывалось различие квалификации, превращающееся в различное количество одного и того же простого труда. Эти вопросы разрешаются путем теоретического нахождения стихийно проявляющейся единицы меры, простого труда и количественного определения сложного труда, как помноженного простого труда.

«Для того, чтобы товары измерялись заключенным в них количеством труда, — а мерилом для количества труда служит время, — все виды разнородного труда, заключенного в товарах, должны быть сведены к одинаковому простому труду, среднему труду, обычному, простому (unskilled) труду. Однако это превращение в простой средний труд не является единственным определением качества этого труда» [1]). Дальше, через несколько строк Маркс указывает на необходимость превращения частного труда в общественный; конкретного — в абстрактный. Итак, разрешая проблему квалифицированного труда, мы обогащаем наши представления о качестве труда, заключающегося в товарах, как стоимостях. Но, в связи с этим, мы получаем также более точную, ближе приближающуюся к действительности, характеристику количественных пропорций труда в товарном хозяйстве.

Именно, потому, что труд, как имманентное мерило стоимости, представляет собой единство качества и количества, проблема единицы имманентного мерила стоимости включает в себя два неотделимых момента: 1) сведение разных видов труда, отличающихся по квалификации, к однородному по качеству, к простому труду, — это качественная сторона проблемы; 2) теоретическое установление «различных пропорций, в которых различные виды труда сводятся к простому труду, как к единице их измерения» [2]), — это количественная сторона проблемы. Рассматривая в первом случае труд с точки зрения потребительной стоимости, устанавливаем качественное различие их, как конкретных видов труда, различающихся по квалификации. Последнее сначала при превращении конкретных видов труда в абстрактный не учитывалось. Теперь выдвигается задача свести все виды труда к однородному труду, имея в виду не только то, что разные виды труда производят различные потребительные стоимости, но и то, что эти виды труда отличны по квалификации. Во втором случае, поскольку с точки зрения создания стоимости час сложного труда не равен часу простого труда, постольку между ними намечается количественное различие, выдвигается задача теоретического отыскания тех пропорций, которые устанавливаются между простым и сложным трудом.

Проблема равновесия между разными видами труда, отличающимися по квалификации, предполагает уже решенным вопрос о более про-

[1]) Теория, III, 115. Подчеркнуто Марксом. *А. С.*
[2]) Маркс, К., I, 11—12.

стых, наиболее общих условиях равновесия в товарном хозяйстве: об общей форме превращения частного труда в общественный, о превращении конкретного труда вообще, пока без учета его квалификации, в абстрактный труд. Но эта качественная сторона, даже в этой наиболее абстрактной постановке, обусловлена также количественной стороной, превращением индивидуального времени в общественно-необходимое, так как «поскольку частный труд является общественно-необходимым, постольку он и заключает в себе человеческий труд вообще» [1]). И после этого можно перейти к проблеме, усложняющей и качественную и количественную характеристику труда, к проблеме простого и сложного труда.

Следовательно, методология диктует следующий логический порядок рассмотрения отдельных сторон труда, образующего стоимость:

1) качественная характеристика (абстрактный труд),

2) количественная сторона (общественно-необходимый труд),

3) проблема единицы меры стоимости, дополнительная характеристика качественно-количественной стороны труда (простой и сложный труд).

VI. Субстанция стоимости.

Разрешив вопрос об абстрактном, общественно-необходимом, простом труде, как социальном содержании и имманентном мериле стоимости, мы, казалось, тем самым охарактеризовали труд и как субстанцию стоимости, т. к. субстанция стоимости представляет собой то же содержание, но взятое несколько в ином разрезе в отношении его к форме. Это как будто подтверждается даже беглым просмотром первой главы «Капитала». Первый параграф ее имеет подзаголовок «Субстанция стоимости и величина стоимости», но через одну страницу Маркс задается целью открыть содержание и на следующей странице дает ответ, что абстрактный труд является субстанцией стоимости. В следующих параграфах Маркс употребляет следующие выражения, устанавливающие связь труда со стоимостью: абстрактный труд «заключается в товаре», «выражается», «содержится» в стоимости, «образует» стоимость, абстрактный труд «созидающая стоимость субстанция», «субстанция» стоимости и т. п. Отсюда вполне правильным будет вывод: Маркс считает абстрактный, общественно-необходимый и простой труд и субстанцией и содержанием стоимости и имманентной мерой ее. Если же установлено, что под содержанием стоимости следует разуметь абстрактный, общественно-необходимый, простой труд, как труд, свойственный только товарному хозяйству, то и субстанция стоимости является той же исторической категорией, специфически-общественной субстанцией.

Однако имеются товарищи, которые считают возможным относить субстанцию стоимости к материально-технической стороне процесса труда, не отрицая социального характера содержания стоимости [2]).

Бесспорно, что Маркс называет субстанцией стоимости абстрактный общественно-необходимый труд. Субстанция стоимости им характеризуется в следующих выражениях: «Общественная субстанция» [3]), «общественно-равная субстанция стоимости» [4]), «субстанция их (товаров. *А. С.*) стоимости имеет... чисто-общественный характер» [5]) «субстанция... однородный труд» [6]),

---

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 173. Поэтому мы считаем ошибочным положение И. Рубина, что можно представить такое товарное хозяйство, для которого не будет проблемы общественно-необходимого труда.

[2]) См., напр., А. Кон, Курс. изд. 1-е, стр. 55, и изд. 2-е, стр. 17—28.

[3]) К., I, 4—5.

[4]) К., I, 41.

[5]) Там же, стр. 15.

[6]) Там же, 10.

«субстанцией, основой стоимости сюртука и холста они (портняжество и ткачество. *А. С.*) оказываются лишь постольку, поскольку мы отвлекаемся от их качественно различных особенностей, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда» [1]). Это все говорит за то, что субстанцией стоимости Маркс считает абстрактный труд и в то же время Маркс подчеркивает, что эта субстанция имеет общественный характер. Поскольку мы имеем в действительности не «общество вообще», а общество феодальное, товарно-капиталистическое, коммунистическое, то достаточно приведенных выше утверждений Маркса, устанавливающих, что под субстанцией стоимости он разумел специфически-буржуазный труд. Несмотря на очевидность этого, некоторые товарищи с этим не согласны. В термин «общественный» они вкладывают более широкое содержание и считают, что абстрактный труд является общественной субстанцией в том же смысле, как, скажем, орудия труда, поскольку они таковыми становятся в обществе, суть общественные вещи. Как орудия труда при известных общественных условиях становятся капиталом, так и абстрактный труд при меновых отношениях становится трудом, создающим стоимость. По существу, именно так понимает субстанцию стоимости тов. Кон.

«Субстанцией стоимости, — говорит он, — является не материя, из которой состоит товар как вещь, но общественный абстрактный простой труд, затрачиваемый на производство товара» [2]). «Абстрактный труд вообще есть категория, свойственная не только меновому обществу, но и всякому обществу с расчлененной системой разделения труда. Абстрактный же труд в его специфически меновой общественной форме или, говоря иначе, труд, создающий стоимости, есть историческая категория, свойственная только меновому обществу» [3]). По мнению А. Кона, «чтобы труд создавал стоимости, он должен быть не только абстрактным, но и общественным трудом» [4]). В этой формулировке тов. Кон под общественным трудом разумеет специфический труд товарного хозяйства. Если термин «общественный» так понимать, то, будучи последовательным, тов. Кон должен признать, что выражение Маркса «общественная субстанция» означает специфичность ее как субстанции, присущей только товарному хозяйству. Но ведь это тов. Коном отрицается, следовательно, остается одно предположение, что в отношении субстанции тов. Кон толкует употребляемый Марксом термин «общественный» боле распространенно, чем во втором смысле. Итак, тогда как будто бы под субстанцией стоимости, по мнению т. Кона, нужно понимать материальную основу стоимости, считая эту субстанцию общественной на основании того, что она входит в общество так же, как целый ряд материальных процессов и вещей [5]). Однако такое понимание субстанции стоимости будет неправильно.

«Субстанция стоимости, — говорит Маркс, — тем отличается от вдовицы Квикли, подруги Фальстафа, что неизвестно, где она находится. В прямую противоположность чувственной, грубой субстанции товарных тел, ни один атом естественного вещества не входит в субстанцию их стоимости» [6]). Этим Маркс хочет сказать, что субстанция стоимости — это не вещество природы, не естествен-

---

[1]) Там же, 12.

[2]) А. Кон, Курс, изд. 2-е, стр. 28.

[3]) Там же, стр. 26.

[4]) А. Кон, Курс, изд. 1-е, стр. 54. Подчеркнуто автором. Во втором издании эта фраза несколько видоизменена в связи с тем, что тов. Кон отказался от некоторых ошибочных положений: «стоимости создаются абстрактным трудом, но не просто абстрактным трудом, но абстрактным трудом в его меновой общественной форме» (стр. 67).

[5]) См. о последнем Бухарин, Теория истор. мат. § 36.

[6]) К., I, 15. Разрядка моя. *А. С.*

ная деятельность природы или человека (труд как процесс производства потребительных стоимостей, товарных тел), а нечто другое. «Как материализация общественного труда, все товары представляют кристаллизацию одинаковой субстанции. Следовательно, мы должны рассмотреть *особенный характер этой субстанции*, т.-е. труда, который выступает в меновой стоимости» [1]). Предшественники Маркса как раз не сумели в силу метафизичности мышления «рассмотреть особенный характер этой субстанции». «Рикардо исходит из определения относительных стоимостей или меновых стоимостей товаров при посредстве количества труда, требующегося для их производства. Характер этого «труда» дальше не исследуется. Если два товара суть эквиваленты — или эквиваленты в определенной пропорции — или, что то же самое, если они неравны по величине, смотря по количеству «труда», который они заключают в себе, то ясно все же, что они одинаковы по *субстанции* — поскольку они — меновые ценности. Их субстанция — труд. Поэтому они и являются «ценностями». Их величина различна, смотря по тому, заключают ли они в себе больше или меньше этой субстанции [2]). Вида же — особого назначения труда, как создающего меновую ценность или выражающегося в меновых ценностях — *характера* этого труда Рикардо не исследует. Он, поэтому, не понимает связи этого труда с деньгами, т.-е. того, что он должен появляться в виде денег. Он, поэтому, совершенно не понимает связи между определением меновой ценности товара рабочим временем и необходимостью для товаров в своем развитии дойти до образования денег. Отсюда его неверная теория денег» [3]). Непонимание абстрактного труда, как специально буржуазного труда, является ошибкой классиков, относящейся к учениям как о социальном содержании, так и о социальной субстанции стоимости. Именно здесь, прежде всего, пролегает рубеж, отделяющий Маркса от классиков. Что такое абстрактный труд, мы говорили выше, и нам нет надобности повторять его определения.

В своей ответной статье на критику тт. Абезгауза, Дукора и Ноткина тов. Кон дает другое толкование субстанции стоимости, с одной стороны, поправляясь в своих формулировках, с другой — еще более запутывая вопрос. Он говорит:

«В организованных обществах труд индивида *уже в момент своего отправления* выступает, как часть труда общественного... Здесь труд является общественным уже тогда, когда он является *живым трудом*, т.-е. *процессом*. В меновом же обществе труд организован на началах частной собственности или, говоря короче, не организован.

---

[1]) К критике, 43. Разрядка моя *А. С.*

[2]) В этом месте ясно выступает то положение, что Маркс субстанцию стоимости и общественно-необходимый труд, как величину этой субстанции, относит к одному и тому же ряду явлений, т.-е. к специфически-общественной формулировке труда в товарном хозяйстве. Еще более ясно выражается Маркс в послесловии ко 2-му изд. «Капитала»: «Глава I, 1, с большей научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость, а также прямо указана в первом издании просто намеченная связь *между субстанцией стоимости и определением ее величины общественно-необходимым рабочим временем*» (подчеркнуто мной. *А. С.*). В первой же главе мы читаем: «Как же измерять величину ее (потребительной стоимости. *А. С.*) стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимость субстанцией» (стр. 5). Между тем, как тов. А. Кон считает возможным субстанцию (абстрактный труд) оторвать от ее величины (общественно-необходимый труд), рассматривая абстрактный труд как категорию, свойственную всякому обществу с расчлененной системой разделения труда (см. Курс, изд. 2-е, стр. 26), а общественно-необходимый труд—категорию, свойственную только меновому обществу (там же, стр. 28). Происходит отрыв качества от количества.

[3]) Теории, II, ч. 1, стр. 9. Подчеркнуто Марксом. *А. С.* См. также «К критике», 72; Теории, III, 117.

2) какие устанавливаются пропорции, *количественные* соотношения между различными видами труда? Ни первая, ни вторая сторона в отдельности не могут дать картины равновесия, и только то и другое вместе создают возможность решить проблему равновесия. Маркс сначала изучает *качественную* сторону труда, заключающегося в стоимости (абстрактный труд), потом он переходит к *количеству* (общественно-необходимый труд). Труд, как единство той и другой определенности, является *имманентным мерилом стоимости*. После этого, приближаясь к действительности, мы должны еще учесть, во-первых, то, что конкретные виды труда бывают различной квалификации, следовательно, необходима дополнительная характеристика качественного сведения труда; во-вторых, количественные пропорции в зависимости от этого несколько иные, чем при нашем первом предположении, когда не учитывалось различие квалификации, превращающееся в различное количество одного и того же простого труда. Эти вопросы разрешаются путем теоретического нахождения стихийно проявляющейся *единицы меры*, простого труда и количественного определения сложного труда, как помноженного простого труда.

«Для того, чтобы товары измерялись заключенным в них количеством труда, — а мерилом для количества труда служит время, — все виды разнородного труда, заключенного в товарах, должны быть сведены к одинаковому простому труду, среднему труду, обычному, простому (unskilled) труду. Однако это превращение в простой средний труд не является единственным определением *качества* этого труда» [1]). Дальше, через несколько строк Маркс указывает на необходимость превращения частного труда в общественный; конкретного — в абстрактный. Итак, разрешая проблему квалифицированного труда, мы обогащаем наши представления *о качестве* труда, заключающегося в товарах, как стоимостях. Но, в связи с этим, мы получаем также более точную, ближе приближающуюся к действительности характеристику количественных пропорций труда в товарном хозяйстве.

Именно, потому, что труд, как имманентное мерило стоимости, представляет собой единство качества и количества, *проблема единицы имманентного мерила стоимости* включает *в себя два неотделимых момента*: 1) *сведение разных видов труда, отличающихся по квалификации, к однородному по качеству, к простому труду*, — *это качественная сторона проблемы*; 2) *теоретическое установление «различных пропорций*, в которых различные виды труда сводятся к простому труду, как к единице их измерения» [2]), — это количественная сторона проблемы. Рассматривая в первом случае труд с точки зрения потребительной стоимости, устанавливаем *качественное различие* их, как конкретных видов труда, различающихся по квалификации. Последнее сначала при превращении конкретных видов труда в абстрактный не учитывалось. Теперь выдвигается задача свести все виды труда к однородному труду, имея в виду не только то, что разные виды труда производят различные потребительные стоимости, но и то, что эти виды труда отличны по квалификации. Во втором случае, поскольку с точки зрения создания стоимости час сложного труда не равен часу простого труда, постольку между ними намечается *количественное различие*, выдвигается задача теоретического отыскания тех пропорций, которые устанавливаются между простым и сложным трудом.

Проблема равновесия между разными видами труда, отличающимися *по квалификации*, предполагает уже решенным вопрос о более про-

[1]) Теория, III, 115. Подчеркнуто Марксом. *А. С.*

[2]) *Маркс*, К., I, 11—12.

стых, наиболее общих условиях равновесия в товарном хозяйстве: об общей форме превращения частного труда в общественный, о превращении конкретного труда вообще, пока без учета его квалификации, в абстрактный труд. Но эта качественная сторона, даже в этой наиболее абстрактной постановке, обусловлена также количественной стороной, превращением индивидуального времени в общественно-необходимое, так как «поскольку частный труд является общественно-необходимым, постольку он и заключает в себе человеческий труд вообще» [1]). И после этого можно перейти к проблеме, усложняющей и качественную и количественную характеристику труда, к проблеме простого и сложного труда.

Следовательно, методология диктует следующий логический порядок рассмотрения отдельных сторон труда, образующего стоимость:

1) качественная характеристика (абстрактный труд),
2) количественная сторона (общественно-необходимый труд),
3) проблема единицы меры стоимости, дополнительная характеристика качественно-количественной стороны труда (простой и сложный труд).

VI. Субстанция стоимости.

Разрешив вопрос об абстрактном, общественно-необходимом, простом труде, как социальном содержании и имманентном мериле стоимости, мы, казалось, тем самым охарактеризовали труд и как субстанцию стоимости, т. к. субстанция стоимости представляет собой то же содержание, но взятое несколько в ином разрезе в отношении его к форме. Это как-будто подтверждается даже беглым просмотром первой главы «Капитала». Первый параграф ее имеет подзаголовок «Субстанция стоимости и величина стоимости», но через одну страницу Маркс задается целью открыть содержание и на следующей странице дает ответ, что абстрактный труд является субстанцией стоимости. В следующих параграфах Маркс употребляет следующие выражения, устанавливающие связь труда со стоимостью: абстрактный труд «заключается в товаре», «выражается», «содержится» в стоимости, «образует» стоимость, абстрактный труд «созидающая стоимость субстанция», «субстанция» стоимости и т. п. Отсюда вполне правильным будет вывод: Маркс считает абстрактный, общественно-необходимый и простой труд и субстанцией и содержанием стоимости и имманентной мерой ее. Если же установлено, что под содержанием стоимости следует разуметь абстрактный, общественно-необходимый, простой труд, как труд, свойственный только товарному хозяйству, то и субстанция стоимости является той же исторической категорией, специфически-общественной субстанцией.

Однако имеются товарищи, которые считают возможным относить субстанцию стоимости к материально-технической стороне процесса труда, не отрицая социального характера содержания стоимости [2]).

Бесспорно, что Маркс называет субстанцией стоимости абстрактный общественно-необходимый труд. Субстанция стоимости им характеризуется в следующих выражениях: «Общественная субстанция» [3]), «общественно-равная субстанция стоимости» [4]), «субстанция их (товаров. *А. С.*) стоимости имеет... чисто-общественный характер» [5]) «субстанция... однородный труд» [6]),

---

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 173. Поэтому мы считаем ошибочным положение И. Рубина, что можно представить такое товарное хозяйство, для которого не будет проблемы общественно-необходимого труда.

[2]) См., напр., А. Кон, Курс. изд. 1-е, стр. 55, и изд. 2-е, стр. 17—28.

[3]) К., I, 4—5.

[4]) К., I, 41.

[5]) Там же, стр. 15.

[6]) Там же, 10.

субстанцией, основой стоимости сюртука и холста они (портняжество и ткачество. *А. С.*) оказываются лишь постольку, поскольку мы отвлекаемся от их качественно различных особенностей, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда» [1]). Это все говорит за то, что субстанцией стоимости Маркс считает абстрактный труд и в то же время Маркс подчеркивает, что эта субстанция имеет общественный характер. Поскольку мы имеем в действительности не «общество вообще», а общество феодальное, товарно-капиталистическое, коммунистическое, то достаточно приведенных выше утверждений Маркса, устанавливающих, что под субстанцией стоимости он разумел специфически-буржуазный труд. Несмотря на очевидность этого, некоторые товарищи с этим не согласны. В термин «общественный» они вкладывают более широкое содержание и считают, что абстрактный труд является общественной субстанцией в том же смысле, как, скажем, орудия труда, поскольку они таковыми становятся в обществе, суть общественные вещи. Как орудия труда при известных общественных условиях становятся капиталом, так и абстрактный труд при меновых отношениях становится трудом, создающим стоимость. По существу, именно так понимает субстанцию стоимости тов. Кон.

«Субстанцией стоимости, — говорит он, — является не материя, из которой состоит товар как вещь, но общественный абстрактный простой труд, затрачиваемый на производство товара» [2]). «Абстрактный труд вообще есть категория, свойственная не только меновому обществу, но и всякому обществу с расчлененной системой разделения труда. Абстрактный же труд в его специфически меновой общественной форме или, говоря иначе, труд, создающий стоимости, есть историческая категория, свойственная только меновому обществу» [3]). По мнению А. Кона, «чтобы труд создавал стоимости, он должен быть н е т о л ь к о а б с т р а к т н ы м, н о и о б щ е с т в е н н ы м т р у д о м» [4]). В этой формулировке тов. Кон под общественным трудом разумеет специфический труд товарного хозяйства. Если термин «общественный» так понимать, то, будучи последовательным, тов. Кон должен признать, что выражение Маркса «о б щ е с т в е н н а я субстанция» означает специфичность ее как субстанции, присущей только товарному хозяйству. Но все это тов. Коном отрицается, следовательно, остается одно предположение, что в отношении субстанции тов. Кон толкует употребляемый Марксом термин «общественный» более распространенно, чем во втором смысле. Итак, тогда как будто бы под субстанцией стоимости, по мнению т. Кона, нужно понимать материальную основу стоимости, считая эту субстанцию общественной на основании того, что она входит в общество так же, как целый ряд материальных процессов и вещей [5]). Однако такое понимание субстанции стоимости будет неправильно.

«Субстанция стоимости, — говорит Маркс, — тем отличается от вдовицы Квикли, подруги Фальстафа, что неизвестно, где она находится. В п р я м у ю п р о т и в о п о л о ж н о с т ь ч у в с т в е н н о й, г р у б о й с у б с т а н ц и и т о в а р н ы х т е л, н и о д и н а т о м е с т е с т в е н н о г о в е щ е с т в а н е в х о д и т в с у б с т а н ц и ю и х с т о и м о с т и» [6]). Этим Маркс хочет сказать, что субстанция стоимости — это не вещество природы, не естествен-

---

[1]) Там же, 12.

[2]) А. К о н, Курс, изд. 2-е, стр. 28.

[3]) Там же, стр. 26.

[4]) А. К о н, Курс, изд. 1-е, стр. 54. Подчеркнуто автором. Во втором издании эта фраза несколько видоизменена в связи с тем, что тов. Кон отказался от некоторых ошибочных положений: «стоимости создаются абстрактным трудом, но не просто абстрактным трудом, но абстрактным трудом в его меновой общественной форме» (стр. 67)

[5]) См. о последнем Б у х а р и н, Теория истор. мат. § 36.

[6]) К., I, 15. Разрядка моя. *А. С.*

ная деятельность природы или человека (труд как процесс производства потребительных стоимостей, товарных тел), а нечто другое. «Как материализация общественного труда, все товары представляют кристаллизацию одинаковой субстанции. Следовательно, мы должны рассмотреть *особенный характер этой субстанции*, т.-е, труда, который выступает в меновой стоимости»[1]). Предшественники Маркса как раз не сумели в силу метафизичности мышления «рассмотреть особенный характер этой субстанции». «Рикардо исходит из определения относительных стоимостей или меновых стоимостей товаров при посредстве количества труда, требующегося для их производства. Характер этого «труда» дальше не исследуется. Если два товара суть эквиваленты — или эквиваленты в определенной пропорции — или, что то же самое, если они неравны по величине, смотря по количеству «труда», который они заключают в себе, то ясно все же, что они одинаковы по *субстанции* — поскольку они — меновые ценности. Их субстанция — труд. Поэтому они и являются «ценностями». Их величина различна, смотря по тому, заключают ли они в себе больше или меньше этой субстанции[2]). Вида же — особого назначения труда, как создающего меновую ценность или выражающегося в меновых ценностях — *характера* этого труда Рикардо не исследует. Он, поэтому, не понимает связи этого труда с деньгами, т.-е. того, что он должен появляться в виде денег. Он, поэтому, совершенно не понимает связи между определением меновой ценности товара рабочим временем и необходимостью для товаров в своем развитии дойти до образования денег. Отсюда его неверная теория денег»[3]). Непонимание абстрактного труда, как специально буржуазного труда, является ошибкой классиков, относящейся к учениям как о социальном содержании, так и о социальной субстанции стоимости. Именно здесь, прежде всего, пролегает рубеж, отделяющий Маркса от классиков. Что такое абстрактный труд, мы говорили выше, и нам нет надобности повторять его определения.

В своей ответной статье на критику тт. Абезгауза, Дукора и Ноткина тов. Кон дает другое толкование субстанции стоимости, с одной стороны, поправляясь в своих формулировках, с другой — еще более запутывая вопрос. Он говорит:

«В организованных обществах труд индивида *уже в момент своего отправления* выступает, как часть труда общественного... Здесь труд является общественным уже тогда, когда он является *живым трудом*, т.-е. *процессом*. В меновом же обществе труд организован на началах частной собственности или, говоря короче, не организован.

---

[1]) К критике, 43. Разрядка моя *А. С.*

[2]) В этом месте ясно выступает то положение, что Маркс субстанцию стоимости и общественно-необходимый труд, как величину этой субстанции, относит к одному и тому же ряду явлений, т.-е. к специфически-общественной формулировке труда в товарном хозяйстве. Еще более ясно выражается Маркс в послесловии ко 2-му изд. «Капитала»: «Глава I, 1, с большей научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость, а также прямо указана в первом издании просто намеченная связь *между субстанцией стоимости и определением ее величины общественно-необходимым рабочим временем*» (подчеркнуто мной. *А. С.*). В первой же главе мы читаем: «Как же измерять величину ее (потребительной стоимости. *А. С.*) стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимость субстанцией» (стр. 5). Между тем, как тов. А. Кон считает возможным субстанцию (абстрактный труд) оторвать от ее величины (общественно-необходимый труд), рассматривая абстрактный труд как категорию, свойственную всякому обществу с расчлененной системой разделения труда (см. Курс, изд. 2-е, стр. 26), а общественно-необходимый труд—категорию, свойственную только меновому обществу (там же, стр. 28). Происходит отрыв качества от количества.

[3]) Теории, II, ч. 1, стр. 9. Подчеркнуто Марксом. *А. С.* См. также «К критике», 72; Теории, III, 117.

Хотя он и является об'ективно общественным трудом уже в процессе производства, ибо отдельные товаропроизводители фактически работают друг на друга, однако он в качестве живого процесса, в качестве живого труда [1]) выступает, как частный по форме труд. Для того, чтобы раскрыть свою общественную сущность, он должен преодолеть свою частную форму, а это может быть достигнуто только путем приравнения продуктов труда друг к другу... Продукты труда приобретают общественно одинаковую об'ективную природу лишь после того, как труд, создавший их, перестал существовать в качестве живого процесса [2]). Иначе говоря, общественный труд в меновом обществе об'ективируется, как общественный, приобретает самостоятельное (на ряду с частным трудом) существование не в качестве живого процесса (как в организованных хозяйствах), но лишь в качестве труда овеществленного, в качестве стоимости» [3]).

«Если сведение, — говорит он, — конкретного труда к абстрактному труду, как процессу, может быть достигнуто только как мысленное сведение, то сведение конкретного труда к абстрактному, овеществленному труду совершается не только в голове исследователя, но и об'ективно в процессе приравнивания продуктов различных конкретных видов труда друг к другу. Это об'ективное сведение конкретного труда к абстрактному совершается только в меновом обществе. Такой «абстрактный труд» есть действительно специфически меновая категория [3]). Однако каждому, кто отличает субстанцию стоимости (труд) от стоимости (овеществленного труда),... ясно, что эта категория есть не что иное, как стоимость» [4]).

Под давлением критиков тов. Кон теперь разграничивает общественный труд вообще от общественного труда товарного хозяйства, что совершенно правильно. Однако в чем же видит он их различие? По его мнению, специфичность труда в меновом обществе, как живого процесса, заключается лишь в том, что он выступает как частный по форме труд. В отличие от организованного общества, в меновом обществе труд преодолевает свою частную форму и становится общественным «не в качестве живого процесса, но лишь в качестве труда овеществленного, в качестве стоимости». Следовательно, в товарном хозяйстве труд становится общественным лишь как овеществленный труд, как стоимость. Но в каком же виде он является субстанцией стоимости? Прежде тов. Кон писал, что «труд, затраченный на производство товара, в условиях меновых отношений является причиной меновой стоимости» [5]).

Допустить, что частный труд создает стоимость, — нелепо. Значит, таковым является овеществленный труд, так как только он представляет, по тов. Кону, специфичность общественного труда в товарном хозяйстве. Выходит, что субстанция стоимости есть стоимость. Мы попадаем в порочный круг.

Желая подчеркнуть отличительный характер общественного труда в меновом обществе, тов. Кон увидел его только в вещной форме бытия этого труда, в его овеществлении, совершенно упустив из виду, что эта форма накладывает своеобразный отпечаток на труд, как деятель-

---

[1]) Последнее подчеркнуто мною, в остальных местах автором. *А. С.*

[2]) А. Кон, Некоторые замечания моих критиков в свете марксовой теории, «В. К. А.» кн. 25, стр. 266—277.

[3]) Здесь тов. Кон, как совершенно правильно на это указывают его критики («В. К. А.» кн. 27, стр. 78), смешивает категорию менового общества с меновой категорией. *А. С.*

[4]) «В. К. А.» кн. 25, стр. 270. Разрядка автора. *А. С.*

[5]) А. Кон, Курс, изд. 1-е, вып. I, стр. 55. Первая разряд

ность, как живой процесс. Верно, что одним из отличий общественного труда в товарном хозяйстве является то, что он овеществляется, становится стоимостью. Но, кроме того, он имеет своеобразные черты и как живой процесс, заключающиеся не только в том, что он — частный труд, на что указывает и тов. Кон. Отсутствие целевой установки, данной от общества, не уничтожает того, что частный труд в то же время в форме абстрактного труда является общественным трудом. Как живой процесс труд в товарном хозяйстве приобретает двойственный характер конкретного и абстрактного труда и в качестве живого процесса последний создает стоимость, является ее субстанцией. «Человеческая рабочая сила в текучем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость» [1]). «...Стоимость товара определяется *не* количеством действительно овеществленного в нем, а количеством необходимого для его производства живого труда» [2]). Сведение конкретных видов труда к абстрактному, как процессу, происходит не только в нашей голове, но и об'ективно через то же приравнивание товаров, про которое говорит тов. Кон. Он считает, что когда один товар приравнивается к другому, то они сводятся к одному и тому же единству, только как стоимость, только как овеществленный труд. Но ведь это есть в то же время косвенное, post factum, сведение различных видов труда к абстрактному, как социально однородному живому процессу. «Когда, например, сюртук, как воплощение стоимости, приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах, к их общему характеру человеческого труда. Следовательно, этим косвенным путем утверждается, что и ткачество, поскольку оно создает стоимость, не отличается от портняжества, следовательно, есть абстрактный человеческий труд» (К., I, 18. Разрядка моя. *А. С.*).

Абстрактный труд как труд, характеризующий товарное хозяйство, выступает перед нами как содержание, имманентное мерило, субстанция и сущность стоимости, смотря по тому, в каком аспекте мы рассматриваем его связь со стоимостью.

Выражение, что абстрактный труд является субстанцией стоимости, означает, что в об'яснении стоимости, как исторической категории, мы приходим к абстрактному труду, как первооснове стоимости [3]), как к исходному пункту, из которого вытекает стоимость, что и на нем «покоится все понимание фактов» (Маркс), что абстрактный труд—причина стоимости, что этот труд и есть та деятельность, которая в своем развитии создает все экономические категории товарного хозяйства и, прежде всего, стоимость. «Этот... общественный труд становится тем, что Гегель называет субстанцией, абсолютною формообразующею деятельностью, абсолютною силою, которая вызывает из себя все акциденции» [4]). Именно поэтому «основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы — понимание ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение стоимости рабочим временем» [5]). Абстрактный труд в роли производительной

---

[1]) К., I, стр. 18—19. Разрядка моя. *А. С.*

[2]) Там же, стр. 540. Разрядка моя. *А. С.* См. также стр. 618.

[3]) «Под субстанцией я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.-е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться» (Б. Спиноза, Этика, русск. пер., М. 1911 г., стр. 1).

[4]) Отто Бауэр, История «Капитала», статья в сб. «Основные проблемы», под ред. Дволайцкого и И. Рубина, изд. 2-е, стр. 44.

[5]) Теория, т. II. стр. 11. Подчеркнуто Марксом. *А. С.*

деятельности стихийно связывающихся товаропроизводителей как бы химически выделяет стоимость. «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму вещи» [1]). Труд и есть тот демиург действительности, который в саморазвитии творит из самого себя две стороны своего собственного бытия: материальные элементы и моменты специфически-общественные. В качестве творца второй в товарном хозяйстве он выступает как абстрактный общественно-необходимый труд [2]). Конкретный труд в качестве материального фактора создает разнообразные потребительные стоимости, но это лишь условие возникновения стоимости. То, что стоимость существует именно в данной вещи, а в другой определенной, конкретной вещи (например, сахар или холст и т. д.) выступает для нее как нечто внешнее, случайное, хотя наличие какой-нибудь потребительной стоимости представляет необходимое условие для существования стоимости. Конкретный труд, как материальное содержание и материально-техническая субстанция производственного процесса, труд вообще как производство потребительной стоимости, не может являться субстанцией стоимости как исторической категории. Причина стоимости есть абстрактный труд, как стихийная трудовая связь людей через приравнивание продуктов друг к другу и этим косвенным путем сведения их труда к труду однородному по качеству. Благодаря этому, продукты труда принимают общественную форму бытия в виде стоимости и сам труд — форму специфически общественного «свойства» вещей. Вот почему вполне правомерно Маркс часто говорит, что труд «создает», «образует», «определяет» стоимость [3]).

Стоимость в отношении абстрактного труда, как субстанции, является одним из его существенных определений. Именно, поэтому, следуя за Марксом, мы давали такое определение абстрактного труда, которое, если последний рассматривать пока даже отдельно от стоимости, как субстанцию в себе, потенциально уже содержит в себе стоимость. Возможность и необходимость появления стоимости заключена в том, что в товарном хозяйстве не конкретный труд, а обезличенная сторона его связывает членов общества заключена в специфическом способе сведения, а также в том, что «труд, создающий меновую стоимость, характеризуется еще тем, что общественное отношение лиц представляется, наоборот, как общественное отношение вещей» [4]). Овеществление абстрактного труда, принятие им формы общественного свойства вещи, представляет существенный признак этого труда. Но ведь овеществленный труд и есть стоимость.

---

[1]) К., I, 166.

[2]) В смысле материальной субстанции, рассматриваемой вне общественной формы, труд выступает в простом процессе труда, в производстве потребительных стоимостей. См. К., т. III, ч. 2, стр. 361 — 362.

[3]) И. Рубин в «Очерках», изд. 2-е, считал выражение «труд создает стоимость» двусмысленным (см. приложение, стр. 209 — «Очерки», изд. 3-е, стр. 30). Подобное отношение И. Рубина было вполне понятно, поскольку он под субстанцией стоимости разумел непосредственную зависимость последней от изменений в материально-технической стороне труда (См. «Классики полит. эк.», стр. 9, вступит. статья к работе Розенберга, стр. 45—46, «Очерки», изд. 2-е, стр. 59, 80, 91 и друг.). Действительно, если субстанция стоимости есть материально-технический процесс труда, а просто стоимость у Маркса означает «содержание» стоимости, зависимость ее от процесса материального производства и развития производительности труда» («Очерки», изд. 2-е, стр. 85), то ничего не остается как об'явить это учение метафизическим и считать двусмысленным выражение, что «труд создает стоимость». В своем докладе об абстрактном труде И. Рубин уже правильно формулирует: «Из субстанции стоимости должна с необходимостью вытекать и форма стоимости, а, следовательно, мы должны за субстанцию стоимости принять абстрактный труд, во всем богатстве его социальных определений, характерных для товарного хозяйства (См. «Абстрактный труд» стр. 30).

[4]) К критике, стр. 47—48.

Ошибочное положение тов. Кона, что субстанция стоимости есть овеществленный труд, таким образом, имеет в себе долю истины, но тов. Кон форму существования субстанции ошибочно отождествил с самой субстанцией. У Маркса встречаются места, где различные фетишистские категории (стоимость, капитал, прибыль и пр.) называются субстанцией. Так, например, в «К критике», стр. 44: «Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, с одной стороны, составляет субстанцию, делающую их меновыми стоимостями, и поэтому товарами, а с другой, — измеряет определенные величины меновых стоимостей». В «Капитале», т. III, ч. 2, мы тоже находим аналогичные места: «Рента есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию» (стр. 214). В главе о триединой формуле: «Они (доходы. *А. С.*) являются таковыми далее в том смысле, что капитал часть стоимости, а потому и продукта годового труда, фиксирует в форме прибыли, земельная собственность—другую часть в форме ренты и наемный труд — третью часть в форме заработной платы, и как раз посредством этого превращения эти части становятся доходом капиталиста, земельного собственника и рабочего, что, однако, не имеет никакого отношения к самой субстанции, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличность этой субстанции, т.-е. всей стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд» (стр. 360. Подчеркнуто мною. *А. С.*). В этих местах овеществленный труд, стоимость, прибыль Маркс называет субстанцией. Но, несмотря на это, это не дает права утверждать, что Маркс отождествлял субстанцию стоимости со стоимостью, капиталом, прибылью. Верно, что все эти категории представляют собой— отдельные формы бытия, формы существования субстанции, но если бы мы их стали рассматривать сами по себе, как субстанции, то уподобились бы меркантилистам. «Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь (в движении капитала. *А. С.*) она внезапно оказывается саморазвивающейся, самостоятельно движущейся субстанцией, для которой товары и деньги представляют лишь формы проявления... Стоимость становится таким образом самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами и, как таковая, она капитал. Д — Д', деньги, порождающие деньги — money which beuets money—таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов [1]). Ошибка меркантилистов заключалась не в том, что капитал рассматривался ими как самодвижущаяся стоимость, самодвижущиеся деньги, а в том, что они за этой формой просмотрели действительную субстанцию, т.-е. труд. Стоимость, деньги и пр., как самодвижущаяся субстанция, на самом деле представляют собой только формы бытия и формы существования труда как субстанции. Форма движения стоимости, денег, капитала есть выражение самодвижущегося труда.

Когда устанавливается связь между трудом и стоимостью, то должно видеть не только различие между ними (о чем будет речь и впереди), но и их тождество, т.-е. абстрактный, общественно-необходимый труд, который выступает двояко, то как процесс, деятельность, то как стоимость, овеществленный труд. Но и в том и другом случае это—абстрактный общественно-необходимый труд, исторически-ограниченный рамками товарного хозяйства.

В предыдущих строках, говоря о том, какая существует связь между трудом и стоимостью, мы не особенно были строги к себе в отношении терминологии и употребляли как идентичные следующие выражения: 1) труд «содержится», «заключается», выражается», «представляется» в стоимости,

[1]) К., I, 129.

2) стоимость «измеряется» трудом, 3) труд «создает», «образует», «определяет» стоимость. С методологической точки зрения полное отождествление всех этих выражений не совсем точно, потому что, хотя здесь взяты во всех случаях одни и те же об'екты—специфически-общественный характер труда в товарном хозяйстве и стоимость,—но связь между ними устанавливается в различных аспектах. Употребляя термины под первой рубрикой, мы рассматриваем труд как содержание стоимости, во втором случае—в роли имманентного мерила стоимости и в третьем—в качестве субстанции стоимости.

VII. Труд и производственные отношения.

Труд связывает общество с природой и в то же время является основным связующим звеном людей друг с другом. Политическую экономию интересует последняя его сторона. С этой точки зрения труд рассматривается в его общественном значении как отношение труда отдельных членов общества, «отношение общественного труда», «общественное отношение одного труда к труду другому» (Маркс). Изучение специфически-общественных определений труда товарного хозяйства совпадает с изучением производственных отношений этого хозяйства, т.-е. отношений товаропроизводителей.

В теории стоимости приходится сталкиваться с различными определениями буржуазного труда. Он выступает в форме труда частного, абстрактного, общественно-необходимого, простого и сложного. Все эти определения суть не что иное как характеристика производственных отношений людей в таком обществе, где производятся не просто продукты, а товары. Отличительные признаки этого труда суть признаки, характеризующие производственные отношения товаропроизводителей. Одной из особенностей этих производственных отношений является то, что они антагонистичны, включают в себя в качестве своих моментов начало не только соединяющее, но и раз'единяющее. Соответственно чему труд выступает в противоречивой форме: труд частный и труд общественный, конкретный и абстрактный.

Непосредственно труд товаропроизводителей представляется *частным* трудом. В этом прежде всего сказывается, что производство потребительных стоимостей не находится под непосредственным контролем всего общества, производители непосредственно не получают заданий от общества, что вытекает из специфической формы распределения средств производства и, как следствия этого, распределения производственного продукта в товарном хозяйстве, из владения членами общества средствами производства на правах частной собственности. Частная собственность, частный труд—это формальная независимость отдельных товаропроизводителей, проходящая красной нитью через все моменты установления отношений между товаропроизводителями. Частный труд—это то, что разобщает членов этого общества. Но, не переставая быть частным, труд товаропроизводителя в то же время является частью совокупного труда общества, общественным трудом, связывающим отдельного товаропроизводителя со всем обществом. Частный труд превращается в общественный в форме *абстрактного общественно-необходимого труда*. Противоположность между частным и общественным трудом, что имеет место только в товарном хозяйстве, выступает в свойственной тому же хозяйству противоположности конкретного и абстрактного труда. Если частный труд, выступая в конкретной форме, раз'единяет товаропроизводителей, то труд абстрактный представляет собой характеристику того качества труда, которое связывает товаропроизводителей друг с другом. Абстрактный труд—качественная характеристика производственных отношений товаропроизводителей.

Производство того или иного товара поглощает определенное количество труда. «Но непосредственно он (товар. *А. С.*) представляет только индивидуальное рабочее время с особенным содержанием, а не всеобщее рабочее время [1]). В качестве связующего звена между товаропроизводителями в отношении к другому труду, труд данного лица должен приобрести количественную определенность в форме абстрактного труда, т.-е. должен стать общественно-необходимым трудом. Последний является количественной характеристикой труда, связывающего товаропроизводителей в единый производственный организм. Поскольку производственные отношения нами рассматриваются как отношение труда в его общественной форме, постольку производственные отношения приобретают и количественную характеристику (общественно-необходимый труд).

Внутренняя противоречивость производственных отношений товаропроизводителей (труд частный и общественный, конкретный и абстрактный) находит свое внутреннее выражение в двойственности товара, в противоположности потребительной стоимости и стоимости, в олицетворении вещей и овеществлении лиц.

В «Очерках» И. Рубина, взгляд на соотношение между различными определениями труда товарного хозяйства и производственными отношениями, по нашему мнению, недостаточно определенный.

Во 2-м издании «Очерков» дело обстояло немного яснее. Там мы читали: «Трудом же, точнее абстрактным трудом, мы называем производственные отношения между товаропроизводителями. Это трудовая связь между ими [2]). «Абстрактный труд выражает основное производственное отношение товарного хозяйства» [3]). «Труд—это абстрактный труд, производственное отношение между частными товаропроизводителями, связанными через обмен» [4]). Суть всех этих утверждений сводилась к тому, что абстрактный труд есть характеристика производственных отношений,—и правильно.

В 3-м же издании эти, в общем правильные и ясные, положения уже отсутствуют, и автор дает такие скользкие формулировки, которые по существу не решают вопроса.

Мы тщательно просмотрели все соответствующие места «Очерков» и приходим к выводу, что в 3-м издании автор, вместо развития вопроса, затушевывает его. Выбираем две наиболее ясные формулировки. «Общественный или абстрактный труд, который является общественной стороной материального трудового процесса, предполагает наличие определенных производственных отношений между людьми. Поэтому мы можем сказать с одинаковым правом, что стоимость является выражением абстрактного труда, или что она является выражением производственных отношений людей» [5]). «Определение стоимости, как выражения производственных отношений людей, не противоречит данному нами выше определению стоимости, как выражения абстрактного труда. Разница только в том, что раньше мы рассматривали стоимость с количественной стороны (как величину стоимости), а теперь — с качественной (как социальную форму). Соответственно этому и абстрактный труд выступал раньше (т.-е. при определении стоимости как выражения абстрактного труда. *А. С.*) с количественной стороны, а теперь (стоимость — выражение производственных отношений. *А. С.*) с качествен-

---

[1]) К критике, стр. 56.

[2]) «Очерки», изд. 2-е, стр. 112.

[3]) Там же, стр. 111—112. Слово «выражает» — неудачно. Почти в тех же словах эта мысль повыше, на стр. 111.

[4]) Там же, стр. 110.

[5]) «Очерки», изд. 3-е, стр. 355. Разрядка моя. *А. С*

ной, а именно как общественный труд в его специфической форме, предполагающей производственные отношения между людьми как товаропроизводителями» [1]).

Разлагая на отдельные элементы эти положения, мы приходим к следующему. Во-первых, здесь автор так же, как и во всех случаях, где у него отсутствует ясность мысли, употребляет, связывая труд и производственные отношения, злополучный термин, «п р е д п о л а г а е т». Производственные отношения предполагают производительные силы, абстрактный труд предполагает физиологическую затрату, «теория цен производства предполагает существование всех трех основных типов производственных отношений людей в капиталистическом обществе (отношения между товаропроизводителями, отношения между капиталистами, отношения между отдельными группами промышленных капиталистов)» [2]), а изучает «производственные отношения между промышленными капиталистами разных сфер производства (теория цены производства)» [3]). Когда у И. Рубина нет правильного и ясного представления о предмете, он употребляет термины: «предполагает», «предпосылка». Если во 2-м издании ясно и четко говорится, что абстрактный труд — производственные отношения, то здесь он скрывает туманность мысли словом «предполагает». Но что значит «предполагает», «предпосылка»? Стоимость предполагает потребительную стоимость, но последняя не включается в первую. Абстрактный труд предполагает физиологическую затрату, но последняя, согласно толкованию И. Рубина, не включается в качестве определения первого, а берется как предпосылка. Как же прикажете понимать соотношение абстрактного труда и производственных отношений, если абстрактный труд предполагает производственные отношения? Аналогична ли их связь соотношению стоимости и потребительной стоимости, абстрактного труда и физиологической затраты в понимании И. Рубина, или абстрактный труд и есть характеристика производственных отношений? Видимо, с последним автор теперь не согласен, поскольку ясные положения «Очерков» 2-го издания отсутствуют в 3-м издании. Но тогда остается вопрос невыясненным, так как ограничиться положением, что абстрактный труд предполагает производственные отношения, недостаточно.

Во-вторых, вторая цитата дает повод думать, что труд, рассматриваемый с количественной стороны, не является «трудом в специфической форме, предполагающей производственные отношения», так как в конце цитаты последнее связывается лишь с тем моментом, когда стоимость рассматривается с качественной стороны. Это противоречит концепции самого И. Рубина, о чем мы уже имели возможность говорить.

В-третьих, поскольку производственные отношения у автора увязываются только с качественной стороной, то можно подумать, что они не имеют количественной характеристики. Это, между прочим, представляется само собой разумеющимся многим товарищам, хотя оно (мнение) от этого и не становится верным. Если общественные отношения рассматривать как моральные, с этической точки зрения, как правовые, идеологические и пр., то тогда действительно не сможешь дать им количественную характеристику. Поскольку же мы изучаем п р о и з в о д с т в е н н ы е отношения, иначе говоря, отношения общественного труда, общественные отношения труда одного товаропроизводителя к труду другого товаропроизводителя, постольку отношения товаропроизводителей имеют не только качественную, но и количе-

[1]) Там же, стр. 82. Подчеркнуто мною. См. также стр. 85, 86—87, 118, 159, 17.. 355 и след. и главу X. *А. С.*

[2]) Там же, стр. 242.

[3]) Стр. 241. Критику последних положений И. Рубина см. в нашей статье в «Под Знам. Маркс.», № 12, 1927 г.

ственную формулировку, абстрактный и общественно-необходимый труд. Рассматривая с этой стороны труд, мы можем сказать относительно него то же, что сказал Маркс по поводу стоимости.

«Абсолютным выражением было бы ее выражение в рабочем времени; и этим абсолютным выражением она была бы представлена, как нечто относительное, но в абсолютном отношении, в котором она является ценностью»[1]).

Это положение с равным правом можно отнести как к живому труду, так и к овеществленному. Так, например, возьмем положение: на производство данного товара затрачено 10 часов абстрактного общественно-необходимого труда. Здесь имеется абсолютная величина (10 часов) определенного качества труда, труда в его специфической для товарного хозяйства общественной форме. Но последнее и означает, что мы рассматриваем абсолютную величину труда данного товаропроизводителя в его отношении к общественному труду товарного хозяйства, как нечто относительное. Труд и в его абсолютном выражении означает трудовое, производственное отношение данного товаропроизводителя к другим товаропроизводителям.

Абстрактный общественно-необходимый труд есть производственное отношение товаропроизводителей, но было не верно сказать наоборот. «Производственное отношение товаропроизводителей» — более широкое понятие и включает в себя еще целый ряд определений. Но об этом — в другом месте.

[1]) Теории, III, стр. 113.

Диалектика и проблемы войны[1])

(О статье тов. Вольпе «Некоторые мысли о диалектике войны») [2]).

М. Рютин.

I.

Вульгаризация марксизма всегда и при всяких условиях создает бл-
риятную питательную теоретическую базу для оппортунизма. А част
ı вульгаризацией и непосредственно окрывается оппортунизм, теорети-
ıя ревизия марксизма, направленная к тому, чтобы расчистить путь дл
юртунистической практики.

Именно поэтому диалектические материалисты на всем протяжени
цествования марксизма вели беспощадную борьбу со всеми попытками
ıльгаризации учения Маркса с упрощенчеством, с «вольным» толковани
териалистической диалектики, с стремлениями и тенденциями приять
ıу часть марксизма и отвергнуть другую и проч.

В борьбе против ревизии теоретических основ марксизма, против по-
ток заменить марксизм ползучим эмпиризмом, против вульгаризации ма-
эиалистической диалектики и ее искажения—на философском фронте за
следние 5 — 6 лет проделана гигантская работа. В настоящее время осно-
е ревизионистское течение, выступившее 6 лет тому назад с критикой
ренных принципов материалистической марксистокой философии—диа-
ческий материализм — разоблачено. II конференция марксистско-лени
ıх учреждений подвела этой борьбе итоги и единодушно встала на позиц
териалистической диалектики против механистов.

Основная масса молодых марксистских научных кадров, работающи
различных специальных областях естествознания, глубоко прониклась со
анием, что «без солидного философского образования никакие естестве
е науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против на-
ска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания»
енин). Свою научную работу молодые марксисты ученые стремятся орга-
чески увязать с углубленным изучением философских основ марксизма.

Нельзя сказать, что такие же успехи мы имеем в такой важнейшей
ı нас области, которую должна завоевать материалистическая диалектика
к военная наука.

Прежде всего на этом участке мы имеем значительное отставание
щетеоретической марксистской мысли в особенности в смысле овладения
ıлософскими основами марксизма — по сравнению с многими другими на-
ıыми дисциплинами Выход «Диалектики природы» Энгельса, IX Ленинского
рника, выход Гегеля и его изучение теоретиками-марксистами, работо-
ми в различных научных дисциплинах, ожесточенная борьба последова-
лей диалектического материализма в течение целых 6 лет, огромная поле-
ческая литература, вышедшая по данному вопросу за эти годы,—все это

---

[1]) Печатая статью т. Рютина, редакция приглашает товарищей, занимаю-
ıхся теоретической разработкой проблем войны, принять участие в обсуждени
ıх вопросов. *Ред.*

[2]) «Война и Революция» кн. 5, 1929 г., стр. 65.

в большей своей части прошло мимо теоретической военной марксистской мысли и не нашло в ней почти никакого отражения.

Борьба диалектиков с механистами шла и идет прежде всего за определенное место марксистской философии как всеобщей методологии наук в ряду других научных дисциплин. Борьба идет за необходимость сознательного применения материалистической диалектики во всех областях научного знания. Марксистской теоретической военной мыслью по отношению к своей специальной области этот вопрос по существу до настоящего времени со всей ясностью даже еще не поставлен. Между тем, здесь он должен быть поставлен отчетливее, чем во многих других случаях, ибо война — область для приложения метода исторического материализма, и изучение отдельных конкретных проблем войны с помощью марксистского метода, вплоть до настоящего времени продвинулось весьма недостаточно.

Если теоретической военной мыслью и не был выдвинут лозунг «наука сама себе философия», то на практике во всяком случае большая часть военных теоретиков-марксистов стояла в стороне от марксистской философии. В результате, если в настоящее время спросить, много ли мы имеем научных военных работ, в которых были бы сделаны серьезные попытки применить метод диалектического материализма, при чем применить не поверхностно, а со знанием и самого метода и того вопроса, к которому он применяется, то по самым смелым подсчетам такие попытки являются пока единичными. Некоторые военные теоретики-марксисты просто даже и не пытаются применять марксизм в своих научных работах. Марксисты таким образом оказываются без марксизма. Другие же хотя и делают такие попытки, но они кончаются весьма плачевно. И во всех последних попытках обнаруживается основной недостаток: незнание, непонимание марксистской методологии, самое поверхностное усвоение сущности материалистической диалектики. Отсюда упрощенчество, отсюда вульгаризация марксизма и его методологии.

Наиболее ярким документом такой вульгаризации марксизма в военной литературе за последнее время является статья тов. Вольпе. «Некоторые мысли о диалектике войны», помещенная в V книге военно-теоретического журнала «Война и Революция» в 1929 году. Молча мимо этой статьи пройти никак нельзя. Она ставит перед военной теоретической мыслью основную проблему: о применении метода диалектического материализма к изучению проблем войны И в то же время она так извращает все вопросы, вносит столько путаницы в понимание диалектики, является такой карикатурой на марксизм, что заслуживает самого решительного отпора.

Если некоторые военные работники, по выражению т. Ворошилова, преподносят нам «можайскую стратегию», то тов. Вольпе в своей статье дал нам образец «суздальской диалектики». От такого применения диалектики, образцы которого дал нам в своей статье тов. Вольпе, одинаково не поздоровится и диалектике, и военным проблемам. Автор вышеназванной статьи прежде всего пытается определить место марксизма в ряду других наук.

По этому вопросу тов. Вольпе пишет:

«Марксизм, как известно, понимается, как «всеобщая теория развития природы и общества». *Но для конкретного изучения отдельных обширных областей этой всеобщей революционной теории марксизм делится на ряд наук*» [1]). (Курсив наш. *М. Р.*).

В приведенной цитате мы имеем сразу два откровения: во-первых, оказывается, что марксизм делится на ряд наук. До настоящего времени это никакому марксисту не приходило даже и в голову. Теперь же с легкой руки тов. Вольпе оказывается, что есть просто марксизм и в то же время есть

[1]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 65.

марксизм биологический, математический, военный, зоологический и проч. Для чего, спрашивается, произведено такое деление? Автор отвечает: «для конкретного изучения отдельных обширных областей этой всеобщей революционной теории». Под этой всеобщей теорией автор разумеет опять-таки марксизм. Итак, марксизм делится на ряд наук для изучения марксизма! Масло масляное, диалектика диалектическая, а по-просту получаются «сапоги всмятку».

Автор не понимает того элементарного положения, что марксизм нельзя разделить на кусочки или «откомандировать» одну часть марксизма на изучение естественных наук, другую—на изучение военного дела и т. д. «Марксизм,—говорит Плеханов,—это целое миросозерцание» [1]. Но это не только ц е л о е миросозерцание, но и ц е л ь н о е миросозерцание. Марксизм—это диалектический материализм, это прежде всего метод научного познания, ибо метод—душа всякого научного познания. Метод диалектического материализма нельзя разделить на части, но он может и должен быть нами применен с учетом своеобразия, специфичности каждой отдельной научной дисциплины во всех областях научного познания.

«Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его на познание человеческого общества. Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,—из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т.-е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т.-е. разные взгляды и учения—философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества» [2].

Марксизм, материалистическая диалектика, отражает диалектический характер развития природы, общества и самого человеческого мышления. Именно поэтому он может и должен быть всеобщей методологией наук, в том числе и военной науки.

Автор замечательных «мыслей» и здесь, однако, думает несколько иначе. Марксизм хотя и может быть методом изучения военных проблем, но не совсем, не целиком.

«Путаница,—пишет тов. Вольпе,—начинается тогда, когда при практическом применении диалектики смешивают в кучу всеобщие законы материалистической диалектики и законы исторического материализма. Эта путаница происходит от того, ч т о ч а с т о з а б ы в а ю т, ч т о в о й н а (и с к о л е о н а с у щ е с т в у е т) и м е е т и с в о и с о б с т в е н н ы е з а к о н ы» (Разрядка везде наша. *М. Р.*).

Наличие противников, интересы которых резко противоречивы; различные силы социального порядка, которые действуют в разных направлениях внутри государства и армии каждого из противников в отдельности; неравномерность политической и экономической базы войны каждого из противников, влияние, которое оказывают на войну географические, топографические и атмосферные условия; физическое и моральное напряжение, неизвестность, опасность и трения на войне в совокупности создают очень сложную обстановку, которая приводит к развитию отдельных полководцев, оказывает свое влияние на отдельные события войны.

[1] П л е х а н о в. Основные вопросы марксизма, стр. 11.
[2] Л е н и н, т. XII, ч. 2, стр. 56.

Старая военная наука рассматривала войну вне связи со своей социальной базой, поэтому эта наука неизбежно была абстрактной, оторванной от жизни.

Теперь пытаются войну даже в той части, которая касается теории ведения военных действий, целиком и полностью отнести к историческому материализму, забывая, что в некоторой обширной части она имеет свои законы»[1]).

Итак, война имеет не только законы исторического материализма, но и «свои собственные законы». Есть лица, которые пытаются «войну даже в той части, которая касается теории ведения военных действий, целиком и полностью отнести к историческому материализму, забывая, что в некоторой обширной части она имеет свои законы» (Разрядка наша. *М. Р.*).

Выходит так, что некоторой частью «теории ведения военных действий» исторический материализм должен заниматься, ибо это по его «ведомству», но большая часть этой теории имеет свои собственные законы, и туда историческому материализму и материалистической диалектике соваться незачем, ибо там его «услуги» будут совершенно бесполезны. Область применения диалектического материализма, следовательно, ограничена.

Марксисты-диалектики до настоящего времени полагали и полагают, что диалектический материализм необходимо применять решительно во всех областях научного познания, тов. же Вольпе для диалектического метода устанавливает определенные «зоны», дальше которых, по крайней мере в области войны, он проникать не должен. Тов. Вольпе диалектический материализм понял в высшей степени поверхностно, плоско, односторонне.

Тов. Вольпе не уяснил себе, что любые «особые законы войны» суть законы общественно-исторические. Вопрос только в том, что одни из этих законов могут быть более общими, другие более частными. Стратегия и политика, позиционный и маневренный характер войны, пресловутые дельбрюковско-свечинские «измор» и «сокрушение», все положения и формы тактики, тактика отдельных родов войск—все это область действия общественно-исторических законов. Конечно, скажем, в области тактики, на ряду с общими законами общественного развития, проявляются и частные закономерности. Но любая частная закономерность общественного развития вплоть до такой, как «случайность», является закономерностью социальной и должна быть изучена с помощью исторического материализма.

Само собой разумеется, что на войне действуют также законы физики, химии, биологии и пр. При выстреле из орудия, при пускании О. В.—действуют определенные законы физики и химии. Но, во-первых, и эти законы подлежат изучению с помощью метода материалистической диалектики, а, во-вторых, законы физики, химии, биологии не особые законы войны, а именно законы физики, химии и пр. Автор, очевидно, имел в виду не эти «законы». Всякие же другие законы войны можно и должно изучать методом исторического материализма.

Законы войны определяются общими законами общественного развития человечества. Но так как в области развития военного искусства, на ряду с общими законами исторического развития, действуют в отдельных областях и частные закономерности, то они придают своеобразие развитию той или иной стороны военного дела в каждой отдельной стране, модифицируют его, отклоняют на время в ту или другую сторону от общей линии развития.

Возьмем тактику пехоты. Ее развитие в общем и целом определялось развитием производительных сил и производственных отношений. Но действие частных закономерностей в каждой отдельной стране приводит к тому,

[1]) «Война и Революция» кн. 5, 1929 г., стр. 66.

что даже две одинаковые по своему экономическому развитию и производительным силам страны имеют не одинаковую тактику. На тактику, помимо основных исторических факторов, действуют политические надстройки, географические условия, определенный характер взаимоотношений данной страны с другими странами и пр. Все это неизбежно приводит к тому, что нет и не может быть двух таких армий в каждый данный момент, тактика которых была бы совершенно одинакова.

Общеизвестно, что тактика германской пехоты в период перед мировой войной и в мировую войну весьма значительно отличалась от тактики французской армии. Это прошлое германской армии, несомненно, влияет и на тактику рейхсвера. А, с другой стороны, на тактическую подготовку в германской армии будут влиять специфические условия Версальского договора. Таким образом ряд причин будет действовать на развитие тактики германской армии модифицирующим образом. То же можно сказать о тактике любой другой армии. Эти модификации не вытекают непосредственно из производительных сил и экономических отношений, они определяются особыми условиями, частными причинами. Но эти особые условия суть исторические условия, эти частные закономерности суть закономерности общественно исторические.

Никаких «сфер влияния» для исторического материализма в военном деле установить нельзя. «Диалектика, как наука о всеобщих связях и соотношениях реального мира, применима ко всем областям действительности. Всеобщие диалектические связи мы находим повсюду. Но на ряду с этими всеобщими, абстрактными, алгебраическими категориями и соотношениями необходимо отыскивать в природе и обществе конкретное их преломление, своеобразное проявление в каждой отдельной области» [1]).

Задача марксистского изучения военных проблем заключается, следовательно, не в том, что при подходе к определенным областям научного исследования пасовать, ибо на дверях написано: «здесь действуют особые законы» а в том, чтобы находить в этих особых законах частное, своеобразное проявление и преломление всеобщих законов исторического развития.

Не умея правильно понять связи военной науки с историческим материализмом, тов. Вольпе, размышляя о диалектике, делает еще одно замечательное «открытие». Он пишет: «Доколе мы определенно не договорились, что военная наука существует как таковая, дотоле у нас неизбежна военно-научная путаница. Но как будто никто не отрицает наличия особой военной науки. Раз так, то необходимо эту науку поставить на определенное место в общей системе марксизма. **Мне кажется, что ей следует отвести место, как подотделу исторического материализма, под названием — диалектика войны.**

Самостоятельного места в общей системе марксистской классификации наук диалектика войны иметь, очевидно, не может, **ибо большая часть ее законов вытекает из общественного развития»** [2]) (Разрядка наша. *М. Р.*).

Итак, во-первых, с разрешения тов. Вольпе военная наука является «подотделом» исторического материализма. Раньше т. Вольпе разделил марксизм на ряд наук, теперь он делит его на ряд «подотделов». Если военная наука подотдел исторического материализма, то чем хуже — искусство, литература, история. Все это, очевидно, будут «подотделы» исторического материализма. На дверях каждой науки отныне будет написано — «история», «подотдел исторического материализма», «литература и искусство — подотдел исторического материализма» и т. д. Сколько же будет таких подотде-

---

[1]) Деборин, Диалектика и естествознание, стр. 31.

[2]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 66 – 67.

лов? Их неизбежно придется пронумеровать, иначе обязательно заблудишься в этом лабиринте отдельных комнат — исторического материализма.

Во-вторых, мы узнаем, что «большая часть законов войны вытекает из общественного развития». Если большая часть вытекает из общественного развития, то, следовательно, меньшая часть из этого развития не вытекает. Следовательно, военная наука имеет какие-то так сказать надисторические, вечные законы.

Интересно было бы узнать, что это за «вечные» законы, обитающие вне пространства и времени и определяющиеся не общественным развитием, а какими-то особыми таинственными причинами. Отмеченная путаница на деле приводит к тому, что есть де такие уголки военной науки, где марксизму делать нечего. Если раньше, несколько лет тому назад, эту идею выражали проще: «Пушка не стреляет по-марксистски», то теперь т. Вольпе эту же мысль выражает более запутанно и окольным путем, в прикрытой форме. Он говорит—«большая часть законов войны вытекает из общественного развития».

Такая формулировка является вообще не марксистской, не ленинской, а в настоящих условиях, когда историческому материализму только еще предстоит завоевать военную науку, когда мы в этой области сделали еще весьма немного, формулировка Вольпе об'ективно отвлекает внимание марксистской мысли в сторону от ряда военных проблем—и тащит нас таким образом назад.

Последуем, однако, за тов. Вольпе дальше. «Мысли» т. Вольпе о диалектике остановились и на таком важнейшем вопросе, как задачи марксиста-исследователя, применяющего в своих исследованиях методологию диалектического материализма. «Диалектика,—пишет т. Вольпе,—является самым совершенным научным методом, потому что вся природа и человеческое общество развиваются диалектически. Диалектика есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и мышления». Только поэтому и возможно построение курса (!) диалектики как логической системы (!), ибо ее не применяют извне к исследуемым явлениям (!), а сами явления развиваются диалектически. Основной задачей исследователя является то, чтобы систематически воссоздать тот процесс, который происходил в действительности. По отношению к войне эта задача определяется как воссоздание того военного процесса, который происходил в действительности» [1]).

Автор «мыслей» о диалектике взбирается здесь на самую вершину марксистского мышления. Диалектический метод в руках самого автора празднует блестящий триумф. Тов. Вольпе поведал нам сразу несколько новых гносеологических истин. Сначала мы от него узнаем о том, что диалектику применяем мы «не извне» к исследуемым явлениям, ибо сами явления развиваются диалектически. Затем он ставит задачи перед научным исследователем и приходит к заключению, что этими задачами должно быть «систематическое воссоздание процесса, который происходил в действительности». Наконец, по отношению к войне, по мнению автора «Мыслей о диалектике», задача исследователя сводится к «воссозданию военных процессов», которые происходили в действительности.

Посмотрим, что же из развитых положений автора статьи «Некоторые мысли о диалектике войны» вытекает.

Автор думает, что диалектический метод применяется к исследуемым вопросам и процессам не извне. Извне исследовать процессы, как думает т. Вольпе, не зачем, ибо процессы развиваются диалектически. До сих пор материалисты-диалектики думали и думают, что единство суб'екта и об'екта не устраняет их различия. «Сознание человека, наука (понятие) отражает сущность, субстанцию природы, но в то же время это сознание есть

[1]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 67.

нешнее по отношению к природе (не сразу, не просто совпадающее с ней»[1]) (Разрядка наша. *М. Р.*). Я по отношению к окружающему меня внешнему миру являюсь суб'ектом, вещи по отношению ко мне суть об'екты, хотя и я сам являюсь об'ектом, ибо я часть реально существующего мира. Вещи и явления, окружающие меня, по отношению ко мне, являются «внешним». Основная посылка «материализма есть признание внешнего мира, существования вещей вне нашего сознания и независимо от него»[2]). Я могу наблюдать вещи и познавать лишь «извне», хотя это познание возможно только потому, что мое мышление подчиняется тем же законам, по которым развивается и природа.

Предположим, астроном исследует млечный путь. Он исследует его «извне». Млечный путь по отношению к нему является внешним. Млечный путь—об'ект, астроном—познающий суб'ект.

Возьмем другой пример. Физик исследует строение электрона. Он опять-таки исследует его «извне», ибо электрон по отношению к исследователю будет об'ектом.

Еще пример. Марксист-исследователь изучает империализм. Он опять-таки изучает его «извне», империализм по отношению к исследователю-марксисту будет явлением внешним, хотя империализм и развивается на ряду со всеми другими явлениями диалектически.

«Диалектика головы,—говорит Энгельс,—только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории». Диалектика является «самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог, а значит метод об'яснения происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для перехода из одной области исследования в другой»[3]).

Тов. Вольпе и думает, что раз диалектика головы является отражением форм движения реального мира, то этим самым отрицается «внешний» характер человеческого мышления по отношению к окружающему миру. Но, став на этот путь, т. Вольпе тем самым отошел от диалектического материализма и начал скатываться к суб'ективному идеализму и к богдановщине.

По тов. Вольпе основной задачей исследователя является «воссоздание» того процесса, который происходил в действительности. Что, спрашивается, здесь имеется материалистического? С точки зрения гносеологии «воссоздание процесса» это фихтевское «Я» полагает, т.-е. «воссоздает» не «Я» или даже чистейший феноменализм Беркли, с его основным положением: «быть—значит быть в восприятии».

Во-первых, исследователь не всегда может «воссоздать процесс», который происходил в действительности.

Попробуйте вновь воссоздать процесс образования земли реально, а не так, как говорят идеалисты и эмпириокритики.

Или попробуйте реально воссоздать процесс мировой войны. Можно «воссоздать» процесс образования воды из кислорода и водорода, можно искусственно «воссоздать» многие процессы из области химических, электромагнитных и пр. явлений, но многие процессы не воссоздаваемы. И по отношению к таким процессам исследователь не может ставить своей задачей воссоздание процессов, ибо это означало бы заниматься изобретением «перпетуум-мобиле».

Можно описывать, исследовать происходившие и происходящие процессы, можно мысленно представить себе тот или иной процесс, происходивший в действительности, но «воссоздать» многие процессы даже такому смелому исследователю, как тов. Вольпе, никак не удастся. Если т. Вольпе

---

[1]) IX Ленинский сборник, стр. 215.

[2]) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 77.

[3]) Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 5.

стоит на позиции Маха, с его «мировоззрением без мира» или исповедует взгляды Богданова, по которому мир—«комплекс ощущений» и «социально-организованный опыт», то тогда, конечно, «воссоздать» все можно. Но для материалиста-диалектика этот вопрос не разрешается так просто.

Затем, даже по отношению к тем процессам, которые можно «воссоздать», т.-е. воспроизвести вновь искусственно, задача исследователя вовсе не сводится только к воссозданию процессов. Эта задача для исследователей большей частью является даже не главной и в этих случаях. Между тем, тов. Вольпе всю задачу исследователя сводит к воссозданию процессов. Поистине тов. Вольпе проявил чрезмерную «храбрость», предписывая свои законы научному исследованию.

Переходя далее к трем основным законам материалистической диалектики, Вольпе и здесь упрощает вопрос, не идет дальше элементарного положения о взаимодействии этих законов между собой. Он пишет:

«Все три закона диалектики действуют не изолированно один от другого. Они тесно увязаны друг с другом, находятся во взаимной зависимости и вытекают один из другого. Мы рассматриваем их раздельно только в интересах их лучшего усвоения».

Такое об'яснение на деле ничего не говорит о действительной связи и действительной взаимозависимости отмеченных законов между собой. «Вода на земле, земля на слоне», а по существу пустое место. В действительности же между тремя основными законами диалектики не простое взаимодействие, а «закон перехода количества в качество, скачки, отрицание отрицания и проч. являются лишь формами выражения закона единства противоположностей» [1]). Закон единства противоположностей, закон раздвоения единого, закон противоречия, таким образом, основной закон диалектики. Именно так рассматривает диалектику и Ленин. Не поняв этого, ограничившись одним взаимодействием, нельзя правильно применять диалектический материализм и в научном исследовании.

II.

Проблема диалектики неразрывно связана с теоретическим мышлением. Проблема теоретического мышления на основе материалистической диалектики стоит и перед теоретической военной мыслью чрезвычайно остро. Не случайно тов. Вольпе остановился в своей статье на взаимозависимости между эмпиризмом и теорией. Постановка этого вопроса в военной теоретической литературе имеет все законные основания.

В основных научных областях за границей мы в настоящее время наблюдаем рост позитивизма, махизма и самой чистейшей философской поповщины. У нас в Советском Союзе борьба механистов с диалектическим материализмом также означает проявление позитивизма и ползучего эмпиризма на философском фронте, означает попытки ревизии марксистской философии в духе вульгарного материализма и суб'ективного идеализма (Сарабьянов).

Рост всякого рода идеалистических философских течений за границей, борьба механистов с диалектиками у нас, как неоднократно подчеркивалось теоретиками-марксистами, знаменуют кризис современного естествознания и других научных дисциплин. Развитие естествознания и науки вообще за последние десятилетия, огромное количество научных открытий, обострение классовых противоречий—все это стихийно толкает научное мышление на путь диалектического материализма. Последние открытия в области строения электрона, как единства волны и частицы, проблемы экономической и статистической закономерности, теории относительности Эйнштейна, учение о генах—все эти вопросы неумолимо толкают научную мысль в направлении диалектического материализма.

[1]) Деборин, Диалектика естествознания, стр. 239.

Все современные научные открытия, идущие вразрез с законами старой ссической физики, настоятельно требуют их теоретического осмысления, тематизации с точки зрения внутренней связи и взаимозависимости. Пло- й эмпиризм этого сделать не в состоянии. Поэтому даже такие крупные е ученые, как Милликан, Томсон, Эдингтон, пытаются примирить науку елигией.

Без диалектического мышления из этого кризиса наука выхода найти может. А диалектическое мышление — это теоретическое мышление.

Энгельс в своей «Диалектике природы» по этому вопросу писал:

«Эмпирическое естествознание накопило такую необ'ятную массу поло- тельного материала, что необходимость систематизировать его в каждой дельной области исследования и расположить с точки зрения внутренней зи стала неустранимой. Точно так же стало неизбежным привести между юй в правильную связь отдельные области познания. Но, занявшись этим, ествознание попадает в теоретическую область, а здесь методы эмпиризма азываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретиче- е мышление. Но теоретическое мышление является прирожденным свой- ом только в виде способности. Она должна быть развита, усовершенство- на, а для подобной разработки не существует до сих пор никакого иного едства, кроме изучения истории философии».

Энгельс со всей резкостью подчеркивает, что «сколько бы ни высказы- ъ пренебрежения ко всякому теоретическому мышлению, все же без по- днего невозможно связать между собой любых двух естественных фактов і же уразуметь существующую между ними связь».

Материалистическая диалектика не отвергает опыта, практики. Она по ıому своему существу конкретна.

Мало того, марксизм утверждает, что «практика выше (теоретического) знания, ибо та имеет не только достоинство всеобщности, но и непосред- ıенной действительности» (Ленин).

Но мы подчеркиваем недостаточность одного опыта для об'ективного знания. Чистый эмпиризм неизбежно ведет к идеализму и поповщине. ействительно чистый эмпиризм не способен опровергнуть спиритов» (Эн- ьс). Энгельс приводи. блестящие примеры когда ученые Уоллес и Крукс, одя из «чистого опыта», пришли к спиритизму и стали заниматься спи- гическими сеансами. В настоящее время существование во Франции мета- ıхического института, учрежденного на основании официального декрета ıвительства, от 27 августа 1919 г., который занимается «научными» ис- дованиями различных спиритических явлений, тоже иллюстрирует доста- ıно наглядно, куда ведет «чистый опыт».

Для установления внутренней связи и взаимозависимости явлений, для систематизации, для их взаимной проверки теоретическое мышление не- одимо и обязательно.

«Диалектика синтезирует всеобщее с особенным, единичным, созерца- с мышлением, практику с теорией, эмпирическое естествознание с теоре- еским естествознанием, т.-е. с философией»[1]). Именно в этом заклю- тся сила диалектического мышления, именно поэтому она решительно ıется с юмизмом во всех его проявлениях.

Совершенно очевидно, что в области военной науки для теоретического пления открывается необозримое поле деятельности. Война диалектична квозь. «Война,—говорил Клаузевиц,—настоящий хамелеон, потому что видоизменяется в каждом отдельном случае, но она еще по господствую- и в ней течениям и престранная троица, слагающаяся из прирожденных не начал насилия и ненависти, т.-е. в сущности слепо прирожденных

---

[1]) Деборин, Диалектика естествознания, стр 53.

стремлений, она далее, как игра правдоподобий, требует свободной душевной деятельности, наконец, война—подвластное политике орудие [1]). Хотя и сквозь идеалистическую призму Клаузевиц чрезвычайно тонко улавливает диалектическую природу войны. «Война—настоящий хамелеон». Переход количества в качество, переход одного в другое, единство противоположностей, раздвоение единого встречается здесь буквально на каждом шагу. В военном искусстве установление внутренней связи различных явлений между собой, раскрытие их внутренней взаимозависимости, необходимость их систематизации, «всесторонне универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, учет момента скачков, когда истина приходит к своему собственному отрицанию и становится величайшим заблуждением—все эти основные моменты диалектического мышления имеют решающее значение.

Для войны всегда характерны кризисы, крутые повороты, изломы событий. Здесь диалектическое мышление незаменимо. Некоторые исследователи военных проблем считают, что военный ум должен быть «прежде всего умом аналитическим». Так, например, т. Топорков, считающий себя последователем диалектического материализма, пишет:

«Неизвестность есть закон войны.

Все на войне как бы окутано туманом, в котором очертания предметов принимают самые причудливые формы.

Военный опыт, прежде всего, хаотичен, смутен и полон противоречий. Отсюда первая и основная задача—добиться ясности и отчетливости, рассеять этот туман.

Средством, которым мы располагаем для внесения ясности в предмет, является с логической точки зрения анализ. Поэтому военный ум будет прежде всего умом аналитическим.

Аналитический метод является незаменимым как во время непосредственных военных действий, так и во время мира, во время подготовки к войне, — в военной школе» [2]).

Однако, такие рассуждения об аналитическом характере «военного ума» неправильны от начала и до конца. Прежде всего, неправильно, что «неизвестность» есть закон войны. Неизвестность войны ничуть не больше, чем неизвестность «политической борьбы». Но сказать—«неизвестность есть закон политики», по существу значит притти к отрицанию научного познания и предвидения исхода политической борьбы. Тов. Топорков, говоря о неизвестности, пытался изложить мысль Клаузевица, но он совершенно извратил ее. Клаузевиц пишет: «Война живет в области неизвестности; три четверти данных, на которых приходится основывать свои решения и действия, скрыты на войне более или менее густым туманом неизвестности. Только тонкий проницательный ум способен разобраться тут и силой умозаключений дойти до истины» [3]). «Война живет в области неизвестности»—это не равнозначно положению—«неизвестность—закон войны». Клаузевиц говорит о неизвестности ¾ данных. Но одна известная часть этих данных нам известна—и она дает нить к научной ориентировке.

Если же—«неизвестность»—закон войны», тогда на войне нет места научному мышлению. Тогда там должна господствовать бергсоновская интуиция, гадание и столоверчение. В политике, как и в стратегии, являющейся «продолжением политики только другими средствами» только одна часть действующих факторов и возникающих новых процессов остается нам неизвестной, другая наоборот—известна. И именно поэтому здесь открываются широкие возможности для теоретического мышления. И как раз анализ тут абсо-

[1]) Клаузевиц, Война, перев. с нем. К. Войде, т. I, стр. 21.
[2]) А. Топорков, Метод военных знаний, стр. 112.
[3]) Клаузевиц, Война, т. I, стр. 38.

лютно недостаточен, ибо здесь требуется устанавливать взаимную связь явлений, взаимные переходы, развития, противоречия.

Аналитический метод в чистом виде не применяется почти нигде, ни в каких науках. Физика и химия, астрономия и геология, биология и физиология, одним словом, любая наука показывает нам, что анализ обязательно в той или иной степени связан с синтезом. Тем более это приходится сказать относительно военной науки. Требование применения аналитического метода «во время непосредственных военных действий, во время мира и во время подготовки к войне» по существу означает отрицание диалектики, которую как будто бы тов. Топорков в своих работах стремится популяризировать и защищать.

Для военной науки не только недостаточен один аналитический метод, но и механическое применение аналитического и синтетического методов, взятых вместе. Для военной науки на ряду с другими нужен метод материалистической диалектики, не являющийся простым об'единением анализа и синтеза.

«Метод философии,—говорит Гегель,—есть в одно и то же время синтетический и аналитический; но вовсе не в том смысле, что оба эти метода конечного познания находятся в ней рядом или просто чередуются, но таким образом, что они оба содержатся в философском методе в снятом виде, и он на каждом шагу своего движения действует одновременно и аналитически и синтетически. Философское мышление действует аналитически, поскольку оно только воспринимает свой предмет—идею, предоставляет ей беспрепятственно действовать и лишь следит в то же время за ее движением и развитием» [1]).

Ленин к этому положению Гегеля делает примечание: «Великолепно». Почему Ленин делает такое примечание? Потому, что метод, охарактеризованный Гегелем, метод диалектический, где анализ и синтез содержатся, но уже «в снятом виде».

Правильное разрешение стратегических, оперативных и тактических проблем войны требует изучения предмета со всех сторон, во всех его опосредствованиях. Полностью этого никогда нельзя достичь, но именно к этому стратег, тактик, военный деятель вообще должны стремиться. А здесь один аналитический метод дать ничего не может.

Неправильно и другое положение тов. Топоркова о сути диалектического метода в применении к явлениям войны. В той же работе тов. Топоркова мы читаем: «тактическая гибкость мышления», воспитанная на первоисточниках военных знаний, военной истории — это и есть диалектическое осознание военно-исторического опыта, чуждое вульгарного историзма и не менее одностороннего догматизма» [2]).

Во-первых, не всякая гибкость мышления является диалектической. Эклектик тоже за гибкое мышление. Он не хочет категорических утверждений, «чтоб просунуть свое мещанское филистерское пожелание переходных ступеням», чтобы избежать таким образом скачков, противоречий, но такая гибкость марксистам чужда. Только гибкость, примененная об'ективно, т. е. правильно отражающая противоречивый характер развития, является диалектической гибкостью.

Во-вторых, гибкость, воспитанная «на первоисточнике военных знаний», еще меньше может быть диалектической. Все буржуазные военные теоретики и практики воспитаны на военной истории. Но это еще не дает им никакого основания называться диалектиками, а тем более материалистами. Наоборот, они, как правило, в подавляющем большинстве эклектики и притом идеалисты. И только тактическая гибкость мышления, изучившая военную историю мето-

[1]) Гегель, Энциклопедия философских наук, ч. I, Логика, стр. 342.
[2]) А. Топорков, Метод военных знаний, стр. 75.

дом диалектического материализма и в связи со всеми основами учения Маркса, Энгельса и Ленина, только это может быть названо диалектическим, «марксистским осознанием военно-исторического опыта».

Последовательное диалектическое мышление прирожденным является в виде исключения, хотя в тех или иных пределах им обладает каждый нормальный человек, ибо диалектика природы не может не находить того или иного отражения в самом человеческом мышлении, подчиняющемся общим законам развития. Но овладение марксистским теоретическим мышлением обязательно приводит к изучению истории развития диалектики, а следовательно, и к философии.

Потребность правильного теоретического мышления чрезвычайно остро сознается и буржуазной военной мыслью. Она, боясь и не будучи способной стать на почву материалистической диалектики, бессильно мечется между рационализмом и интуитивизмом.

Жан де Пьерфэ, в своей книге «Плутарх солгал», насчет французского генерального штаба пишет, например, следующее:

«К 1914 г. Франция обладала генеральным штабом, который можно назвать в полном смысле слова бергсонианским. Его доктрина отрицала роль разума и во главу угла ставила культ интуиции. Это кажется странным, невероятным, и, однако, легко убедиться в том, что это совершенная истина. В своих выводах генеральный штаб дошел до крайних пределов, оставив далеко позади себя самого Бергсона, который никогда не решился бы приписать интуиции чудодейственную способность подготовить реванш за 1870 г., совершенно не прибегая к помощи разума в разрешении этой трудной задачи. Можно ли представить себе, что наш генерал Жоффр, физически так прочно опирающийся ногами о землю, так основательно связанный своим здоровьем, своим аппетитом с миром реальных вещей, который отодвигался теорией Бергсона на задний план, можно ли представить себе, что он примкнет к этому мировоззрению сомнамбул и медиумов. И, однако, он принял доктрину, которая, уповая на невесомое столько же, сколько на реальные полки, пыталась извлечь победу из того, что в битве остается неосознанным, использовав жизненный порыв войск, увлеченных глубоким инстинктом победы» [1]).

В чем смысл отмечаемого цитируемым автором явления? Стать на почву последовательного, т. е. материалистического, научного мышления буржуазия и ее руководящие военные органы не могут. Но в то же время война требует предвидения и изучения всех военных вопросов в их тесном переплетении и взаимопроникновении. И французский генеральный штаб нашел выход в философии Бергсона.

Некоторые марксисты говорят, что Ленин обладал особым чутьем предвидения, схватывать связь, взаимную зависимость явлений, противоречивость их развития, особым умением находить в каждый данный момент основное звено. Но что представляет из себя это особое ленинское чутье? Это гениальная прирожденная и в дальнейшем еще более развитая способность диалектического мышления. Здесь сказывается не сила бергсоновской интуиции, а сила материалистической диалектики.

Именно этой способности Ленина нужно учиться военным теоретикам и военным работникам. Это свойство ленинского мышления нужно развить в себе и применить его в своей особой специальной области.

Как же, спрашивается, разрешает вопрос о теории и практике в своей статье тов. Вольпе?

«Диалектика не отказывается от формальной логики и ее достижений,— диалектика включает их в своем развитии и применении. Индукция и дедукция, анализ и синтез могут быть применены, поскольку они облегчают выяснение действительного диалектического развития. Однако применение фор-

[1]) Жан де Пьерфэ. Плутарх солгал, стр. 32, 33.

мальной логики имеет определенные границы. Чрезмерное увлечение эмпиризмом приводит к величайшим заблуждениям, несмотря на точность и фактичность опыта и наблюдения. Основным недостатком эмпирических крайностей является то, что чистый эмпиризм не может восстановить процесса причинной связи» [1]) (Разрядка наша. *М. Р.*).

В этой цитате тов. Вольпе одновременно обнаруживает и непонимание сущности диалектического метода, и непонимание природы чистого опыта, и эклектизм в разрешении проблемы о взаимоотношении теории и практики. Тов. Вольпе правильно говорит, что диалектика не отказывается от достижений формальной логики. Она включает их в своем развитии и применении. Но посмотрите, как они, эти достижения, «включены» у него в диалектический метод? Это включение оказывается чисто-механическим. Перед ученым исследователем методы разложены, как инструменты перед сапожником. Здесь лежит индукция и анализ, здесь дедукция и синтез, здесь диалектический метод, и сапожник-исследователь по мере надобности пользуется то тем, то другим, то третьим «инструментом». Индукция и дедукция, анализ и синтез, по тов. Вольпе, также включены в диалектический метод, как мешок с картофелем включает в себя всю массу находящихся в нем картофелин.

Так ли понимают включение марксисты? Вот что на этот счет пишет тов. Деборин в своей книге «Введение в философию диалектического материализма». «Диалектический материализм, — говорит он, — заключает в себе в качестве «подчиненных моментов» и феноменализм (с его психологическим методом), и трансцендентальный идеализм (с его трансцендентальным методом, так как и диалектический материализм признает общеобязательность и необходимость рассудочных форм, поскольку они являются формами бытия, т.-е. поскольку они абстрагированы от реального мира), и метафизический идеализм (с его метафизическим методом, относительную правомерность которого признает и диалектический материализм) с его признанием абсолютно-реального бытия и т. д.

Диалектический материализм, словом, примиряет и об'единяет в высшем философском синтезе все течения философской мысли и представляет собой результат развития всей новой философии» [2]).

Если включение и здесь понимать так, как нам рекомендует тов. Вольпе, то тогда получается такая картина, что и трансцендентальный метод с его априорными формами познания может быть применен, «поскольку он облегчает выяснение действительного диалектического развития» и феноменализм с его психологическим методом, и метафизический метод. Интересно только то, что при таком либеральном отношении к различным методам мышления останется от самого метода диалектического материализма. Индукция и дедукция, анализ и синтез включены в диалектический метод не механически, а содержатся в нем «в снятом виде», как говорит Гегель. Диалектическое мышление действует одновременно анализом и синтезом, индукцией и дедукцией, а не так, как ремесленник по очереди пользуется лежащими перед ним инструментами. Вольпе предупреждает, что формальная логика и ее применение имеет определенные границы, но в то же время не умеет связать формальную логику с диалектической, забывая, что формальная логика является лишь частным случаем логики диалектической.

Путает тов. Вольпе и тогда, когда он говорит о «точности» и «фактичности» опыта и наблюдения. Как раз именно точности-то и фактичности «чистый опыт» и наблюдение дать и не могут. Они всегда субъективны. Именно поэтому-то чистый опыт и голое наблюдение ведут ко всяким формам идеализма, кончая солипсизмом.

[1]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 68.

[2]) Деборин, Введение в философию диалектического мате … стр. 25.

Что касается правильного применения опыта в научном мышлении, то тут тов. Вольпе ограничивается лишь одним «добреньким» пожеланием — не увлекаться чрезмерно эмпиризмом. Выходит так, что не чрезмерно увлекаться можно, а чрезмерно нельзя. Нужна золотая серединка. Немножко эмпиризма, немножко теоретического мышления, и дело с применением материалистической диалектики будет в шляпе.

И этакие рассуждения тов. Вольпе преподносит нам как марксизм! По существу тут самая доподлинная эклектика. Вопрос о пользовании опытом совсем не решается применением рецепта чрезмерности или умеренности. Весь гвоздь вопроса в правильной увязке опыта с теоретическим мышлением, как и, наоборот, теоретического мышления с опытом. Ползучий эмпиризм неизбежно ведет к позитивизму и в конце концов к отрицанию реальности внешнего мира. С другой стороны, рационализм, метафизическое мышление также ведет в сферу пустых, голых абстракций и превращается в игру понятиями, в схоластику, в идеализм. Отсюда диалектическая логика требует, чтоб вся человеческая практика обязательно входила в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [1]).

III.

Переходим к следующему разделу статьи тов. Вольпе, где он трактует о переходе количества в качество. Развивая свои мысли об этом законе, автор цитируемой статьи считает необходимым в заключение привести ряд примеров, иллюстрирующих этот диалектический закон. «Мы можем, — пишет он, — привести еще ряд примеров из теории операций, которые демонстрируют закон перехода количества в качество. Вот некоторые из них:

«Оборона — более сильный вид войны, но цель ее отрицательная; наступление же — вид более слабый, но с положительной целью (Клаузевиц).

Большие успехи решают и малые.

Демонстрация слабее настоящей атаки, а потому она должна быть особо обусловлена.

Успех будет всегда больше, если придерживаться данного направления одержанной уже победы...

Обход оправдывается только превосходством сил.

Обходящий сам обойден.

Каждый маневр имеет свой контрманевр.

Окружение превращается в действия по внутренним операционным линиям.

Окружающий находится под угрозой быть разбитым по частям.

Таран рассасывается» [2]).

Для нас совершенно очевидно, что правильное понимание этого диалектического закона при разрешении военных проблем имеет важнейшее значение. «Когда происходит количественное изменение, оно кажется сначала совершенно невинным, но за этим изменением скрывается еще и нечто другое, и это кажущееся невинным изменение количественного представляет собой как бы хитрость, посредством которой уловляется качественное. Заключающуюся в этом антиномию меры уже древние греки старались сделать наглядной, облекая ее в различные формы» [3]).

«Хитрость» количества ставит на войне перед стратегической, оперативной и тактической мыслью иногда самые неожиданные вопросы. «Хитрое» количество на войне сплошь и рядом приводит к совершенно новым каче-

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 60.
[2]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 69.
[3]) Гегель, Энциклопедия философских наук, стр. 186.

ственно явлениям и процессам. Так, армия, количественно пополняясь в процессе войны менее обученными и подготовленными солдатами, в один прекрасный момент в той или иной большой операции сможет потерять свои прежние качества. Так, наступление, перешедшее свою определенную количественную границу, превращается в новое качество — оборону.

Однако тов. Вольпе с анализом изучения этого вопроса также не справился. Во-первых, он свалил в кучу примеры, иллюстрирующие диалектический закон взаимного проникновения противоположностей, с законом перехода количества в качество.

Примеры первый, шестой, седьмой, десятый иллюстрируют не закон перехода количества в качество, а закон единства противоположностей. Правда, формой выражения взаимного проникновения противоположностей является в то же время закон перехода количества в качество, но смешивать мы их не имеем никакого основания, ибо закон единства противоположностей несравненно шире, глубже и универсальнее, чем остальные два закона диалектики.

Во-вторых, все примеры он привел в таких формулировках, что в них нет ни грана диалектики. Получается игра в диалектические примерчики, а не диалектика.

В-третьих, для марксиста недопустимо вообще бросаться бездоказательно, хотя бы без краткого анализа каждого явления и процесса, словом — диалектика. В своих заметках на полях к брошюре тов. Бухарина «Экономика переходного периода» Ленин прямо пишет: «Автор злоупотребляет словом «диалектическое отрицание»: нельзя употреблять его, не доказав сначала фактами осторожно» [1]). Следовательно, нельзя злоупотреблять словом диалектика, не доказав в каждом отдельном случае «фактами осторожно» диалектического развития того или иного явления и процесса. Автор же привел десятки примеров перехода количества в качество и ни тени доказательств, а формулировка этих примеров преподнесена в таком виде, что уже сама по себе является отрицанием диалектического мышления автора статьи. Если я скажу, что вода превращается в пар, или капиталистическое общество сменяет общество коммунистическое — вот вам примеры перехода количества в качество, то это будет не об'яснением законов диалектики, а опошлением диалектики.

Но самое важное в этом разделе статьи тов. Вольпе заключается, однако, не в этом. Самое интересное заключается в том, что «скачки» в его законе перехода количества в качество потеряны, их нет. Диалектика, таким образом, оказывается своеобразной. Диалектика — без скачков. Но забывать о скачках, игнорировать эту теоретическую проблему в особенности в тот момент, когда со стороны механистов главная атака направлена именно на скачки, значит самому становиться на сторону механистов. Видеть только непрерывность и не видеть дискретности по существу — значит становиться на почву эволюционизма.

«Говорится, что в природе не бывает скачков; и обычное представление, если оно желает понять происхождение или уничтожение, полагает, как было упомянуто, что поймет их, представляя их, как постепенное возникновение или исчезновение. Но было уже сказано, что изменения бытия суть вообще не переход одной величины в другую, но переход от количественного в качественное и наоборот, становление другим, перерыв постепенности и качественно иное в противоположность предшествовавшему существованию. Вода через охлаждение не становится постепенно твердою так, чтобы она делалась сначала студенистою и постепенно затвердевала до консистенции льда, но становится сразу твердою; достигнув уже температуры замерзания, она,

[1]) XI Ленинский сб., стр. 378.

если остается в покое, может еще сохранять жидкое состояние, но малейшее сотрясение приводит ее в состояние твердости.

Предположение о постепенности происхождения основывается на том представлении, будто происходящее, существуя уже чувственно или вообще в действительности, не может еще быть воспринимаемо лишь вследствие его малой величины, равно как при постепенности исчезания небытие или другое, выступающие вместо исчезающего, также существуют, но еще незаметны; и при том то и другое существует не в том смысле, что другое содержится в данном другом в себе, но в том, что имеет место, как существование, только незаметное. Тем самым происхождение и уничтожение вообще снимаются. или иначе, сущее в себе, внутреннее, в котором нечто есть до своего существования, превращается в малую величину внешнего существования, а существенное различие или различие понятия во внешнее просто-количественное различие» [1]).

Как раз понимание дискретности, перерыва постепенности, понимание того, что новое качество не простой переход одной величины в другую, как раз это для стратега, для руководителя военной операцией имеет первостепенное значение. Но этого-то как раз при об'яснении тов. Вольпе закона перехода количества в качество и не найдешь. «Происхождение и уничтожение» на войне больше чем где-либо связаны с перерывом постепенности, с взрывами, катастрофами. Основное в законе перехода количества в качество по Гегелю, точно так же как и по Марксу и Энгельсу, — скачок. А тов. Вольпе этого слона-то как раз и не приметил.

Интерпретация закона единства противоположностей в статье т. Вольпе также хромает, что называется, на обе ноги. Тут он дает еще больше образцов вульгарного понимания этого закона диалектики. «Закон взаимного проникновения противоположностей, — пишет наш автор, — определяет (!) ту часть диалектики, которая исследует причинную связь между явлениями. Энгельс указывает: «Каждое явление воздействует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно самые простые вещи».

Взаимная зависимость одного военного явления от многих других общеизвестна. Каждое военное явление раздирается многочисленными трениями. Наступающий должен преодолеть противника, трудности местности и другие многочисленные затруднения. Успех операции в полной мере зависит от моральной устойчивости войск. Но моральная устойчивость сама по себе является производным фактором. Политика воздействует на стратегию, но стратегия в свою очередь влияет на политику. Это не исключает того основного положения, что стратегия подчинена политике. Хотя военное дело полностью зависит от развития производительных сил, тем не менее нельзя отрицать, что военное дело влияет на развитие экономики. Всем прекрасно известно, что развитие русской металлургической промышленности многим обязано русскому милитаризму. Стране с отсталой экономикой в современной войне приходится «насиловать экономику», чтобы добиться нужного эффекта в снабжении армии. Именно учетом взаимного воздействия социально-экономических и оперативных явлений диалектический метод отличается от других научных методов» [2]).

Мы нарочно привели эту длинную цитату, чтоб автор не обвинил нас в выхватывании отдельных строк из его статьи и извращении таким образом его мысли. Эта цитата, ее смысл говорят сами за себя. Тов. Вольпе приводит цитату из Энгельса. Но если судить по этой цитате, то по Энгельсу

---

[1]) Гегель, Наук логики, кн. 1, стр. 258.
[2]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 70—71.

весь закон единства противоположностей сводится к тому, что каждое явление воздействует на другое и только. Однако это было бы насмешкой и над Энгельсом, и над материалистической диалектикой. Диалектика, в том числе ее важнейший основной закон взаимного проникновения противоположностей, конечно, включает в себя момент взаимодействия. Но они не сводятся к нему.

Останавливаясь на единстве противоположностей, Энгельс характеризует этот закон следующим образом: «Раз диалектика, основываясь на результатах нашего опытного изучения природы, доказала, что все полярные противоположности обусловливаются вообще взаимодействием обоих противоположных полюсов, что разделение и противопоставление этих полюсов существует лишь в рамках их связи и об'единения и что, наоборот, их об'единение существует лишь в их разделении, а их связь лишь в их противопоставлении, то не может быть речи ни об окончательном уравновешении отталкивания и притяжения, ни об окончательном распределении и сосредоточении одной формы движения в одной половине материи, а другой формы его в другой половине ее, т.-е. не может быть и речи ни о взаимном проникновении, ни об абсолютном отделении друг от друга обоих полюсов»[1].

Что составляет основу, суть в приведенной формулировке Энгельса? Суть сводится к взаимному проникновению противоположностей. Для Энгельса основное в движении и развитии —противоречие. Противоречие — движущая пружина всякого развития. И только с точки зрения этого противоречия, раздвоения единого можно правильно понять и взаимодействие.

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»[2].

Мы не должны брать эти противоположности, как неизменные, застывшие, неподвижные. Мы должны брать их в движении, во взаимной связи. Но признание взаимно исключающих противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы — основа материалистической диалектики. При этом для нас противоречие не «борьба противоположных сил», а неизбежный продукт «самодвижения» предмета, его спонтанейного развития. В диалектическом развитии «единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно (относительно. *Ред.*). Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[3].

Как мало все это похоже на то, что говорит о единстве противоположностей тов. Вольпе. Видеть суть диалектики, видеть основу закона единства противоположностей во взаимодействии, значит повторять богдановские зады. Как раз для Богданова картина мира — это «непрерывная цепь развития форм, переходящих путем борьбы и взаимодействия от низких ступеней организованности к высшим»[4].

Но взаимодействие не дает ключа к пониманию движущей пружины развития. Теория взаимодействия, как это прекрасно показал еще Плеханов в своей критике мировоззрения французских материалистов, по существу заставляет нас вращаться в порочном кругу. Сводить диалектическое развитие к взаимодействию — значит схватить только одну и притом второстепенную сторону вопроса и позабыть о главной. «Только взаимодействие — пустота» (Ленин).

Если применять таким образом закон единства противоположностей к явлениям войны, то с «взаимодействием» тов. Вольпе согласится любой Кюльман. Кюльман «взаимодействие» в понимании тов. Вольпе с успехом

---

[1]) Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 235.
[2]) Ленин, К вопросу о диалектике, «П. З. М.» № 5—6, 1925 г., стр. 14 и 15.
[3]) Там же.
[4]) А. Богданов, Философия живого опыта, стр. 243.

развивает во всех своих трудах, как в своей «Стратегии», так и «Тактике». Но тогда, пожалуй, что нам не зачем и учиться материалистической диалектике, ибо в этой форме она имеется в трудах любого толкового буржуазного военного ученого или деятеля.

Плохую услугу тов. Вольпе оказывает и тогда, когда он говорит, что «закон взаимного проникновения противоположностей определяет ту часть диалектики, которая исследует причинную связь между явлениями». Во-первых, почему это причинность подлежит только «компетенции» закона единства противоположностей? Причинность нельзя вырвать и из остальных законов диалектики.

Затем сводить закон единства противоположностей к установлению и исследованию причинной связи между явлениями—значит суживать, ограничивать понимание этого универсального закона.

«Когда читаешь Гегеля о каузальности, — пишет Ленин, — то кажется на первый взгляд странным, почему он так сравнительно мало становился на этой излюбленной кантианцами теме. Почему? Да потому, что для него каузальность есть лишь одно из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всестороннее охватил уже раньше, во всем своем изложении, всегда и с самого начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы etc. etc. Очень бы поучительно сопоставить «потуги» новоэмпиризма (respective «физического идеализма») с решениями, вернее, с диалектическим методом Гегеля» [1].

Каузальность, причинность по Ленину только «малая частица» всемирной связи, но (материалистическое добавление) частица не суб'ективной, а об'ективно реальной связи. Причинность отрывочно и неполно выражает всесторонний и всеоб'емлющий характер мировой связи. Марксизм поднимается выше обычного механического понимания причинности, ибо «причина и следствие ergo лишь моменты всемирной взаимозависимости связи (универсальной) взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» [2].

Таким образом универсальный закон развития в противоречиях несравненно шире, богаче, разностороннее закона причинности. И поэтому говорить, что закон взаимного проникновения противоположностей «определяет» только ту часть диалектики, которая исследует причинную связь, значит сходить с почвы ленинского понимания диалектики и каузальности.

Тов. Вольпе попытался конкретно применить диалектический закон противоречия к исследованию явлений войны, но у него из этого ровным счетом ничего не получилось. Между тем основные проблемы войны, в которых до сих пор мы не имеем ясности понимания, могут быть поняты именно только с помощью марксистского метода.

Возьмем коренной вопрос войны—оборону и наступление. Здесь мы имеем в их проявлении на практике блестящее доказательство перехода одного явления в другое.

«Если два понятия логически противоположны,—пишет Клаузевиц о наступлении по его отношению к обороне,—то одно делается дополнением другого, так что в сущности из одного понятия проистекает другое [3]. Вот образец диалектического, хотя и идеалистического, изучения природы обороны и наступления. Клаузевиц имеет здесь дело с «самодвижением», с взаимным проникновением «понятий», а не реальных процессов. Материалист должен исследовать реальные процессы. Но Клаузевиц все же проявляет в данном случае гениальную диалектическую гибкость мышления, «гибкость, доходящую до тождества противоположностей».

---

[1]) IX Ленинский сб., стр. 167.
[2]) Там же, стр. 161.
[3]) Клаузевиц, Война, пер. с немецкого Войде, т. II, стр. 234.

Оборона и наступление бесспорно противоположны друг другу, но в то же время «всякое средство» обороны ведет к средству наступления. Они часто так близки, что заметить их можно и не переходя с точки зрения обороны на точку зрения атаки, а одно само собой ведет к другому.

Оборона является выражением известной степени пассивности, но правильная оборона включает в себя также и момент активности. «Оборона не состоит в безусловном выжидании и отбивании, она не совершенно страдательна, но страдательна относительно; следовательно, более или менее проникнута началом наступления. Точно также и наступление не сплошь однородно, но всегда смешано с обороной.

Однако, разница та, что оборона без противоудара немыслима он необходимая составная часть обороны. Не то при наступлении. Понятие о наступлении можно свести к удару, который сам по себе, как нечто цельное и законченное, в обороне не нуждается. Однако наступление связано условиями пространства и времени, которые и приводят его к обороне как злу неизбежному.

Наступление, во-первых, никак не может быть доведено до конца с непрерывною последовательностью, но нуждается во временном покое, в котором сам удар нейтрализируется. Состояние обороны является тогда само собою. Во-вторых, наступающие войска не всегда прикрывают пройденное ими, необходимо нужное им пространство одним своим расположением, но приходится пространство это оборонять особо.

Таким образом, наступление в войне будет, в особенности в стратегии, постоянной сменой наступления обороной; при чем, однако, последняя не может считаться началом (элементом), возвышающим силу наступления. Иными словами, оборона при наступлении не представляет из себя начала (Princip) действующего; она, напротив того, не более как необходимое зло, тормозящая гиря, последствие грузной массы» [1]).

Основной практический вывод, который отсюда делает Клаузевиц, заключается в том, что стратег должен правильно учесть момент, когда внутренние процессы наступления делают об'ективно неизбежным его превращение в оборону. Если стратег или руководитель операцией правильно учитывает этот момент, то он, таким образом, «в необходимости» обретает «свободу». Для того, чтобы не поддаваться инерции наступления или обороны и уметь своевременно перейти от одного к другому, для полководца требуется, во-первых, учет воздействия на военную мысль самой инерции, во-вторых, учет момента кризиса, крутого поворота, излома военных событий.

«Коль скоро душа устремилась раз вперед к цели или обратно назад к какой-либо спасительной гавани, то легко может случиться, что те причины, которые должны бы остановить ее в первом случае или побудить к деятельности, во втором—не всегда могут ощущаться во всей их силе. А так как действие продолжается, то уносимый его потоком, сам того не замечая, легко перешагнуть границу равновесия и очутиться за кульминационной чертой. Может даже случиться, что наступающему, несмотря на исчерпание сил, легче двигаться вперед, нежели остановиться: его поддерживают нравственные силы, свойственные преимущественно наступлению. Ему трудно остановиться точно так же, как и лошади, везущей тяжесть в гору.

Полагаем, что мы сказанным без внутреннего противоречия указали, как наступающий способен перешагнуть за тот пункт, остановка в котором и переход к обороне сулит ему еще успех, т.-е. равновесие.

Итак, весьма важно, чтобы как наступающий, так и обороняющийся обдумывали план кампании, правильно установили указанную (кульминационную) точку с тем, чтобы первый из них не совался в предприятия свыше

[1]) Клаузевиц, Война, т. II, стр. 235—236.

своих средств, не прибегал, так сказать, к займам, а второй мог уяснить себе невыгодное положение противника и воспользоваться им» [1]).

Если отбросить в приведенном рассуждении идеалистическую шелуху, идеалистическую оболочку, то оно окажется целиком приемлемым для всякого марксиста, так как оно насквозь пронизано диалектическим пониманием внутренней природы, обороны и наступления. Клаузевиц вообще дает нам многочисленные образцы блестящего применения диалектики. И если в настоящее время нельзя и шагу сделать в деле углубленного понимания материалистической диалектики, не изучив Гегеля, то нельзя и шагу сделать для углубленного понимания войны, не изучив Клаузевица.

Клаузевиц — военный Гегель, и материалистическая переработка его учения, его диалектики должна стать для марксистской военной мысли одной из важнейших задач на ближайшее время.

Диалектика отличается конкретностью. Она берет все связи и опосредствования предмета или явления. Она изучает его не в состоянии покоя, а в самодвижении, в развитии, в связи с другими предметами, явлениями, процессами. Именно этими чертами отличается и мышление Клаузевица.

Возьмем для примера еще вопрос о характере войн. За последние годы наша военная мысль, как известно, в большой своей части вращалась вокруг дискуссии об изморе и сокрушении. Характерная черта этой дискуссии заключается в том, что в ней было чрезвычайно много схоластики и метафизики.

Между тем посмотрите, как разрешает вопрос о характере войн Клаузевиц.

«Политические поводы для войны могут быть самые разнообразные. Разница между войной за политическое существование и такой, которая вызвана неприятной необходимостью удовлетворить отжившему союзному договору, будет на деле громадна. А между этими двумя крайними видами помещается целая вереница войн промежуточного, так сказать, характера, которые случаются в действительности. А раз это так, то теория должна признать действительно случающееся; если бы она решилась отбросить хотя частицу существующего, то точно также может отрицать любое из остального, иными словами, совершенно произвольно отойти от действительной жизни» [2]).

В связи с этим находятся и формы войны. Если по Дельбрюку и по Свечину есть только две стратегические формы—«измор и сокрушение», то Клаузевиц находит, что здесь могут быть самые многочисленные и разнообразные оттенки и переходы.

«К цели войны,—говорит он,—подчинения себе воли противника ведут пути различные. Далеко не всегда необходимо совершенно повалить противника, напротив того, смотря по обстоятельствам, можно пользоваться с успехом различными подходящими средствами, каковы: уничтожение боевых сил противника; завоевание его провинций; простое их занятие; одно лишь сторожение; всякие предприятия, влияющие на политические отношения, и, наконец, пассивное выжидание ударов противника. Выбор каждого из этих средств зависит от обстановки каждого данного случая» [3]).

Метафизик говорит: или измор, или сокрушение. Другого выбора нет. А Клаузевиц на это отвечает: всякая схема голая формула в применении к явлениям войны больше чем где-либо является мертвой, безжизненной, не могущей схватить всего многообразия и чрезвычайной текучести явлений войны. И именно потому, что Клаузевиц является диалектиком, он, будучи сторонником сокрушительных методов, в то же время признает даже воз-

[1]) Клаузевиц, Война, т. II, стр. 251—252.
[2]) Клаузевиц, Война, т. I, стр. 29.
[3]) Там же, стр. 72—73.

ожность применения и такого метода, как «пассивное выжидание удара эотивника».

Нам, между прочим, в настоящее время особенно следует обратить внимание на ту мысль Клаузевица, что «разница между войной за политическое существование и такой, которая вызвана еприятной необходимостью удовлетворить отжившему союзному договору, будет на деле громадная».

Война капиталистического мира с Советским Союзом будет именно эйной «за политическое существование» с одной стороны—апиталистического мира, с другой—пролетарской диктатуры. Это обстоятельство наша теоретическая военная мысль очень часто забывает. Между эм здесь надо искать ключа и к характеру стратегии, и к характеру отдельных важнейших операций, и к формам работы по подготовке тыла и пр. днако это уже совершенно особая тема.

Обратимся снова к тов. Вольпе и последуем за ним дальше. Тов. Вольпе ишет: «Чем глубже будет выявлено влияние социально-классовых факторов ι ход и результат операции, тем полнее удастся воссоздать диалектический эоцесс данной операции. Политическая и экономическая сторона операции элжна быть представлена не механически, в виде какой-то дополнительной iавы, не связанной со всем ходом операции, а органически. Нужно, чтобы олитические факторы пронизали все исследование.

Во многих частных операциях непосредственную связь с экономикой айти трудно. В таких случаях не следует эти связи выдумывать. Эти связи собечно ярко выявляются в крупных операциях (кампаниях), на поворотных моментах войны. Здесь их исследование безусловно необходимо.

Из этого положения отнюдь не следует, что политическая сторона операции в исследовании должна принижать боевые, моральные, технические, итендантские, атмосферные, топографические и другие факторы, влияющие ι ход операции. Чувство меры не должно покидать научного работника ни ι миг, иначе легко впасть в абстрактные, нежизненные схемы» [1]).

Здесь опять мы встречаемся с вульгаризацией марксизма. Рассуждения ов. Вольпе крайне элементарны, путаны и вымучены. Это не марксизм, а кольные упражнения по диалектике. «Выявление социально-классовых факторов» на ход и результат операции, «пронизывание политическими факторами» всего исследования—все это так и отдает своеобразной военной «шпатиковщиной».

Классовые и экономические факторы и на войне, конечно, являются эшающими. Марксист-исследователь должен обязательно класть их в основу зоего исследования. Но, при исследовании каждой отдельной операции, исследователь прежде всего должен уметь найти основное звено в данной операции. Поэтому исследование должно быть обязательно конкретным, ибо еудачи или неуспех той или иной операции могут об'ясняться в основном ιмыми различными причинами. В одном случае решающее значение в успехе терации может сыграть перевес техники в другом — моральный фактор, ιмоотверженность армии, ее политическая сознательность и пр.; в третьем—даже какая-нибудь простая «случайность», ошибка командования противника и т. п.

Можно от начала и до конца «пронизать» исследование «социально-классовыми факторами», и все-таки это будет не марксистское исследование, карикатура на марксизм.

Автор, впрочем, предвидит, что есть и другие причины, влияющие на д операций—как, например, топографические, атмосферные. Поэтому автор являет, что политическая сторона операции в исследовании не должна

---

[1]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 71.

«принижать боевые, моральные, технические, интендантские, атмосферные, топографические и др. факторы, влияющие на ход операции». Автор рекомендует, чтоб «чувство меры» не покидало научного работника. Разрешение вопроса оказывается таким образом чисто-механическим. «Немножко» интендантства, немножко топографии, немножко метеорологии, техники—все это «пронизать» политическими факторами—наконец, эту диалектическую микстуру взболтать, руководствуясь «чувством меры», и получится марксистское исследование той или иной операции. Автор не понимает, что рецепт «чувства меры» не поможет. Этот рецепт не для марксистского исследования, а для исследователя эклектика. Гвоздь всякого марксистского исследования заключается не «в чувстве меры», а в правильном применении метода материалистической диалектики, для чего сам исследователь предварительно должен суметь этим методом овладеть.

Не менее странным выглядит и следующее рассуждение тов. Вольпе: «Диалектика,—пишет он,—резко борется против всякой догмы, всякого шаблона Между тем вся военная теория до сих пор была пропитана догмой и шаблоном. Диалектика должна научить правильно применять догматические положения военной теории» [1]) (Разрядка наша. *М. Р.)*.

Тов. Вольпе правильно говорит, что диалектика резко борется против всякой догмы, всякого шаблона. Следует сказать даже решительней: диалектика непримирима с догмой и шаблоном.

Точно также неоспоримо утверждение Вольпе и насчет того, что до сих пор военная теория была пропитана догмой и шаблоном. Вывод, казалось бы, отсюда должен быть простой: диалектика, т.-е. марксистская военная мысль, должна вести беспощадную борьбу с этой догмой. Однако по т. Вольпе выходит иначе: диалектика должна не бороться с догмой, а «научить правильно применять догматические положения военной теории».

Это уже что называется, как любил выражаться Плеханов, «мимо Сидора в стенку». Сказать, что диалектика должна научить правильно применять догматические положения—это все равно, что потребовать, чтобы диалектика научила правильно применять схоластику или чтобы дарвинизм научил правильно пользоваться библейской легендой сотворения человека. Поистине с тов. Вольпе творятся чудеса в решете. Но эти чудеса тоже не простые, а «диалектические».

Переходим, наконец, к той части статьи тов. Вольпе, где он занимается законом отрицания отрицания. На счет этого закона тов. Вольпе нам сообщает следующие интересные вещи: «Этот закон—узнаем мы от тов. Вольпе—является наиболее трудным для усвоения. Это есть закон развития. В природе и в обществе все беспрерывно и закономерно развивается. Каждое явление, отмирая, порождает новое. Зерно, брошенное в землю, само погибает, но оно воссоздается в колосе, в котором много зерен. Человеческое общество развивается по закону «отрицания отрицания». От первобытного коммунистического общества, через классовый, капиталистический строй к новому бесклассовому коммунистическому обществу. Но современный «коммунизм» не восстанавливает старого, а создает совершенно новый общественный строй на базе колоссального развития производительных сил» [2]).

Итак, закон «отрицания отрицания», по мнению тов. Вольпе, является наиболее трудным для усвоения. Почему же, однако, этот закон, а не закон единства противоположностей, наиболее общий закон диалектики, как бы

[1]) «Война и Революция» кн. 5, стр. 72.
[2]) Там же, стр. 28.

включающий в себя два остальные закона диалектики? Почему наиболее труден для понимания закон «отрицания отрицания», а не закон перехода количества в качество? Если закон «отрицания отрицания» наиболее труден для усвоения, тов. Вольпе, то индивидуальные свойства мышления т. Вольпе нельзя выдавать за истину.

Дальше т. Вольпе пишет, что закон отрицания отрицания—это «закон развития». Если тов. Вольпе по отношению к этому закону специально подчеркивает, что он является законом развития, то выходит так, что остальные два закона диалектики не являются законами развития. Опять получается не научное об'яснение закона отрицания отрицания, а самый худший вид упрощенства и извращения диалектики.

Затем тов. Вольпе эпически спокойно повествует, что «человеческое общество развивается по закону отрицания отрицания». Почему, спрашивается, только человеческое общество? Если тов. Вольпе это подчеркивает, значит растительный мир развивается по каким-то другим законам. Вся остальная природа тоже, очевидно, исключается из действия закона отрицания отрицания.

Затем, если человеческое общество развивается по закону отрицания отрицания, то выходит, что остальные законы диалектики для человеческого общества, что называется, недействительны. Между самими законами диалектики имеются, оказывается, снова сферы влияния.

Тов. Вольпе не может отделаться от желания каждую область обязательно делить между различными «ведомствами». В начале статьи он по различным «ведомствам» поделил марксизм, теперь, в конце статьи, он разбивает на «владения» различных законов диалектики отдельные области природы, отдавая человеческое общество, как часть природы, под «единоличную власть» закона отрицания отрицания.

Вывод из статьи т. Вольпе может быть только один: кроме засорения мозгов читателя ничего другого она дать не может. Пословица говорит: «Смелость города берет». Но если тов. Вольпе думает, что одной смелости достаточно, чтобы браться за трактовку проблемы диалектики, то он слишком мало знает материалистическую диалектику.

Для военно-теоретической мысли диалектика тов. Вольпе абсолютно ненужна.

И мы должны бороться как против «можайской стратегии», так и против «суздальской диалектики».

О философском смысле одного литературного выступления.

М. Гришин-Николаев.

По философской линии ревизия марксизма за последнее десятилетие у нас в стране шла с двух флангов враждебного лагеря: наступление идеализма в форме богдановщины и наступление вульгарного материализма сначала в форме енчменизма, а потом в форме механистической философии. Обе попытки блестяще отбиты: первая несколько раньше, вторая позже.

Но так дело обстоит только в области общефилософских вопросов. Далеко не таково положение в отдельных научных дисциплинах. Как известно, и до сих пор идет ожесточенная борьба с богдановщиной и механистами в политической экономии, продолжается борьба с механистами и идеализмом в естественных науках, и совсем еще не развернута методологическая борьба с ревизией марксизма в том секторе литературы, который ориентируется сознательно на участие в социалистическом строительстве.

В последнее время мы имеем две интересные попытки проникновения в этот сектор враждебных диалектическому материализму методологий. Мы имеем в виду: а) сборник статей «фактовиков» «Литература факта» под ред. Н. Чужака, изд. «Федерация», и б) две книжки литературного центра конструктивистов (ЛЦК) «Бизнес» и К. Зелинского «Поэзия как смысл», обе изд. «Федерация».

О выступлении «фактовиков» с интересующей нас методологической стороны уже писалось. Совершенно правильную оценку сборника «Литература факта» дает Ф. Иванов в VII книге «Красной Нови» за 1929 г. «Фактовизм» — вылазка вульгарного материализма.

Гораздо труднее определить философский смысл выступления ЛЦК, в частности книги К. Зелинского «Поэзия как смысл».

Отметим прежде всего положительные черты книги.

К. Зелинский поставил вопрос о задачах литературы эпохи социалистического строительства ф и л о с о ф с к и. В этом громадная заслуга автора. Именно в литературе, именно в критике, именно теперь особенно важно ставить вопросы м е т о д о л о г и ч е с к и. Литература еще не завоевана диалектическим материализмом. В полосу обострения классовой борьбы в литературу пытается пролезть чуждая пролетариату методология. Мы должны форсировать постановку проблем методологии художественной литературы, или враг п о - с в о е м у заполнит имеющиеся у нас в этой области методологические пробелы.

Если не касаться чисто-«технической», формально-литературной части книги, отмеченная выше положительная сторона, пожалуй, является единственным «рациональным зерном» в работе Корнелия Зелинского.

К чему сводится философия К. Зелинского?

Постараемся об'ективно изложить основные идеи книги.

Вот они:

1) Современная техника обнаруживает тенденцию так наз. «дематериализации». Последняя заключается в том, что росту мощи, «нагрузки», как выражается автор, т.-е. способности произведений техники удовлетворять человеческие потребности, неуклонно сопутствует сокращение физически-материального, «вещественного» состава этих произведений. На примерах из разных областей техники (авиации, военной техники, агрономии и т. д.) автор показывает, как уменьшается вес, об'ем и т. п. технических средств параллельно усложнению отношений между «материальными» частями этих средств. Это увеличение «нагрузки» на одно и то же количество весомой материи или «упора» (выражение автора) называется автором «грузофикацией». Само собой разумеется, что этот процесс может быть охарактеризован и как действие принципа экономии, поскольку одна и та же «нагрузка» выполняется с меньшими физически-материальными затратами; и такая характеристика автором тоже дается. И, наконец, автор дает исчерпывающую характеристику этой тенденции, поскольку последняя сводится к максимально-рациональному построению, словом, «конструктивизм».

2) Эта тенденция, по мнению К. Зелинского, не случайна, а заложена, так сказать, в «основах основ». «Материя и движение: «упор» и «нагрузка». Эту модель грузчика мы можем выразить алгебраически, в виде уравнения. Все члены этого уравнения будут «текучи», переменны. Назовем А — упор, В — нагрузкой. Подставим сюда термины диалектического материализма, перенесем «грузчика» на самый верх, в философию. Тогда А будет сущностью вещей или субстанцией, а В — видом «эксплоатации» сущностей, будет теорией или ступенью познания» (стр. 17). И дальше на той же странице: «И вот замечательное явление истории человеческой культуры свидетельствует о беспрерывном «уменьшении» первого члена нашего уравнения — «грузофикации» и о непрестанном увеличении второго члена. «Упоры» уменьшаются, материя дематериализуется».

3) Подчеркнув конструктивный характер развития современной техники, отметив, что основы технического конструктивизма лежат глубоко «в природе вещей», присущи материи вообще, автор заявляет, что «конструктивизм — стиль эпохи. Конструктивная идея пронизывает философию Маха-Авенариуса (принцип «экономического образа мыслей»), А. Богданова («организационный» принцип), науку, политику («конструктивный социализм»), искусство и литературу. «Конструктивизм стучится поистине во все двери» (стр. 25).

4) Затем идет весьма интересная оговорка. С Лениным в руках автор отмежевывается от Маха, Авенариуса, А. Богданова и т. д. Он заявляет, что принцип, верный в ограниченной области, эти философы распространили на все области и тем самым довели принцип до абсурда. Отмежевавшись от махизма и, очевидно, желая твердо пребывать в лоне диалектического материализма, он приводит известное рассуждение Ленина об истине и прямолинейности.

5) Провозгласив принцип конструктивизма в литературе, К. Зелинский тут же спешит оговориться, что его действие в ней ограничено. «Суть только в некоторой тенденции, в некотором уклоне, совпадающем по смыслу с ходом всех технических процессов» (стр. 28).

И еще оговорка: «Есть опасность того, что конструктивизм захочет превратиться в мировоззрение, в монистическую философскую концепцию» (стр. 21).

6) И, наконец, небезынтересный тезис социального характера.— Что такое конструктивизм с социальной точки зрения? К. Зелинский отвечает на это так: «Литературный конструктивизм выражает собою некоторый ли

вживания интеллигентских, разночинных и, наконец, некоторых рабочих слоев в новые производственные отношения» (стр. 14); и дальше: «в общественном смысле литературный конструктивизм опирается на новое молодое поколение советской и пролетарской интеллигенции, поколение, сформировавшееся в основном после Октября» (стр. 15).

Едва ли это не все основное в философии Корнелия Зелинского. Если мы что упустили, то только второстепенное, не имеющее большого значения для уразумения конструктивизма с философской стороны.

Начнем с последнего тезиса. Конструктивизм, по словам автора, «опирается» на поколение интеллигенции, порожденной Октябрьской революцией. Корнелий Зелинский хочет быть марксистом. Всякую теорию порождает класс или социальная группировка. К. Зелинский выражается осторожно и неясно: «опирается». Вообще говоря, «порождается» и «опирается» — не все равно. У Ленина, например, партия пролетариата «опирается» на два класса» (письмо от 25/XII-22 г.), но по Ленину же партия остается пролетарской, а большевизм — учением пролетариата. Конструктивизм, по К. Зелинскому, «опирается» на порожденную Октябрем интеллигенцию; а какой социальной группой или каким классом он порождается? Очень возможно, что К. Зелинский хотел сказать, именно о социальной природе конструктивизма и просто не точно выразился. Допустим, что К. Зелинский выразился точно: он говорит именно о социальной роли конструктивизма и только. Тогда позволительно спросить: если конструктивизм продолжение марксизма-ленинизма в литературе (таким его хочет показать К. Зелинский), почему он не «опирается» также и на пролетариат? Допустим, что К. Зелинский выразился неудачно, что он хотел сказать, что конструктивизм теория молодой советской послеоктябрьской интеллигенции, тогда спросим вот о чем; каким образом автор, пытающийся совершенно сознательно обосновать теорию конструктивизма диалектическим материализмом и Лениным, т.-е. теорией пролетариата, допускает одновременно в качестве истины конструктивизм, как теорию непролетариата? Что-нибудь одно: или конструктивизм теория пролетариата, и тогда законно и последовательно считать ее продолжением марксизма-ленинизма в литературе; или конструктивизм — непролетарская теория, и тогда нечего ее связывать с учением Ленина и диалектическим материализмом.

«Самосознание» К. Зелинского выдает его с головой: тезис о «социологии» конструктивизма уже обнаруживает фальшь и непоследовательность.

Перейдем к намерениям.

Намерения, как всегда в подобных случаях, благие. Корнелий Зелинский хочет осветить пути литературы эпохи социалистического строительства. Но кто не знает, что «благими намерениями...» и т. д.? Больше этого, в наши дни мы твердо знаем, что не всякий, на словах отмежевавшийся от враждебного пролетариату мировоззрения, на самом деле не находится в плену у последнего. На словах К. Зелинский, как мы видели, во всех «подозрительных» пунктах своей философии предусмотрительно отмежевался от Маха—Авенариуса, от А. Богданова и т. п. К. Зелинский идет с Лениным «в руках». И это может кое-кого смутить. А между тем, не кто иной, как Ленин, любил подчеркнуть, что дело не в словах. Эту истину часто повторял Ленин-политик (вспомним всю историю борьбы с меньшевиками и др. соглашателями). Эту же истину так выразил Ленин-философ: «О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм» или «эмпириомонизм», философия естествознания и т. п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы» (т. XIII, стр. 178) [1].

---

[1]) Здесь, как и всюду, разрядка моя, за исключением оговоренных мест.

Оставим в стороне «намерения», «вывеску» и самосознание К. Зелинского. Как же «на деле решает основные теоретические вопросы» наш автор?

Остановимся на понятии «материи», как оно фигурирует у К. Зелинского.

Когда автор употребляет термин «дематериализация», он берет его неизменно в кавычки. Что означают кавычки, сказать трудно. То ли это ирония над метафизическим пониманием материи, то ли это отграничение от философского понятия материи. Скорее всего, они просто обнаруживают некоторую неуверенность автора. Во всяком случае, о б ' е к т и в н о (а это главное: дело не в намерениях) слово «материя» там, где автор говорит о дематериализации, употребляется им в смысле ф и з и ч е с к о м, а не философском, т.-е. не в смысле об'ективной реальности вообще. У Ленина, как известно, не только устанавливается различие между физическим и философским понятием материи, но и дается точное определение материи как категории физики. Материя в смысле физическом, по Ленину, может быть и «невесомой». Критикуя идеалистических физиков, заявлявших, что успехи естествознания обнаруживают будто бы несостоятельность понятия «материи», Ленин пишет: «Материя исчезает», это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (н е п р о н и ц а е м о с т ь, инерция, м а с с а и т. п.), и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только н е к о т о р ы м состояниям материи» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм»). Или: «Как ни диковинно с точки зрения «здравого смысла» превращение н е в е с о м о г о эфира в в е с о м у ю материю и обратно, как ни «странно» отсутствие у электрона всякой иной м а с с ы, кроме электромагнитной, как ни необычно о г р а н и ч е н и е м е х а н и ч е с к и х законов движения одной только областью явлений природы и подчинение более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д. — все это только лишнее п о д т в е р ж д е н и е (разрядка Ленина) диалектического материализма» (там же).

Итак, об'ектом изучения физики может быть не только в е с о м а я в обычном смысле материя (со свойствами непроницаемости, массы и т. п.), но и «н е в е с о м а я», не только механическое движение, но и более сложные: тепловое, электромагнитное и т. д.

У Зелинского дело обстоит не так. У него материальным в физическом смысле называется (об'ективно, подчеркиваю) только «весомое», «вещество». К. Зелинский именно м а с с у, в е с и т. п. имеет в виду, говоря о «дематериализации».

«Вытеснение глубокого т я ж е л о г о камня», «изобретение радио и выпадение сотен тысяч т о н н проволоки», «сокращение п л о щ а д и крыльев» и т. п. (стр. 17).

В сущности, «материя» с такими свойствами, которые имеет в виду К. Зелинский, есть об'ект изучения т о л ь к о одной области физики: м е х а н и к и. А следовательно, и тенденция, которую считает о с н о в н о й К. Зелинский в развитии современной техники, есть в с е г о л и ш ь одна из тенденций, именно тенденция, которую мы обнаруживаем, если на развитие техники посмотрим с точки зрения т о л ь к о одной м е х а н и к и Ньютона.

Может быть К. Зелинский сознательно «сузил» точку зрения на развитие техники, просто хотел подчеркнуть о д н у из сторон техники, не о с н о в н у ю, в т о р о с т е п е н н у ю, и сознательно оперировал именно механическим понятием материи, не думая расширять его до физического или — еще больше — до естественно-научного (как оно фигурирует у диалектически мыслящих физиков и естественников, конечно)? Если бы дело обстояло так, тогда и «кавычки» были бы уместны и сразу понятны (не

поймите, мол, меня худо: я имею в виду «дематериализацию» в узком «механическом» смысле, что метафизически мыслящие физики принимают за исчезновение материи» как таковой). Но, увы, черным по белому написано: «Мир техники — это мир конструктивизма, направленный на природу. С вершины технического прогресса, гигантского технического под'ема, конструктивизм хочет взглянуть на мир с центральной, более обобщающей позиции». Сказано ясно и... «программно». Ясно, что К. Зелинский рассматривает не одну из сторон техники, а весь мир техники и отождествляет его с миром конструктивизма, направленного на природу». Конструктивизмом оказывается «центральная, более обобщающая позиция». Если техника в целом — мир конструктивизма, т.-е. механики, ясно, что механистическая «дематериализация» является основной чертой, сутью так сказать технического прогресса.

Правильное понимание развития современной техники возможно только с точки зрения диалектическо-материалистического естествознания (физика с механикой, химия и пр.). Корнелий Зелинский «свел» эту точку зрения к механической, конструктивной, подменив первую последней. В связи с этим, разумеется, он понятие материи диалектико-материалистического естествознания, которым необходимо было оперировать, рассматривая развитие техники в целом, подменил механическим, или «свел» к последнему.

Отсюда ясно, что об'ективно, несмотря на «кавычки», в этом случае ничего, кроме неуверенности автора, не обозначающие, К. Зелинский употребляет самое доподлинное метафизическое понятие материи (т.-е. механическое), а «дематериализация» К. Зелинского (несмотря на кавычки) напоминает идеалистическую «дематериализацию» Маха, Пуанкаре и др., которых критикует в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин.

Старый механистический прием, старые метафизические и идеалистические ошибки; нового только «кавычки» (дань времени!).

У физиков-идеалистов «материя исчезает» благодаря подмене диалектического понятия материи в естествознании механическим и метафизическим. То же и потому же получается у К. Зелинского, хотя рассуждения его относятся к области приложения естествознания, к технике. Зря прятался К. Зелинский за «кавычки»!

Само собой понятно, что не только принцип «дематериализации», но и принципы «грузофикации» и «экономии» характеризуют современную технику только с одной стороны и не являются основным для современной техники в целом. Кроме механики есть учение об электричестве, теплоте, химии и т. д. И развитие современной техники, разумеется, нельзя сводить к механике, к конструктивизму.

Так обстоит дело с теорией технического прогресса у Зелинского.

Прежде чем ложную, механистическую теорию технического прогресса распространить на литературу, Корнелий Зелинский делает еще ряд крупных ошибок и такого же свойства.

Мы уже приводили рассуждение К. Зелинского по основному вопросу философии о взаимоотношении материи и сознания. Оказывается, и здесь действует конструктивный принцип. Материя, субстанция-«упор» — «уменьшается», сознание-нагрузка — увеличивается. Что за чудеса: субстанция «уменьшается»? Правда, и тут «кавычки». Слово «уменьшается» в кавычках. Но удобно ли в самом деле открыто утверждать такую чепуху? Но что же хотел сказать Корнелий Зелинский? Уменьшается область непознанной материи? Чепуха какая: материя — об'ективная реальность, «самое широкое понятие, дальше которого по сути дела не пошла гносеология» (Ленин), материя бесконечна, как можно ставить вопрос здесь об «уменьшении»? Область непознанной материи всегда будет бесконечно велика, хотя

материя познаваема. Материя может быть «исчерпана» познанием с какой-нибудь **одной** стороны (скажем, с точки зрения **механики** Ньютона), но каким образом она будет познана **вся без остатка**? В том-то и дело, что К. Зелинский признает только **одностороннее** познание материи (механическое), что ведет к «омертвению» и «ошибкам» (Ленин). Требование же «всестороннего» познания предмета, «чего мы никогда не достигнем полностью», «предостережет нас от ошибок омертвения» (Ленин, Еще раз о профсоюзах).

И опять распространение механического принципа на этот раз на область философии, опять подмена механическим понятием материи (узким, ограниченным), на этот раз философской категорией материи. К. Зелинский не думает, конечно, что субстанция исчезает, и потому ставит в кавычки слово «уменьшается»; об'ективно это означает: уменьшается (без кавычек) область непознанной материи. А последнее, как мы видели, целиком обнаруживает метафизическое, механическое понимание материи. Опять «кавычки» не спасают. Не спасает и приводившаяся уже нами «оговорка»: «есть опасность того, что конструктивизм захочет превратиться в **мировоззрение**, в монистическую **философскую** концепцию» (стр. 21). Уже нет никакой опасности: К. Зелинский сам уже превратил конструктивизм в «философскую концепцию». Закон, верный в узкой области прикладной механики, он бесцеремонно перенес в философию. Основной вопрос философии, по Энгельсу, есть вопрос о взаимоотношении материи и сознания. Разве, разрешив этот основной вопрос «**конструктивным**» способом прикладной механики, К. Зелинский не создал целой «философской концепции», не положил **основу для целого мировоззрения**?

Но «концепция» не нова. А. Богданов сначала «живым опытом», потом «организационным принципом» «преодолевает» «дуализм материи и духа». У него тоже «материя исчезает». Разница в словах и в степени последовательности. У Богданова — «организационный, тектологический» принцип, у Зелинского — «конструктивный». Оба механистические, антидиалектические. Богданов снимает вопрос о взаимоотношении материи и духа и «ликвидирует», конечно, тем самым всякую философию, в том числе и марксистскую. К. Зелинский этого не может сделать открыто: не по сезону. Поэтому он ограничивается ликвидацией непознанной области материи, **сокращением** «упора» и т. п. и, как увидим позже, **принижением** философии, идеализацией практицизма, деловизма, «бизнеса». Песня старая, а слова, кавычки и оговорочки — все это «дань времени», **не больше**.

Отметим, **кстати**, некоторое противоречие в применении автором понятия «упор». В технике и других областях «упор» — это материальный состав, на который возлагается «нагрузка» в целях преодоления чего-нибудь третьего (напр., аэроплан преодолевает расстояние и т. д.).

В общефилософских рассуждениях К. Зелинского «упор» понимается как «субстанция», «нагрузка», как теория, познание, а преодолевается та же субстанция; она же «уменьшается» как непознанная, следовательно, как **преодолеваемое**, а не «упор», она же и как «упор». В сущности, связывая «уменьшение первого члена уравнения», т.-е. субстанции, «упора», как преодолеваемого, с **ростом познания**, К. Зелинский не оставляет места для «упора»; в его же первоначальном понимании для «упора» как физически материального **носителя** нагрузки. Таким образом, мышление отрывается от материи, развивается помимо материи, независимо от нее, «из себя». **Тоже старая идеалистическая песня махизма** («движение без материи», «комплексы ощущений» — без суб'екта ощущающего, «опыт» без носителя опыта и т. п.).

Это кстати, чтобы показать, что К. Зелинский не избежал удела всех махистов: **противоречивости и путаницы**.

с головой выдают автора рассуждения о роли математики. «Растет роль математического естествознания. А что такое математика, как не совершенная конструктивная система?» И дальше: «Что такое, конструктивизм, как не панматематика, разлитая во все сосуды культуры?». Автор сочувственно цитирует рассуждения метафизических и идеалистических математиков о роли математики. К. Зелинский проглядел, между прочим, что среди диалектически мыслящих математиков существует другое мнение о роли и месте математики. Так геометрия, по Эйнштейну, «может рассматриваться, как глава физики» (Эйнштейн, Принцип относительности, изд. 1923 г.).

Диалектическая точка зрения сейчас вытесняет «панматематическую». Об'яснить все процессы, в действительности диалектически протекающие одной математике не под силу, роль ее односторонняя. На словах это признает и сам К. Зелинский. Он подчеркивает «искривление» буржуазных математиков, выражающееся в стремлении превратить математику в «универсальную отмычку» и т. п. Но все это опять на словах. В действительности, К. Зелинский «разрешает теоретический вопрос» о роли математики, именно повторяя эту самую ошибку буржуазных ученых. В самом деле. «Конструктивизм—панматематика, разлитая во все сосуды культуры», это—с одной стороны; а с другой — тот же самый конструктивизм, как мы видели, об'ективно является «философской концепцией». Следовательно, математика является «философской концепцией», т.-е. именно «универсальной отмычкой». Таков об'ективный ход мыслей К. Зелинского, такова внутренняя логика самого конструктивизма, как цельной теории.

Мы бы охотно посчитали рассуждения Корнелия Зелинского об идеалистических метафизических «искривлениях» за чистую монету, а не за «оговорку», за действительное отношение конструктивизма к буржуазным математикам, но, увы, эти рассуждения не вяжутся с целым. Отсюда ясно, что мы имеем дело только со словами. А на слово верят дураки, — говорил Ленин. Делать нечего, надо признать, что и здесь «слова»— дань времени, а на деле — механистическое отношение к математике, конструктивистский стык с тектологией А. Богданова. «Число как таковое всегда было одним из основных организационных средств культуры», или: «через число сейчас происходит сближение методологий отдельных наук» (К. Зелинский, Поэзия как смысл, стр. 24). Вот это новость: мы думали, что методологическое сближение отдельных наук идет через диалектический материализм, а оказывается конструктивным, организационным способом — через число.

Раз конструктивизм, по К. Зелинскому, заложен в природе вещей, разумеется, он распространяется автором, правда, с оговорками ограничительного свойства, на все области: философию, науку, технику, строительство социализма, искусство и литературу. Как он действует в философии, технике и науке — мы уже видели; посмотрим на остальные области.

Общественная история делается, по К. Зелинскому, тоже конструктивным методом. «Например, капитализм грузофицируется. Тресты превращаются в картели, а эти последние имеют тенденцию об'единиться в еще более крупные интернациональные организации. Это ход конструктивизма. Это его линия об'единения и нагрузки множественных функций на один более емкий «упор» (стр. 120).

«Через конструктивизм, т.-е. через техническое овладение природой — только таким путем мы придем к социализму» (стр. 41).

«Конструктивизм у нас, в СССР — это своего рода техническое выражение социализма» (стр. 41).

Нет сомнения, что централизация капиталистического производства напоминает современный технический прогресс, если последний рассматривать с одной механической стороны. Но с каких же это пор эта черта последней стадии капитализма является сущностью последнего. Как известно, централизация является всего лишь одним из следствий развития производительных сил. Нельзя сложный диалектический процесс развития капитализма сводить к одному моменту этого развития: к централизации.

Это незаконное механистическое «сведение» еще ярче у автора в его высказываниях о социалистическом строительстве.

Из приведенной цитаты видно, что техническое овладение природой автор отождествляет с конструктивизмом («через конструктивизм, т.-е. через техническое овладение природой» и т. д.). Всю сложность технического процесса, который можно понять только в результате всестороннего изучения (с точки зрения механики, других отделов физики, химии и т. д.), автор всюду сводит к одному механическому, конструктивному моменту.

Почему «только таким путем», т.-е. через конструктивизм, к которому якобы сводится «техническое овладение природой», мы придем к социализму? Во-первых, где же другие, кроме конструктивной, стороны технического овладения, а, во-вторых, где же классовая борьба? Если угодно, техническое овладение природой даже в подлинном, т.-е. в более широком, чем конструктивистский, смысле — всего лишь одна сторона классовой борьбы за социализм. Так, индустриализация страны и сельского хозяйства, механизация сельского хозяйства (и то и другое, разумеется, моменты «технического овладения природой») и т. п. являются одной из сторон того процесса, который ведет к ликвидации классов. Если только через техническое овладение природой (даже в подлинном смысле) мы можем притти к социализму, то зачем столько разговоров, скажем, о кооперации, колхозах, совхозах и т. д.? Если даже отвлечься от таких моментов классовой борьбы за социализм, как подготовка к обороне страны и т. п., а ограничиться одним строительством социализма в узком смысле (хотя в действительности одно от другого нельзя отделить), то и тогда нельзя строительство социализма свести к одному техническому овладению природой, да еще в конструктивистском понимании последнего.

Замечательное явление. В политической экономии сейчас идет спор с механистами по ряду вопросов, в том числе и по вопросу о возможности или невозможности свести общественные отношения к технике, а политическую экономию к технической науке. Как четко продолжает линию механистов Корнелий Зелинский в вопросе о социалистическом строительстве (Да не подумает читатель, что мы имеем в виду сознательное действие К. Зелинского; момент суб'ективного отношения автора к механистам в политической экономии и вообще к механистам — нас не интересует).

Чтобы не было недоразумений, отметим, что у К. Зелинского в «социальной философии» есть оговорка. Так, например, он к словам: «конструктивизм — это подчеркнутое мироощущение борьбы с природой и построения нового мира» добавляет: «на основе овладения всем аппаратом власти и средствами производства». Но это не спасает, как и все его оговорки, Корнелия Зелинского: как известно, после завоевания власти и овладения средствами производства пролетариат продолжает вести классовую борьбу, которую, как мы видели, нельзя свести к технической.

Есть и еще одна оговорка. К. Зелинский в одном месте употребляет слово «природа» в расширительном смысле: говорит, напр., о «природе почесывающегося, грязного, вшивого быта». Ну и, конечно, опять «кавычки». Так вот

по К. Зелинскому, конструктивизм (или социалистическое строительство — что все равно по К. Зелинскому) направлен не только против природы, но и против «природы» (в последнем случае разумеется и быт, и «организация кооператива», и др.). Это уже ведет и к расширительному смыслу «техническое овладение природой». Но, увы, смысл слова «технический» расширяется не для того, чтобы оно значило больше, чем «механический», а для того, чтобы распространить его на те области, где оно вообще не употребляется без кавычек, для того, чтобы подчеркнуть механистический, конструктивный метод «строящегося социализма» во всех областях.

Вся диалектика социалистического строительства во всех областях последнего грубо подменяется конструктивизмом, т.-е. механистицизмом.

Охарактеризовав социалистическое строительство как конструктивизм, К. Зелинский совершенно последовательно приходит к выводу, что искусство и литература эпохи социалистического строительства сводится не к чему иному, а именно к конструктивизму.

После длинного философского и социального философского обоснования литературного конструктивизма никакого значения, разумеется, не имеет оговорка, что «суть» литературного конструктивизма «только в некоторой тенденции, в некотором уклоне, совпадающем по смыслу с ходом всех технических процессов».

Смысл всех технических процессов, по К. Зелинскому, механистический, конструктивистский. Таков же смысл и «строящегося» социализма. Само собой разумеется, что и сущность литературы эпохи социалистического строительства — конструктивизм. О каком же «уклоне», «некоторой тенденции» может итти речь в этом случае? «Оговорка» остается, и К. Зелинский большую часть книги посвящает принципам литературного конструктивизма, которые, по К. Зелинскому, должны быть именно основными в литературе социалистического строительства. Он ставит не второстепенные, а основные вопросы литературы, в роде вопроса о взаимоотношении формы и содержания и т. п.

Да и к чему тогда имя «конструктивизм», если действительно механистический, конструктивистский момент в литературе, по К. Зелинскому, должен быть только всего лишь некоторой тенденцией, «уклоном»? Именем обозначается целое качество. Имя дается за основные черты, не второстепенные, не за уклон, не за детали. Конструктивизм — литературная школа, а школа именуется не за пустяковые отличия, а основные, принципиальные.

Не материалистическая диалектика, а механистический метод конструктивизма должен быть, по К. Зелинскому, основным в литературе социалистического строительства. Вот в чем «гвоздь».

Как и полагается, руководящей идеей, по К. Зелинскому, в поэтике должен быть принцип максимально рационального построения с точки зрения смысловой значимости. С виду это не плохо. На деле не так. Вот как формулирует К. Зелинский основной принцип литературного конструктивизма: «поэзия есть функция смысла — такова формальная идея, лежащая в основе конструктивизма, как литературной школы». Или: «литературный конструктивизм — это школа, в которой смысл произведения является главным орудием, при помощи которого строится все произведение». Итак, за «первичное» принимается смысл. С виду это тоже не плохо: если смысл, как идейное содержание литературного произведения, которое всегда отражает в той или иной степени об'ективную реальность, определяет форму произведения, то, несомненно, этот тезис материалистический. Такое взаимоотношение формы и содержания можно найти, например, у Плеханова. Но это лишь только «с виду».

Что такое смысл, по К. Зелинскому? «В задаче важно заданное, важно ее смысловое «намерение». Само построение в искусстве есть следствие этого смыслового намерения (творящего или воспринимающего), короче — построение есть функция смысла» (стр. 112, 113). «Короче» — смысл есть намерение или замысел художника. Как видим, по существу формула об определяющей роли смысла далека от материалистической. Об'ективно К. Зелинский определяющую роль отводит цели, суб'ективным намерениям художника. Философская природа основной идеи конструктивизма обнаруживается со всей ясностью: идеалистический принцип телеологии — вот основа литературного конструктивизма. Совершенно не важно, является ли цель в процессе художественного творчества по К. Зелинскому осознанной или внутренне присуща, имманентна теме; важно, что, согласно К. Зелинскому, роль цели определяющая. Кавычки, в которые заключается К. Зелинским слово «намерение», и здесь не спасают: кавычки означают, что слово «намерение» надо понимать шире, чем сознательно поставленная цель; ну, что же, телеологический принцип, как известно из истории философии, имеет еще и так называемую имманентную форму.

Всемогущество цели и организационного принципа — все это идет от А. Богданова.

Итак, в философии — конструктивизм, в науке — конструктивизм, в социальной области — конструктивизм, в искусстве и литературе — конструктивизм. Почему же конструктивизм — не мировоззрение? К чему же оговорки об опасности того, что конструктивизм захочет стать мировоззрением? Да если налицо философская концепция, социальная философия, особая методология в науке, в искусстве, в литературе, если все это налицо, то конструктивизм нельзя не назвать мировоззрением.

Только вот нового-то ничего нет в этом мировоззрении. Богдановщина с ее идеализмом и метафизикой или механистицизмом, — вот мировоззрение конструктивизма и К. Зелинского.

Нового — только оговорки, кавычки, попытки отмежеваться на словах от Маха, Авенариуса, Богданова и т. п.

Интересны эти попытки. По Зелинскому — конструктивизм — стиль эпохи. Самый принцип конструктивизма, по Зелинскому, — если его не доводить до абсурда — правильный и пронизывает, как мы видели, всю действительность сверху донизу. Он лежит в основе взаимоотношений материи и духа, он — в основе всей истории культуры, всей социальной истории, социалистического строительства, науки, искусства и литературы. Но верный сам по себе принцип конструктивизма «искривляли», вернее, «выпрямляли» Мах, Авенариус, А. Богданов в философии, Макдональды — в политике и т. п. С внешней стороны — куда как диалектично. К. Зелинский даже пишет: «Сущность диалектики в том, что каждая историческая тенденция естественна, законна и необходима, но только в своих пределах» (разрядка К. Зелинского). Но опять и опять только с внешней стороны.

В чем ошибка Маха, Авенариуса, А. Богданова и др.? Именно в том, что они диалектику действительных процессов «свели» к механистическому, метафизическому принципу, а вместе с тем к идеалистическому. А что делает К. Зелинский? Он только и делает, что подменяет диалектику и сводит ее к конструктивизму, т.-е. к механистицизму или телеологии. Ведь, как мы видели, решительно ничем, кроме слов, «оговорок», «кавычек» и т. п., решительно во всех областях философия Зелинского не отличается от философии Маха, Авенариуса и А. Богданова (дематериализация, принцип экономии, тектология, телеология, даже богдановская идеализация технической интеллигенции).

Характерно, что даже с новейшими формами махизма, или продолжением махизма, К. Зелинский отчетливо и недвусмысленно вступает в родство.

Возьмем идею «бизнеса». К. Зелинский проповедует, что практицизм будто бы должен быть существенной чертой социалистического строительства, а следовательно, и литературы эпохи социалистического строительства. Американское делячество, по мнению Зелинского, надо только очистить от капиталистических элементов, и тогда оно вполне пригодится нам, больше этого — оно нам дозарезу необходимо. Стоит только американское делячество связать не со шкурными интересами личности, а с перспективой социализма и все будет хорошо, по мнению Зелинского. В том-то и дело, что эта связь не механическая. Делячество—целая идеология, и с перспективами социализма эту идеологию не свяжешь. Делячество — игнорирование, отрицание или принижение **теории**. И если «очистить» американское делячество от идеологии, от делячества вообще **ничего не останется**. Само выражение «социалистический бизнес» звучит, примерно, так же, как «идеалистический материализм» или «метафизическая диалектика».

Законченная философия делячества да:1а учением Джемса, прагматизмом. «Истинно все то, что полезно». Если для Маха мир — «комплекс ощущений», для Богданова—«живой опыт», а потом просто тектологический принцип, где места материи не остается, то прагматизм пошел дальше: если об'ективной реальности нет, то нечего искать истину, как некое соответствие об'ективной реальности, надо просто **делать полезную** идею.

Эту **телеологическую** установку в сущности и дает Корнелий Зелинский для искусства и литературы. Больше того, самый метод, которым написана книжка «Поэзия как смысл», насквозь прагматический. К. Зелинский меньше всего **доказывает**, он просто **приделывает** эпохе социалистического строительства свою теорию: вот, мол, **полезная** вещь, возьмите.

Нет, не «**технические** родственники» (как выражается К. Зелинский) конструктивизму—Мах, Авенариус, А. Богданов и др., а самые настоящие, «кровные», т.-е. **идеологические**.

Мы не касались подробно в статье формально литературной части книги. Нет сомнения, что свои методологические ошибки К. Зелинский продолжает и там, хотя последовательность в подобных случаях не обязательна. Во всяком случае, книга так насыщена содержанием и методологическими проблемами (последнее, собственно, и ценно, повторяем, в книге), так «грузофицирована», что она заслуживает подробного разбора и в формально-литературной части.

Новое в учении о рефлексах.

(Из итогов IX международного с'езда по психологии).

В. Боровский.

Работы Когхилла и работы Лэшли, о которых здесь будет итти речь, конечно, частично были известны у нас и раньше. Но с'езду они были и авторами представлены с новыми добавлениями в округленной форме, которая выдвинула все заключающиеся в них обобщения, придала полновесность их содержанию. В таком виде они произвели революционизирующее действие даже на подготовленных слушателей.

Подготовку могли дать работы Чайльда, главным образом, его теория грэдиентов, которую он сам, его сотрудники и единомышленники (Геррис, Алварез) развивали приблизительно с 1915 года[1]). Теория грэдиентов впервые сделала некую попытку синтеза явлений, взятых из области экспериментальной биологии (регенераций и т. п.) с явлениями раздражимости, с развитием нервных функций и, в конце концов, с учением о рефлексах. В 1924 г. вышла книга Чайльда «Физиологические основы поведения». Как к ней ни относиться, — в ней есть недодуманности, с одной стороны, и перегибы — с другой, — она, несомненно, много дала всем, интересующимся вопросами, пограничными между психологией и физиологией.

И все же только после докладов Когхилла стало поразительно ясно, насколько психология тесно связана с экспериментальной эмбриологией. Основная задача, которую поставил себе Когхилл, настолько проста и, если так можно выразиться, вопиюще нужна, что приходится только удивляться, как это никто за нее не брался раньше. Надо сказать, что и выполнена работа с величайшей тщательностью, с глубоким проникновением в сущность проблемы и очень интересным обобщением результатов; впрочем, в постановке некоторых вопросов нам придется несколько разойтись[2]).

Проф. Когхилл в течение двадцати лет изучал развитие одного животного — Amblystoma punctatum, близкого родственника всем известного аксолотля (A. tigrinum), пользуясь и последним для некоторых сравнений. Основная идея его заключалась в том, что он изучал взаимную зависимость развития, с одной стороны, всех движений этого животного, начиная с самых первых, и, с другой, его мускулатуры, иннервации ее, а также центральной нервной системы. Начиная с дробления яйца для каждого последующего момента развития проф. Когхилл может точно дать картину всех имеющихся на данной стадии движений и также точно указать соответствующую фазу

---

[1]) На русском языке кратко изложена в книге В. М. Боровского «Сравнительная физиология» (Очерк основ). Изд. РАНИОН. 1929 г.

[2]) Выводы и взгляды проф. Когхилла я имею возможность изложить здесь с достаточной полнотой, так как во время с'езда не только прослушал его доклады, но еще дважды длительно беседовал с ним и, кроме того, располагаю его только что вышедшей книгой: G. E. Coghill, «Anatomy and the problem of behavior», Cambridge 1929.

строения центральной нервной системы и периферических нервов. Именно в возможности таких сопоставлений и заключен большой интерес всей этой работы.

Переходя к изложению фактического материала — по необходимости без больших подробностей — я должен сообщить, что движение изучалось посредством анализа кинемограмм, заснятых начиная с наиболее ранних стадий, а анатомическая сторона—на гистологических препаратах. Амблистома особенно удобна для такого исследования в виду откладки ею многочисленных яиц в одном комке, равномерного дробления яиц, возможности легко и без повреждения извлекать зародышей из оболочек и сохранять их для достаточно длительных наблюдений.

Первые движения связаны с развитием плавательных движений. Раньше всего голова загибается на одну сторону; затем, начиная с головы, все последующие сегменты тела, после чего животное оказывается свернутым в петлю. Это еще не движет животное, но в этом заключен основной фактор будущего движения — мускульные сокращения, последовательно переходящие от головы к хвосту. Теперь голова загибается в противоположную сторону, но, раньше чем это движение могло бы закончиться обратной петлей, голова уже возвращается к повторению первого движения. Таким образом получается S-образная фигура, так как хвостовая половина еще продолжает загибаться во втором направлении, а голова теперь загибается в противоположном. За это время движения ускорились и серии таких изгибаний удлинятся. Передаваясь волнами от головы к хвосту, они создают давление на воду и продвигают животное головой вперед. Это первые его двигательные возможности.

Что же происходит в то же время в нервной системе? Оказывается, что первое движение связано с развитием нового ряда нервных клеток, отростки которых создают связь между приводящими нейронами одной стороны тела и эффекторными, отводящими к мускульным сегментам противоположной стороны. Очевидно, что тем самым дана возможность возбуждения мускульных сокращений раздражением кожи на противоположной стороне туловища. В результате мы имеем движения в направлении от источника стимуляции. Так как этот механизм появляется сначала в головном конце, то все раздражения могут поступать к мускулам только спереди, передаваясь к хвосту, вниз по цепи двигательных нейронов. Рост нервного волокна, который дает соединения между приводящими и отводящими механизмами, количественно выражается в одной сотой миллиметра, или еще меньше, а качественно мы получаем, говорит Когхилл, вместо животного, беспомощно лежащего в том месте, куда его занесет случай, такое, которое может обследовать свою среду в ответ на внешние или внутренние раздражения. Вслед за тем особые боковые ветви двигательных нейронов устанавливают координацию мускульных сокращений обеих сторон, необходимую для завершения плавательного механизма.

Итак, амблистома начинает плавать, не имея еще подвижных конечностей. Дальнейший ход идет по двум линиям: 1) развивается рот и развивается поведение, направленное на схватывание и проглатывание пищи, и 2) по линии, зависящей от перехода на сухопутное передвижение. Когхилл подробно изучил как то, так и другое, и еще движение наружных жабер, но здесь мы ограничимся одной частью второго, а именно движением передних конечностей. Эти развиваются много раньше задних, направлены к хвосту под острым углом к туловищу, а первые движения их состоят в том, что этот угол уменьшается или увеличивается. Первоначально они при движении туловища активно прижимаются к нему и движутся только совместно с ним. Только день или два спустя они начинают производить движения и без участия всего туловища. Можно убедиться в том, что независимые

движения конечностей получаются в результате уменьшения (редукции) движений туловища.

«Таким образом первые движения конечностей, несомненно, являются составной частью реакции животного, как целого, и только позже конечности приобретают собственные движения». Движения конечностей вычленяются из общей реакции. Принципиально так же дело идет и дальше: первое сгибание локтя происходит только в составе движения целой конечности, а позже предплечье движется самостоятельно. Также кисть и пальцы. Изучение иннервации открывает нам, что мускулатура конечности снабжается ветвями тех самых нервов, которые иннервируют мускулы сегментов тела. Дальше самостоятельные движения части получаются, так сказать, в результате эмансипации ее из-под власти целого.

Но эти движения и представляют собой то, что мы называем р е ф л е к с а м и. Можно на этих стадиях перерезать амблистоме спинной мозг выше и ниже сегментов конечности и получить с большой отчетливостью все обычно описываемые рефлексы пальцев, предплечья, конечности, напр., на тактильное раздражение. Мы приходим к заключению, что рефлексы никоим образом не простые и первоначальные движения, а, наоборот, явления, получившиеся путем осложнения первоначальных, путем добавления задерживающих влияний к тем, которые сначала вызывали движения всего туловища.

Этот вывод Когхилла напоминает положение, известное нам как результат исследований в другой области: реакций животных на оптические формы. Положение, которое формулировалось так: логическая простота не совпадает с генетической [1]). То-есть то, что нам логически кажется более простым, то генетически может оказаться производным, более поздним приобретением и, в сущности, более сложным. Теперь оказывается, что то же самое мы должны отнести и к тем движениям, которые обычно называются рефлекторными. Отсюда ясно, что ходовое представление о «простом рефлексе» и схема рефлекторной дуги из трех нейронов созданы совершенно абстрактно в результате колоссального упрощения действительности. Рефлекс, как «единица поведения»—миф, измышление.

Следующие наблюдения Когхилла еще больше осложняют дело. Оказывается, что первые более или менее независимые движения конечности производятся ею на раздражения (проприоцепторные), связанные с позицией всего туловища в пространстве. Первые рефлексы — это позиционные рефлексы, составляющие с самого начала необходимую и неотделимую часть поведения животного, как целого. Они возникают как одна деталь в ходе развития сложного шаблона поведения, из потребностей этого поведения. Только после этой стадии конечность начинает реагировать на раздражения, притекающие извне (экстероцепторные). Когхилл говорит: «Позиционная реакция сенсибилизирует механизм экстероцепторного рефлекса».

Такие же взаимоотношения существуют и для задних конечностей. Когда амблистома переходит на сушу, то она продолжает проделывать «плавательные» движения. Только более медленно. «Ходьба происходит не путем координации местных рефлексов конечностей. Конечность в своих первых действиях связана с туловищем». Мы находим не интеграцию независимых первоначально движений, а, как раз наоборот, относительную эмансипацию частей первоначально цельного шаблона.

Но ведь нервная система только еще развивается. Следовательно, имеющаяся донервная интегральность должна быть основана на каком-то ином интегрирующем факторе. Это бесспорно, но возникает вопрос о природе этого фактора. Здесь Когхилл полностью примыкает к теории градиентов

[1]) В. М. Б о р о в с к и й. Введение в сравнительную психологи

(к слову сказать — так же относится к ней и Лэшли). Мы знаем, что уже яйцо обнаруживает некоторую полярность в своем строении. Она дальше переходит в полярное строение у зародыша. В основе полярности зародыша лежит динамичный механизм. Она кроме того не абсолютно закреплена в тканях, а зависит как от более фиксированных свойств самой развивающейся системы, так и от более изменчивых факторов среды, ускоряющих или задерживающих взаимодействующие внутренние процессы. Мы сказали бы, что последующие стадии возникают в борьбе этих двух противоположных моментов. Адэкватным воздействием можно полярность изменить или даже перевернуть. Методами, применявшимися Чайльдом и его школой, Когхилл обнаружил наличность грэдиентов в развивающемся зародыше амблистомы, направленных вдоль его длинной оси. Теория говорит нам, что таких грэдиентов достаточно для интеграции организма, пока его рост не превышает длину грэдиента.' Первоначальная «дифференциальность» во взаимоотношении организма и его среды через грэдиенты порождает интеграцию организма. Именно грэдиенты и интегрируют организм—в данном случае зародыш амблистомы — еще до появления и функционирования нервной системы. Но не только до этой фазы. Когхилл убедился в том, что «донервная» деятельность оказывает свое влияние в определенных частях организма еще и после того, как некоторые нервные пути уже начали работать; так что нервный и донервный механизмы интеграции до известной степени перекрываются и, следовательно, обычные представления о нервном проведении переупрощают фактические соотношения. Мы находим действие «донервных» факторов в процессах дальнейшего роста нервных отростков и их ответвлений и до тех пор, пока такие процессы продолжают происходить.

Когхилл следующим образом резюмирует некоторые из развитых здесь представлений. В развитии поведения одновременно действуют два процесса. Первый — это рост цельного и полностью интегрированного шаблона; другой — индивидуализация частичных систем, приобретающих известную самостоятельность. В амблистоме шаблон сначала охватывает туловище и хвост. При распространении его на новые части все они полностью интегрированы. Сначала вовлекаются жабры, затем передние, потом задние конечности. «Но по мере распространения интегрированного шаблона в организме, его части одна за другой приобретают некую степень собственной индивидуальности, что происходит в том же порядке: жабры, передние, задние конечности, в каком они вступали в шаблон». «Отсюда следует, что местные рефлексы возникают как особая черта в более развитом, но доминирующем механизме, интегрирующем весь организм. Нельзя рассматривать их просто как деятельность цепи нейронов». «Нервная система прежде всего обеспечивает целостность организма и только после того делает возможным появление местных рефлексов».

Один из докладов проф. Когхилла на с'езде носил название: «Индивидуация в противоположность интеграции в развитии поведения». Он здесь проводил ту мысль, что так как организм с самого начала интегрирован, то развитие поведения идет по линии индивидуализации, а не интеграции.

Автором сего уже несколько лет тому назад было написано следующее: «В той связи, как мы здесь рассматривали развитие нервной системы, т.-е. исходя из представления о физиологических грэдиентах и доминантности их высшей точки, перед нами стояла, собственно говоря, не проблема интеграции, а проблема дифференциации. Эти два процесса неотделимы один от другого и все время переходят один в другой» [1]). Как видно, первая часть цитаты точно совпадает с мыслью Когхилла. Но это только одна сторона

[1]) Основы сравнительной рефлексологии, стр 141.

картины. Нет сомнения, что начинающаяся индивидуализация обратно влияет на интеграцию. Более того, так как обе являются деталями целостного шаблона, то в процессе его развития даже необходимость приступить к будущей индивидуализации уже может отражаться на ходе развития (мы в биологии постоянно встречаем такие забегания вперед, и Когхилл в своей книге сам о них говорит). Так что мы, в действительности, имеем в каждый данный момент обе тенденции, что и было мной выражено во второй части моей цитаты. Когда я на с'езде в прениях по докладу изложил это проф. Когхиллу, он вполне со мной согласился, пояснив, что он сейчас подчеркивает индивидуализацию из тактических соображений, в виду того, что обычно говорят об интеграции, пренебрегая индивидуализацией. В этом он прав, но все же по существу дела обе тенденции не отделимы. Когхилл постоянно настаивает еще на **динамичности** установленного им механизма.

До сих пор все благополучно, но, как сказано в начале, кое с чем надо и поспорить. Если сила проф. Когхилла в его доскональном знакомстве с об'ектом его 20-летнего изучения, то в том же и слабое место: он, по моему несколько односторонне переносит взаимоотношения, установленные на развитии амблистомы, на других животных до человека включительно. А, ведь развитие амблистомы очень своеобразно; ведь мы имеем здесь метаморфоз, промежуточную личиночную стадию. Так что Когхилл может быть и прав в том, что амблистома — идеальный об'ект **для изучения**, но надо добавить, он не идеален **для сравнения**. При метаморфозе, несомненно, гораздо большую роль, чем в других случаях, играет, например, передиференцирование тканей. Можно предположить, что явления роста нервных элементов, которые наблюдал Когхилл, отчасти связаны (филогенетически) именно с такого рода процессами. Между тем, основываясь на таких наблюдениях, он пришел к преувеличенному представлению о роли роста. Он **всякое** изменение поведения стал понимать, как зависящее от роста, хотя бы минимального, каких-то нервных отростков—клеток коры большого мозга, мозжечка и т. д. Каждый новый навык человека тоже связан, по его мнению, с вырастанием какого-то нервного волокна, выражающимся в долях миллиметра. Трудно себе представить такую жесткую базу для заведомо гибких и изменчивых функций.

Это, конечно, отнюдь не подрывает основного нашего вывода, что **рефлексы суть явления не простые и первичные**, а, наоборот, генетически поздние, **производные и вторичные**. Интересно будет дальше сопоставить это положение с выводами из работ Лэшли, относящимися к рефлексам.

Имя Лэшли не ново для русского читателя. У нас его знают, как изобретателя так называемого сиалометра, прибора, при помощи которого Лэшли впервые изучал слюнные условные рефлексы у человека. Известны его работы по изучению функций мозга и другие. В частности, автор статьи ссылался на них в двух книгах и подробнее изложил их в специальном докладе [1]).

Дискутировались и его теоретические взгляды. Н. Ю. Войтонис, разбирая различные течения в бихэвиоризме, определил Лэшли, как чисто-физиологического бихэвиориста [2]), и надо сказать, что бихэвиоризм Лэшли представляет наиболее левое крыло. В последних его выступлениях [3]) намечается (пока только намечается), другая тенденция, а именно уклон в витализм. Повидимому, механистичность в психологии и уклон в витализм

[1]) «Введение в сравн. псих.» и «Основы сравн. рефлексологии», доклад: «Головной мозг и поведение», напеч. в «Вестн. Ком. Акад.», № 23, 1927 г.

[2]) Н. Ю. **Войтонис**, Бихэвиоризм, журн. «Психология», т. 1, вып. 1, 1928 г.

[3]) Доклад на пленуме с'езда и только что вышедшая книга: K. S. Lashley. Brain mechanisms and Intelligence. Univers of. Chicago Press, Chicago 1929.

в физиологии, как-то у него уживаются. Лэшли по образованию зоолог, ученик Дженнингса, а этот, всегда был поклонником Дриша. Отсюда неверное—старая виталистическая закваска, теперь опять сказывающаяся. Позже Лэшли работал у Уотсона. Сейчас для него в Чикаго построена специальная лаборатория на средства Behavior Research Fund [1]). В Америке его работы вызывают громадный интерес и получают блестящие, даже восторженные оценки. Может быть этим об'ясняются его очень смелые обобщения, в корне противоречащие обычным взглядам — правда, обоснованные экспериментально, но все же нуждающиеся в более широкой фактической базе и проверке другими исследователями. Как последнее обстоятельство, так и очерченная «философия» Лэшли побуждают к критической настороженности.

Лэшли утверждает, что прежние теории, признававшие существование в мозгу особых «ассоциационных» или высших организующих центров, не имеют фактического обоснования. Учение о иерархической организации внутри центральной нервной системы не доказано, говорит он, хотя оно и давало очень удобную схему для изображения нервных функций. В этом он совершенно прав.

В прежних своих экспериментах Лэшли, как известно, заставлял белых крыс вырабатывать навыки, удалял различные части головного мозга и выяснял, как влияла операция на ранее выработанный навык, на повторную выработку того же навыка, или же на выработку навыка после операции. Когда он имел дело со зрительным навыком, то оказалось, что незначительные повреждения затылочной трети большого мозга мало отражались на ранее выработанном навыке независимо от места их внутри затылочной трети, а весьма значительные повреждения разрушали навык, где бы они ни наносились: в этом случае области повреждения брались на таком расстоянии одна от другой, что у них почти не было общих участков. Лэшли тогда пришел к заключению, что «внутри данной функциональной области эффективность деятельности обусловлена наличным количеством нервной ткани, но не зависит от каких-либо особых участков или ассоциационных путей» (Стр. 88). Такое гипотетическое об'яснение шло в разрез со всеми обычными взглядами и требовало нового подтверждения.

Теперь Лэшли взял уже другие навыки, кинэстетические, применив обычные в экспериментах с крысами лабиринты. Здесь оказалось, что при повреждениях в об'еме не свыше 10% всей коры не наблюдалось сколько-нибудь заметных потерь навыка, а до 15% — серьезных потерь, независимо от места повреждения. Всякое повреждение, превышавшее 15%, могло вести за собой потерю навыка, — также независимо от места. Степень сохранения навыка пропорциональна количеству неповрежденной ткани. Эксперименты с выработкой навыка после операций дали такие же результаты

Таким образом, об: серии экспериментов приводят к заключению, что все части коры функционально эквивалентны для выработки навыков. Последовательным анализом Лэшли пункт за пунктом исключает ряд других возможных толкований добытых им фактов. Во всяком случае вывод оправдывается для навыков, вырабатываемых после операции. Где, как в зрительном навыке, имеется взаимоотношение с определенной областью коры, и там все же отдельные участки этой области ничем не различаются. Лэшли перерезал затылочную область по прямым линиям во всех направлениях, что можно было разрушить все обычно предполагаемые там «пути», но такие

[1]) Фонд, собранный в Чикаго по подписке и предназначенный для субсидирования исследований в области поведения человека. Основатели его исходили из положения, что двадцатый век в такой же мере окажется веком психологии, как девятнадцатый был веком физики и медицинских наук.

ции, как оказалось, никак не отражались на ранее выработанном на-
Отсюда вывод, что нервная ткань участвует в функциях всей своей
:ой, а не выработкой узкоограниченных «проводящих путей». Функ-
льная дифференцированность коры для какой-либо особой деятельности,
имому, независима от макро- или микроскопической анатомогистоло-
кой дифференциации.

Все эти выводы, очевидно, очень трудно совместимы с обычными пред-
ениями о нервной деятельности, как с теориями сопротивлений в си-
х и т. п. Следующие факты приводят Лэшли к представлению о зна-
массы мозговой ткани: 1) многие крысы, заучившие лабиринт после
ции, теряют навык быстрее, чем нормальные, и разница тем больше,
больше повреждение мозга; 2) зрительный навык, выработанный до опе-
, теряется после удаления участков затылочной трети в размере, про-
ональном массе удаленной ткани.

Несколько особо стоит один установленный Лэшли факт, который,
думать, очень важен. Дело в следующем. Как мы знаем, с разрушением
лочной трети теряется выработанный ранее зрительный навык. В основе
ных случаев всегда склонны были предполагать особую связь затылоч-
области с оптическими функциями. Оказывается, что такой вывод совер-
о не правилен. Во-первых, зрение крыс не страдало от операции. Во-
х, Лэшли заставил ослепленных крыс заучить лабиринт; удалил у них
этого затылочные области, и навык исчез так же, как исчезал зри-
ный. Стало быть, зрение вовсе не при чем, и не только к зрительным
кам относится затылочная область.

Интересно было сравнить данные, полученные для крыс, с относя-
ся к другим животным. Из обзора соответствующей литературы Лэшли
авливает: 1) что по отношению к собакам данные очень противоре-
; 2) что никто еще не собрал большого материала по влиянию разру-
я частей мозга на навыки у собак, и никто точно не фиксировал об'ем
ушения. Большинство имеющихся работ трактует о зрительных навы-
Лэшли заключает, что те данные, которые кажутся более надежными,
отиворечат его выводам и не указывают на коренным образом отлич-
характер работы мозга у собак и кошек, по сравнению с крысами. Еще
е и менее определенны данные, относящиеся к обезьянам.

Очень трудно провести сравнение результатов Лэшли с соответствую-
литературой о человеке. Во-первых, у человека никогда точно не
авливались границы области повреждения. Во-вторых, невролога
но удовлетворяются констатированием отдельной характерной черты
ения, но не производят всестороннего обследования, примерно, каким-
ль из современных наборов тестов. Лэшли считает недоказанным утвер-
ие, что повреждение мозга может вызвать у пациента выпадение одной
й способности без какого-либо общего нарушения. Третье заме-
Лэшли логического характера. Обычно рассуждают таким образом:
после повреждения мозга одна функция исчезает, а другая сохраняется,
ледовательно, они в мозгу локализованы в разных местах. Однако воз-
ю и другое об'яснение: первая функция требует интеграции
шего типа, чем вторая, поэтому она и исчезает при таких незна-
ных повреждениях, которые еще никак не отражаются на второй. Для
ведь оказалось, именно, такое соотношение: трудный лабиринт тре-
наличности всей или почти всей мозговой ткани, а чем лабиринт был
е, тем большее количество (масса) ткани могло быть беспрепят-
но удалено. Неврологи до сего времени не считались с возможностью
«массовых» взаимоотношений. Учение о локализации функций в от-
ых точках коры в современной литературе все более уступает место
тавлению о единстве, как основной черте всей деятельнос

Далее Лэшли считает открытым вопрос о том, не являются ли высшие координации у человека функцией **коры в целом**, и не отражаются ли на них повреждения любой области.

Для подтверждения своего представления о «массовых» взаимоотношениях Лэшли считает возможным извлечь отдельные клинические данные. Он цитирует: Bianchi, Monakow, Head, Goldstein, Bouman и Grünbaum, Heidenhain.

Если часто утверждают, что у высших животных имеется более точная локализация в коре, чем у низших, то это верно только в одном отношении: высшие животные могут более точно дифференцировать пространственное распределение стимуляции в рецепторном поле (на коже, на сетчатке, в кортиевом органе), а в связи с этим мы предполагаем более дифференцированные взаимоотношения между рецепторными функциями и областями коры при большей независимости в управлении двигательными сегментами. То-есть, если у крысы наблюдается только какая-то очень общая связь между некоторыми функциями (например, зрительными) и особыми областями коры (затылочной третью), то у высших и более специализованные функции имеют более тесную связь с меньшими участками коры (например, отдельные участки сетчатки с четвертями затылочной области).

Количественно одинаковые повреждения различных областей мозга ведут к качественно схожим нарушениям, что говорит в пользу принципа **единства** в работе коры. Это относится к некоторым функциям. Для других такие условия существуют в пределах более или менее ограниченной области коры,—опять же единой по отношению к этим функциям, но дифференцированной по отношению к третьим (так же, как и вся кора в целом), Такую большую дифференцированность надо понимать опять же не как бо́льшую независимость функционирования отдельных частей (бо́льшую дробность), а как дальнейший шаг к более сложной организации всей области в целом, как прогресс в развитии **единого** механизма.

Интеграции **высшего типа** не связаны с анатомической дифференциацией, а **являются функцией какого-то более общего динамического механизма коры, как единой системы.** Анатомический шаблон фиксирован, но функциональный шаблон не цепляется за анатомические элементы, так же, как в светящейся рекламе надпись, как единство, перебегает с одного конца здания до другого по сети лампочек, не цепляясь за отдельные лампочки, те же лампочки сейчас участвуют в шаблоне одной буквы, а в следующий момент другой. Когда человек смотрит на такую движущуюся рекламу, то он видит ее при различных положениях глаза; по сетчатке его глаза изображение перебегает также с одних элементов на другие и нечто подобное происходит в то же время, может быть, в коре. Мы можем получить одну и ту же реакцию, несмотря на то, что в каждый последующий момент работают другие анатомические элементы коры. Мы уже видели, что в коре не имеется функционально фиксированных путей.

Нечто подобное можно установить и в эффекторной сфере. Функциональный шаблон может быть осуществлен через посредство различных эффекторов. Так, в старых экспериментах Лэшли обезьяну тренировали производить сложные манипуляции правой рукой в то время, как левая была парализована. Несмотря на то, что левой рукой обезьяна никогда не практиковалась, она, после восстановления возможности двигать ею, сразу смогла выполнить левой рукой все, что она раньше проделывала правой.

Что же вытекает из всего вышеизложенного для **учения о рефлексах**? Под рефлексом всегда представляют себе [1]) функцию «рефлек-

[1]) Я совершенно исключаю такие незаконнорожденные чудища, как Павловские «рефлекс» рабства, «рефлекс» цели и т. п. С одной стороны, абсолютно не-

ции, как оказалось, никак не отражались на ранее выработанном на-
Отсюда вывод, что нервная ткань участвует в функциях всей своей :ой, а не выработкой узкоограниченных «проводящих путей». Функ-льная дифференцированность коры для какой-либо особой деятельности, имому, независима от макро- или микроскопической анатомогистоло-кой дифференциации.

Все эти выводы, очевидно, очень трудно совместимы с обычными пред-ениями о нервной деятельности, как с теориями сопротивлений в си-х и т. п. Следующие факты приводят Лэшли к представлению о зна-массы мозговой ткани: 1) многие крысы, заучившие лабиринт после ции, теряют навык быстрее, чем нормальные, и разница тем больше, ольше повреждение мозга; 2) зрительный навык, выработанный до опе-, теряется после удаления участков затылочной трети в размере, про-ональном массе удаленной ткани.

Несколько особо стоит один установленный Лэшли факт, который, думать, очень важен. Дело в следующем. Как мы знаем, с разрушением лочной трети теряется выработанный ранее зрительный навык. В основ ных случаев всегда склонны были предполагать особую связь затылоч-области с оптическими функциями. Оказывается, что такой вывод совер-о не правилен. Во-первых, зрение крыс не страдало от операции. Во-х, Лэшли заставил ослепленных крыс заучить лабиринт; удалил у них этого затылочные области, и навык исчез так же, как исчезал зри-ый. Стало быть, зрение вовсе не при чем, и не только к зрительным кам относится затылочная область.

Интересно было сравнить данные, полученные для крыс, с относя-ся к другим животным. Из обзора соответствующей литературы Лэшли авливает: 1) что по отношению к собакам данные очень противоре-; 2) что никто еще не собрал большого материала по влиянию разру-я частей мозга на навыки у собак, и никто точно не фиксировал об'ем ушения. Большинство имеющихся работ трактует о зрительных навы-Лэшли заключает, что те данные, которые кажутся более надежными, отиворечат его выводам и не указывают на коренным образом отлич-характер работы мозга у собак и кошек, по сравнению с крысами. Еще е и менее определенны данные, относящиеся к обезьянам.

Очень трудно провести сравнение результатов Лэшли с соответствую-литературой о человеке. Во-первых, у человека никогда точно не авливались границы области повреждения. Во-вторых, невропатологи но удовлетворяются констатированием отдельной характерной черты ения, но не производят всестороннего обследования, примерно, каким-ь из современных наборов тестов. Лэшли считает недоказанным утвер-ие, что повреждение мозга может вызвать у пациента выпадение одной й способности без какого-либо общего нарушения. Третье заме-Лэшли логического характера. Обычно рассуждают таким образом: после повреждения мозга одна функция исчезает, а другая сохраняется, ледовательно, они в мозгу локализованы в разных местах. Однако воз-ю и другое об'яснение: первая функция требует интеграции шего типа, чем вторая, поэтому она и исчезает при таких незна-ных повреждениях, которые еще никак не отражаются на второй. Для ведь оказалось, именно, такое соотношение: трудный лабиринт тре-наличности всей или почти всей мозговой ткани, а чем лабиринт был е, тем большее количество (масса) ткани могло быть беспрепят-но удалено. Невропатологи до сего времени не считались с возможностью «массовых» взаимоотношений. Учение о локализации функций в от-ых точках коры в современной литературе все более уступает место тавлению о единстве, как основной черте всей деятельности мозга.

Далее Лэшли считает открытым вопрос о том, не являются ли высшие координации у человека функцией коры в целом, и не отражаются ли на них повреждения любой области.

Для подтверждения своего представления о «массовых» взаимоотношениях Лэшли считает возможным извлечь отдельные клинические данные. Он цитирует: Bianchi, Monakow, Head, Goldstein, Bouman и Grünbaum, Heidenhain.

Если часто утверждают, что у высших животных имеется более точная локализация в коре, чем у низших, то это верно только в одном отношении: высшие животные могут более точно дифференцировать пространственное распределение стимуляции в рецепторном поле (на коже, на сетчатке, в кортиевом органе), а в связи с этим мы предполагаем более дифференцированные взаимоотношения между рецепторными функциями и областями коры при большей независимости в управлении двигательными сегментами. То-есть, если у крысы наблюдается только какая-то очень общая связь между некоторыми функциями (например, зрительными) и особыми областями коры (затылочной третью), то у высших и более специализованные функции имеют более тесную связь с меньшими участками коры (например, отдельные участки сетчатки с четвертями затылочной области).

Количественно одинаковые повреждения различных областей мозга ведут к качественно схожим нарушениям, что говорит в пользу принципа единства в работе коры. Это относится к некоторым функциям. Для других такие условия существуют в пределах более или менее ограниченной области коры,—опять же единой по отношению к этим функциям, но дифференцированной по отношению к третьим (так же, как и вся кора в целом), Такую большую дифференцированность надо понимать опять же не как большую независимость функционирования отдельных частей (бо̀льшую дробность), а как дальнейший шаг к более сложной организации всей области в целом, как прогресс в развитии единого механизма.

Интеграции высшего типа не связаны с анатомической дифференциацией, а являются функцией какого-то более общего динамического механизма коры, как единой системы. Анатомический шаблон фиксирован, но функциональный шаблон не цепляется за анатомические элементы, так же, как в светящейся рекламе надпись, как единство, перебегает с одного конца здания до другого по сети лампочек, не цепляясь за отдельные лампочки, те же лампочки сейчас участвуют в шаблоне одной буквы, а в следующий момент другой. Когда человек смотрит на такую движущуюся рекламу, то он видит ее при различных положениях глаза; по сетчатке его глаза изображение перебегает также с одних элементов на другие и нечто подобное происходит в то же время, может быть, в коре. Мы можем получить одну и ту же реакцию, несмотря на то, что в каждый последующий момент работают другие анатомические элементы коры. Мы уже видели, что в коре не имеется функционально фиксированных путей.

Нечто подобное можно установить и в эффекторной сфере. Функциональный шаблон может быть осуществлен через посредство различных эффекторов. Так, в старых экспериментах Лэшли обезьяну тренировали производить сложные манипуляции правой рукой в то время, как левая была парализована. Несмотря на то, что левой рукой обезьяна никогда не практиковалась, она, после восстановления возможности двигать ею, сразу смогла выполнить левой рукой все, что она раньше проделывала правой.

Что же вытекает из всего вышеизложенного для учения о рефлексах? Под рефлексом всегда представляют себе [1]) функцию «рефлек-

[1]) Я совершенно исключаю такие незаконнорожденные чудища, как Павловские «рефлекс» рабства, «рефлекс» цели и т. п. С одной стороны, абсолютно не-

торной дуги», т.-е. определенного анатомического механизма, в котором различают «приводящую» часть и «отводящую». Можно ли на самом деле в какой-либо реальной функции установить реальную связь определенного приводящего волокна с данным отводящим? Если это удается, то только в совершенно исключительных условиях; в искусственно упрощенной лабораторной обстановке, у спинального животного, на таких сравнительно простых явлениях, как, например, так называемый рефлекс почесывания. Ничего подобного мы не можем сделать по отношению к какой-либо стороне нормального поведения животного. В сравнительной психологии, изучающей нормальное поведение, как целое, мы никогда не имеем дела: 1) ни с раздражениями одной рецепторной точки, ни даже одного только рецептора, а только с изменениями ситуаций, 2) ни с реакцией одного отдельного эффектора, а только единого организма. Каждое изменение ситуации приводит в действие динамическую систему всего организма. Надо, как сказано, колоссально упростить действительное положение, т.-е. свести нормальное животное до уровня спинального, и даже еще ниже, чтобы можно было его поведение об'яснять «рефлексами». Ничем не лучше и «условные рефлексы». Они так же мало пригодны для понимания естественного поведения животного, как бы «простота» такого об'яснения ни подкупала некритическую публику. Павлов очень ошибается, когда отождествляет свое изучение «высшей нервной деятельности» на рефлексах с изучением поведения.

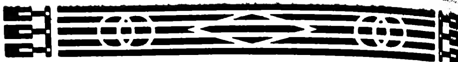
Учение о рефлексах не в состоянии охватить реального поведения потому, что оно по самому своему существу предполагает точную связь строго определенных рецепторных нейронов с центральными, а этих с эффекторными нейронами. Вся его об'яснительная ценность, говорит Лэшли, должна заключаться как раз именно в такой предполагаемой возможности проследить ход нервного импульса вдоль рефлекторной дуги по подготовленным путям. Однако существование таких ограниченных «путей» абсолютно не совместимо со всем тем, что нам известно о более сложных видах поведения животного, с характерной для него лабильностью. Так же мало учение о рефлексах совместимо с установленными Лэшли: независимостью навыков от каких-либо специальных проводящих путей в большом мозге, с эквипотенциональностью отдельных частей коры, с ролью «массовых» взаимоотношений в выработке и удержании навыков, с независимостью динамического механизма высших интеграций от анатомических образований, с ограничением возможной сложности такого механизма общим количеством нервной ткани. И, наконец, еще с одной группой фактов, пока не упоминавшихся: Лэшли установил, что односторонняя экстирпация части мозжечка или полосатого тела ведет к значительно более серьезным явлениям, чем удаление такой же массы ткани равными порциями из обоих полушарий; как будто функциональное расстройство зависит от какого-то нарушения равновесия между частями нервной системы. Все это не может быть об'яснено рефлексами и говорит против существования фиксированных путей в виде рефлекторных дуг. По мнению Лэшли, одно и то же действие животного едва ли когда-либо выполняется дважды теми же самыми нейронами. Учение о рефлексах не соответствует динамичности и лабильности фактически наблюдаемого поведения.

По вопросу об условных рефлексах надо добавить, что Когхилл распространяет на них свои новые представления о простых рефлексах. А именно, он предполагает (конечно, это пока гипотеза), что сущность

понятно, почему это «рефлексы». С другой, такие понятия ничем не лучше «инстинкта праздновать английское воскресенье» и т. п., столь любезных сердцу реакционных ученых и политиков (Ср. мою «Психологию с точки зрения материалиста»).

процесса выработки условного рефлекса заключается в вычленении из сложного поведения животного в данной специфической обстановке одной черты, первоначально составлявшей интегральную часть сложного поведения. Вычленение не означает упрощения поведения, а, наоборот, дальнейшее усложнение. Простота условного рефлекса оказывается кажущейся.

Понять функцию такой вычлененной частичной системы можно, только исходя из представления о работе всего единого организма, так как это лишь деталь сложной картины. Нельзя итти обратным путем, так как из функций детали пытаться понять функции единого целого — это путь принципиально неправильный. Учение об условных рефлексах дает нам очень много для понимания рецепторной деятельности и работы нервной системы, но изучить поведение единого организма через изучение рефлексов условных и безусловных, безнадежно. Хуже того, оно не может дать полного представления о работе даже и отдельных органов. В самом деле. Деятельность высшего животного интегрируется внеосевыми системами, из коих мы здесь говорили о наиболее важной, т.-е. о коре. Мы узнали теперь, что рефлексы — явления производные, появляющиеся в связи с возрастанием сложности поведения всего животного. Понятно, что для того, чтобы изучить рефлексы, приходится исключать интегрирующий механизм (внеосевые высшие отделы головного мозга), освобождать рефлексы от власти единого организма. Поэтому-то рефлексы обычно изучаются на спинальных собаках и кошках или обезглавленных лягушках. Это, конечно, вполне законный метод для выяснения некоторых сторон работы нервной системы. От таких наиболее упрощенных явлений можно переходить к более сложным, к сочетаниям рефлексов, что дает еще новый ряд сведений. Но такой метод законен только до тех пор, пока мы твердо помним, что мы искусственно изолировали об'ект изучения, что те же органы нормально функционируют как части единой системы, хотя бы они до известной степени и индивидуализировались. В конце концов мы сможем понять фактическую работу любого органа, будь то отдельная конечность или вся нервная система, только исходя из понимания функций всего животного организма. Если такие взгляды смутно предчувствовались или гипотетично высказывались и прежде, то теперь в работах Когхилла и Лэшли они получили солидную фактическую опору.



Неодарвинизм и проблема эволюции человека[1].

Ф. Дучинский.

Борьба вокруг проблемы наследования приобретенных признаков продолжается. То или иное отношение к решению этой центральной проблемы эволюционной теории кладет демаркационную линию между различными течениями в биологии. С одной стороны, школа неодарвинистов-генетиков, решительно отвергающая возможность наследования приобретенных признаков. С другой стороны, дарвинисты и неоламаркисты, стоящие определенно на почве признания унаследования их. Водораздел между основными группировками биологов не всегда ясно выступает. Неодарвинисты (вейсманисты) нередко пытаются затушевать принципиальные различия между их противниками и зачислить в лагерь ламаркистов всех сторонников наследственной передачи приобретенных признаков. И Дарвин, и Геккель, и Плате, и Тимирязев, и другие дарвинисты оказываются с их точки зрения ламаркистами-эклектиками, так как в целостную теорию дарвинизма они включали не только фактор естественного отбора, который неодарвинистами искусственно отрывается от других принципов дарвинизма, но и видоизменяющую роль внешней среды. Что творец дарвинизма и крупнейшие его ортодоксальные последователи синтетически охватывали в своей эволюционной системе и некоторые элементы ламаркизма—факт общеизвестный. Достаточно сослаться на такого последовательного дарвиниста, каким был К. А. Тимирязев. Он, как и Геккель, Плате и другие, не только не противопоставлял дарвинизм ламаркизму, но указывал на возможность «гармонического сочетания обоих направлений». Со всей решительностью обличая дуализм ламаркистской концепции и восставая против учения, которое он называл «метафизической телеологией среды», К. А. Тимирязев так оценивает отношение дарвинизма к ламаркизму: «Новейшие дополнители и совершенствователи дарвинизма—неоламаркисты и вейсманисты — взаимно уничтожаются. Первые желали бы упразднить дарвинизм в пользу ламаркизма, а вторые своей поправкой дарвинизма доказывают невозможность ламаркизма. Один только трезвый дарвинизм уделяет ламаркизму принадлежащее ему по праву место в науке». К. А. Тимирязев ясно выражал свое отрицательное отношение как к ложным воззрениям неоламаркистов, так и к односторонне-узким взглядам неодарвинистов. Наши же вейсманисты себя только готовы считать дарвинистами, стоящих же на точке зрения подлинного дарвинизма называют ламаркистами. Для такой подмены издавна установившихся делений и связанных с ними представлений нет никаких оснований.

Развитие дискуссии между неодарвинистами и их противниками имеет свою логику. Точки зрения уточнены, линии расхождения уяснены, недомолвки и неясности устранены. Из теоретических положений неодарвинизма сделаны ясные и логически неизбежные выводы, чреватые важными принципиальными следствиями.

---

[1]) Печатается в порядке обсуждения. Ред.

Большую роль в уяснении позиций вейсманизма играет статья А. С. Серебровского «Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции», помещенная в № 2 журнала «Естествознание и Марксизм». В статье Серебровского подводятся итоги дискуссии по вопросу о наследовании приобретенных признаков, четко и ясно определяется позиция неодарвинизма и делаются из нее определенные выводы. То, что другими неодарвинистами высказывалось вскользь или даже замалчивалось, выпукло и законченно выражено Серебровским.

Основным моментом статьи Серебровского, заслуживающим самого пристального внимания и серьезного отношения со стороны всех марксистов, является не какая-либо частная критика, а решительное опровержение трудовой теории происхождения и развития человека, обоснованной Энгельсом. Эта теория целиком отвергается им как ложная и научно несостоятельная. Она — незрелый продукт времени безраздельного господства дарвинизма, когда Вейсман не занялся еще «очищением дарвинизма от элементов ламаркизма». Она — результат донаучных воззрений в области проблемы наследственности. Энгельс в статье о «Роли труда в процессе очеловечения обезьяны» только слепо отразил господствовавшие среди биологов того времени ложные воззрения. За созданную Энгельсом трудовую теорию развития человека и за признание им наследственности приобретенных признаков ответственность ложится, конечно, не на Энгельса, а на биологию того времени. Энгельс не виноват, виноваты биологи, внушившие ему ложные взгляды и направившие работу его мысли в области решения чрезвычайно важной проблемы антропогенеза по ошибочному пути. Кому же не известно, что наука находится в процессе беспрерывного развития, и что она от ложных представлений все ближе подходит к правильному решению сложных проблем! Установлено также, что даже гениальные люди являются детьми своего времени, способными ошибаться вместе со своими современниками. Можно было бы высказать сожаление, что Энгельс, углубленно изучавший вопросы естествознания, неспособен был подняться над уровнем господствовавших тогда биологических теорий, а был введен в заблуждение биологами по данному важному вопросу, если бы этому выводу не противоречили некоторые, хорошо известные марксистам и биологам, упрямые данные.

Взгляды Энгельса по вопросу о факторах эволюции человека, полагаю, всем хорошо известны, и на подробном изложении их мы останавливаться не будем. Основная идея статьи Энгельса выражена им кратко в следующих положениях: «Труд создал самого человека». «Рука, таким образом, является не только органом труда, она также его продукт» (подчеркнуто Энгельсом). Энгельс при обосновании положений своей теории исходит из признания явления наследования организмом как результатов функциональных изменений органов, так и следствий физико-химических воздействий условий среды. Что развитые Энгельсом взгляды по вопросу о происхождении человека не являлись случайным привеском, а составным элементом его мировоззрения, видно и из других его высказываний. На 219, напр., стр. «Диалектики природы» он, ограничивая роль естественного отбора, высказывает «ламаркистские» взгляды и заканчивает их таким выводом: «Поэтому и геккелевское «приспособление и наследственность» могут, помимо всякого подбора и мальтузианства, вызвать весь процесс развития». Но для каждого, кто внимательно изучал биологические воззрения Энгельса, ясно, что он повинен в ламаркизме в той же мере, в какой виновен в этом Дарвин и крупнейшие последователи его учения.

Являются ли изложенные воззрения Энгельса на роль труда в развитии человека его частными суб'ективными взглядами, не стоявшими в органической связи с его диалектико-материалистическим мировоззрением? Были ли они теми «отдельными буквами» (как выражается Финкельштейн в книжке

Жизнь как диалектический процесс»), теми рудиментами алфавита (твер-
ыми знаками и ять,—как сказал Местергази на заседании Общества биоло-
зв-материалистов), от которых ничего не стоит отказаться? У каждого
арксиста не может быть двух мнений по этому вопросу. Только люди, имею-
ше смутное представление о марксизме вообще, об историческом материа-
изме в частности, могут считать данные взгляды Энгельса сущими пустяка-
и, деталями, о которых не стоит и спорить. В действительности же вопрос о
оли труда, как основном факторе в происхождении человека, имеет для
арксистов громадное принципиальное значение. Взгляды Энгельса по этому
опросу являются неразрывной составной частью марксизма, они логически
ытекают из диалектического материализма как метода мышления и исследо-
ования. Трудовая теория эволюции человека не является личной точкой зре-
ия Энгельса, а прочным достоянием теории марксизма. Известно, насколько
есно в полном контакте протекала работа Маркса и Энгельса над выработ-
ой основ марксизма. Нередко трудно указать, какие идеи принадлежат
Марксу и какие Энгельсу. Между их воззрениями не было противоречия, а
аблюдалась полная гармония. Взгляды Энгельса являлись взглядами Марк-
а—и обратно. Что и в области интересующего нас вопроса не было расхож-
ения во взглядах основоположников марксизма, видно из высказанных Марк-
ом аналогичных мыслей. Маркс говорит: «Действуя на внешнюю природу и
зменяя ее, он (человек) в то же время изменяет и свою собственную приро-
у» («Капитал», т. I, отд. 3). Плеханов в следующих словах оценивает данную
ысль Маркса: «В этих немногих словах содержится сущность всей истори-
еской теории Маркса». По мнению Плеханова, Маркс смотрел на природу
еловека, «как на вечно изменяющийся результат исторического движения,
ричина которого лежит в н е человека» (подчеркнуто Плехановым). Плеха-
ов указывает качественное отличие человека от животных, состоящее
употреблении и производстве орудий труда. «В орудиях труда человек при-
обретает как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение»
«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»). Плеханов на-
ходит сходство в методах исследования Дарвина и Маркса. Как, по учению
Дарвина, развитие органических форм происходит под влиянием воздействий
внешней среды, так, по учению Маркса, историческое развитие человечества
определяется характером общественных отношений людей в производственном
процессе. Как видим, Плеханов развивает взгляды Маркса-Энгельса на
движущие причины эволюционного развития человека. С полной определен-
ностью подчеркивается изменяющая строение человека роль орудий труда.
На точке зрения признания видоизменяющего влияния среды стоит и
Лафарг. Его можно было бы даже назвать сторонником жоффруизма.
«Среда,— говорит он,— оказывает не только прямое влияние на функциони-
рующий орган, напр., в случае с пианистом и землекопом — на руку, но
и косвенное влияние на все остальные органы» («Исторический материализм
Маркса»). Под влиянием водного образа жизни у тюленей и китов изменились
органы их тела: одни рудиментировались, другие развились и приспособились
к водной среде. Влияние разнородной среды обуславливает образование раз-
нообразных видов животных и растений и происхождение различных рас
людей.

Развитие животных и растений происходит путем приспособления их
к изменяющимся условиям окружающей их естественной среды, развитие
человека совершается под влиянием, главным образом, того изменения
искусственной среды, которая им создана для ограждения от вредных воздей-
ствий естественной среды. С момента употребления и изготовления орудий
труда не только эволюция человека протекает в тесной зависимости от изме-
нения искусственной, технической и социальной среды, но и все стороны
общественной его жизни изменяются под непосредственным влиянием роста

производительных сил, развития орудий труда в частности. Если до употребления и производства орудий труда эволюция предков человека состояла в видоизменении органов тела, вследствие приспособления к условиям природной среды, то в условиях искусственной среды эволюция заключается преимущественно в изменении его искусственных органов—орудий труда. Ход истории развития человека становится качественно иным, отличным от эволюции остального органического мира.

Таковы в немногих словах основы материалистического понимания истории развития общественного человека. Воззрения исторического материализма характеризуются последовательно проведенной монистической материалистической точкой зрения на ход развития человека и его общественных отношений. В основе и биологического развития человека и развития различных сторон его общественной жизни с момента употребления орудий труда лежит изменение окружающей его искусственной среды. Поэтому попытка оторвать процесс эволюционного развития человека от развития орудий труда равносильна подрыву одного из основных положений исторического материализма, который (подрыв) должен вести к ревизии всей системы диалектического материализма.

Но некоторые «марксисты» предостерегают нас против «талмудического отношения» к «букве» марксизма (теории Энгельса) и напоминают о том, что «сам диалектический материализм диалектически развивается» (Финкельштейн). Последнюю фразу, вероятно, нужно понимать в том смысле, что диалектическое развитие диалектического материализма состоит в том, что он на новой стадии своего развития отрицает то, что раньше признавал, и признает то, что отвергал. Хороша диалектика!

Может быть, действительно, трудовая теория развития человека, формулированная Энгельсом, является в настоящее время превзойденной и отвергнутой и подлежащей сдаче в архив истории в результате новых научных достижений? Может быть, современный марксизм отказался от нее? Но если мы обратимся к новейшим высказываниям по этому вопросу одного из наиболее крупных современных представителей диалектического материализма — А. М. Деборина, мы увидим, что он всецело стоит на почве воззрений Энгельса.

А. М. Деборин констатирует «огромное принципиальное значение» взглядов Энгельса по данному вопросу и указывает, что основные идеи указанной статьи последнего «получили в общем научное подтверждение в ряде последующих работ». По мнению А. М. Деборина, «глубокое родство между дарвинизмом и марксизмом» состоит в том, что дарвинизм выясняет развитие естественных орудий — органов живых существ под влиянием приспособления к новым условиям существования, марксизм же изменение искусственных органов человека — орудий труда считает основной причиной эволюции общественных форм. А. М. Деборин, как и другие марксисты, полагает, что «изменения внешней среды производят изменения в анатомическом строении организма», но характер изменений в строении и функции органов зависит не только от образа жизни организма, но и от его природы, определяющей направление эволюции. В полном согласии с Энгельсом, признавая необходимость «химических предпосылок» для развития человека, основную роль в этом процессе он отводит употреблению и изготовлению орудий труда. «Решающее влияние на процесс очеловечения обезьяны, — говорит он, — имели труд, способность изготовления орудий и развивающаяся вместе с ними сознательная психика, которые определялись, с одной стороны, всем предшествующим развитием органических форм, т.-е. всей историей предшествующих образов жизни, подготовивших предпосылки очеловечения, но, с другой стороны, непосредственно, данным образом жизни ближайшего предка человека» («Энгельс и диалектика в биологии»).

Мы видим, что трудовая теория происхождения человека не является суб'ективной точкой зрения Энгельса по одному частному вопросу. Она является господствующей, единственной марксистской теорией в области выяснения путей и факторов эволюции человека. Только она согласуется с принципами исторического материализма, является конкретным приложением их к решению проблемы антропогенеза. Только теория Энгельса дает удовлетворительное материалистическое об'яснение процесса эволюционного развития человека.

Неодарвинистов не смущает факт полного и всеобщего признания означенной теории марксизмом. Они заявляют, что теоретики марксизма не являлись специалистами-естественниками, компетентными в обсуждении данной проблемы. Мнение неспециалистов не может быть авторитетным и решение их правильным. Но при этом вейсманисты забывают об одном, чрезвычайно важном обстоятельстве. Неправильно утверждение, что Энгельс, «отнюдь не будучи специалистом-биологом», «лишь стремился быть в уровне с наукой того времени» (Серебровский). Энгельс обладал одним ценным преимуществом, которое на целую голову возвышало его над уровнем не только тогдашних, но и современных многих представителей науки. Он был одним из творцов диалектического материализма, он в совершенстве владел диалектическим методом, ценнейшим и плодотворным орудием познания и исследования, позволяющим не только легко ориентироваться в сложнейших проблемах и намечать правильные пути их решения, но и предвидеть и предсказывать научные открытия и ход развития явлений. Этот-то диалектический метод служил ему путеводной нитью и при выяснении вопроса о роли орудий труда в происхождени человека. Он-то позволил ему создать теорию, не превзойденную до настоящего времени. То же тонкое и острое оружие диалектического метода побуждало и других виднейших представителей диалектического материализма всецело поддерживать и разделять воззрения Энгельса, которые тесно связывают организм с окружающей средой и эволюцию организма ставят в причинную зависимость от изменения среды.

Подтверждением правильности теории Энгельса служит и тот факт, что аналогичные воззрения были высказаны учеными, совершенно не знакомыми с материалистической диалектикой Энгельса-Маркса. Нуаре приписывает «огромное значение» орудиям труда в истории развития человека. Только с момента появления орудий, по его мнению, животное становится человеком. Нуаре приводит определение Франклина: «Человек — животное, делающее орудия». Искусственные органы — орудия труда — заменяют естественные органы человека и выводят его из-под власти природы и освобождают от необходимости приспособления к условиям природной среды. Развитие органов тела у общественного человека происходит не под влиянием воздействия естественных условий, а под влиянием трудовых процессов. «Рука упражнялась то на одном, то на другом; она приобрела таким путем свойственный ей характер универсальности». Аналогичный ряд мыслей встречается у Каппа и др. (Сборник статей Каппа, Кунова, Нуаре, Эспинаса: «Роль орудия в развитии человека»). Не только развитие анатомического строения человека ставят в тесную связь с изменением социально-технической сферы, но и развитие языка и мышления неразрывно связывают с эволюцией орудий труда и усложнением трудовой деятельности. Опять-таки замечательно, что Нуаре и Плеханов высказывают независимо друг от друга ряд поразительно сходных мыслей. А этот факт служит одним из доказательств правильности основного принципа рассматриваемой теории.

Но неодарвинисты скажут, что ссылки на мнения социологов, антропологов или лингвистов для них неубедительны. Компетентными в области решения этого вопроса, по их мнению, являются только биологи-специалисты. К ним мы непосредственно и обратимся.

Теория Энгельса не только хорошо согласуется с принципами материалистической диалектики, она ни в малой мере не противоречит и чисто-биологическому об'яснению процесса происхождения человека, наоборот, она получает в последнем великолепное подтверждение. А. М. Деборин при об'яснении процесса эволюции человека опирается не только на взгляды диалектика Энгельса, но и на авторитетное мнение крупного специалиста-биолога акад. Северцова. Взгляды Северцова и Энгельса настолько приближаются друг к другу, что позволяют А. М. Деборину сделать такое заключение: «Акад. Северцов в своих ценных исследованиях приходит относительно роли орудий труда, искусственной среды и проч. к тем же выводам, к каким пришел уже раньше марксизм».

Господствующие среди биологов взгляды по вопросу о происхождении человека ни в малой мере не противоречат теории марксизма, но целиком ее подтверждают. Все биологи, трактовавшие вопрос о происхождении человека, согласны в об'яснении его как процесса постепенного приспособительного изменения органов и функций под влиянием нового образа жизни в связи с изменившимися условиями существования. Процесс эволюции человека протекал в сторону дифференциации и специализации органов как строго координированный двусторонний процесс. Одни органы вследствие ослабления функций рудиментировались, другие, под влиянием более сильного функционирования, претерпевали прогрессивную эволюцию. Естественному отбору принадлежала и в этом процессе эволюции человека регулирующая роль.

Как известно, Дарвин полагал, что человек не был бы в состоянии выбиться из животного мира «без употребления рук, этих орудий, столь удивительно послушных его воле». Разделение труда между передними и задними конечностями человека было вызвано, по мнению Дарвина, влиянием географической среды. Обособление рук послужило стимулом к развитию мозга и мышления.

Подобная концепция представляет удовлетворительное материалистическое об'яснение сложного биологического процесса. Только с точки зрения высказанных положений можно понять происхождение того большого числа разнообразных рудиментарных органов (свыше 100), которыми перегружено человеческое тело. Только данная теория вполне согласуется с основами материалистического понимания истории, только она перекидывает естественный мост между биологией и социологией.

Но нас прерывают противники и заявляют, что господствующие воззрения о путях и факторах эволюционного развития человека должны быть отброшены как находящиеся в режущем противоречии с новейшими экспериментальными достижениями биологии. Та предпосылка, из которой исходит традиционное представление о развитии человека, разрушена результатами опытных исследований. Вопрос о наследовании приобретенных признаков, разрешен экспериментальной наукой в отрицательном смысле. Все опытные данные, приводимые в пользу наследования приобретенных признаков, при тщательном анализе не выдерживают критики. Процесс эволюции, в частности процесс развития человека, может и должен быть понят в свете мутационной изменчивости и теории естественного отбора.

Само собой разумеется, что должны были бы смолкнуть все возражения и разногласия пред очевидными доводами конкретных опытных фактов. Как бы ни была хороша и созвучна принципам материалистической диалектики теория, она должна быть немедленно отброшена, как только она стала бы в непримиримое противоречие с экспериментальными данными. Таково ли положение в области спорного вопроса?

Сам А. С. Серебровский в своей статье указывает, что если в Западной Европе среди генетиков только единицы являются сторонниками наследования приобретенных признаков, то «множество ученых других дисциплин био-

логии» относится к числу его защитников. И совсем уж плохо с его точки зрения обстоит дело у нас. «Позиция ламаркизма в СССР еще очень сильна». Даже Луначарский, указывает Серебровский, повинен в активном укреплении этой позиции. На Западе мы видим среди сторонников наследования приобретенных признаков ряд крупнейших биологов-специалистов. С одной стороны, в их числе близкий к ламарксизму недавно умерший виднейший экспериментатор Оскар Гертвиг, с другой стороны, наиболее крупный из современных дарвинистов—Л. Плате. На этой же точке зрения стоит критикующий и дарвинизм, и ламаркизм видный ученый экспериментатор Дюркен. Они допускают возможность соматической наследственности. Плате приводит целый ряд серьезных доводов, на которых мы останавливаться не будем, побуждающих его признать наследование приобретенных признаков[1]). Выходит, что взгляды Энгельса не так уже отстали от уровня современной науки. Уже из отмеченных фактов следует сделать тот вывод, что проблема наследования продолжает оставаться нерешенной и спорной. А затем не так уж безнадежно положение сторонников и в отношении опытной аргументации. Но при попытках решить экспериментальным путем эту проблему ни на один момент не следует упустить из виду один чрезвычайно важный момент.

Комплекс признаков любого организма представляет продукт необычайно длительной эволюции. Признаки и лежащие в их основе гены любого организма оказываются прочно фиксированными, крайне устойчивыми. Задача изменить их теми или другими внешними факторами оказывается чрезвычайно трудной. Было бы наивно ожидать, что под влиянием кратковременных воздействий измененных внешних факторов или же в результате продолжающегося в течение немногих поколений измененного функционирования органов, приобретенные особенности станут наследственными. Абсурдно было бы надеяться проследить в лаборатории те процессы, на развитие которых потребовались миллионы лет. Тимирязев, Плате и другие биологи обращали внимание на условие длительности воздействий. Кратковременностью, вероятно, главным образом об'ясняется небольшое число неопровергнутых опытных данных, подтверждающих наследственность приобретенных особенностей. Но даже один положительный опыт при тысяче неудач, как правильно указывают, должен сыграть в этом вопросе решающую роль. Мы остановимся на данных одного нового опыта.

В помещенной рядом со статьей Серебровского статье Е. С. Смирнова «Проблема учения о наследственности» сообщаются результаты новейших опытов Гаррисона. Гаррисон уже раньше совместно с Гарретом искусственно вызвал наследственное изменение окраски бабочки. В новых опытах Гаррисон кормил в течение нескольких поколений гусеницу бабочки Selenia bilunaria листьями, смоченными раствором хлористого марганца. В пятом только поколении рядом с нормальными возникло несколько бабочек с темной окраской. Новый признак оказался наследственным. Следующие поколения нормальных бабочек при кормлении измененной пищей дало еще больший процент бабочек с меланистической окраской. У тех же бабочек, окраска которых была не вполне темной, новый признак не наследовался.

Приведенные опытные данные Гаррисона не решают, конечно, проблемы наследственности благоприобретенных признаков, они могут быть истолкованы в духе мутационной теории, но они с несомненностью устанавливают возможность получения наследственных изменений путем внешних воздействий. и в значительной степени проливают свет на пути получения их. Во

[1]) Ссылаясь на О. Гертвига и Л. Плате, мы ни на минуту не забываем их реакционной социальной идеологии, как и того факта, что принципы генетики ни в малой мере не противоречат реакционнейшему умонастроению многих и многих генетиков.

всяком случае они ни в малой мере не побуждают дарвинистов и ламаркистов сложить оружие в их споре с неодарвинистами.

Нет достаточных оснований сводить весь процесс эволюции человека к мутационным изменениям. Мутации, несомненно, играли известную роль в происхождении человека, они частично давали материал для естественного отбора. Но чрезвычайно трудно представить весь эволюционный процесс, в частности эволюцию человека, как отбор бесчисленного ряда мутационных изменений, идущих при этом в одном направлении и строго координированных между собою. «Одними лишь случайными сочетаниями факторов наследственности и беспорядочными изменениями их невозможно об'яснить весь ход развития организмов от низших к высшим и весь удивительный мир приспособлений»,— говорит дарвинист Плате в «Эволюционной теории». К тому же экспериментальное изучение явления мутаций не дает еще твердых точек опоры для истолкования органической эволюции с точки зрения одной только мутационной теории. Много вопросов остается еще неясных. Раньше казалось, что присутствие у организмов рудиментарных органов можно об'яснить как следствие мутационной изменчивости. Ссылались обычно на безглазую мутацию мухи Drosophila melanogoster, как на доказательство происхождения мутационным путем безглазых пещерных животных. В настоящее время установлено, что безглазая мутация имеет определенную тенденцию к полному или частичному возврату к исходной форме с нормальными глазами. Подобное же явление наблюдается и у ряда других мутаций и, в частности, у мутаций, полученных нами. Мы недостаточно еще изучили мутационную изменчивость и поэтому не имеем прочных данных делать на основе наших отрывочных знаний категорические заключения и строить теорию эволюции, в корне противоречащую господствующим воззрениям.

Перейдем кратко к анализу той аргументации Серебровского, которая привела его к попытке опровержения марксистских и дарвинистических воззрений о происхождении человека.

Серебровский в своей статье пытается дать качественную характеристику эволюционного процесса. Он обращает внимание на качественное отличие филогенетического процесса от процесса физиологического. Он восстает против отождествления явления изменчивости организмов под воздействием внешних влияний с эволюционным процессом. Он возражает против «сведение» филогенетического процесса к физиологическому. С своей стороны, он «сводит» весь процесс эволюции к действию естественного отбора. Его воззрения оказываются последовательно проведенной точкой зрения неодарвинизма-вейсманизма, признающего «всемогущество» естественного отбора. В этом отношении Серебровский нового слова не сказал. Авг. Вейсман давно это учение развил и обосновал. Сам автор заявляет, что противник Дарвина Бэтсон подчеркнул «качественную разницу между теорией отбора, с одной стороны, и учением о наследственности и изменчивости — двух остальных «китов» дарвинизма — с другой». Оригинальным со стороны Серебровского является то, что он неодарвинистские идеи выразил более выпукло и ярко, чем другие его представители, и при том облек их в своеобразную форму.

Диалектический метод требует тщательного анализа изучаемых явлений и вскрытия качественных различий между ними. Поэтому анализ эволюционного процесса с диалектической точки зрения заслуживает самого серьезного внимания. Но, став на этот путь, следовало бы, мне кажется, провести качественный анализ органической эволюции значительно дальше. С одной стороны, «физиологический процесс» представляет сложный комплекс различных явлений. Модификационная изменчивость качественно отличается от мутационной. Длительные модификации обладают своими отличительными особенностями. Изменчивость под влиянием различных факторов (температуры, света, пищи, рентгеновских лучей и т. д.) характеризуется своими,

особенными проявлениями. С другой стороны процесс естественного отбора представляет чрезвычайно сложный конгломерат разнородных явлений. Теория естественного отбора охватывает чрезвычайно широкий круг различных явлений. Известны попытки Плате, Вейсмана, Аскенази, Шальмайера и др. классифицировать различные формы борьбы за существование и естественного отбора. Каждый из них иначе классифицировал их, но даже и громоздкие системы, какие предлагались Плате, Вейсманом, не могли охватить все формы проявления сложного процесса естественного отбора.

Но, проводя качественный анализ процесса эволюции, устанавливая и выясняя различные его стороны и факторы, не следует забывать об основном законе диалектики. Следует помнить не только о качественных различиях, существующих между разными процессами и явлениями, но и о тех «переходах, переливах, взаимной связи противоположностей», о которых говорит Ленин в «К вопросу о диалектике». Не нужно забывать слова Энгельса: «Ибо в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление воздействует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно самые простые вещи» («Диалектика природы»). В существовании переходов и взаимодействия между явлениями и заключается причина того, что все попытки классифицировать различные категории естественного отбора оказываются тщетными и все подразделения его условными и относительными. Такими же относительными являются качественные различия, проводимые Серебровским между «физиологическим» и филогенетическим процессами. Забывая об этом, противопоставляя оба процесса друг другу, рассуждая по формуле «или-или», он диалектический метод превращает в его противоположность.

Процесс органической эволюции представляет чрезвычайно сложный и многообразный процесс. Нельзя его свести к одному фактору естественного отбора. Тем более нельзя свести его к одной форме естественного отбора, как это пытается сделать автор. Естественный отбор действует не только в тех случаях, когда существует, по терминологии автора, «окольно-причинная связь» между двумя организмами: защитно окрашенной бабочкой и глазом хищника, насекомым и цветком, панцырным животным и акулой и т. д. Естественный отбор происходит в результате борьбы за существование и между растениями разных видов, и между растениями одного и того же вида, растущими в одних и тех же условиях среды, независимо от влияния на них тех или иных животных. Естественный отбор может быть и в результате того, что метафорически называют борьбой за существование с окружающими физико-химическими условиями. Под влиянием колебаний условий температуры, питания и т. п. происходит отбор более приспособленных организмов. Этот вид борьбы за существование Плате называет Konstitutionalkampf. Под метафорическим выражением «естественный отбор», как правильно замечает Г. Шмидт, следует разуметь многообразные отношения зависимости организмов от окружающей среды, ведущие в случае приспособленности организмов к внешним условиям, к выживанию их, в противном случае — к гибели. Особенно ясно зависимость организмов от условий мертвой природы проявляется в том случае, когда происходит так называемая Konstitutionalkampf. На различных местах земной поверхности встречаются при одинаковых условиях температуры, сухости, почвы, водной среды и пр. чрезвычайно сходные формы растений, часто даже принадлежащих к различным систематическим группам. Факт этого сходного строения может быть об'яснен как результат длительного одинакового влияния природных условий на растения. Эти условия, с одной стороны, одинаковым образом видоизменяли растения (физиологический процесс), с другой стороны, они же играли роль и в направлении процесса отбора (филогенетический процесс). В действительности же происходил единый процесс эволюции, процесс

образования приспособительных изменений под воздействием условий среды. Только искусственно можно расчленить этот целостный процесс. Приведем другой пример. Животные влажных тропических областей имеют сильно пигментированную окраску с металлическим блеском. Бледностью и отсутствием блеска характеризуется окраска фауны холодных и континентальных областей. Свести происхождение окраски тех и других животных на действие одного только отбора не представляется возможным. — Таким образом мы видим, что если в одних случаях легко провести качественную границу между различными сторонами и факторами монистического эволюционного процесса, то в других случаях эту операцию проделать трудно, настолько слитным и единым представляется процесс эволюции. Между «окольно-причинным» и прямым путем видообразования нельзя провести резких принципиальных граней. Они незаметно переходят друг в друга.

Признавая эволюцию многообразным процессом, зависящим от многих факторов, не нужно забывать, что последние тесно связаны и переплетены между собой. Естественный отбор является вторичным фактором, действующим на основе тех изменений, которые вызываются в первую очередь воздействиями среды на организм. Изменчивость, как говорят, доставляет материал для отбора. Между физиологическим процессом и филогенетическим нет противоречия, а существует связанность и зависимость. Без явления изменчивости не может быть и филогенетического процесса. Как мы видели, в некоторых случаях невозможно оторвать первое явление от другого и нельзя провести между ними какую-нибудь разграничительную линию. Это, если хотите, две стороны единого процесса.

Автор сам указывает «несомненный пример возникновения нового вида из старого путем мутации, может быть, без всякого участия окольно-причинных связей» (географическая раса бабочек). Тем самым он вносит существенную поправку в свою концепцию.

Кратко коснемся некоторых приводимых автором примеров. Явление мимикрии. Некоторые бабочки, напр., по форме и окраске своих крыльев очень похожи на листья. Автор говорит, что «не будь глаза, способного различать формы и окраски, — не было бы и такой формы и краски бабочки». «Глаз влияет на форму и окраску бабочки» (подчеркнуто автором). Что явление мимикрии или покровительственной окраски возникло под влиянием естественного отбора, в этом мы не сомневаемся. Но мы не можем весь этот процесс сводить на одно только действие естественного отбора. Тем более, мы не должны облекать эту мысль в такую словесную оболочку, которая чрезвычайно напоминает рассуждения психо-виталистов.

Представим вполне реальную возможность. В меловой период существовали уже разнообразные бабочки, но не существовало еще современных птиц, среди которых встречается наибольшее число самых опасных врагов бабочек. Среди других обладателей глаз не было, вероятно, врагов или они не представляли большой опасности для бабочек. Они не могли влиять на процесс отбора формы и окраски бабочек. Но процессы изменчивости тогда, несомненно, происходили. Возникали и тогда уже мутационные формы. Последние могли подвергаться той или иной изоляции и являться родоначальниками новых видовых форм.

Аналогичный же путь развития можно наметить и для «панцырных рыб», и для игл дикобраза, и для зубов хищника и т. д., о которых говорит автор.

Развитие отдельных признаков животных и растений могло происходить и независимо от естественного отбора, как это допускал и творец теории естественного отбора—Дарвин. Таковы все безразличные или даже вредные (дистелеологические) для организма особенности. Уже один тот факт, что на одно и то же воздействие разные организмы реагируют различно,

то различные животные защищаются от одних и тех же врагов («зубо ищника») разными способами, говорит о громадной роли в процессе эволю ии физиологических процессов и свидетельствует о чрезвычайной слож ости процесса видообразования. Правильнее будет сказать, что не может ыть двух процессов развития совершенно сходных, что каждый из них редставляет неповторяемое, индивидуальное, качественно своеобразное вление.

Что между физиологическим и филогенетическим процессами может уществовать не противоречие, а полная одинаковая направленность в разви ии, видно из следующего примера. Между развитием грудных мышц и киля рудной кости и развитием крыльев у птици существует коррелятивная связь зависимость. Чем сильнее развиты крылья, тем сильнее грудные мышцы и иль. У птиц с рудиментарными крыльями (киви, страус и др.) отсутствует иль и слабо развиты грудные мышцы, но зато сильно развиты ноги. Описан ое явление об'ясняют тем, что упражнение крыльев приводило к постепен ому их увеличению и к более сильному развитию грудных мышц и грудного ребня, неупотребление крыльев приводило к обратному результату. Увели ение крыльев (или усиление ног) представляло селекционную ценность и одлежало действию отбора. Физиологический и филогенетический процессы шли в данном случае в одном и том же направлении, усиливая и ускоряя и ни малой мере не исключая друг друга.

Ограничимся беглыми заметками и подведем итоги.

Процесс эволюции, в том числе и эволюция человека, является чрезвы айно сложным и вместе с тем монистическим процессом. Его нельзя свести одному единственному фактору. Он протекает как под влиянием заключен ых в организмах наследственных задатков развития, так и под воздействием нешних факторов. Он результат их взаимодействия. Механизм эволюцион ого процесса недостаточно еще выяснен и подлежит дальнейшему изучению. Проблема наследования приобретенных признаков продолжает оставаться порной и нерешенной. Явление мутационной изменчивости недостаточно еще зучено.

Общепринятая теория происхождения человека находится в полном со тветствии с принципами марксизма и дарвинизма, между которыми она станавливает тесное взаимоотношение; она лучше всего согласует и б'ясняет разнородную группу относящихся к данной проблеме многочислен ых фактов. Рядом с приданием соответствующего значения наследованию риобретенных признаков она отводит определенную роль и мутационным зменениям и естественному отбору.

От каждой попытки опровергнуть установившиеся взгляды по вопросу происхождении человека мы вправе требовать, чтобы была предложена замен новая теория, так же или более прочно обоснованная фактически методологически.

Попытка А. С. Серебровского подорвать теорию Энгельса не может ыть признана достаточно обоснованной. Критика ее не основана на прочном фундаменте фактов и доводов. Пытаясь подорвать ее, автор не может пред ожить вместо нее никакой другой, даже в слабой степени обоснованной теории.

Его стремление об'яснить весь процесс эволюции с точки зрения одного фактора — естественного отбора — не покоится на убедительных доказа ельствах. Попытка же резко противопоставить физиологический и филоге етический процессы друг другу противоречит диалектическому методу.

Ответ Ф. Дучинскому[1]).

А. Серебровский.

Моя статья «Опыт качественной характеристики эволюционного процесса» попала, повидимому, механистам не в бровь, а в глаз, так как их лидеры не расстаются с № 2 «Естествознание и Марксизм» и во всякое время дня (относительно ночи—не знаю) он оказывается у них в боковом кармане в качестве вещественного доказательства того, что «Серебровский (г е н е т и к!) ревизует взгляды Энгельса на роль труда в эволюции человека». Ф. Дучинский, наконец, повторяет эту клевету уже в печати.

«Основным моментом статьи Серебровского... является... решительное опровержение трудовой теории происхождения и развития человека, обоснованной Энгельсом. Эта теория целиком отвергается им как ложная и научно несостоятельная» (стр. 209) и далее: «Перейдем кратко к анализу той аргументации Серебровского, которая привела его к опровержению марксистских и дарвинистических воззрений о происхождении человека» (стр. 215).

Чтобы не было сомнений в характере обвинений, сошлюсь и далее на Дучинского, который пишет: «Основная идея статьи Энгельса выражена им кратко в следующих положениях: «Труд создал самого человека», «Рука таким образом является не только органом труда, о н а т а к ж е е г о п р о д у к т». Такова же и моя точка зрения. Однако я утверждаю, что хотя в марксистской литературе и встречается у отдельных авторов сочувственное отношение к ламаркизму—из этого вовсе не следует, что ламаркизм тесно увязан идеологически с марксизмом. Точно так же, когда мы считаем необходимым очистить эволюционное учение от ламаркизма, это вовсе не ведет к какой-либо «ревизии марксизма», но, наоборот, является одним из проявлений ревизии биологии под углом зрения диалектического материализма.

Дучинский, однако, изо всех сил стремится смешать эти элементы статьи Энгельса в нечто «единое и нераздельное». «Являются ли изложенные воззрения Энгельса на роль труда в развитии человека его частным, суб'ективным взглядом, не стоящим в органической связи с его диалектико-материалистическим мировоззрением?»—восклицает он и далее доказывает, что «вопрос о роли труда как основном факторе в происхождении человека, имеет для марксиста громадное принципиальное значение». Да кто против этого возражает, тов. Дучинский? Мы считаем неважным для марксизма не вопрос о роли труда, а вопрос о том, как представлял себе Энгельс механизм

[1]) Печатается в порядке обсуждения. Редакция особо отмечает неправильность термина «окольной причинности». *Ред.*

влияния труда на руку, механизм наследственности в ту эпоху, когда этот механизм не был известен и биологам. Если вы нас обвиняете, то потрудитесь дать цитаты, где бы мы громили не ламаркизм, а марксизм. Иначе ваши выпады мы будем считать клеветой. Чем иным являются ваши слова: «Попытка (очевидно моя. *А. С.)* оторвать процесс эволюционного развития от развития орудий труда» и т. д.? Где сказано у меня хоть полслова на эту тему? Кто дал вам право монополизировать для ламаркизма об'яснения явлений? Кто дал вам право всех несогласных с ламаркизмом зачислять в ревизионисты? Это действительно клевета. Серебровский взгляда Энгельса на ведущую роль труда в эволюции человека не только не ревизует, но всецело разделяет. Весь разговор идет только о том, *как представлять себе механизм влияния труда на эволюцию человеческой руки.*

Если я сказал только что, что для марксизма не важен сейчас вопрос о том, как именно представлял себе Энгельс механизм влияния труда на эволюцию руки человека, то это во-первых потому, что в то время сама биология ничего толкового по этому поводу не знала и во-вторых потому, что от того или иного изменения в этих взглядах Энгельса конечные выводы его статьи ни сколько не изменяются. Этот вопрос приобретает решающее значение лишь тогда, когда мы ставим задачей *овладеть* этим механизмом. В животноводстве например, общеизвестно, что величина коров данной местности стоит в известном соответствии с кормовыми условиями данной местности. Книги по животноводству пестрят фразами вроде «В окрестностях Холмогор развилась крупная порода молочного скота под влиянием прекрасных пастбищных условий заливных лугов Северной Двины». Высказанное в такой форме это утверждение одинаково приемлемо и для ламаркиста и для неодарвиниста, потому что механизм этого влияния питания на размеры коровы здесь не обсуждается. Но коль скоро мы ставим себе задачей *овладение* этим механизмом — должен возникнуть решительный спор. Потому что практические выводы будут различными в зависимости от понимания этого механизма. Ламаркист скажет что величина холмогорской породы связана с количеством корма физиологически, так как общеизвестно, что плохо кормленная корова мала, а раскормленная более крупна. Генетик же скажет, что вопрос о происхождении *породы* есть более сложный вопрос выходящий за рамки физиологии. Хотя и верно, что при хорошем корме *корова* физиологически становится более крупной, но *порода* становится крупной благодаря отбору генотипов более крупного роста что в свою очередь оказывается возможным на почве улучшившихся кормовых условий. Отсюда будут практические выводы: ламаркист предложит для создания более крупной породы улучшать кормление, а генетик предложит не ограничиваться одним созданием физиологических условий — но потребует и организации селекции, так как в физиологическом процессе индивидуального увеличения коров не содержится движущих причин для увеличения *породы.*

Поскольку Энгельс не ставил задачу овладеть механизмом влияния труда на руку человека в целях дальнейшего развития человеческой руки, вопрос о том как он себе представлял этот механизм правильно или не правильно в настоящее время не имеет значения тем более, что в его время никто правильно этого механизма не представлял. Однако отсюда вовсе не следует, что вопрос об этом механизме вообще не представляет интереса. Совершенно напротив. Мы только что показали что он непосредственно связан с вопросом о *движущих силах* эволюционного процесса. Именно в настоящее время развитие биологии достигло такой ступени, когда в вопро-

се о движущих силах эволюционного процесса становится недопустимым никакое попустительство, никакой эклектизм, замалчивание основных пунктов расхождения. Здесь, как нигде обнажается кризисное состояние западной науки. Полный разброд мнений, одновременное сосуществование самых разнообразных точек зрения — и стихийно-диалектических, и стихийно- механистических и эклектических, и явно-идеалистических и наконец — открыто мистических — все это как нельзя лучше отражает собой кризисное состояние капиталистического мира, раз'едаемого внутренними противоречиями, заставляющего его хвататься в поисках выхода, за все что попало начиная от материализма и кончая поповщиной.

Этот исторический момент обязывает. Октябрьский переворот поставил советскую науку в исключительно-благопрятные условия для пересмотра своих методов, для внедрения в повседневную научно-исследовательскую работу метода марксизма. От того, насколько быстро и эффективно произойдет это внедрение марксизма в точные конкретные науки, в частности в биологию, зависит очень многое в настроении широких слоев научных работников еще не сумевших определить свою позицию по отношению к марксизму. Нашей задачей поэтому является показать, как проникновение марксистского метода в конкретную область той или иной науки двигает эту область вперед, заставляет ее о п е р е ж а т ь соответствующую область западной науки. Каждая ошибка в этом внедрении марксизма в науку наносит ему определенную долю вреда, дискредитирует его.

Именно поэтому в вопросе о движущих силах эволюционного процесса мы так требовательны и не уступим ни одной пяди тому упрощенству, которое стремиться внести в эволюционное учение механизм вообще и ламаркизм в частности. Вопрос о движущих силах органической эволюции представляет собой благодарное поле для приложения и развития диалектического метода. С одной стороны неизбежные незаполнимые фактами бреши из прошлой истории земли открывают широкий простор для всевозможных идеалистических уклонов вроде бергианства, психоламаркизма, течение в сторону признания основного значения за автогенетическими или наоборот за эктогенетическими факторами — и перед диалектическим методом становится благодарная задача в различных, якобы строго об'ективных высказываниях, разных школ вскрыть отражение общей идеологии разных социальных прослоек капиталистического общества, показать лишний раз существование этой «увязки» между наукой и подстилающей ее социально-экономической базой. С другой стороны диалектический характер эволюционных процессов часто столь очевиден, что позволяет легче чем во многих других областях, вскрыть и изучить об'ективную диалектику природы, что для первых шагов марксизма в биологии и в точных конкретных науках вообще представляется особенно выигрышным. Уже и в данный момент работа московского общества биологов-материалистов может констатировать, что в ряд вопросов эволюционной теории удалось внести долю ясности именно применяя метод диалектического материализма. Уже сама постановка вопроса о том, что споры в области факторов эволюционного процесса сводятся по существу к вопросу о с в о д и м о с т и явлений филогенеза к явлениям физиологии и что суть дела лежит не столько в вопросе о том наследуются ли или не наследуются благоприобретенные свойства — сколько в том, какова м е р а с н я т и я физиологии в филогенезе — уже эта постановка вопроса является на наш взгляд определенным достижением на пути марксистской ревизии биологии,

ибо то или другое решение этого вопроса кладет определенные границы существующему сейчас по этому поводу «парламенту мнений».

На этом пути, однако мы должны быть максимально требовательны. Биология проработанная методом диалектического материализма должна стать головой выше того, чем она является в настоящее время — морем эмпирии и эклектики. Под знаменем марксизма эволюционное учение должно двинуться вперед, должно углубить постановку своих проблем подобно тому, как двинулась вперед, углубила свои проблемы наука истории благодаря Марксу и Энгельса. Что же предлагают нам механисты? В лучшем случае, называя себя, как это делает Дучинский, ортодоксальными дарвинистами — они нам предлагают самый примитивный возврат к эпохе Дарвина, в худшем случае, в лице ламаркистов — отбрасывают нас еще на пол века назад. Весь мощный прогресс биологии, и в частности генетики, хотя и признается ими для видимости, по сути дела однако остается для них несуществующим, чем то вроде той речи коммунистического депутата в польском сейме, которую хотели об'явить «не бывшей». Зачем в самом деле им нужна диалектика, для чего они используют ее мощное оружие? Для того, чтобы провозгласить, что «организм зависит от среды»? Для того, что бы палить из пушек по воробьям? Ведь даже прямолинейные автогентики, идеалисты и мракобесы просто — и те согласятся что между кактусом и пустыней, рыбой и водой существует определенная связь и вопрос вовсе не в факте этой связи, но в ее природе. Как же механисты думают подойти именно к этому вопросу, что нового, недоступного буржуазной науке хотят они внести в постановку этого уже тысячи раз поставленного вопроса? Что хотят они позаимствовать из блестящего применения диалектического метода к анализу человеческой истории? Ничего. Ничего кроме вздора вроде того, будто по закону «перехода количества в качество» ненаследственные модификации через миллион лет станут наследственными мутациями, вздор, в который верит с испокон веков всякий коннозаводчик (исключая миллионы лет), и который смешон в свете экспериментальных данных современной науки (тоже впрочем минуя «миллионы лет»).

Примитивность постановки вопросов механистами по фронту их деятельности особенно ясна и в области эволюционного учения. Задача диалектиков в борьбе воинствующих материалистов диалектиков против механистического материализма была удачно охарактеризована на 2-ой конференции марксистско-ленинских учреждений, как один из моментов нашей общей борьбы на фронте культурной революции. Это — борьба за поднятие уровня нашей философской культуры (прения по докладу Деборина, стр. 172). Та же борьба должна вестись с примитивностью постановки вопросов и на участках отдельных конкретных дисциплин. Пресловутое «влияние среды» изобретено не нашими механистами — об нем написаны груды и заграницей. Но ведь и в истории в свое время говорилось не мало о «влиянии среды» о влиянии географического ландшафта и др. Об этом писали и историки (Бокль) и географы (Мечников, Реклю) и еще в XVIII веке Монтескье. Однако марксизм показал, что их постановка вопроса была примитивна «Монтескье рассуждал так: известная географическая среда обусловливает собою известные физические и психические свойства людей, а эти люди ведут за собой то или другое общественное устройство. Диалектический материализм показывает, что такое рассуждение неудовлетворительно, что влияние географической среды сказывается прежде всего и в бесконечно сильнейшей степени (разрядка моя) на характере общественных отношений (разрядка Плеханова), которые в свою очередь, бесконечно сильнее влияют на взгляды людей, на их привычки и даже на их физическое развитие, чем напр., климат» (Н. Бельтов. К вопросу о развитии

монистического взгляда на историю. 1895, стр. 280). И когда марксизм откажется об'яснить особенности истории англичан тем, что они едят рыбу, а обращает свое основное внимание на развитие классовых отношений в английском обществе — он дает и биологам поучительный пример того, что гораздо более сложное об'яснение явлений может оказаться гораздо более близким к истине, чем простое заимствование из «здравого смысла».

Основным моментом моей статьи, против которой ополчился Дучинский было вовсе не «решительное опровержение трудовой теории происхождения и развития человека» как он об этом клевещет, а попытка подвергнуть анализу вопрос о специфической природе явлений филогенза и вскрыть характер той формы причинных связей, которые в этой сфере господствуют. Я подчеркнул что когда мы, как в вышеприведенном примере с коровами говорим «холмогорская корова Машка достигла большого веса благодаря хорошему корму» и «холмогорская корова (как порода) достигла большого веса благодаря хорошему корму», то при кажущемся внешнем сходстве обоих причинных связей по существу мы имеем дело с совершенно различными причинными связями. В последнем случае между причиной — кормом и следствием — большим весом вставлено гораздо больше совершенно новых отсутствовавших в первом случае промежуточных звеньев, при чем в числе них имеется и момент вероятности. Наличие этой длинной промежуточной цепи и заставило меня назвать эту форму причинной связи — окольной. Диалектика отнюдь не ограничивает формы причинности одной обычной механической, имеющей место в случае увеличения размера коровы под влиянием усиленного кормления (возможно впрочем что и в этом примере будут обнаружены особые, специфические формы причинности, помимо механической), и поэтому установление и констатирование еще одной формы причинности не противоречит материалистическому пониманию природы. Вопрос о термине конечно может быть обсужден, но пока в нашем распоряжении нет более удобного или общепринятого. Некоторыми товарищами указывалось, что момент вероятности не является специфической особенностью данного вида явлений, поскольку уже и в физических явлениях его можно вскрыть. С этим однако нельзя согласиться. Правда, например давление газа есть результат ударов множества молекул о стенки сосуда, отражает некоторую среднюю скорость их движения и в таком виде является тоже статистическим моментом. Однако огромные числа молекул газа совершенно скрывают случайный характер встречи отдельной молекулы со стенкой сосуда, когда мы говорим, что повышение давления на сосуд сжимает газ и уменьшает его об'ем, то статистический характер происходящих здесь явлений совершенно снят. Разделив газ на две части мы получим при повышении давления один и тот же результат — изменение об'ема по формуле Ван-дер-Вальса.

Совершенно не то будем мы иметь в эволюции. Если мы поместим например, популяцию кур в условия в которых естественный отбор пред'явит требование на белую окраску, разделив эту популяцию на две части, то ответ может быть многозначен. Поскольку у кур может возникнуть несколько совершенно различных по их природе белых окрасок (вызываемых генами расположенными в разных хромосомах, различно действующими в разных комбинациях и пр.), то от случайности будет зависеть, которая из этих мутаций возникает первой и окрасит собой под влиянием дальнейшего отбора популяцию в белый цвет (если даже некоторые мутации имеют большую вероятность возникнуть скорее чем другие, то роль случая этим не отменяется, так как, сохранение возникшей мутации зависит ясным образом от случая: оплодотворит ли мутировавший сперматозоид яйцо или пропадет втуне и пр.).

Возвратимся теперь снова к вопросу о том, как же представлять себе влияния труда на эволюцию человеческой руки, какой категории связей отнести это влияние.

Тезис «труд влияет на эволюцию человеческой руки» можно понимать двояко: как процесс физиологический, или как процесс исторический (или, как я выразился точнее, окольно-причинный). В первом случае механизм этого влияния предполагается таким: рука упражняется в труде, от этого возникают какие-то влияния со стороны руки на половые клетки, клетки эти меняются, отчего оказывается измененным и ребенок трудящегося, в частности рука его оказывается измененной в том же направлении, в каком изменилась и рука его родителя.

Во втором случае механизм влияния труда на эволюцию руки представляется так: так как условия жизни предка человека требовали от него труда, то те особи, руки которых на почве наследственной изменчивости подходящим образом изменялись, оказывались в более выгодных условиях борьбы за существование и выживали чаще, чем их менее удачные соперники, а так как здесь речь идет о наследственной изменчивости, то дети этих индивидуумов оказывались носителями таких же (качественно) изменений, как и их победившие отцы.

Первый тип об'яснения можно назвать ламаркистским, поскольку роль упражнения в эволюции отстаивалась впервые в науке Ламарком. Второй тип об'яснения следует назвать неодарвинистическим, поскольку здесь используется дарвиновский принцип отбора, но совершенно отбрасывается роль упражнения в образовании наследственных изменений. В то же самое время ламаркистский метод об'яснения надо признать механистическим, поскольку он утверждает сводимость филогенетического процесса к физиологии и отрицает качественную специфичность филогенеза, неодарвинистический же способ толкования надо признать диалектическим, поскольку он проводит эти качественные границы и ищет специфических факторов, адэкватных специфическому процессу филогенеза.

Повторяю, только об этом механизме и идет речь в моей статье, и вовсе не о том—влиял ли или не влиял труд на эволюцию руки. И поэтому нужно не клеветать, а перечитать, напр., последнюю страницу моей статьи, где в разрядку набрано, что «в том примере, который разбирал Энгельс, физиологический метод об'яснения не встречался ни с какими противоречиями». Отсюда, очевидно, вовсе не следует, что если физиологический метод об'яснения этого явления (т.-е. влияния труда на эволюцию руки) сейчас надо считать устарелым, то отпадает и сам тезис «труд влияет на эволюцию руки». Откуда такой логический скачок? Когда мы говорим, что шея жирафы удлинилась не потому, что жирафы из поколения в поколение вытягивали свою шею, стараясь дотянуться до высоких ветвей деревьев—это не значит, что мы отрицаем то, что жирафа действительно произошла от нормальношеих предков. Когда мы говорим, что в 1812 г. русские войска победили французов, то можно представлять себе механизм этой победы различно: верующие могут об'яснить вмешательством «бога сил», обыватели—гением Кутузова, метеорологи—морозом и т. д. Но когда марксист отбрасывает все эти об'яснения и ищет более глубоких социальных корней явления, это вовсе не значит, будто он утверждает, что русские войска **не** побеждали французов.

О механизме влияния труда на эволюцию руки и надо спорить, коль скоро мы признаем вслед за Энгельсом это влияние. Сам Энгельс не обсуждал

возможности двух взаимно-исключающих толкований этого механизма, по той простой причине, что в то время неодарвинизм еще не существовал. Для той эпохи вдаваться в детальный спор по этому вопросу и не было особых оснований, поскольку об'яснение механизма эволюции руки, данное им, вполне отвечало уровню науки и мнению большинства передовых биологов. Ссылаться на то (как делает это Дучинский), что «Энгельс обладал одним ценным преимуществом, которое на целую голову возвышало его над уровнем не только тогдашних, но и современных многих представителей науки. Он был одним из творцов диалектического материализма, он в совершенстве владел диалектическим методом... позволяющим... предвидеть и предсказывать научные открытия» — в данном случае совсем неуместно, ибо из этих безусловно верных положений вовсе не следует, что Энгельс в 1875 г. мог «предвидеть и предсказать» открытие хромосомного аппарата, редукционного деления, мутационной теории, менделизма, опытов Иогансена с чистыми линиями, печальной судьбы опытов Каммерера и многого другого, что приходится сейчас принимать во внимание при оценке возможности физиологического истолкования наследственного влияния упражнения.

Дучинский утверждает далее, что ламаркистское понимание эволюционного процесса «не устарело» и сохраняется в биологии, и в частности одобрительно ссылается на т. Деборина, не менее одобрительно ссылающегося на акад. Северцова. Эта цепь ссылок, однако, бьет и самого тов. Дучинского. В самом деле, акад. Северцов—сравнительный анатом, и, как вся его наука, он имеет дело именно с филогенетическим и, следовательно, с окольно-причинным явлениям и связями. Сравнительные анатомы постоянно говорят о влияниях, и когда они говорят, напр., что форма тела рыбы вызвана влиянием водного образа жизни, что легкие развиваются от перехода к наземному образу жизни и т. д. — они совершенно правы, но правы по-своему [1]), правы именно в сфере окольно-причинных явлений. Переходить на язык физиологический, утверждать, что форма рыбы физиологически вызвана водой, они не имеют права по существу своего метода. Они могут говорить, что «форма рыбы вызвана водным образом жизни», памятуя однако, что слово «вызвано» имеет здесь совсем иной смысл, чем в физиологии. Если сравнительная анатомия (к сожалению, довольно часто) забывает это и сама начинает вкладывать физиологический смысл в свои выражения—мы в праве указать ей на неправомерность таких «качественных смешений» и на ее некомпетентность в физиологических вопросах. Поэтому в защите физиологической точки зрения на механизм эволюции надо ссылаться не на сравнительных анатомов, а именно на физиологов. Ссылки на Оскара Гертвига и на Л. Плате в этом отношении более удачны, но в том, что их взгляды в вопросах наследственности устарели, тоже нет никакого сомнения.

Отметим любопытную деталь. Дучинский, отстаивая свою точку зрения, счел почему-то нужным сослаться на опыты Гаррисона и Гаррета, получивших якобы наследственное изменение («черная окраска крыльев») бабочки Selenia кормлением гусениц солями марганца. «Так как они с несомненностью устанавливают возможность получения наследственных изменений путем внешних воздействий и в значительной степени проливают свет на пути получения их»; так как в этих опытах никакой адэкватности раздражителя и реакции нет, то для ламаркистского истолкования механизма влияния труда на эволюцию руки человека они ничего не дают. К тому же назвать

[1]) Точно также мне незачем возражать и против цитат из Деборина, приводимых Дучинским — все они лежат в плоскости филогенеза, и ничего ламаркистского в них нет до той поры, пока в них не начинают вкладывать физиологический смысл. Ведь даже о «химических предпосылках» можно говорить и в окольно-причинном и в физиологическом смысле.

ти непроверенные еще опыты «несомненными» никак нельзя. И при этом Дучинский ни словом не обмолвливается о том, что сейчас уже чуть не во всех генетических лабораториях сотнями получают «наследственные изменения путем внешних влияний» по способу Моллера действием рентгена. В том самом Тимирязевском институте, где работает Дучинский, только этажом выше, помещается теперь наша лаборатория, где этот метод широко применяется и полученные наследственные изменения насчитываются сотнями. Почему же Дучинский молчит о Моллере и др. генетиках и носится с непроверенными опытами Гаррисона? Потому, что результаты моллеровской методики убийственны для ламаркистов, потому что они целиком подтверждают неодарвинистическое толкование эволюции, поскольку речь идет об отсутствии адэкватности, а также о многообразии направлений мутаций. О последних опытах Бебкока и Коллинса, говорящих за то, что и радиоактивность в природных условиях способна вызывать такие же разнообразные и ненаправленные мутации, я не говорю, так как они еще не подтверждены и не повторены.

Однако не в самой теории наследственности сейчас суть вопроса. Правда, развитие генетики показало, что между данными современной науки и ламаркистскими толкованиями явлений имеется решительное противоречие и что для истолкования явлений в ламаркистском стиле необходимо в ряде пунктов допустить участие мистического принципа (см. мою статью в «Под Знаменем Марксизма» № 3, 1926 г., и подробнее Местергази, «Эпигенезис и генетика», «Вестник Комм. Академии» кн. 19, стр. 199—200). Однако я полагаю, что, если бы этого противоречия и не возникло бы, мы все-таки рано или поздно додумались бы до того, что процессы физиологический и филогенетический суть совершенно различные качества. Можно утверждать, что если бы наследование приобретенных признаков и существовало бы, и тогда надо было бы ф и л о г е н е т и ч е с к и й п р о ц е с с р а с с м а т р и в а т ь к а к с о в е р ш е н н о о с о б о е к а ч е с т в о, н е с в о д и м о е к ф и з и о л о г и и.

В самом деле, поскольку естественный отбор в разнообразнейших формах несомненно существует и несомненно влияние делает возможным эволюционный процесс, его и необходимо изучать в его «саморазвитии». Только в том случае, если бы кто-либо доказал существование таких физиологических процессов, изменяющих организмы от поколения к поколению, с которыми естественный отбор не мог бы справляться (а этого никто еще не доказал), только тогда возникла бы необходимость привлечения физиологических закономерностей к об'яснению эволюционного процесса.

Основным содержанием нашего «опыта»... было доказательство принципиального различия между процессами физиологическими и процессами филогенеза (окольно-причинными). Ф. Дучинский не согласен с нами в нашей классификации и утверждает, что процессы физиологический и окольно-причинный вовсе не разные качества, что эти качественные различия относительны и что между ними провести принципиальную границу нельзя. Как же доказывает он свое положение? Гениально просто: если эти два качества и противоположны, то «не следует забывать от основном законе диалектики — о единстве противоположностей». Очевидно, что так же просто можно было бы доказать и единство всяких двух других противоположностей: механистов и диалектиков, генетиков и их противников и т. д. Следуя этим путем, легко доказать и то, что между эксплоататором и эксплоатируемым тоже есть «единство» и социал-демократы эту возможность уже использовали.

Но мы на это не пойдем, тов. Дучинский. Мы боремся за принципиальность наших позиций.

Единство противоположностей тов. Дучинский приплел сюда совершенно напрасно. Во-первых, ни о каких противоположностях здесь (и в моей статье) нет и речи. Физиология и филогенез вовсе не диалектические противоположности, ни теза и ни антитеза, а просто, как мы подробно показали в нашей статье, разные качества. Но откуда следует, что два любых совершенно различных качества, напр., поросенок и восторг, должны обязательно находиться между собой в состоянии единства противоположностей? О каком взаимном проникновении можно говорить в данном примере? И даже в том случае, когда в известных условиях поросенок может вызвать «восторг», это нисколько не роднит оба качества, и изучение поросенка нисколько не приближает нас к познанию состояния восторга. Во-вторых, никаких «переходов, переливов» между физиологическим процессом и филогенетическим в примерах Дучинского мы не находим. Если иногда мы по ошибке принимаем физиологический процесс за филогенез, напр., в вопросе о высокогорных растениях, то это ошибка. И сходство физиологического и филогенетического приспособления вовсе не есть переход между ними, как кошка из папье-маше вовсе не есть переход от кошки к папье-маше, хотя обе кошки, живая и искусственная, и могут быть очень похожими друг на друга.

Что же возражает тов. Дучинский против моего основного примера окольно-причинной связи, примера мимикрии, в котором глаз влияет на форму и окраску бабочки? (Опять подчеркиваю!) Тов. Дучинский протестует против этой «словесной оболочки, которая чрезвычайно напоминает рассуждения психовиталистов» и фантазирует что-то о меловом периоде. Не спрячетесь в меловой период, тт. механисты, глаз все-таки влияет на бабочек, и если вы вспомните о психовитализме, то это лучше всего вскрывает вашу беспомощность—если не движение молекул, то психоидеализм, ничего другого, никаких иных качеств вы понять не в силах. А так как физиологией мимикрии не об'яснишь, то вам и нужно прибегнуть, если вы хотите быть последовательным, к берговской целесообразности или к психе.

Ни в малой степени не убеждают нас и следующие ваши слова: «Что между физиологическим и филогенетическим процессами может существовать не противоречие (а я говорю все время не о противоречии, а о качественном различии. *А. С.*), а полная одинаковая направленность и развитии, видно из следующего примера: Между развитием грудных мышц и киля грудной кости и развитием крыльев у птиц существует корреляционная связь и зависимость. Чем сильнее развиты крылья, тем сильнее грудные мышцы и киль. У птиц с рудиментарными крыльями отсутствует киль и слабо развиты грудные мышцы, но зато... Описанное явление об'ясняют (! А. С.) тем, что упражнение крыльев приводило... к более сильному развитию грудных мышц и грудного киля, неупотребление крыльев приводило к обратному результату. Увеличение крыльев представляло селекционную ценность и подлежало действию отбора, физиологический и филогенетический процессы шли в данном случае в одном и том же направлении, усиливая и ускоряя и не в малой мере не исключая друг друга».

Какое отношение имеет все это к нашему спору о качественном различии физиологии и филогенеза? Очевидно, что никакого. «Киль увеличивается под влиянием развития крыльев» — есть правильный тезис, и опять-таки этот тезис можно рассматривать в двух различных качественных плоскостях—как влияние физиологическое и как влияние окольно-причинное, филогенетическое. В жизни индивида имеет место первое, в жизни вида—второе. Механисты пытаются смазать эту разницу, как и в тысяче других примеров, распространить физиологический процесс на историю вида. Мы возражаем, указывая на то, что хотя в данном примере физиологическое об'яс-

ение и сходит гладко, но в других примерах его абсурдность становится очевидной, хотя от гладких примеров до абсурдных можно пройти совершенно постепенно. И сколько бы вы таких гладких примеров ни приводили, их количество никак не приобретает качества убедительности!

На компромисс мы итти не хотим, он заведет нас в болото. Никаких механистических «естественных мостов от биологии к социологии» мы перекидывать не хотим, а заменяем «мосты» диалектическим процессом возникновения новых качеств, снятием одних процессов другими.

Посмотрите, напр., до чего, идя такими «мостами», договаривается мой однофамилец, тов. П. В. Серебровский: он утверждает, пользуясь вашим методом рассуждения, что на севере эволюция идет медленнее потому, что там ниже температура, которая также замедляет эволюционный процесс, как замедляет течение химической реакции. Почему бы не пойти и дальше и не сказать, что капитализм не развит у эскимосов потому, что температура понизила там скорость социального процесса, как и скорость химических процессов? Почему не выдвинуть лозунг, что для того, чтобы вызвать социальную революцию в Англии, надо немного поднагреть ее климат? Уж смазывать качественные различия, так смазывать, будьте последовательны, тт. механисты, только, пожалуйста, не говорите, что этому научил вас Энгельс своей статьей «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»!

Две новые книги о Томасе Гоббсе.

F. BRANDT. Thomas Hobbes' mechanical conception of nature. Copenhagen — London 1928. Стр. 400.

Книга копенгагенского профессора Ф. Брандта, посвященная изучению механической концепции природы у Гоббса, представляет собой основательный вклад в литературу о Гоббсе, которая не отличается большим богатством. Политическая теория Гоббса пользуется бо́льшим успехом, и ей посвящено значительно больше трудов, чем материалистической философской системе Гоббса, хотя его политическая философия вытекает логически из его общей философской концепции. И это неудивительно. Великие философы-материалисты не могут пользоваться симпатией идеологов современной буржуазии. Материалистическая философия недостаточно глубока для современных нео-схоластов. Идеологам буржуазии в период ее упадка не по вкусу ясность мысли, простота постановки вопросов, которыми обыкновенно отличаются философы-материалисты.

Вот почему во Франции, напр., философия Мальбранша пользуется бо́льшим вниманием, чем философская система Гассенди, а в Англии больше исследовательских работ посвящено второстепенным философам-идеалистам, чем «оригинальнейшему философу Англии» (Маркс) Гоббсу. Следует, однако, отметить, что в последнее время пробудился в философской литературе интерес к Гоббсу. Так в последние годы появились на немецком, французском, английском и итальянском языках новые работы о великом философе-материалисте XVII столетия[1]). Но у некоторых новых авторов замечается тенденция дать идеалистическое (феноменалистически-методологическое) толкование философии Гоббса или же пренебрежительно отбрасывать его материалистическую концепцию, как самое слабое место в его философской системе. Материализм третируется буржуазными философами, как нечто недостойное великого философа.

Книга проф. Брандта выгодно отличается в этом отношении от других работ о Гоббсе. Автор не фальсифицирует Гоббса, а стремится точно восстановить его действительную мысль, его подлинную точку зрения. И он приходит к заключению, что материализм Гоббса онтологического, а не только методологического характера, что его механическая концепция природы есть материалистически-механистическая концепция.

Как видно из заглавия книги, проф. Брандт исследует только одну сторону (хотя самую главную и существенную) философии Гоббса, а именно: его механическое понимание природы. Но нужно сказать, что в рамках поставленной себе ограниченной задачи проф. Брандт проделал большую, основательную, научно-исследовательскую работу, которая имеет очень большую ценность для интересующихся философией Гоббса и вообще философией механического материализма.

---

[1]) Достаточно указать на работы Hönigswald'a, Sortais, Brandt'a и Levi, появившиеся в последние годы.

Автор рецензируемой книги пытается выяснить целый ряд чрезвычайно интересных для истории философии вопросов и делает это с большой научной добросовестностью. Можно, поэтому, без колебаний утверждать, что в литературе о Гоббсе книга копенгагенского профессора является ценным вкладом, и что среди гоббсоведов он может занять место рядом с известным немецким исследователем Гоббса, с Фердинандом Теннисом.

Автор прослеживает в своей книге возникновение и развитие механической теории Гоббса, начиная с первого философского наброска и кончая его основной работой: «О теле». Он поэтому дает нам подробный анализ «Малого трактата», впервые опубликованного Ф. Теннисом в 1889 г., как первое приложение к книге Гоббса: «Elements of low». Этот замечательный трактат представляет собой первый набросок философской системы Гоббса и является типичным для нашего философа. Это своего рода шедевр дедуктивного метода изложения, напоминающий собою спинозовский «Малый трактат» и не уступающий ему по ясности и сжатости мысли. Проф. Брандт дает подробный анализ этого трактата и показывает, как в нем основной остов, скелет, так сказать, философской системы Гоббса уже дан. Дата сочинения этого трактата после обстоятельного исследования всех данных, автором устанавливается между 1631—1634 гг. Эта первая философская работа Гоббса имеет громадное значение, однако она мало известна, и исследователями Гоббса почти не принималась во внимание до сих пор.

Большой интерес представляет также глава, в которой автор выясняет, как и в каком направлении развивалась мысль Гоббса и как уточнялась его механическая концепция в связи с его изучением явлений света и выработкой его теории передачи света через среду вместо теории эманации. Мы видим, как принцип движения овладевает все больше и больше нашим философом и как у него намечается тенденция слить понятия материи с понятием движения или скорее растворить материю в движении.

Вопрос, который остался до последнего времени недостаточно выясненным—это вопрос о взаимоотношениях между Гоббсом и Декартом. Всем известны возражения Гоббса на «метафизические размышления» Декарта и ответ последнего. Но очень мало известна их переписка, из которой сохранилась лишь только пара писем Гоббса к Декарту. Автору, однако, удается бросить луч света в эту темную область, и причина неприязненных отношений, установившихся между этими двумя крупнейшими мыслителями XVII века, выявляется с достаточной ясностью.

Гоббс и Декарт являются оба великими протагонистами механического принципа. Оба понимали великое значение, которое этот принцип имел в философии и в естествознании (которое они называли естественной философией), и каждый из них опасался, как бы другой не присвоил себе «право изобретения», или, скорее, открытия этого универсального принципа. Конечно, в области об'яснения явлений сознания (психических) Декарт оставил все Гоббсу (тут Декарт, как известно, занимал идеалистическую позицию), но зато в области «естественной философии» оба одинаково признавали значение этого механического принципа и приписывали за собой заслугу его открытия. Так, в одном письме Декарт говорит о Гоббсе, как о человеке, способном к плагиату, а Гоббс, с другой стороны, в одном письме к Сорбнеру выражает опасение, что Декарт всеми способами будет препятствовать появлению книги Гоббса, видя в нем соперника. Проф. Брандту вместе с тем удается установить, что в своей механической концепции Гоббс является самостоятельным и совершенно не зависит от Декарта, и что в первом наброске его, в «Малом трактате», не чувствуется даже влияние Галилея.

Автор касается также вопроса о влиянии Бэкона на Гоббса и приходит к заключению, что в выработке механической концепции природы и дедуктивного метода Гоббса Бэкон никакой роли не играл. Это, конечно, не значит, что Бэкон вообще не имел влияния на философа - материалиста.

Место не позволяет нам остановиться еще на целом ряде интересных пунктов, затронутых и исследуемых разбираемым нами автором, как, напр., вопрос о вза-

...ическом понимании геометрии Гоббсом, о его теории преломления световых лучей, о его первом наброске книги «De Corpore», о понятии Conatus (усилие) и др. Мы только остановимся на одном очень важном вопросе, а именно: на вопросе об эмпиризме и рационализме Гоббса, где автор обнаруживает большую проницательность и где он дает, как нам кажется, правильную интерпретацию основной точки зрения Гоббса. Гоббс различает два типа знания: опытное знание и научное знание. В его описании опытного знания Гоббс обнаруживает такую глубину и четкость, что в его характеристике опытного знания можно найти все основные черты философского эмпиризма, как он был формулирован в классической работе Юма. На основании этого блестящего описания основных черт опытного знания, многие по праву рассматривают Гоббса, как основателя современной психологии. Но другие склонны рассматривать Гоббса, как эмпириста типа Юма, забывая совершенно то, что говорит Гоббс о «научном знании», которое одно только является предметом философии, или утверждая, что у Гоббса здесь имеется явное противоречие.

В действительности никакого противоречия здесь у Гоббса нет. Опытное знание, имеющее своей основой чувственные наши восприятия, обще людям и животным; это знание не является в результате рассуждения; оно не имеет характера всеобщности и достоверности. В этой области нет места для истины или заблуждения — область научного знания иная. Корень у них одинаковый: и для опытного знания, и для научного знания исходной точкой являются наши ощущения, или чувственные восприятия. Но одних чувственных восприятий недостаточно для получения научного или философского знания. Необходима еще речь или имена, другими словами, для научного знания необходимы понятия (концепты) и определенные операции (сложение и вычитание) над ними. Соединение имен дает нам предложения, соединение предложений — силлогизмы, соединение последних — доказательства. В предложениях и силлогизмах есть место для истины и для неверных утверждений; благодаря пользованию понятиями можно пользоваться дедуктивным методом, который позволяет нам из причины вывести (дедуцировать) следствия и из следствий—причины данных явлений. Мы таким образом находим у Гоббса синтез эмпиризма с рационализмом, притом он в достаточной степени подчеркивает значение о б щ и х п о н я т и й и роли д е д у к ц и и для науки.

Разбирая вопрос о материализме Гоббса, наш автор отбрасывает точку зрения Наторпа, который интерпретирует Гоббса в духе неокантианства. Он правильно указывает, что для Гоббса вопрос о том, как может движение превратиться в сознание (ощущение), и не ставился. Наоборот, единственное об'яснение, которое можно дать ощущениям, было, с его точки зрения, движение внутри наших органов чувств, вызванное давлением внешнего предмета.

В заключение отметим еще, что книга проф. Брандта издана очень хорошо, снабжена примечаниями, подробным оглавлением и указателем имен, что облегчает в значительной степени работу над ней.

ADOLFO LEVI. La filosofia di Tommaso Hobbes, Milano, Genova, Roma, Neapoli. Società Editrice Dante Alighieri. 1929. Стр. **423.**

Biblioteka pedagogica Autica a Moderno Italiano c straniera Volume Lw.

В своем предисловии автор указывает, что его книга о Гоббсе является продолжением его работы, посвященной Бэкону, и имеет своей целью, так же, как и первая книга, выяснить, верно ли общепринятое мнение, которое противопоставляет английский эмпиризм континентальному рационализму, берущего свое начало у Декарта и Лейбница. В связи с этим автор останавливается преимущественно на основных философских и методологических принципах Гоббса и посвящает сравнительно меньше внимания политической теории английского материалиста. И, действительно, ¾ книги (235 стр. из 420) автор уделяет изложению философской части гоббсовой системы и только одну треть его «моральной или гражданской философии».

В книге Адольфа Леви мы находим вообще полное изложение основных идей Гоббса, притом автор не скупится на цитаты, чтобы доказать правильность его интерпретации и соответствие его изложения действительным взглядам Гоббса. Автор совершенно не останавливается на жизни Гоббса, на общественно-исторической обстановке, в которой жил и творил мальмсберийский философ. Он также мало касается вопроса о тех умственных влияниях, которым подвергался английский философ-материалист. Это является, с нашей точки зрения, большим пробелом, так как трудно понять философа, отрывая его от его среды и общественных условий, в которых он находился. В действительности не только политическая теория Гоббса находит свое об'яснение в той бурной эпохе, которую переживала тогда Англия, но и вся его философская система носит на себе отпечаток этого периода, и изложение системы Гоббса должно сопровождаться изучением общественно-экономической жизни Англии первой половины XVII столетия.

В книге Леви особый интерес представляют первые четыре главы, посвященные логическим предпосылкам философской системы Гоббса. В первой главе автор прослеживает генезис основных принципов гоббсовой философии и останавливается на «Малом трактате», где, как мы уже видели, Гоббс дает первый блестящий набросок своей философской системы. Автор очень верно отмечает, что вопрос о чувственных восприятиях занимал Гоббса с самого начала его философской деятельности, и что решение этой именно проблемы натолкнуло его на механический принцип.

Адольф Леви, повидимому, незнаком с книгой проф. Брандта, которую мы выше анализировали. Он соглашается с мнением г. Астера, высказанным в его «Geschichte der neuen Erkenntnistheorie», что теорию суб'ективности чувственных качеств Гоббс позаимствовал у Декарта. Это мнение недостаточно обосновано. Конечно, в «Малом трактате» у Гоббса еще не имеется ясной формулировки этого вопроса, и можно его толковать так, как г. Aster, что вещи действительно таковы, какими они нам кажутся в процессе восприятий. Но проф. Брандт доказал, что Гоббс именно в этом вопросе претендовал на оригинальность и в одном из своих писем напоминает Марсенну, что он ему изложил свою теорию света, из которой вытекает суб'ективность чувственных качеств еще до появления Dioptrique Декарта. Во второй главе Адольф Леви разбирает онтологические предпосылки системы Гоббса и вытекающие из них последствия. Тут автор анализирует точку зрения Гоббса по вопросу о сущности бога и разбирает доказательство, которое приводит Гоббс о существовании бога. Он приходит к заключению, что для Гоббса бог, если существует, имеет телесную природу, и что Гоббс сам не придавал особенного значения своему доказательству о существовании бога. Действительно, доказательство Гоббса заключается в том, что человеку необходимо найти последнюю причину существования мира, а этой последней причиной может быть только бог. Но ясно, что это доказательство не веское. Это скорее психологическое об'яснение возникновения и существования веры в бога, чем доказательство о его действительном существовании.

Большой интерес представляют 3 и 4 главы, где автор останавливается подробно на разборе понятия философии или науки у Гоббса и на логически-методологических основах его философской системы. Тут нам приятно констатировать, что автор занимает правильную позицию в толковании материалистической системы Гоббса и что он правильно подчеркивает значение методологии для верного понимания его философской системы. Автор определенно высказывается против интерпретации Наторпа и Hönigswald'a, которые превращают Гоббса не только в феноменалиста, но которые находят, что у Гоббса тело и движение является не реальными категориями, что тело не есть материальная субстанция, а движение не универсальное, неот'емлемое, свойство телесной субстанции; по их мнению, тело и движение имеют для Гоббса лишь методологическое значение; лишь при помощи этих понятий, говорят они, Гоббс мог построить науку. Г. Леви доказывает, что подобное идеалистическое толкование Гоббса является извращением его доку-

альной мысли. Он приводит цитаты из Гоббса, где его материалистическая концепция выражена с такой ясностью, что всякое кривотолкование невозможно. Мы думаем, что основания для идеалистического толкования Гоббса мы ни в одной из его работ не найдем.

Теория науки (научного знания) Гоббса, вытекающая или, правильнее, базирующаяся на его теории речи, дает иногда место для конвенционалистического толкования истины, благодаря неточным формулировкам. Автор подробно разбирает этот вопрос в 4-й главе своей книги, и этот разбор представляет большой интерес. Место нам не позволяет последовать за нашим автором в его солидной аргументации. Мы, однако, согласны с его выводами, что для Гоббса истина не конвенциональна и не суб'ективна, а что истина есть соответствие нашей мысли и ее высказываний с действительностью. Это вытекает из всей материалистически-механической концепции нашего философа. В его формулировках в различных работах замечается неустойчивость, колебания, неясности; но тут мы должны обратиться ко всей его концепции и там найти ключ к правильной интерпретации.

Мы не останавливаемся на остальных главах интересной работы г. Леви. Мы можем только констатировать, что в общем г. Леви дает правильное и довольно полное изложение основных моментов философской и политической системы Гоббса, хотя автор сам не разделяет его взглядов и вообще относится критически к философии материализма, что видно из его заключительной главы.

Л. Ческис.

«ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ». Дискуссия в Институте мирового хозяйства и мировой политики в Комакадемии. Изд-ство Комм. Акад. 1930 г. Стр. 200. Цена 1 руб. Тираж 10.100 экз.

Теория организованного капитализма под наименованием теории «организованной бесхозяйственности» на ряду с законом трудовых затрат, механистической теорией диалектики, классов, классовой борьбы и т. д., составляет основу теоретических взглядов правых и обоснование их развернутой правооппортунистической политической программы. Отказ тов. Н. И. Бухарина и его группы от своих политических ошибок «ни в малейшей степени не снимает с партии и Коминтерна обязанности самым беспощадным образом бороться против идеологии правой оппозиции и примиренчества, от которой отказались тт. Бухарин, Рыков и Томский, но которая продолжает существовать и все более явно и определенно становиться самым служебным орудием наших классовых врагов» [1]). Надо продолжать далее разоблачение механистического существа взглядов тов. Н. И. Бухарина и показать их непримиримость с диалектическим материализмом Маркса, Энгельса и Ленина.

Разоблачение политической программы и теории организованной бесхозяйственности тов. Бухарина начал десятый пленум ИККИ, который в своей резолюции указал на то, что «такого рода «теория», служащая идейной базой всех правых элементов в Коминтерне, опровергается всем развитием капитализма и по существу является капитуляцией перед реформистской идеологией (гильфердинговская теория «оздоровлении капитализма»)» [2]).

В дальнейшем эти положения развивались и доказывались целым рядом статей в наших журналах. Дискуссии в Коммунистической Академии, с одной стороны, подытожила то, что уже было вскрыто, а, с другой стороны, впервые поставила ряд новых вопросов, имеющих большое значение для выяснения отличий взглядов тов. Бухарина на проблемы империализма от ленинизма.

---

[1]) «Правда», от 27/XI-29 г.

[2]) Резолюция X пленума о тов. Н. И. Бухарине.

Так как тов. Н. И. Бухарин в своих статьях «Некоторые проблемы современ-о капитализма у теоретиков буржуазии» и «Теория организованной бесхозяйственности» заявил, что в современном капитализме «исчезает проблема рынка»; что организационная проблема, проблема наилучшей, при данных условиях, «рациональной» организации, и притом в масштабах, выходящих далеко за пределы частного хозяйства,— все больше и больше становится на первый план»; что анархическая природа капитализма «переползает в основные линии международно-хозяйственных отношений»; что «проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации»; что «в капиталистических странах речь идет теперь вовсе о теории планового хозяйства, осажденной капиталистической крепости (своеобразный государственный капитализм»), в об анализе тенденций к государственному капитализму, растущему как нормальная капиталистическая система»; что, с другой стороны, все эти тенденции уже нашли свое отражение (хотя бы и искаженное) в буржуазной экономической литературе,— то в силу этого участники дискуссии должны были дать ответы на эти проблемы прежде всего.

Тов. Е. Варга в своем докладе «Основные проблемы организованного капитализма», показал, что даже самое понятие организованный капитализм является внутренне-противоречивым (отнюдь не в смысле, придаваемом этому понятию материалистической диалектикой), не марксистским понятием, ибо если существует капитализм, то, очевидно, имеется товарное производство, имеется рынок, а отношения между отдельными членами этого общества совершаются в форме отношений свободных, независимых друг от друга товаровладельцев. Организованный капитализм, по мнению его изобретателей, предполагает наличие только одного мирового картеля, одного собственника средств производства. «В таком обществе нет ни рынка, ни распределения товаров, ни закона стоимости, ни конкуренции, ни анархии производства, ни необходимости производить накопление, т.-е. нет существеннейших атрибутов капиталистического строя» (стр. 5—6).

Теоретики организованного капитализма, и Гильфердинг в частности, полагают, что «эпоха свободной конкуренции, когда капитализм был во власти законов слепых сил, остается позади; иначе говоря, хозяйство, построенное на свободной игре сил, превратилось в хозяйство организованное...», что «крупные монополии становятся господами хозяйства»; что «благодаря этому растут вместе с тем сознательный порядок и руководство в хозяйстве» [1]).

Вторя им, Н. И. Бухарин пишет: «Что является пределом отмечаемой теперь решительно всеми централизационной тенденции? Государственный капитализм в его завершенной форме. Что означает государственный капитализм с точки зрения конкуренции? Он означает замирание конкуренции внутри страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами».

Вне всякого сомнения, смена свободной конкуренции капиталистическими монополиями есть самое основное, отличающее империализм от предшествующему этапа развития капитализма. По мнению Ленина, «империализм есть монополистическая стадия капитализма». Однако образование монополий не устраняет конкуренции, а еще более обостряет ее. Империализм является тоже обществом, основанным на товарном производстве. Таким образом,—говорит тов. Варга: «Положение о том, что образование монополий будто бы вообще устраняет конкуренцию или что капиталистическое хозяйство в эпоху монополии управляется социалистическим принципом планового хозяйства...», представляется абсолютно неправильным».

Как же он доказывает этот совершенно правильный тезис? — Простым перечислением видов конкуренции, существующих в эпоху империализма. «Несмотря на образование монополий,— пишет он,— конкуренция продолжает существовать

[1]) Р. Гильфердинг.

о плановом хозяйстве не может быть и речи». Стремясь наиболее ясно «представить различные виды конкуренции, существующие при монополистическом капитализме», тов. Варга различает две ее формы: «Конкуренцию между остающимися существовать при монополистическом капитализме немонополистическими элементами и монополистическими, с одной стороны, и конкуренция между монополистическими организациями — с другой».

К первому роду конкуренции тов. Варга относит: а) конкуренцию неорганизованных мелких производителей между собой, б) конкуренцию монополий и аутсайдеров. Он отмечает, что конкуренция будет даже в том случае, когда образование монополий в пределах государственных границ полностью завершилось...», ибо остается еще борьба внутри монополий и между ними.

К первому роду конкуренции тов. Варга относит: а) конкуренцию неорга-объединение еще не дошло до полного слияния отдельных предприятий. Так, напр., внутри картеля идет борьба за квоты, которая очень часто приводит к их взрыву.

При полном слиянии отдельных предприятий в единую монополистическую организацию, эта внутренняя конкуренция исчезает. Но конкурентная борьба не прекращается и в этом случае. Даже при полной монополии производства какого-либо товара остается конкуренция между производителями разных товаров, ибо существует ряд таких товаров, которые могут удовлетворять одни и те же потребительские нужды. Эта конкуренция с неизбежностью превращается в борьбу за кошелек покупателя. Далее, монополистические предприятия и банки, оперирующие в одних сферах производства, создают предприятия для борьбы со своими противниками в областях их действия. «Лишь всеобщий международный трест,— говорит тов. Варга,— как его представляют себе сторонники теории «организованного капитализма», т.-е. слияние в одно целое всех капиталистических предприятий всякого рода, могло бы совершенно устранить конкуренцию. Однако, если логически развить эту нереальную перспективу, то, во-первых, хотя это и было бы построенное на эксплоатации классовое общество, но это было бы уже не капиталистическое общество, поскольку вместо товарного обращения мы имели бы планомерное распределение рабочей силы и товаров; во-вторых, в таком обществе были бы настолько обострены классовые противоречия, что оно в процессе своего развития должно было бы привести капиталистическое общество к гибели, как это подчеркивал Ленин в противовес Бухарину» (стр. 8).

Таким образом, вопреки теоретикам организованного капитализма и тов. Бухарину, монополия не уничтожает конкуренции, а сохраняет ее, обостряя все свойственные капитализму противоречия. Поэтому Ленин и пишет, что «устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов».

Однако тов. Варга для того, чтобы доказать наличие кризисов в эту эпоху, чтобы опровергнуть утверждения Гильфердинга и Н. Бухарина, предпочел пойти несколько иным путем. Он ввел новое звено, вследствие чего эта проблема получила неправильное освещение. Правильно опровергнув теорию возможности организации капитализма, тов. Варга почему-то вдруг выводит кризисы, предполагая наличие так называемого организованного капитализма, само понятие о котором он признал немарксистским. «Социал-демократы,— пишет он,— полагают, что с развитием элементов организованного капитализма связано преодоление анархии производства, замена капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства, так как при монополии производство сосредоточено в одних руках, то имеется-де возможность привести производство в соответствие с потребностями. Если бы даже существовала такая возможность, это ни в коем случае не означало бы планового хозяйства, а лишь одностороннее приспособление производства к анархическому спросу, между тем как плановое хозяйство предполагает полное соответствие между производством и потреблением. Это и означает, что и при так называемом «организованном капи-

низме», т.-е. капитализме, находящемся под властью монополий, кризисов избе-
гь нельзя» (стр. 9). По его мнению это подчеркнул и Ленин.

Если тов. Варга говорит в данном случае об организованном капитализме,
е признанном им однажды за бессмыслицу, то проблема получает в высшей
епени нелепый вид кризиса вообще, кризиса, свойственного всякому обществу,
сводящегося к противоречию между производством и потреблением. Организо-
нный капитализм и капитализм монополистический — это две разные вещи (и тов.
рга хорошо показал неправильность теоретического конструирования первого),
все-таки, несмотря на это, тов. Варга пишет: «это и означает, что при так назы-
емом «организованном капитализме», т.-е. капитализме, находящемся под властью
нополий, кризисов избегнуть нельзя». Этим самым тов. Варга увековечивает
изис и дает неправильное освещение вопроса.

Надо потребовать от тов. Варги большей ясности в трактовке столь важной
облемы как кризисы. Это тем более необходимо, что в дальнейшем на протя-
жении всего доклада мимоходом он дает н правильное решение этого вопроса.

Закончив разбор проблемы кризисов, тов. Варга непосредственно переходит
проблеме государственного капитализма, рассматривая его как попытку прео-
ления свойственных капитализму противоречий, сохраняя буржуазию как класс.
ущность государственного капитализма,— пишет он,— заключается в стремлении
к-нибудь преодолеть противоречия между обобществляющимся производством
частным присвоением при одновременной защите общих интересов буржуазии
к класса, или ее наиболее влиятельных слоев, от посягательства отдельных капи-
листов (монополий), преследующих лишь одну цель — получение возможно боль-
ших прибылей». Чем далее развивается капитализм, тем более обостряются
э противоречия, тем сильнее обнаруживается эта тенденция. Государство реаль-
ьно выступает на сцену в роли регулятора хозяйства».

Этим и ограничиваются замечания тов. Варги в отношении государствен-
го капитализма. Надо признать, что в такой форме они являются
ено неполными. Тов. Варга взял одну сторону проблемы и забыл о дру-
м другой, не показал тех противоречивых тенденций, в борьбе с которыми
растает государственный капитализм. Он взял эту проблему вне ее связи с проб-
мой роста финансовой олигархии.

Замечательно то, что эта проблема никем из выступавших не была затро-
та, хотя ее постановка докладчиком, несмотря на свою краткость, не может
ть названа точной. Ни в коем случае нельзя согласиться с тем, что «фактически
сударственный капитализм обозначает подчинение экономических частных инте-
сов отдельного капиталиста общим интересам буржуазии». Это об'яснение слиш-
м упрощено и неверно. Оно не отражает тех противоречий, которые имеются
еди класса капиталистов и по существу исключает финансовую олигархию и ее
ащение с государственной властью.

Тов. Лоуф-Бохен в своем содокладе о новых формах конкуренции в САСШ
л хорошую иллюстрацию основному положению доклада тов. Варги. На целом
де примеров он показал неправильность мнений тех, которые полагают, что
нополия уничтожает конкуренцию и дает монополистам возможность неогра-
ченно поднимать цены. Эпоха финансового капитала вызвала к жизни ряд новых
рм конкурентной борьбы. «Причиной этой новой конкуренции, по его мне-
ю, является противоречие между производственными возможностями, между
щностью производственного аппарата и рыночными отношениями». Он считает,
э «это противоречие (создает *А. К.*) то, что называется на американском эко-
мическом жаргоне борьбой за доллар потребителя или... давлением распреде-
ния. Это противоречие, это давление распределения создает ту практику искус-
ва продажи под высоким давлением, с громадными издержками на рекламу и на
сь аппарат продажи, и ту борьбу внутри самой торгово-распределительной

организации, которая является одним из наиболее характерных проявлений новой конкуренции».

Эта новая конкуренция, по мнению тов. Лоуф-Бохеив, не устранила старой конкуренции. Новая конкуренция это борьба гигантских монополистических организаций.

Очень жаль, что он, точно так же как и тов. Варга, не сделал попытки связать этот огромный материал с вопросом о той форме, которую принимает закон ценности в эту эпоху. Ни он, ни один из выступавших в прениях товарищей даже не поставили вопроса о том, существует ли в эту эпоху цена производства, не поставили вопроса о том, почему эти факты имеют место, не выяснили, почему конкуренция превращается в монополию, а монополия рождает конкуренцию. Никто не сделал попытки показать необходимость, неизбежность конкуренции, двигаясь от абстрактного к конкретному. Слов нет, выяснение того, что действительность противоречит утверждениям реформистов и тов. Бухарина огромное и полезное дело. Точно также никто не станет спорить против того, что выяснение отличия взглядов Маркса Энгельса—Ленина на эти проблемы от взглядов тов. Н. И. Бухарина - имеет огромное значение. Но нельзя же топтаться на этом месте до бесконечности долго, нельзя забывать теорию; нельзя забывать того, что Маркс, Энгельс и Ленин не были простыми собирателями фактов à la Шмоллер и ему подобные. Нельзя забывать того, что марксизм не только описывает то, что есть, а одновременно с этим (и в этом главное) показывает, почему имеет место это явление, а не какое-либо другое. Конечно, это дело очень трудное, требующее большого количества времени и сил, такое дело, где на одних цитатах далеко не уедешь. Но оно в то же время и необходимо.

Теперь можно сказать, что взгляды Ленина на проблему империализма в общем выяснены, выяснено их отличие от взглядов тов. Бухарина. Выяснен и корень этих отличий—метод диалектического материализма, с одной стороны, и метод материализма механистического — с другой стороны. Это показал тов. Леонтьев в своей статье и тов. Хмельницкая в своем выступлении в прениях, указавшая на то, что самая глубокая причина ошибок тов. Бухарина в этом вопросе «заключена в неправильном методологическом подходе к изучению современного капитализма, в подмене диалектического анализа механистическим». Механист не может представить себе противоречивость развития иначе, как в виде сокращения и постепенного вытеснения одного из полюсов противоречивого единства. Так, напр., по тов. Бухарину развивающаяся монополия отодвигает конкуренцию в область международно-хозяйственных отношений, техническое разделение труда вытесняет общественное разделение труда. Тов. Хмельницкая правильно отметила, что «диалектика действительности не имеет ничего общего с этой механистической схемой. Нарастание организованности на одном полюсе, внутри капиталистического предприятия сопровождается нарастанием анархии на другом полюсе, в капиталистическом хозяйственном целом. И лишь столкновение обоих растущих полюсов противоречивого единства разжигает пожар крушения капитализма». Одновременно с этим, тов. Хмельницкая показала, что разногласия Бухарина с Лениным в вопросах империализма имеют свою историю. «Первым логическим звеном в этой теории, является общая оценка империалистической эпохи капитализма.. в этом вопросе наметились коренные разногласия между Лениным и Бухариным, еще в эпоху империалистической войны. Споры о «чистом империализме», развернувшиеся в 1916 - 1918 гг. с полной ясностью обнаружили механистический, антидиалектический характер бухаринской оценки новейшего этапа развития капиталистического хозяйства». В то время тов. Бухарин утверждал, что империализм принципиально отличен от классического капитализма, что он отменяет полностью закономерности эпохи свободной конкуренции. Логическим продолжением этого были разногласия в национальном вопросе, разногласия по ряду вопросов партий-

программы, Брест и т. д. Критика теории накопления Розы Люксембург, ...анная тов. Бухариным в его работе «Империализм и накопление капитала», ...нит теми же механистическими ошибками.

Эти же самые особенности методологии тов. Н. И. Бухарина были ... ы и тов. Борилиным. «Недостаток конкретности в изучении империализма есть ... из самых основных недостатков тов. Бухарина». Забвение этого основного ...бования материалистической диалектики — одна из самых характерных черт ...х бухаринских построений. «Если мы строим абстрактную теорию, если мы ...м ряд абстрактных положений, то наши абстракции правильны только в том ...чае, если они являются отображением... конкретности, а противном случае ...тракции становятся теоретически неверными, а практически вредными. Тов. ...харин, при рассмотрении капиталистического хозяйства, а особенно империа...ма, допускает такое замазывание конкретных особенностей..., которое закон...но и привело его к такому неправильному выводу, как положение об «органи...анном капитализме».

Для того, чтобы дальнейшая критика бухаринской концепции империализма ...а плодотворной, необходимо дополнить ее положительной разработкой лени...й концепции империализма. На ряду с дальнейшим разоблачением механист...кой сущности теории организованной бесхозяйственности и теории органи...ного капитализма, необходимо продолжать далее дело разработки пробле... ...периализма, начатое В. И. Лениным. Надо показать те конкретные формы, кото... принимает закон ценности в условиях империализма. А это значит конкрети...зовать понятие «сращение банковского капитала с промышленным», выяснить ...бенности того типа капиталиста, который является господствующим в эту ...ху, показать его отношение к капиталисту промышленному и к ссудному капи...исту и, одновременно с этим, понять то новое, что имеется в акционерной ...рме предприятий. Но однако было бы ошибочным полагать, что сейчас уже все ...тивники теории организованного капитализма правильно поняли сущность ...нинского решения проблемы империализма. Возьмем пару, другую примеров ... ораторов, выступавших в прениях по докладу тов. Варги, уделив огромное ...мание проблеме конкуренции и установив ее наличие в империалистической ...дии капитализма, совершенно забыл о том, что империализм есть все-таки моно...истический капитализм. С другой стороны, некоторые товарищи, говоря о том, ... характерной чертой империализма является рост монополии, которая не уни...кает конкуренция, а, напротив, рождает ее, незаметно для самих себя ре...али ленинскую теорию в этом пункте тем, что в эти понятия вложили совер...нно иной смысл, чем тот, который в них вкладывают марксисты и таким образом ...аенным путем пришли к критикуемой ими теории организованного капита...ма. Так, тов. А. Ф. Кон, разрывая форму и содержание, отрывая их друг от ...га, утверждает, что самая важная черта монополистической тенденции капи...изма — это рост насилия. По его мнению, монополистические об'единения ...жде всего характеризуются тем, что они «есть об'единения насилия». Эта ...сль, выраженная очень туманно в речи тов. Кона в Комм. академии, пол...а свое развернутое выражение в напечатанной в журнале «Проблемы Эконо...ки» № 9 за 1929 г. Механистический отрыв формы от содержания, непони...ние диалектического характера их отношения друг к другу заставили его ...вить, что «в возникновении капиталистических об'единений и монополий ...на не организация капиталистического общества, но концентрация насилия, ...центрация эксплоатации. Именно в концентрации насилия, в концентрации ...лоатации — наиболее существенная сторона монополистической тенденции им...иализма. Об'единение капиталистов есть об'единение насилия по отношению к ...ругим классам». По его мнению, «именно в росте эксплоатации, именно в этом ... насилия, именно в этом распространении капиталистической эксплоатации на ...межуточные слои населения и на крестьянство в первую голову и состо...

характерная черта монополистического капитализма-империализма, мимо которой проходит тов. Бухарин» [1]). Но это рассуждение с иной стороны, иными путями приводит тов. Кона к той же теории организованного капитализма, которую он пытался критиковать. Вне всякого сомнения, эта его ошибка находится в тесном родстве с теми механистическими ошибками, как они даны в первых двух изданиях его «Курса политической экономии» и в популярном очерке «Финансовый капитал», где он утверждает, что, «если бы каждая страна была автаркией (т.-е. самостоятельно, без помощи других стран удовлетворяла свои потребности), если бы она была изолированной и не была бы связана нитями международной торговли со всем остальным миром, монополия капиталистических организаций на национальных рынках была бы абсолютной. Конкуренция и даже меновые отношения со всеми свойственными им атрибутами: ценами, стоимостью и пр., были бы окончательно вытеснены из современного общества». В таком случае, по его мнению, «современное хозяйство перестало бы быть капиталистическим и превратилось бы в организованное классовое общество (подобие хозяйства рабовладельческого)» [2]). Методология механического материализма лежит в основе как этого утверждения, так и тех, которые он изложил в своей статье. Эта же методология заставила тов. С. А. Бессонова заявить, что термин мировое хозяйство «характеризует об'ем явлений, а не их социально-классовое содержание». По мнению Маркса, капитализм отличается от других предшествовавших ему общественно-экономических формаций также и тем, что он есть мирохозяйственная формация. Но ни Маркс, ни Ленин, отмечая эту характерную черту капитализма, не делали ее исходным пунктом своего анализа, а предполагали исследовать ее как одну из самых конкретных категорий, которая сама должна быть выведена. В известном наброске плана работы, имеющемся во «Введении к критике политической экономии», Маркс отмечает и международное разделение труда, и мировой рынок, и вексельный курс в качестве предмета своего исследования. Ленин в заметках на «Экономику переходного периода» Н. И. Бухарина подчеркивает то место, где тов. Бухарин заявляет, что «совершенно безразличным является для чистой теории, насколько велик об'ем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства». И там, где тов. Бухарин, развивая эту мысль, говорит: «Как раз поэтому Маркс и издевался так над названием «национальная экономия», которое облюбовали патриотические немецкие профессора» [3]), — Ленин пишет: «Как раз не потому». И это вполне понятно, ибо теория, если она является правильной, должна дать картину действительности, картину того, что есть вне нашего сознания. Ошибка теоретиков мирового хозяйства заключается в том, что они анализ законов движения, присущих данной общественно-экономической формации, заменяют анализом об'ема, сводя к нему все различия экономических эпох. Тов. Бухарин, следуя их дурному примеру, анализ империализма подменил анализом мирового хозяйства и в результате пришел к такой тощей, безжизненной, не марксистской абстракции, как государственно-капиталистические тресты. Вместо того, чтобы понять монополистический капитализм в единстве его сущности и явления, он отождествил их друг с другом, а посему дал неверную, уродливую картину действительности. «Мы можем определить мировое хозяйство,— пишет он,— как систему производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе» [4]). Здесь наиболее ярко сказался механистический характер его мышления, непонимание того, что одной из самых характерных черт диалектического материализма является конкретность употребляемых им понятий. Мировое хозяйство т. Н. И. Бу-

---

[1]) «Проблемы Экономики», № 9 за 1929 г., стр. 56, 57.

[2]) Александр Кон, Финансовый капитал, 1925 г., стр. 99.

[3]) XI Ленинский сборник, стр. 349.

[4]) Н. И. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, стр. 14.

рина — безжизненная абстракция, не отражающая противоречий и характерных ерт реальной действительности. Механистическая же методология ов. Бухарина и в противоречие с самим собой: в то время как в работе «Мировое озяйство и империализм» он исходит из обмена, из пространственной характеристики, отождествляя понятия «мирового хозяйства» и империализма, — в «Экономике переходного периода» он ударяется в другую крайность, совершенно отбросив в сторону об'ем, пространственные особенности данной системы.

Тов. Бессонов, посвятив специальную статью и речь этой проблеме, тоже не справился с нею. Для того, чтобы раскритиковать бухаринскую концепцию империализма, он встал на позицию Бухарина в вопросе о значении об'емной, пространственной характеристики для теории, которая, кстати сказать, в той же «Экономике переходного периода» не проводится с достаточной последовательностью, ибо она находится в вопиющем противоречии с действительностью. Так дел всех механистов — стремление свести все качества к количеству — дает новое своеобразное качество — эклектизм и непоследовательность.

Надо также отметить, что тов. Лоуф-Бохен не дал ясной установки проблеме единого национального и мирового треста. «Абстрактно-теоретически, — говорит он в своем докладе, — если не придерживаться взгляда школы Розы Люксембург о том, что крушение капитализма заложено в его имманентных законах, ведущих к экономической невозможности роста капитализма, — возможен и единый национальный и единый международный трест. Но обе эти возможности на наш взгляд обусловливают друг друга. Те же противоречия, которые не дают возможности создать единый международный трест, делают невозможным и образование единого национального треста». Нельзя отделять теоретически возможное от возможностей, заключенных в самой действительности. Поскольку теория дает нам прежде всего картину того, что есть, нельзя, очевидно, считать абстрактно-теоретически возможным такого рода явления, которые невозможны в действительности. Такого рода теория, которая допускает эти возможности, является неверной теорией, теорией, не отображающей действительность. Блестящую критику этой теории «абстрактно-теоретической возможности дал не кто иной, как Ленин. Если тов. Н. И. Бухарин утверждал, что можно себе представить «коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс об'единен в единый трест и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов, хозяйство» [1]), то В. И. Ленин в предисловии к книге тов. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» развенчал этого рода теорию и показал ее оппортунистическое существо. «Рассуждая абстрактно-теоретически, — говорит он там, — можно прийти к выводу, к которому и пришел, — несколько по-иному, но тоже распрощавшись с марксизмом, — Каутский: именно, что не очень далеко уже и всемирное об'единение этих магнатов капитала в единый всемирный трест, заменяющий соревнование и борьбу государственно-обособленных финансовых капиталов интернационально-об'единенным финансовым капиталом. Такой вывод, однако, столь же абстрактен, упрощен, неправилен, как аналогичный вывод наших «струвистов» и «экономистов» 90-х годов прошлого века, когда они из прогрессивности капитализма, из его неизбежности, из его окончательной победы в России делали заключения то апологетические (преклонение перед капитализмом, примирение с ним, славословие вместо борьбы), то аполитические (т.-е. отрицающие политику или отрицающие важность политики, вероятность общеполитических потрясений и т. п.; ошибка специально экономистов), то даже «стачечнические» («всеобщая стачка», как апофеоз стачечного движения, доведенный до забвения или игнорирования других форм движения)...» [2]). (Разрядка наша. *А. К.*). И он

---

[1]) Н. И. Бухарин. Империализм и накопление капитала, стр. 82.

[2]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 355.

разъясняя далее свою мысль, пишет: «...Нельзя ли отмахнуться от «резких» задач, которые ставит и уже поставила наступившая для Европы эпоха империализма, посредством мечтаний о том, что, может быть, эта эпоха скоро пройдет, и что может быть мыслима еще вслед за ней сравнительно мирная, не требующая резкой тактики эпоха «ультра-империализма»? Каутский именно так и говорит, что подобная (ультра-империалистская) новая фаза капитализма во всяком случае мыслима, а «осуществима ли она, для осуществления этого нет еще достаточных предпосылок. Марксизма в этом стремлении отмахнуться от наступившего империализма и уйти мечтой в неизвестно осуществимый ли «ультраимпериализм» нет и грана». Желая еще более пояснить свою мысль, Ленин продолжает: «Можно ли, однако, спорить против того, что абстрактно «мыслима» новая фаза капитализма после империализма, именно ультраимпериализм? Нет. Абстрактно мыслить подобную фазу можно. Только на практике это значит становиться оппортунистом, острые задачи современности отодвигать на задний план во имя мечтаний о будущих неострых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а предусмотрительно отрываться от него во имя этих мечтаний. Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлении к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,— что непременно раньше, чем дело пройдет до единого всемирного треста, до ультраимпериалистического всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» [1].

Таким образом тов. Лоуф-Бохену следует уточнить свои заявления по этому поводу. Но это же следует сделать и еще кое-кому из писавших статьи по этим вопросам.

Все эти примеры, приведенные нами, свидетельствуют о том, что по ряду проблем теории империализма некоторые товарищи еще не дошли до правильного их понимания. Поэтому внимание к этим вопросам не должно ослабевать ни в малейшей степени. Надо продолжать далее разоблачение антиленинской сущности теории организованной бесхозяйственности. Но это возможно только на основе дальнейшей разработки проблемы империализма в духе марксизма-ленинизма. Надо связать все специфические стороны империализма с теми положениями, которые установлены в «Капитале» Маркса и в «Империализме» Ленина, надо вывести их в конкретность. Надо выяснить то усложнение формы проявления, которое имеет основной закон движения капитализма, закон ценности. Это даст возможность полнее осознать экономическую действительность современного капиталистического мира.

Дискуссия вне всякого сомнения имела большое значение в выяснении существа целого ряда вопросов. Плохо то, что Институт мирового хозяйства и мировой политики Комм. Академии сорганизовал ее несколько поздновато. И в этом отношении ей, очевидно, придется поставить во всю ширь проблему темпа своей работы, добиваясь возможности большего приближения к современности, а не идя в хвосте событий.

Ал. Казарин.

---

[1] Ленин, Соч., изд. 3, т. XVIII, стр. 356—357.

Библиотека писателей для школы и юношества, под редакцией Е. Ф. Никитиной. IV серия.—«Русские критики в марксистском освещении». Изд. «Никитинские субботники».

«Н. Г. Чернышевский», Москва 1929 г., 544 стр. Цена 3 р. 40 к.
«Н. А. Добролюбов», Москва 1929 г., 557 стр. Цена 3 р. 50 к.
«Д. И. Писарев», Москва 1929 г., 416 стр. Цена 2 р. 50 к.

В настоящей рецензии рассматривается IV серия «Библиотеки писателей для школы и юношества», предпринятая издательством «Никитинские субботники». Эта серия посвящена русским критикам и по плану (см. каталог издательства на 1930 г.) должна состоять из 10 выпусков. Среди вышедших уже в свет частей особое место занимают первые три, посвященные Писареву, Добролюбову и Чернышевскому. Рассмотрению их и посвящена данная рецензия.

Предпринятое «Никитинскими субботниками» издание нельзя не приветствовать. По замыслу это издание крайне нужное и своевременное. Ведь текст критиков 60-х гг., особенно некоторых из них, массовому читателю достать не легко. Что же касается марксистских работ о них, то здесь дело обстоит еще более печально,—за немногим исключением эти работы разбросаны по периодическим изданиям, и уже по одному этому использование их крайне затруднительно. Ставя себе задачей дать текст нескольких основных работ русских критиков, снабдив их руководящими марксистскими статьями, издательство предпринимает, как я уже отметил, нужное, но, надо сказать, и крайне ответственное дело. При отсутствии аналогичных изданий книги «Никитинских субботников», несмотря на довольно высокую цену, должны найти широкий спрос, и в первую очередь со стороны школьных работников и учащихся. Естественно, что при этом на редакцию возлагается особая ответственность, и к появившимся книгам должны быть предъявлены строгие требования.

Вышедшие уже части серии допускают возможность сделать предварительную оценку издания с указанной точки зрения, при чем выпуски, посвященные Чернышевскому, Добролюбову и Писареву, относящиеся к одной эпохе, для этого особенно удобны.

Структура всех частей серии одинакова — в начале их дается краткая хронологическая таблица жизни и творчества критика, затем приводится текст статей, освещающих деятельность критика и его мировоззрение, помещено несколько основных его работ и в заключение дается список марксистских работ по данному автору. Совершенно ясно, что при таком плане издания, в основном совершенно правильном, центр падает на его редакцию. Естественно поэтому начать рассмотрение этих книг именно со стороны их редактирования. И надо признать, что редакция издания недостаточно внимательно отнеслась к предпринятой работе, допустив ряд существенных недочетов как в подборе материала, так и в ряде методических вопросов.

Начну с того, что ни в одном выпуске нет предисловия от редакции, могущего дать руководящие указания читателю (напомню, что это издание «для школы и юношества»). Приступая к чтению книг, малоподготовленный читатель естественно попадает в затруднительное положение, так как помещенные в начале статьи далеко не равноценны, подчас противоречивы и никак не увязаны редакцией с текстом работ критика, помещенных ниже. Эти недочеты можно было бы значительно смягчить примечаниями к тексту и комментариями, но в трех рассматриваемых книгах нет ни одного замечания от редакции. Можно лишь пожалеть об этом серьезном упущении, в значительной степени обесценивающем все издание. Ниже, на отдельных примерах, я покажу, насколько в таких добавлениях ощущается самая острая необходимость.

Что же касается хронологических таблиц и указателя марксистской литературы, то и тут необходимы изменения. В таблицы крайне желательно внести даты отдельных этапов всей жизни и деятельности критика, а не только несколько

его критических работ. При отсутствии сводной статьи о деятельности рассматриваемого лица в целом (последнее относится главным образом к Писареву) эти данные необходимы и увеличат размер таблиц крайне незначительно. Я не говорю уже о мелких недосмотрах и упущениях, которые надлежит исправить при повторных изданиях, — они, правда, нечасты и незначительны. При указании чисел надо, конечно, отмечать, по какому стилю они даны: одних скобок недостаточно. Что же касается списка марксистских работ, то тут тоже необходимы изменения. Этот список претендует на значительную полноту (см. упоминание о статье П. С. Когана в «Вечерней Москве»—Писарев, стр. 416), но, несмотря на то, что в нем иногда указаны работы, могущие быть названы марксистскими весьма условно, он далеко не полон. Укажу хотя бы на полное отсутствие статей о Чернышевском, принадлежащих саратовцам, работающим при доме-музее им. Чернышевского (В. Ильинского, Ю. Иванова и др.) работу Кирпотина из № 8 «Историка-Марксиста» и, наконец, 2-е издание большой работы Стеклова. И этот список можно было бы значительно изменить. Совершенно очевидно, что при повторном издании необходимо будет учесть новые вышедшие за последнее время работы, как, например, работа В. Кирпотина о Писареве, библиография о котором, кстати сказать, весьма бедна. Таким образом, и в этом разделе необходимо более тщательно проработать материал, разбить его по рубрикам и снабдить пояснениями.

Переходя к помещенным в серии статьям, в первую очередь надо отметить, что все они, за исключением статьи Ломакина — «Ленин о Чернышевском», перепечатаны из других изданий. (Кстати, в проспекте издания эта статья названа неточно, — там прямо говорится об авторах статей и среди них упомянут Ленин). Таким образом, при составлении сборников редакция использовала имеющиеся уже в печати статьи и свою работу свела к выборке наиболее подходящих из них для целей издания. При этом, конечно, учитывалось то, чтобы читатель сборника, с одной стороны, получил полное представление о деятельности того или иного критика в целом, а, с другой стороны, имел бы нужные указания и пояснения к тексту помещенных ниже работ критика. И надо прямо сказать, что не во всех сборниках эта цель достигается. Если деятельность Чернышевского и Добролюбова освещена довольно полно, то того же нельзя сказать о Писареве. Получить же материал для оценки и критического подхода к работам критиков, приведенным в сборнике, из этих статей для мало подготовленного читателя крайне затруднительно. И об'ясняется это в первую очередь тем, что среди имеющихся марксистских работ о шестидесятниках подходящих для такого издания статей почти не имеется. Именно поэтому выбранные издательством работы, сами по себе подчас ценные и интересные, мало подходят к целям издания и не дают желательного результата. Наиболее правильным поэтому было бы дать в серии специально для нее написанные очерки, дающие итог марксистских работ по данному вопросу. Если же это по каким-нибудь причинам оказалось бы неосуществимым, того же результата можно было добиться при помощи предисловия и комментариев к опубликованным уже работам. Иначе, повторяю, цель изданий — приблизить классиков к массовому читателю и дать пособие для школы, достигается крайне неполно и выпущенные книги способны привести читателя, особенно мало подготовленного, к ряду ошибочных выводов. Все это будет яснее, если мы вкратце остановимся на каждой из рассматриваемых книг отдельно.

Наиболее удачен выпуск о Чернышевском. Первая статья, Ломакина, — «Ленин о Чернышевском»,—является сводкой мыслей Ленина о «великом утописте 60-х гг.», разбросанных в отдельных его работах. Такого рода извлечения из работ Ленина выпущены отдельной книгой в 1928 г., в издании института Ленина, под редакцией того же Ломакина, но первая попытка систематической их сводки помещена лишь в издании «Никитинских субботников». (Кстати, это издание 1928 г. не упомянуто ни в тексте статьи, ни в библиографии, в то время как оно, несомненно, вполне подходит для целей самообразования, так как издано весьма тщательно и с обшир-

ыми комментариями). Статья Ломакина поражает своей лаконичностью. Если она аписана специально для рассматриваемой серии, то, несомненно, дефектом ее вляется слабая разработка вопроса об утопизме Чернышевского и о месте его истории русского революционного движения. Оба эти вопроса, однако, крайне ущественны. Полемика вокруг оценки элементов мировоззрения Чернышевского, частности, вокруг вопроса о его утопизме, получает в статьях Ленина полное свещение, и на нем нужно было бы остановиться детальнее, тем более, что в поме. ценной ниже статье Плеханова выражено мнение, обратное тому, которое упорно роводит Стеклов в своих многочисленных и достаточно распространенных работах многие из них указаны и в списке библиографии). Помочь читателям в этом во. іросе было бы вполне уместно. Вопрос о связи Чернышевского с историей освобо. цительного движения в России у Ленина также нашел довольно полное отражение. \втору статьи стоило бы его проработать подробнее, указав на самую тесную вязь Чернышевского с 40-ми годами, петрашевцами, революцией 1848 года, а, : другой стороны, выяснить «преемников» просветителя 60-х годов. Последнее :делать тем более необходимо, что, как известно, народническая оценка Чернышев. :кого распространена была в самом недавнем прошлом весьма сильно и не раз ызывала резкую критику со стороны Ленина.

Весьма уместна в сборнике статья Луначарского — «Этика и эстетика Черны. шевского перед судом современности», — перепечатанный доклад из «Вестника Коммунистической Академии» (1928 г., № 1/25). Несмотря на большой, сравнительно, об'ем, она читается легко, написана живо и дает яркий образ. Ставя своей задачей дать подлинного Чернышевского, с его страстной творческой любовью к жизни, автор рядом примеров доказывает, что обычная оценка «великого утописта», как «сухаря», страдающего «мозговизмом», неверна. В области эстетики отправным пунктом для него являлась жажда подлинной жизни, при чем сфере чувства и уделялось большое внимание. Творческая любовь к жизни — характернейшая для него черта. Отметив разночинство Чернышевского, Луначарский ясно показывает материалистические основы его взглядов в области искусства, четко выделявшие его из среды современников. Совершенно справедливо автор указывает на ошибку Плеханова при рассмотрении им эстетики Чернышевского. Высоко ставя работы Плеханова, Луначарский считает, что в этом пункте он преувеличил «мозговизм» Чернышевского и, под влиянием полемики с народниками, совершенно неправильно оценил «просветительство» Николая Гавриловича, как явление отрицательное, утверждая, что дело критика не предписывать жизни, а об'яснять ее. Обвиняя Чернышевского в рационализме, вытекавшем из его просветительства, Плеханов, по мнению Луначарского, переходит на точку зрения меньшевизма, и Чернышев. ского с его творческим подходом к действительности считает нам более близким. К тем же выводам автор приходит при рассмотрении и этики Чернышевского. И в этой области Чернышевский ближе к мировоззрению революционного марксиз. ма, чем принято думать. Об'ясняется это тем, продолжает автор, что эпоха 60-х годов, так же, как в наше время, является переходной требующей активного отно. шения к действительности. Все это неизбежно придавало специфический характер позиции Чернышевского как просветителя, желавшего и требовавшего творческого отношения к жизни. В этой статье дается оценка Чернышевского с точки зрения нашей современности, что, несомненно, для читателя окажется и нужным и инте. ресным, и в то же время ясно указывается на внутренние корни неверной оценки, хотя бы частичной, в работах Плеханова. Последнее, при большой распростран. ности работ Плеханова о Чернышевском, особенно ценно.

Заключительная статья в сборнике принадлежит Плеханову. Это первая часть из серии его статей о Чернышевском, написанная за границей в 90-х годах (Соч., т. V, стр. 21—122). Статья эта известна, и останавливаться на ней излишне. Укажу лишь, что работа эта в деталях устарела и требует фактических исправлений. Редакции несомненно нужно было бы в ряде пунктов, где Плеханов излагает свое мнение в предположительной форме, не располагая в то время досто-

точно надежными сведениями, а иногда просто делает неверные замечания, внести поправки в примечаниях. Для примера укажу, что у Плеханова Ольга Сократовна оказалась сестрой Пыпина, «Пролог пролога» считается более ранним произведением по сравнению с романом «Что делать?», выражается сомнение в принадлежности той или иной статьи в «Современнике» Чернышевскому, обряд гражданской казни в 1864 г. отнесен к 13 июня, а в то время, как 1 июня Николай Гаврилович был уже по дороге в Сибирь, отмечается полная неясность его отношений к полякам-революционерам и т. д. Все эти неточности и ошибки, конечно, надлежало в примечаниях исправить и оговорить, равно как и ошибочные заключения Плеханова при оценке отдельных взглядов Чернышевского, хотя бы простыми ссылками на предыдущую статью Луначарского. Из текста Чернышевского даны: «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода» и «Русский человек на rendez-vous».

Книга о Добролюбове начинается статьей Лебедева-Полянского (из критико-биографической серии Гиза, 1926 г.). Выбор ее для сборника надо признать удачным, что об'ясняется историей возникновения статьи — написана она для аналогичного издания. В этой статье в довольно сжатой форме излагается биография Добролюбова, при чем, к сожалению, последним годам жизни критика уделено очень мало места. Хотелось бы в конце статьи иметь итоговую характеристику Добролюбова, указывающую на его место среди современников, и хотя бы самый краткий исторический фон, на котором протекала его деятельность. От этого весь очерк, несомненно, выиграл бы.

Следующая статья Воровского (из «Литературных очерков», 1923 г., стр. 16—69) немного добавляет предыдущую характеристику Добролюбова. В вопросе оценки принципиальных основ мировоззрения Добролюбова автор повторяет мысли Плеханова, однако при разборе «просветительства» он с Плехановым резко расходится. И в этом основное значение очерка. Показав органическую связь общественного значения литературы «естественным стремлениям», Воровский отмечает, что, по мнению Добролюбова, родство науки и искусства несомненно—мысль, как известно, упорно пугавшая Плеханова. Отмечая стройность мировоззрения Добролюбова и утопичность его, что было неизбежно в русских условиях 60-х годов, Воровский настойчиво подчеркивает, что Добролюбов был чужд позднейшему народничеству.

Статья Плеханова — «Добролюбов и Островский» (Соч., т. XXIV, 1927 г., стр. 37—62) также известна. Хочется только отметить, что в ней Плеханов упорно проводит свою излюбленную мысль о двух подходах у критика—эстетическом («как изображается истина жизни») и публицистическом («какая именно истина изображается»). Считая Добролюбова критиком-просветителем, Плеханов защищает его от нападений, обвиняющих его в тенденциозности и отсутствии эстетического чувства. В заключение он пытается это неизбежное зло об'яснить историческими условиями 60-х годов, когда цензура заставляла публициста быть критиком. Результатом именно этого было усиление элемента рассудочности в критических статьях Добролюбова, который, мельком роняет Плеханов, сильнее у Чернышевского и еще ярче проявился у Писарева. Как видим, все та же мысль—искусство не предписывает, а лишь об'ясняет. В этой статье также ценно указание на позицию Островского в литературно-общественных группировках его времени и верная динамическая оценка его работ у Добролюбова. В этой части статья Плеханова близко подводит читателя к помещенным ниже работам Добролюбова — «Темное царство», «Луч света в темном царстве» и «Что такое обломовщина».

Наименее удачен из трех отрывков выпуск, посвященный Писареву. В начале его дан отрывок из «Очерков из истории русской литературы» Е. Соловьева (Андреевича), 1923 г., 312—330. По сравнению с рассмотренными статьями этот отрывок производит неблагоприятное впечатление. В нем дан ряд недосказанных общих суждений, поспешных и неверных заключений, но в то же время нет общей оценки деятельности Писарева и совершенно неясны биографические вехи его жизни. Желая

ть общее представление о родоначальнике «нигилизма», автор дает крайне поверхностный очерк, в сущности ничего не уясняющий. Образ Писарева дан статично, вершенно не отмечены этапы его внутреннего бурного роста, не отмечается ясно большое общественное значение, какое выпало на долю Писарева, и совершенно выясненной остается связь эстетических воззрений критика с его общими взглядами, в частности общественно-политическими. Наконец, автор совсем обходит прос о классовой позиции Писарева,—в настоящее время одним упоминанием «барском» происхождении критика и переходе его затем в категорию разночинцев ойтись нельзя и надо было выяснить отношение его к основным движущим силам охи—крестьянству и элементам нарождающегося капитализма.

Помещенные затем 2 статьи Переверзева (из «Красной Нови» за 1926 г., № 6, «Печати и Революции» за 1926 г., № 7) пробелов первого очерка не восполняют. Бе эти работы производят впечатление этюдов, первоначальных набросков, что но и из слов автора, предлагающего пересмотреть неверную народническую оценку Писарева. Заостряя внимание читателя на этом вопросе, Переверзев, несомненно, ешит известной переоценкой Писарева и писаревщины, считая, что Писарев «не еньше, в, по нашему мнению, даже и больше, чем социалист Чернышевский, воспитывал и подготовлял умы революционных поколений к восприятию марксизма» тр. 67). К такому заключению автор приходит благодаря тому, что он совершенно пускает из виду общий образ и Чернышевского и Писарева, беря их вне времени, различия этапов их развития и конструируя схематичные образы их на основании сплошного анализа их работ разных периодов. При этом неизбежно должны были получиться неверные и выводы, сформулированные, однако, с большой категоричностью. В итоге необходимо сказать что, несомненно, интересные статьи Переверзева, кстати точно и упорно воспроизводящие мысль Плеханова о необходимости различения «изучающей» критики от «предписывающей» публицистики, полемически заостряющие образ Писарева, со спорными выводами, в сборнике для самообразования и школьной работы мало подходят и требуют многих пояснений и примечаний.

Последняя статья принадлежит Плеханову—«Белинский, Чернышевский и Писарев» (Соч., т. VI, стр. 349—359) и, несомненно, является прототипом работ Переверзева о Писареве со всеми их достоинствами и недостатками. Правда, Плеханов отмечает элементы классового анализа в области искусства у Чернышевского, в деятельности Писарева видит лишь логичное развертывание слабых сторон мировоззрения Чернышевского, приведшее его к отрицанию эстетики. В основе той мысли у Плеханова опять-таки лежит положение о вреде просветительства для критика, т.-е. о разграничении этих двух органически слитых элементов в мировоззрении просветителей-шестидесятников. «Разрушение эстетики» Писарева у Плеханова здесь освещено крайне схематично и никак не увязано с общим характером деятельности и Чернышевского и Писарева, в то время как об'яснить «отрицание эстетики» у последнего лишь только и возможно при учете его общественной позиции, заставившей его переоценить господствующие взгляды не только на «эстетизм», но и на Белинского с Чернышевским.

Как видим, ни один из трех авторов в сборнике о Писареве не дает сколько-нибудь полного образа критика. Статьи касаются или самых общих мест или останавливаются на отдельных проблемах, разрешаемых в порядке полемического заострения и близких к парадоксальности. Ясно, что при этом они ни в малой мере не уясняют помещенных ниже статей Писарева: «Реалисты», «Цветы невинного юмора», «Пушкин и Белинский».

Беглый обзор помещенных в 3-х выпусках статей, мне кажется, полностью подтверждает высказанные выше замечания о трудности подбора для издания «Никитинских субботников» руководящих марксистских статей из имеющейся уже литературы и самую острую необходимость для этой серии в большой редакторской работе. В тех случаях, когда для этой цели хоть сколько-нибудь подходящих работ нет,—надо итти по линии заказа специальных очерков, построенных на материале

марксистских исследований по частным вопросам, широко используя появившийся в последние годы большой интерес со стороны исследователей к эпохе 60-х годов. В частности, при повторных изданиях необходимо использовать интересную работу Кирпотина («Радикальный разночинец Д. И. Писарев»). Во-вторых, отдельных критиков одной эпохи необходимо подвергать сравнительной оценке, что удобнее всего делать в редакционной вступительной статье, потребность в которой в каждом выпуске самая настоятельная. В рассмотренных выпусках эту оценку должен делать сам читатель и на основании совершенно разноценных работ, данных по отдельным книгам серии, эта оценка будет сделана, несомненно, ошибочно. Наконец, надо обратить больше внимания на усиление аппарата примечаний к тексту статей и исправить имеющиеся в них неточности, отмечая попутно специфические выводы того или иного автора. Только при такой переработке можно будет рассчитывать, что крайне нужное и своевременное издание серии «Критики в марксистском освещении» даст желаемые результаты. В противном случае поставленные издательством задачи будут выполнены крайне неполно.

А. Нифонтов.

Теоретические проблемы современного естествознания.

(«Die Naturwissenschaften». Organ der Gesellschaft deutscher Naturforscher u. Arzte n. a. 1929. №№ 1—44). Январь—ноябрь).

Богатое содержание журнала «Die Naturwissenschaften» за рассматриваемый период можно подразделить на следующие отделы:

1. Статьи общетеоретического и философского характера.
2. Статьи, сообщения, отчеты, заметки из всех областей естествознания.
3. Обзоры научной работы выдающихся представителей естественных наук.
4. Рецензии и рефераты книг по естествознанию.

Из всего этого содержания остановим внимание на наиболее важных статьях общетеоретического характера, представляющих интерес не только для естественников, но также и для лиц, работающих в других областях научного знания и научной философии.

Известный теоретик в области волновой механики—Э. Шредингер в статье «Что такое закон природы» подвергает рассмотрению проблему закона природы. В результате борьбы человека с природой, путем наблюдения постоянной, повторяющейся связи между определенными явлениями, человек приходит к представлению о всеобщей необходимой связи явлений. Полученное из опыта, это обобщение выходит за границы непосредственного опыта и превращается в общий постулат, который может быть сформулирован как принцип причинности следующим образом: всякое явление природы определяется абсолютно и количественно совокупностью обстоятельств или физических условий, сопровождающих его возникновение. Казалось бы, говорит автор, в отношении этого закона нет никаких неясностей и поводов к сомнениям. И все же, утверждает он, физическое исследование в последние 4—5 десятилетий с полной убедительностью доказывает, что по меньшей мере в подавляющем большинстве явлений, правильная повторяемость которых привела к образованию постулата всеобщей причинности, общим корнем наблюдаемой строгой закономерности оказывается — с л у ч а й.

При всяком физическом явлении, в котором мы открываем закономерность, обнаруживают свое действие бесчисленные тысячи и миллиарды отдельных атомов и молекул; даже в том случае, когда физик наблюдает действие отдельного атома, в действительности наблюдаемый эффект определяется взаимодействием этого отдельного атома с тысячью других атомов. И вот, по отношению, если не всех, то громадного числа явлений удалось установить, что наблюдаемая закономерность полностью и без остатка определяется взаимодействием невероятно-огромного числа единичных молекулярных процессов. Будет ли этот единичный молекулярный

процесс обладать своей собственной строгой закономерностью или нет—безразлично. Эта единичная закономерность не входит в конечный результат. Напротив, она скорее стушевывается в этом результате. Единственно доступные нашему наблюдению средние величины, относящиеся к миллионам отдельных процессов, обнаруживают свою собственную, чисто-статистическую закономерность, которая обнаружилась бы и в том случае, если бы каждый единичный процесс был обусловлен таким действием, как бросание кости, игра в рулетку, вынимание шара из урны и т. п.

Простейшим и убедительнейшим примером статистического понимания законов природы является кинетическая теория газов. Все так называемые законы состояния газов, зависимость давления от температуры и об'ема, а также и другие свойства настоящих газов, как трение, теплопроводность, диффузия, могут быть выведены чисто-статистически из совершенно беспорядочного столкновения молекул. Правда, при всех этих вычислениях предполагается, что каждое отдельное событие столкновение двух молекул, подчиняется законам механики. Однако, говорит Шредингер, это совершенно не является безусловной необходимостью. Можно было предположить, что при этих единичных процессах происходит равновероятная прибыль или убыль энергии или импульса таким образом, что средняя величина весьма большого количества столкновений остается постоянной.

Путем таких соображений, ссылаясь, кроме того, на ряд известных явлений, как Броуновское движение, распад радиоактивных веществ, статистический характер 2-го начала термодинамики и т. д., автор приходит к выводу, что законы природы имеют статистический характер. Если все наблюдаемые нами явления, продолжает автор, подчинены статистической закономерности, то имеем ли мы основание утверждать, что в мире молекул царит абсолютная причинность. Можно ли допустить такую двойственность законов природы. Каузальное понимание природы есть результат тысячелетиями складывавшихся навыков мышления. Вполне допустимо акаузальное понимание природы.

Развивая далее мысль о допустимости акаузальной картины природы, Шредингер идет по пути феноменализма и физического прагматизма, утверждая, что законы природы суть лишь удобные и целесообразные формы мышления, которые мы применяем при изучении природы. «В этом вопросе,—говорит он в своей вступительной академической речи («Die Naturwissencschaften» № 37),—дело идет не о решении действительных свойств противостоящей нам природы, а лишь о целесообразности и удобстве той установки нашего мышления, какое мы применяем в отношении природы».

Было бы неуместно говорить об «истинности» или «ложности» эвклидовой или неэвклидовой геометрии, продолжает автор, ссылаясь на Пуанкаре, а правильно было говорить об удобстве или неудобстве применения той или иной системы геометрии. «Подобным же образом могло бы обстоять дело с постулатом неукоснимой каузальности».

Это выступление Шредингера встретило горячую отповедь со стороны известного физика М. Планка («Die Naturwissenschaften» № 37), который высказал убеждение, что отказ от закона причинности повлек бы роковые последствия не только для физики, но и далеко за ее пределами.

Кризис современной теоретической физики, говорит Планк, не может быть ликвидирован путем отказа от закона причинности. Причина этого кризиса, согласно представления Планка, лежит в необоснованной предпосылке относительно возможности экспериментально воспроизвести все условия, которые причинно определяют какое-либо явление, с неограниченной принципиально степенью точности. Подтверждение этого положения Планк видит в успехах волновой теории материи.

Усиление акаузального течения в физике вызвало решительные возражения со стороны известного представителя неопозитивизма, недавно умершего Иосифа Петцольда («Die Naturwissenschaften» № 3). Петцольд выдвигает положение, что

вероятность и статистическая закономерность были бы вообще невозможны без однозначной определенности всего происходящего в природе. В понятии вероятности какого-либо явления природы implicite включается и понятие об однозначности этих явлений.

Скептическое отношение к закону причинности ни в какой мере, говорит Петцольд, не способствует успехам физики. Релятивистская позиция Петцольда сказывается в его допущении, что мир в общем хаотичен и лишь теперь на кратком протяжении человеческой истории обнаруживает черты закономерного порядка.

Значительная по размерам и богатая интересным содержанием речь представителя теоретической физики Макса Борна «О смысле физических теорий» в Геттингенском научном обществе («Die Naturwissenschaften» № 7) посвящена вопросу о диалектическом развитии физических теорий путем борьбы противоположных теорий и примирения противоположностей в высшем синтезе. Сам Борн, как это обычно и у других представителей стихийной диалектики, нигде не пользуется терминами диалектики; а тем более не применяет сознательно диалектического метода. Тем не менее, он на каждом шагу дает подтверждение диалектического характера развития науки.

Автор прежде всего отмечает поразительное противоречие между успехами экспериментального исследования природы, непрерывным ростом, накоплением и углублением знаний о природе и, с другой стороны, наступающими время от времени кризисами теоретических представлений, «потрясениями в области основных понятий физики, подлинными революциями в мире понятий».

В качестве примера таких теоретических переворотов автор приводит смену представлений о мире на протяжении истории человечества. Сначала господствует представление о земле, как неподвижном центре мира; оно сменяется коперниковской системой мира, согласно которой солнце оказывается центральным светилом, земле же отводится подчиненная роль в ряду многочисленных других спутников центрального небесного тела. Начало нового времени отмечено ньютоновской теорией всемирного тяготения. В наше время она полностью опрокидывается эйнштейновской гравитационной теорией, отвергающей действие на расстоянии. Подобным образом обстоит дело в оптике со сменой корпускулярной теории Ньютона волновой теорией Гюйгенса, в двадцатом же столетии происходит новая смена воззрений, при чем в теории квант как бы снова возрождается корпускулярная теория света. В учении об электричестве и магнетизме происходит революционный переворот в середине прошлого столетия, в результате чего представление о действии на расстоянии сменяется идеей непрерывной передачи силы через эфир. Глубокая проблема о строении материи также дает картину борьбы противоположных представлений, атомистического, прерывного, с другой стороны представления о непрерывной структуре. Хотя, повидимому, в настоящее время вопрос решается в пользу первого представления, но в этом вопросе мы находимся еще в центре радикальнейших переворотов в мире физических понятий, подлинной революции физических представлений, связанной с теорией квант.

Это постоянное возникновение, рост, укрепление и падение физических теорий ставит перед нами вопрос, в чем же в таком случае заключается ценность теорий.

Обращаясь к истории возникновения наук и анализируя процесс формирования научной методологии, автор приходит к выводу, что в основе всех научных представлений лежит потребность людей верить в реальный, независимый от человека, устойчивый внешний мир. Характерным признаком этой об'ективной реальности вещей является подчинение их общей физико-геометрической закономерности. Вера в реальность наивного примитивного человека, говорит он, в основе то же самое, что и уверенность естествоиспытателя в реальности мира. «Действительность, являющаяся предметом исследования естествоиспытателя, не есть дей-

вительность чувственных восприятий, ощущений или идей, короче: не есть действительность суб'ективного переживания. Это действительность вещей, об'ектов, торые являются субстратом чувственных восприятий. Поэтому смысл всех теорий основе заключается в познании об'ективной реальности мира: «Все революции физике... суть ступени к построению об'ективного мира, который связывает одно свободное от противоречий единство макрокосм небесных тел, микрокосм омов с космосом предметов повседневной жизни».

Все эти соображения Борна, несмотря на некоторые отступления и колебания автора, с несомненностью доказывают, что он, как и подавляющее большинство естествоиспытателей в вопросе о реальности внешнего мира, стоит на стихийно материалистической точке зрения. Сам он предпочитает называть эту очку зрения эмпирическим реализмом, обнаруживая столь же стихийное нерасположение к материализму идеологического представителя буржуазного строя.

Другая интересная и важная особенность его рассуждений—это стихийная налектика, отмеченная В. И. Лениным как тенденция всей современной физики. собенно ярко выступает эта бессознательная диалектичность в четком противопоставлении противоположных теорий физике, прерывности и непрерывности строении материи и света. С одной стороны, говорит он, не подлежит сомнению, то свет состоит из частичек, с другой стороны, столь же несомненно, что подверждается замечательными успехами экспериментальной физики—он имеет волновую природу. Одновременное существование частиц и волн, одновременная принадлежность к двум этим категориям, непредставима, недоступна непосредственному воззрению и все же она реальна, что доказывают бесчисленные, строго проеренные эксперименты. Пытаясь разрешить это противоречие, физик, не применяющий сознательно диалектики, неизбежно покидает материалистическую почву. орн думает разрешить указанное противоречие путем отказа от закона причинности. Если приписать волне функцию вероятности и отказаться от попыток точного определения положения и движения отдельных световых частиц—тогда исчезает противоречие между корпускулярной и волновой теорией света.

Что же приводит автора статьи к отказу от основного закона об'ективной действительности. Это устанавливаемый им на основе новейших открытий физики области строения материи закон ограниченной измеримости микрокосмических явлений.

Сущность этого закона заключается в следующем: всякая экстенсивная величина (части пространства и времени) связана с некоторой интенсивной величиной скорость, энергия) таким образом: чем точнее определена одна, ~~тем менее точно~~ определяется другая. Оказывается, что произведение «интервалов точности» двух аких взаимно-связанных величин как раз и представляет собой планковскую константу (отношение между квантом энергии и числом колебаний поглощаемого или осылаемого света). В этом и заключается таинственный доселе смысл этой физической постоянной величины: она представляет собой абсолютную границу очности всех измерений.

Поэтому, рассуждает автор, есть полная возможность примирить выводы еории квант с результатами наблюдений, однако при одном условии. Именно, адо отказаться от строго каузального описания явлений атомного мира, заменив го статистическим об'яснением. Причина этого—в существовании абсолютной границы точности измерений. «Если,—продолжает он далее,—принципиально невозможно установить все условия (причины) какого-либо явления, то было пустой олтовней говорить, что каждое событие обусловлено своей причиной».

Таким образом, Борн приходит к выводу о необходимости «принести в жертву» принцип причинности, чтобы стало возможным привести к высшему единству ва одинаково законных представления о строении материи (корпускулярное и олновое).

В этих рассуждениях Борна кроется следующая методологическая погрешность. Если при данном состоянии физических методов исследования существует «абсолютная» граница точности измерений, то отсюда никак не следует, что эта граница не может быть отодвинута с дальнейшим усовершенствованием методов исследования. (Вспомним, что через сравнительно небольшой промежуток времени после установления теоретически границы видимости микроскопических частиц был открыт ультрамикроскоп, который эту границу передвинул на значительное расстояние).

То обстоятельство, что экспериментальное исследование пути электрона изменяет этот путь, не говорит еще против того, что нельзя учесть меру этого влияния и таким образом притти к точному выводу относительно действительного движения электрона.

Наконец, что в методологическом отношении является самым важным, разрешение противоречия между динамической и статистической закономерностью возможно не путем устранения одного из членов этой противоположности, а путем открытия их взаимной связи и переходов одной в другую. В этом и состоит методологическая проблема, которая ждет своего разрешения, возможного лишь на путях материалистической диалектики.

* * *

К вопросу о кризисе «действительности», поставленному К. Рицлером [1]), возвращается Л. Флек [2]), который рассматривает этот вопрос как теоретико-познавательную и методологическую проблему.

Новая постановка вопроса заключается в том, что познание явления не должно исходить в абсолютном отрыве от самого явления: «Познание,—говорит автор,—не представляет собой ни пассивного созерцания, ни отыскания единственно-возможного воззрения на нечто данное в законченном виде. Оно представляет собой деятельное живое взаимоотношение и взаимопреобразование, короче деятельность. Ни «суб'екту», ни «об'екту» не может быть приписана самостоятельная реальность, всякое существование покоится на взаимодействии и является относительным» [3]).

Здесь мы видим и постановку проблем и ее разрешение в духе эмпириокритицизма. Для нас представляет интерес тот факт, что новая постановка проблемы взаимодействии между суб'ектом и об'ектом вызвана усовершенствованием физических методов исследования.

«Квантовый постулат,—говорит Борн [4]),—означает, что всякое наблюдение атомных явлений предполагает ощутимое взаимодействие его с измерительными приемами и что, таким образом, ни явлениям, ни средствам наблюдения не может быть приписана самостоятельная физическая реальность в обычном смысле».

Так как такое взаимодействие существует всегда, то автор статьи приходит к выводу, что «наблюдение, познание есть всегда осязание, следовательно, буквально преобразование предмета познания».

Все методологические затруднения, вытекающие из новых фактов, приводят автора к выводу о недостаточности существующих приемов мышления. Он говорит о необходимости отказаться от «закона противоречия» и считает, что «наша логика во всяком случае должна быть преобразована».

---

[1]) «Die Naturwissenschaften» 1928, № 37/38.
[2]) Там же, 1929, № 23.
[3]) Там же.
[4]) Там же, 1928, № 15.

Все приаеденные аыше высказывания свидетельстауют о том, что современное развитие естествознания приводит к кризису старых приемов и методов мышления и ставит проблему преобразования формальиой логики и преодоление ее диалектикой. Во-аторых, что такое преобразоаание должно пойти по пути материалистического поиимания мира, так как а противиом случае естествоиспытатель не будет а состоянии выбраться из трясины релятивизма и суб'ективного идеализма.

В. Познер.

«Die Naturwissenschaften» №№ 50 и 51 за 1929 год.

В етих двух номерах журиала «Die Naturwissenschaften», заключающих собою истекший год, заслуживает внимания большая статья профессора пражского университета Филиппа Франка. Статья иосит название: «Какое значение имеют для общей теории познания современные физические теории?».

Франк уже не первый раз в рецеизируемом журиале аыступает по вопросам философии естествознания. В 1917 году по поводу смерти Маха он опубликовал статью «Значение физической теории познания для духовиой жизни современности»; в 1928 году он написал статью «О иаглядности физических теорий».

Занятие Франка философией естестаознания не есть нечто случайное. Наоборот, он себя считает наместником самого Э. Маха на махистской кафедре Пражского университета и настойчиво продолжает дело Маха. Для нас выступления Франка имеют еще то значение, что он один из тех, кто в связи с распространением сочинения Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» а печати выступает против диалектического материализма, представляемого Лениным.

Что же проповедует достопочтеный профессор Филипп Франк?

В рецензируемой статье он прежде всего задает вопрос, как же отвечают физики на вопрос, поставленный им в заголовке статьи? Почему столь многие физики утверждают, что величайшие перевороты а физических теориях не в состоянии преобразовать основы общего учения о теории познания?

Ответ на эти вопросы, даааемый Франком, чрезвычайио интересен, так как он выбалтывает некоторые из тайи, о которых не любят откровенно говорить. Еще в статье 1928 года он сделал одно из таких разоблачений: «Как добросовестные специалисты в области физики,—писал он там,—они считают за свой долг не мешать философам а их области и принимают преподающиеся в наших университетах идеалистические системы, как доказанные факты, с которыми нужно остерегаться попадать в конфликт» (Разрядка моя *А. М.*[1]).

Этим об'ясняется то, почему иекоторая группа ученых устраняется от философского рассмотрения современных физических теорий. Другая же группа устраняется потому, что она полагает себя свободной вообще от алияния какой бы то ни было философии. Мы-де, мол, чистые физики и к философии никакого касательства не имеем.

Франк разоблачает смысл и этого второго течения. «Но если теперь действительно посмотреть,—пишет он,—как относятся физики к современным теориям, то найдем, что, чем менее они имеют обыкиовение раздумывать о философских вопросах, тем более они полны традициями школьной философии»[2]). Эти традиционные взгляды, по Франку, впитываются физиками иезаметно а процессе их обучения на различных ступеиях его, где эти азгляды крепко укоренились, и представляют из себя ие что иное, как мироаоззрение школьной философии.

Все эти замечания Франка очень ценны, так как они вскрывают, что нет ученых, чуждых философской партийности, что эта партийная принадлежность

---

[1]) «Die Naturwissenschaften», 1928, H. 8, S. 125.

[2]) Ibidem, 1929, H. 50, S. 974.

вырабатывается незаметно в ходе учебы и жизни современного классового общества. Но было бы наивно думать, что Франк делает эти разоблачения для того, чтобы действительно выступить против буржуазной школьной философии. На самом деле все его усилия сводятся к тому, чтобы показать, что одно из течений этой школьной философии есть «научное мировоззрение», чуждое якобы каких-либо недостатков, ведущее науку к освобождению от всех традиционных, консервативных философских взглядов.

Для Франка существует «школьная философия», над которой он издевается и которой якобы желает наискорейшей гибели, и философия «научного мировоззрения», певцом которой и является Филипп Франк.

В чем прегрешения «школьной философии», против которых воюет Франк? Эти прегрешения заключаются по Франку в том, что школьная философия признает кроме мира ощущений еще что-то, приближением к чему или отражением чего может являться наше познание. При этом огульном обвинении школьной философии Франк не особенно утруждает себя разбором тех систем философии, против которых он воюет. Он сваливает в одну кучу и материализм и идеализм. Для него ничто непримиримая их противоположность, ничто их многовековая борьба. Для него достаточно заявления, что оба эти философские течения представляют давно уже отжившую «школьную философию». На смену школьной философии идет «научное мировоззрение».

Что же это за мировоззрение? Оказывается—это старый наш знакомец махизм и его современные проповедники на университетских кафедрах: сам Франк, венский профессор М. Шлик, мюнхенский Г. Динглер, берлинский Райхенбах и, естественно, как непосредственные обоснователи «научного» мировоззрения помимо самого Маха—Пуанкарэ, Джемс, Бергсон, Рёссель и др. Таким образом прокламируемое новое научное мировоззрение оказывается не чем иным, как ветвью той самой школьной философии, против которой якобы Франк ополчается. Более того, Франк, заявляя, что он борется против идеализма и материализма, в действительности борется лишь против материализма за идеализм.

Какие же доводы выдвигает Франк против так односторонне понимаемой школьной философии?

Это доводы прежде всего самого основоположника махизма. «Его основное воззрение заключалось в том,—пишет Франк,—что все законы физики суть законы связи чувственных восприятий, следовательно, законы, которые высказывают нечто о конкретных переживаниях. Все понятия, как атом, энергия, сила, материя, суть по Маху только вспомогательные понятия, которые позволяют высказывания о чувственных восприятиях выразить в более простой и обозримой форме, чем это можно было бы формулировать непосредственно как высказывания об ощущениях. Вместе с этим теряют их смысл и все вопросы о сущности силы, материи и т. д. Ибо можно эти понятия элиминировать из всех физических высказываний и оставить только высказывания о конкретных переживаниях»[1]).

Итак, доводы, которыми оперирует Франк, не что иное, как доводы суб'ективного идеализма.

Однако этих доводов в форме данной Махом по Франку недостаточно. Махизм, по его мнению, в своей первоначальной форме неудовлетворяет в достаточной степени математических физиков, махизму недостает точности, применимости к математическим вопросам. Поэтому Франк видит развитие махизма в работах Пуанкарэ, Ресселя, Шлика и др. Особенно большие заслуги в этом отношении Франк приписывает Шлику.

О каком-нибудь соответствии научных представлений изучаемой действительности по Шлику не может быть и речи, так как не может быть никакого сходства между суждением и тем предметным отношением, о котором идет суждение.

---

[1]) Ibidem, 1929, H. 50, S. 975.

Вся суть науки заключается лишь в установлении однозначного соответствия между нашими переживаниями и теми символами их (масса, напряжение поля и т. д. и т. д.), которые мы создаем. При этом ничего научного нет в утаерждении, что определенным симаолам переживаний соответстаует еще что-то, помимо переживаний. Прогресс науки заключается в выборе наипростейших симаолоа и а все большем соот- этими символами наших эмпирических данных. Но так же, как не необходимо говорить об иррациональном числе как пределе сходящегося ряда рациональных чисел, так же нет никакой необходимости говорить, что накаплиаающаяся совокупность наших знаний о природе приближает нас к какой-то действительности существующей вне нас. В сходящемся ряде рациональных чисел мы остаемся в пределах операций с этими числами, не выходя за них, так же и в операциях с переживаниями мы не выходим за их пределы.

Мы не имеем возможности здесь рассматривать подробнее не только взгляды Шлика, как он их изложил в своем известном курсе теории познания, но и на ту трактоаке, которую этой теории познания дает Франк. Для нас достаточно констатировать, что прогресс махизма Франк видит в разработке логических и математических проблем с точки зрения махизма, сделанной указанными уже нами авторами.

Из приведенного ясно, что, когда Франк якобы аоюет против идеализма, он воюет с точки зрения суб'ективного идеализма против идеализма об'ективного; это лишь война одной формы более последовательного идеализма против другой его менее последоаательной формы. Но такая аойна протиа идеализма есть в сущности защита идеализма и ничем иным кроме его защиты быть не может. Так оно и есть в действительности в статьях Ф. Франка.

Действительно, кроме немногих слоа о том, что идеализм якобы для него неприемлем, никакой критики идеализма нет. Да и как может идеалист Франк бороться против идеализма? Зато протиа материализма он борется из всех сил и этой борьбой и заполнены все его статьи.

Однако эта борьба против материализма весьма саоеобразна и типична для буржуазного ученого. С чрезычайным самомнением и с столь же большим невежеством судит Франк о материализме. Он не удосужился хоть сколько-нибудь изучить соаременный материализм. Он даже не удосужился хоть что-нибудь противопоставить убийственным доводам Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме», направленным против махизма и суб'ективиого идеализма вообще. Для Франка заранее известно, что материализм якобы не выдерживает критики. Н ничего кроме невежества он при этом не обнаружиаает.

Материализм для него это грубый механический материализм. Но, борясь с этим материализмом, Франк борется с материализмом аообще, так как для Франка неприемлема вообще материалистическая точка зрения об об'ективном, независимом от нас существовании мира, об об'ектиаиости пространства и времени, причинности и т. д. Причисляя Ленина к категории механистических материалистов, Франк не только обнаруживает свое невежество и неумение отличить диалектический материализм от механического, но и общую свою враждебность к материализму. Любопытно, что в статье 1928 г. Франк, возражая против Ленина, нашел пару слов в пользу французского материализма XVIII века. Но что он нашел там приемлемого? Оказыаается, это—математическое изображение всего происходящего в природе [1]). Таким образом слабая сторона французского материализма XVIII века в устах махиста делается доводом протиа материализма. Отсюда уже видно, что Франк обращен своим лицом не к будущему, а к далекому прошлому.

Отсюда реакционность писаний Франка. Он не только настраивает за границей молодежь протиа писаний Ленииа, не только организует идеалистический лагерь против материализма, но он борется вообще против науки и ее основ—диалек-

[1]) Ibidem, 1928, H. 8, S. 127.

риалистической теории познания, материалистического понимания пространства, времени, причинности и т. д.

В заключение считаем нужным отметить, что Франк нашел, хотя и в форме специальной статьи, доступ и к советскому читателю. Им написаны статья «Волны» (т. XII) и статья «Гидромеханика» (т. XVI) в Большой Советской Энциклопедии. Даже если бы в первой из этих статей не было отрыжек махизма (а они есть), то и тогда, по нашему мнению, в советском издании не должно было бы быть места для духовного наследника Маха, реакционность философии которого была так блестяще вскрыта Лениным. Нам незачем популяризировать борющихся против нас философских противников. Наоборот, нам нужно с ними решительно бороться.

А. М.

Ответственный редактор **А. М. Деборин.**

Редакционная коллегия: **А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.**

Главлит № А—49492. Москва. Тираж 8.200 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.